КП
130
А 72

Д. АНТОШКИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

ПОСОБИЕ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ И КУРСОВ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ

Третье, исправленное
и дополненное
издание

Издательство ВЦСПС Москва
1925

КП
130
А 72

Д. АНТОШКИН

331.88(47)(02)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Пособие для самообразования и курсов
по профессиональному движению

Третье издание

509.06/80
Инв №.....

Издательство ВЦСПС Москва
1925

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

Главлит № 31.210. Тираж 10.000 экз.

Тип. РИО ВЦСПС. Москва, пл. им. Ногина, 4-й д. Союзов.

Введение.

Профессиональные союзы — высшая форма экономической организации пролетариата в капиталистическом обществе, а вместе с политической партией пролетариата и под ее руководством профессиональные союзы являются могучим орудием классовой борьбы в ее наиболее полном об'еме — за свержение капитализма, за диктатуру пролетариата.

Хорошо организованные профессиональные союзы и в эпоху диктатуры пролетариата, будучи основной ее базой, могут и должны сыграть огромную роль в деле организации общества на новых, социалистических началах — без угнетения одного класса другим.

Экономическая борьба рабочих в той или иной форме наблюдается всюду, где появляются рабочие и хозяева, продавцы и покупатели рабочей силы, во всяком обществе, в котором применяется наемный труд. В основе этой борьбы лежит эксплоатация наемного труда: присвоение нанимателем большей или меньшей части продукта труда рабочего бесплатно, т.-е. такая система заработной платы, при которой стоимость затраченного рабочим труда не оплачивается полностью и результаты этого неоплаченного труда присваиваются покупателем рабочей силы — хозяином, капиталистом.

В начале появления промышленности экономическая борьба рабочих большей частью происходит неорганизованно, стихийно. Организаций, регулирующих эту борьбу, не существует. Только по мере развития промышленности и роста рабочего класса начинают появляться организации, берущие в свои руки руководство выступлениями рабочих против хозяев, и, наконец, — в разных странах в различные периоды, — появляются профессиональные союзы, как организации классовой борьбы рабочих против капиталистов.

Необходимым условием появления и развития профессионального движения является наличие и развитие крупной промышленности, на основе которой растет и развивается рабочий класс, формируется его классовое самосознание. Пока пролетариат не осознал себя, как класс, который противостоит классу капиталистов, а не только отдельным капиталистам, до тех пор нет классовой борьбы против капитализма в целом, следовательно— нет и организаций классовой борьбы. Разрозненные организации рабочих, не связанные между собой в той или иной степени и форме, которые возникали на заре капитализма и в эпоху его первоначального накопления, не были организациями классовой борьбы, и профессиональных союзов в этом смысле не существовало.

Только с развитием крупной промышленности, становящейся основой народного хозяйства данной страны, пролетариат оформляется в класс, который осознает свои интересы и их противоположность интересам капиталистов. С этого момента создаются все необходимые предпосылки для классовой борьбы рабочих против капитализма.

Начало классовой борьбы определяет собой возникновение рабочих организаций классового характера — политической партии и профессиональных союзов. Первоначальное появление той или иной формы классовой организации рабочих, — политической партии или профессиональных союзов, — а также преобладание одной из этих формы над другой в разных капиталистических странах находится в зависимости от всех наличных и прошлых условий классовой борьбы; эти условия, в свою очередь, определяются как характером предыдущего развития, так и состоянием в данный момент народного хозяйства определенной страны и его положением на мировом рынке.

Поэтому, при изучении истории профессионального движения, безусловно необходимо представить себе общую картину хозяйственного развития, на фоне которой развертывается классовая борьба рабочих.

Российское профессиональное движение прошлых лет, неразрывно связанное с рабочим движением в целом, имеет в истории последнего большое значение. Изучать его развитие важно и необходимо, чтобы более отчетливо уяснить и понять значение современного профессионального движения в СССР и яснее представить себе его основные тенденции и общие перспективы.

Изучение исторического развития нашего профессионального движения, изменений его задач, форм организации и методов деятельности в различные исторические периоды, а также причин его успехов и поражений должно опираться на предварительное ознакомление, хотя бы в общих чертах, с развитием капитализма и рабочего движения в России. Степень развития промышленности, ее роль в народном хозяйстве и ее формы являются основой, на которой развивается рабочее движение в целом. Состояние промышленности, условия рабочего движения и — определяемый ими—его характер формулирует на данный момент задачи профессионального движения, а все это, взятое вместе, обусловливает организационные формы профессиональных союзов и методы их практической деятельности.

От того или иного состояния промышленности и условий, в которых протекает классовая борьба рабочих, зависят успехи или неуспехи и профессионального движения, являющегося определенной формой пролетарской классовой борьбы.

Хозяйственное развитие России.

I. Промышленность в крепостной России.

I.

Зародыши фабрично-заводской промышленности в России становятся заметными уже с XVI и XVII столетий. Эти зачатки крупной промышленности начали развиваться в значительной степени под влиянием военных нужд: зависимость в военном снаряжении от иностранного привоза оказывалась все более и более неудобной. Потребностями военного характера и об'ясняется тот факт, что крупная промышленность в XVII и XVIII веках занимала значительное место в области добычи и обработки металлов (уральские рудники, пушечные и оружейные заводы).

В XVII веке в этих отраслях русской промышленности господствовали иностранцы в качестве предпринимателей и обученных мастеров. Предприятия иностранцев, по существу, были школой для русских людей. В качестве обученных мастеров и техников иностранцы долго играли главную роль в развивающейся русской промышленности. Позже промышленные предприятия охотно основывались русскими торговыми людьми и помещиками.

В XVIII и особенно в XIX веке промышленность из едва заметных зародышей превращается в факт большого экономического значения, не являясь еще, правда, господствующим фактором экономики того времени: таковым попрежнему оставались сельское хозяйство и торговля.

К концу XVIII в. денежное хозяйство торжествует не только в городе, но и в деревне. Натуральное хозяйство все больше и больше отступает на задний план, уступая место товарно-денежным отношениям. Внутренняя и внешняя торговля достигают широких размеров по масштабу того времени и целый ряд препятствий и запрещений, мешавших развитию торговых сношений,

правительство принуждено было отменить, как, например, внутренние таможни, запрещение свободного вывоза хлеба за границу и т. д. Накоплявшийся торговый капитал уже не мог ограничиваться приложением только в торговле. Он ищет выхода для излишков, которые не могли быть вложены в торговлю, и начинает обосновываться в промышленности.

В XVIII веке торговый капитал служил основным базисом для развития крупной промышленности; в этом деле правительство, и само занимавшееся организацией крупных предприятий, обслуживавших по преимуществу нужды военного ведомства, и о п и р а л о с ь на торговый капитал и у с т у п а л о его напору.

Еще при Петре I организованные государством предприятия стали передаваться частным лицам, крупным купцам, компаниям и помещикам. Для тогдашнего государства оказалось невыгодным вести дела промышленных предприятий при помощи своего чиновничьего аппарата.

Перестав заниматься организацией промышленных предприятий, правительство было заинтересовано, чтобы промышленность развивалась, так как этого требовали государственные интересы страны. С целью вызвать интерес к фабричной промышленности среди торговых людей, обладавших денежными средствами, правительство начинает применять поощрительные и покровительственные меры, вводя различные льготы для частных предпринимателей. Идя навстречу домогательствам торговых людей, правительство указом 1721 года разрешило им покупать деревни с крестьянами, расположенными в районе их заводов.

И купцы охотно вкладывали свои капиталы в промышленность, открывая одно за другим новые предприятия.

В первой половине XVIII века купеческие (посессионные) фабрики имели преобладающее значение. Во второй половине того же века положение изменилось, и первое место заняли дворянские, помещичьи фабрики. Вместе с тем, становится заметной в промышленной жизни России XVIII века и крестьянская фабрика. Товарно-денежная форма хозяйства произвела уже значительные изменения в отношении крепостной России. Отпуск помещиками своих крестьян на оброк, указы правительства о разрешении крестьянам заниматься торговлей вызваны именно этими изменениями. Помещику выгоднее стало отпускать часть крестьян на оброк, чем пользоваться их малопроизводительным трудом в сельском хозяйстве. К тому же это соответствовало потребности по-

мещика в деньгах. Отношения, основанные на натуральном хозяйстве, становились стеснительными.

Практика оброка и крестьянская торговля — в условиях развивавшегося денежного хозяйства — вызвали три значительных в экономической жизни факта: 1) быстрый рост ремесленного пролетариата в городах, 2) приток вольнонаемных рабочих на фабрики и заводы и 3) накопление денежных капиталов у крестьян, занимавшихся торговлей. Последний факт имел непосредственное значение в двух направлениях: 1) вызвал процесс расслоения крестьянства как в крепостной деревне, так и в деревне государственных крестьян, обусловивший обезземеление части крестьян уже в ту эпоху; 2) накопленные крестьянами денежные средства использовывались ими не только для расширения торговых оборотов и своего сельского хозяйства, но и для организации фабричных предприятий (по преимуществу текстильных фабрик).

В цифрах фабричная промышленность в крепостной России представляется в следующем виде [1]):

Годы	Число фабрик	Число рабочих	Приходилось рабочих в среднем на одну фабрику
1761	200	7.839	39
1780	478	27.450	57,5
1804	2.423	95.262	39
1825	5.261	210.560	40
1854	9.444	459.637	48,5

По данным «Сборника сведений и материалов по ведомству министерства финансов» (т. II, СПБ, 1865 г.) [2]), мы имеем такие цифры:

Годы	Число фабрик	Число рабочих
К концу царствов. Екатерины II	3.129	—
1812	2.332	119.093
1825	5.257	210.128
1854	9.944	459.637
1860	14.135	539.486 (в среднем 38 на одну фабрику).

[1]) А. Семенов. „Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности". СПБ. 1869 (заимствовано у М Балабанова „Очерки по истории рабочего класса в России", изд. 2-е „Сарабкоп" 1924 г. ч I, стр. 171).

[2]) Заимствовано там же.

На отдельных мануфактурах петровского времени насчитывалось по 700, 800 и 1.000 рабочих.

Большинство предприятий, возникавших в XVIII веке, были недолговечны: они распадались, исчезали. Отчасти это об'ясняется тем, что многие предприятия носили спекулятивный характер. Главная же причина заключалась в том, что крупное производство того времени не было машинным, а являлось ручным производством: фабрик в современном значении не было (если не считать одного машиностроительного завода, возникшего в XVIII веке), а были мануфактуры, преимущество которых перед домашним производством было сравнительно невелико. И поэтому фабричное производство легко заменялось кустарным. В частности, широко была распространена децентрализованная фабрика с раздачей работы крестьянам на дом [1]).

Вышеприведенные данные показывают, что рост фабричной промышленности в первую половину XIX века шел быстрее, чем в XVIII веке.

Особенно сильно росло хлопчатобумажное производство — под влиянием прекращения ввоза английских товаров, вследствие континентальной блокады, об'явленной Наполеоном I. Хлопок же попадал в Россию из Америки, откуда ввоз блокадой не воспрещался. При таких условиях и наличии расширявшегося внутреннего рынка текстильная промышленность развилась до значительных размеров.

За 50 лет XIX века количество перерабатываемого хлопка повысилось в 16 раз. В 1850 году одних суконных фабрик насчитывалось 492. Выплавка чугуна за то же время поднялась с 8 милл. до 16 милл. пудов.

Важнейшим фактором развития русской промышленности XIX века является то, что ручной труд стал заменяться машинным, место мануфактуры стала занимать доподлинная фабрика. Правда, в первой половине века механизация фабрично-заводского производства шла медленно. Появление этого важного фактора обусловливалось тем, что рост денежного хозяйства, все глубже захватывавший деревню, расширяя рынок для промышленности, вызывал необходимость усиления производительности труда. Эта необходимость делала неизбежным усовершенствование способов

---

1) Балабанов. „Очерки", ч. I, стр. 22 – 23.

производства, т.-е. введение машин, что, в свою очередь, оказало большое влияние на весь социально-экономический строй России, подготовив условия для падения крепостного строя.

2.

В XVIII веке, как на помещичьих, так и на посессионных фабриках, преобладал принудительный труд. На фабриках и заводах работали и осужденные за различные проступки, и нищие, и «убогие люди», и солдатские дети. Помещики для работы на своих фабриках пользовались преимущественно трудом крепостных крестьян.

Посессионные фабрики и заводы в большей степени пользовались вольнонаемным трудом, чем помещичьи, даже и после данного им разрешения покупать деревни с крестьянами. Правда, фабриканты и заводчики широко практиковали закрепощение и вольно-наемного труда, закабаляя его неоплатными долгами. Закон 1736 года навсегда закрепил кабальных людей за заводами.

К концу XVIII века и в начале XIX века отмеченный выше процесс расслоения деревни и обезземеления крестьян имел уже значительные результаты в смысле увеличения притока вольных рабочих. В том же направлении действовала и расширявшаяся система оброка помещичьих крестьян. С другой стороны, принудительный труд становился все более и более невыгодным по своей слабой производительности и другим неудобствам, как, например, содержание закрепощенных рабочих и в то время, когда в них не было надобности по условиям работы предприятия. Эти невыгоды вполне стали очевидны уже в начале XIX века, особенно в связи с появлением машинного производства, которое требовало замены принудительного труда вольнонаемным.

О значении вольнонаемного труда на фабриках и заводах в первой половине XIX в., можно составить себе представление по следующим данным [1]):

Г о д ы	Общее число рабочих	Число вольнонаемных рабочих	% вольнонаемных рабочих
1804	95.202	45.625	47,9
1812	119.093	60.641	50,9
1825	210.568	114.515	54,3

[1]) Балабанов. „Очерки", ч. I, стр. 65.

Что невыгодность принудительного труда в первой половине XIX века стала фактом, показывают и следующие цифры: в 30-х годах XIX века дворянские фабрики составляли только 15% общего числа фабрик, а в 40-х годах это число понизилось до 5%. Помещичья фабрика распадалась на кустарные промыслы, из которых образовалась крестьянская фабрика, преобладавшая в 40-х и 50-х годах. Оброк был выгоднее помещику, чем труд крепостного на его (помещика) фабрике.

В 1816 году была запрещена покупка крестьян для обслуживания фабрик, а в 1825 году уже 54% всех рабочих на фабриках работали по вольному найму. В 1840 году дано право освобождать от крепостной зависимости посессионных рабочих за деньги или бесплатно, и этим правом воспользовались 103 фабрики—более половины всех посессионных фабрик.

Противоречие между развивавшимся капитализмом и крепостным правом являлось основной причиной падения последнего. Несмотря на преобладание еще мелких и средних промышленных предприятий, накануне отмены крепостного права, механическая фабрика стала фактом и властно требовала свободы для своего развития, прежде всего, — свободы эксплоатации, питаемой рынком рабочей силы. К тому же и в деревне помещику стал невыгоден труд крепостного. Необходимость хозяйствовать в своих поместьях в уровень с повысившейся производительностью страны, заставляла перейти и помещиков к более гибким и выгодным методам и формам эксплоатации.

Положение рабочих, как на государственных и помещичьих, так и на посессионных фабриках было одинаково скверно. Невыносимые условия труда, крепостной гнет, эксплоатация превосходили по своей тяжести на этих фабриках-мануфактурах, в большинстве случаев, положение крепостных крестьян, занимавшихся земледелием. Поэтому среди рабочих никогда не прекращались волнения, «бунты», длившиеся иногда многие годы. Волнения направлялись, как против самого факта прикрепления к заводам и фабрикам, так и против эксплоатации: непомерно длинного рабочего дня, непосильных «уроков», злоупотребления штрафами; в то же время они являлись борьбой за повышение заработков. Волнения подавлялись жестокими военно-полицейскими мерами — расстрелом, кнутом, клеймением, ссылкой в Сибирь и отдачей в солдаты. В общем, возмущения не приводили к улучшению положения рабочих, вследствие слабости и бессилия последних в борьбе

против основного факта гнета — крепостного права, незыблемо продолжавшего существовать, так как промышленность, по сравнению с сельским хозяйством, играла еще незначительную роль в русской экономике того периода.

Только в XIX веке эта роль стала настолько значительной, что ясно наметился переход главенствующего значения в городской жизни от торговли к промышленности.

II. Развитие капитализма после падения крепостного права.

Падение крепостного права в 1861 году расчистило дорогу для развития крупной промышленности в России.

Предпосылки для развития капитализма были подготовлены всем предшествовавшим ходом экономического развития. Имелось уже значительное количество фабрично-заводских предприятий с большим количеством подготовленных для промышленного труда рабочих; резервуаром таких подготовленных рабочих для фабрик и заводов пореформенной эпохи служила также домашняя и кустарная промышленность. Наконец, налицо были и зачатки машинной техники, которая в развитии раннего капитализма играет революционную роль.

Падение крепостного права было необходимым условием, предпосылкой развития русского капитализма и образования рабочего класса в качестве основного фактора социального движения вперед, — к бесклассовому обществу.

Вот, что произошло на второй день после отмены крепостного права: до полумиллиона дворовых были отпущены на волю без земли, около 600.000 крестьян получили нищенские даровые наделы, высокие выкупные платежи стали уделом остальных крестьян. Все это, в совокупности, создавало большое количество труда, выбрасывавшегося в город за невозможностью применить его в деревне. В дополнение к уже работавшим на фабриках и заводах создавалась свободная от работы рабочая армия — одно из основных условий развития капитализма. Причем эта резервная рабочая армия получила тенденцию непрерывно и неограниченно увеличиваться в течение неопределенно долгого ряда десятилетий в силу своеобразных условий сельского хозяйства, заложенных в него реформой 1861 года и предшествовавшим развитием. Географическое положение России только усиливало указанные исторические условия.

Капитализм, сдавленный в узких берегах крепостной России, после 1861 года получил возможность выйти на широкий простор, стягивая в свое русло все хозяйственные ручейки и распространяя свое грубое и энергичное влияние на все стороны общественно-экономической жизни.

Достаточно привести несколько цифр, чтобы показать победное шествие капитализма.

В 60-х годах дымили своими трубами уже 42 бумаготкацких механических фабрики (первая такая фабрика основана в 1846 г.), на которых было занято $^3/_5$ всех ткачей, а к концу 70-х годов $^3/_4$ рабочих бумаготкацкого производства было занято на механических фабриках.

С конца 80-х до конца 90-х годов рост промышленности характеризуется так [1]):

Г о д ы	Число фабрик и заводов	Число рабочих
1887	30.888	1.318 048
1893	30.333	1.582.904
1897	39.029	2.098.262

Прирост фабрично-заводских рабочих за одно это десятилетие выразился в 59%. Если присоединить сюда еще рабочих железнодорожного транспорта, которых в 1887 году было 218.077, а в 1897 году—414.152, то общая цифра рабочих в 1887 году, равная 1.536.125, будет равняться в 1897 году 2.512.414, т.-е. прирост всех рабочих за указанное десятилетие достиг 64% [2]). По сравнению с 1865 годом, когда рабочих насчитывалось 706.000 [3]), их количество в 1897 году увеличилось больше, чем в 3,5 раза.

К началу XX века общая картина экономического развития России была достаточно ясна. Несмотря на огромное значение мелкого земледельческого хозяйства и кустарной промышленности в

---

[1]) Туган-Барановский. „Русская фабрика". 3-е изд. 1907 г., стр. 342. См. также В. Ленин. „Развитие капитализма в России" (т. III полного собр. сочин., стр 402—405).

[2]) Там же, стр. 374—5.

[3]) Балабанов. „Очерки по истории рабоч. класса", ч. II, стр. 9, изд. 1924 г. В. Ленин, полн. собр. сочин., т. III, стр. 405.

общей доле народного хозяйства, все же становилось очевидным, что капитализм — неизбежный путь для России. Значение капитализма в экономике страны быстро увеличивалось, и он становился основным фактором общественно-экономической жизни, все больше и больше подчиняя себе все остальные ее стороны.

В промежуток 1893—99 годов основной капитал акционерных, промышленных, транспортных и торговых предприятий (за исключением железных дорог, банков и страховых обществ) увеличился на 134%. По главным отраслям промышленности рост определился так: металлическая — на 665%, керамическая — на 433%, горнопромышленная — на 302%, химическая — на 242% и группа по обработке волокнистых веществ возросла на 54%. (Финн-Енотаевский, стр. 52).

Для характеристики внедрения капиталистической формы промышленности по отдельным производствам приведем заимствованные у Финна-Енотаевского (стр. 53) данные об отношении количества пролетариата к самодеятельным элементам производства (по переписи 1897 года). В производстве одежды пролетариат составлял 28,2% всего количества занятых в нем лиц, что показывает, что тут еще господствует мелкое производство и, очевидно, по преимуществу домашнее. «Определенно выраженную капиталистическую форму имеет транспортное дело (43% пролетариата), еще более — железнодорожное хозяйство (67,3% пролетариата)».

Обработка волокнистых веществ — 55,1%, обработка металлов — 59,4% пролетариата к общему числу занятых в этих производствах лиц. Наиболее ярко выражена капиталистическая форма производства в керамическом и в добыче руд и выплавке металлов: в первом — пролетариат составлял 66,2%, во втором — 90,7% к общему числу занятых в этих производствах лиц.

О том же говорят и цифры, относящиеся к ценности выработанных продуктов и изделий. За десятилетие 1887—1897 годов ценность выработанных продуктов и изделий повысилась больше, чем в два раза: в 1887 г. выработано на 1.334.499 тысяч рублей, в 1893 г. — на 1.734.997 тысяч рублей, в 1897 г. — на 2.839.144 тысяч рублей [1]).

Повышение производства по главным отраслям промышленности представляется в следующем виде:

---

[1]) Туган-Барановский, „Русская фабрика", стр. 312, 313.

Годы	Колич. перераб. хлопка в тыс. пуд.	Добыча угля в тыс. пуд.	Добыча нефти[3] в тыс. пуд.	Выплавка чугуна в тыс. пуд.
1865 [2]	2.950	22.331	—	17 397
1880 [1]	5.743	—	—	27.364
1890 [2]	11.483	367.203	266.000	55.219
1895	11.475 [1]	555.500[3]	377.000	87.100[3]
1900 [3]	16.100 (1899 г.)	995.200	600.000	177.500

	Произведено полупродуктов, железа и стали [3].	Произведено готового продукта [3].
1894	51.900 тысяч пудов	41.400 тысяч пудов
1895	94.300 „ „	65.200 „ „
1900	151.700 „ „	121.700 „ „

Капитализм развивался вопреки славянофильским теориям и народническим мечтам о крестьянском социализме. Перед торжествующим поступательным шествием крупной фабрики кустарные промыслы отступали на второй план, а местами, сохраняясь, подчинялись скупщику или фабриканту и заводчику.

Вместе с количественным ростом фабрик и заводов, они росли и по размерам. В начале XX века в России было больше крупных предприятий, сравнительно с общим числом фабрик, чем в Германии и Англии. Улучшалось и техническое оборудование. В текстильном производстве сила машин увеличилась со времени падения крепостного права до конца XIX века в 20 раз, производительность металлической промышленности увеличилась в 71 раз [4]. В 1895 году в текстильном производстве на 242.000 фабричных рабочих приходилось всего только 20.000 кустарей. Вытеснение кустаря фабрикой в дальнейшем шло еще быстрее.

По данным В. И. Ленина [5], с 1875 по 1892 г. количество сил паровых двигателей в фабрично-заводском и горном производствах всей России увеличилось в три раза, в Европейской России—в два с половиной раза. Сумма производства крупных фабрик за тот же период увеличилась почти в 3 раза (со 100 до 292%).

---

[1] Туган-Барановский, стр. 312, 313.

[2] Балабанов. „Очерки по истории рабоч. класса", стр. 9.

[3] Балабанов. „Промышленность в России в начале XX в." (Общественное движение в России", т. I, стр. 50 и 51).

[4] Н. Рожков. „Город и деревня в русской истории", изд. 6-е ГИЗ. 1920 г., стр. 88.

[5] Полное собр. сочин. т. III („Развитие капитализма в России"), стр. 412—413, 416.

Росту промышленного производства и увеличению количества рабочих сопутствовала концентрация производства. Увеличивалось количество оборудованных крупных предприятий, вместе с тем, неуклонно (мы не касаемся здесь промышленных кризисов, после которых наступал новый под'ем и новое усиление крупной промышленности) повышалось и значение именно крупной промышленности.

Вот те данные, на основании которых можно вывести заключение о силе концентрации русской промышленности к концу XIX и в начале XX века:

«В 1866 году на долю фабрик (хлопчатобумажных), имеющих более 1.000 рабочих, приходилось 49% всего числа рабочих (хлопчатобумажной промышленности), в 1879 г.—60%, а в 1894 г.—74%. На долю средних и мелких фабрик, имеющих менее 500 рабочих, в 1866 г. приходилось 28% общей суммы рабочих, в 1879 г.—18%, а в 1894 г.—12%. Концентрация производства шла настолько быстро и энергично, что в 1894 г. на 68 крупных фабриках было почти втрое более рабочих, чем на 156 остальных» [1]).

По вычислениям В. И. Ленина [2]), за время с 1866 г. по 1890 г. число крупных предприятий с количеством рабочих 100 и более увеличилось в полтора раза; при этом число механических предприятий возрастало быстрее: за тот же период их количество увеличилось в два с четвертью раза (со 100% в 1866 г. до 226% в 1890 г.); число рабочих в крупных предприятиях за указанный промежуток удвоилось.

На основании данных, обработанных В. И. Лениным, и данных, обработанных А. Погожевым, М. Балабанов [3]) дает таблицу, характеризующую процесс концентрации промышленности:

Группы фабрик с числом рабочих	Прирост фабрик в %%		Прирост рабочих в %%	
	1879—1890	1890—1902	1879—1860	1890—1900
От 100 до 499 . .	15,5	54,3	14,9	53,5
„ 500 „ 999 . .	10 9	97,2	6,1	103,3
„ 1000 и свыше .	25,5	141,6	38,7	176,9

1) Туган-Барановский. „Русская фабрика". стр. 378.
2) См. полное собр. сочинений т. III. стр 414—416.
3) „Промышленность в России в начале XX в." („Общественное движение в России", т. I, стр. 52).

По данным [1]) за 1903 г. в 64 губерниях России насчитывалось 15.821 фабрично-заводских предприятий с 1.640.406 рабочими. По группам эти предприятия распределялись таким образом:

Группа предприятий по количеству рабочих в каждом.	Число предприятий.	Общее число рабочих в этих предприятиях.
Менее 20 рабочих . .	5.749	63.552
От 21 до 50 раб. .	5.054	150.062
„ 51 „ 100 „ .	2.271	156.789
„ 101 „ 500 „ .	2.095	463.366
„ 501 „ 1000 „ .	404	276.486
Свыше 1000 „ .	238	521.511

Еще сильнее концентрация в горной промышленности. (Данные см. в указанной книге В. И. Ленина, на стр. 418).

Подведем итоги развития крупной промышленности в России:

«Сопоставляя данные о крупных фабриках с данными о всех «фабриках и заводах» нашей официальной статистики, мы увидим, что в 1879 г. крупные фабрики, составляя 4,4% всех «фабрик и заводов», сосредоточивали 66,8% всего числа фабрично-заводских рабочих и 54,8% всей суммы производства. В 1890 г. крупные фабрики составляли 6,7% всех «фабрик и заводов», сосредоточивали 71,1% всех фабрично-заводских рабочих и 57,2% всей суммы производства. В 1894—1895 г.г. крупные фабрики составляли 10,1% всех «фабрик и заводов», сосредоточивали 74% всех фабрично-заводских рабочих и 70,8% всей суммы производства. В 1903 году крупные фабрики, имеющие свыше 100 рабочих, составляли в Европейской России 17% всего числа фабрик и заводов и сосредоточивали 76,6% всего числа фабрично-заводских рабочих. Таким образом, крупные, преимущественно паровые, фабрики, несмотря на свою незначительную численность, сосредоточивают преобладающую и все возрастающую долю числа рабочих и суммы производства всех «фабрик и заводов». (В. И. Ленин—«Развитие капитализма в России», в III т. полн. собр. сочин., стр. 417).

---

[1]) Приведены у В. И. Ленина, полн. собр. сочин., т. III, стр. 417.

И в других областях капиталистическое развитие сильно подвинулось вперед. К концу XIX века внутренняя и внешняя торговля достигла больших размеров: в Россию ежегодно ввозилось иностранных товаров на 500 миллионов рублей, а за границу вывозилось на 600 миллионов рублей (преимущественно хлеб и сырье). Сбороты внутренней торговли достигли 20 миллиардов рублей. (Рожков—«Город и деревня в русской истории», стр. 88).

К концу XIX века и в начале XX сильно расширилась железнодорожная сеть, протяжение которой достигло в 1890 г. 29.063 километров (в 1865 г. 3.819 километров), а в 1904 г.—54.878 километров (в Европейской России) и 8.351—в Азиатской России [1]).

Этот факт уже сам по себе давал сильный толчок росту промышленности. Отечественные капиталы, накопленные за счет торговли сельско-хозяйственными продуктами и разорения деревни, были брошены в промышленность. Наряду с этим привлекается в значительных размерах иностранный капитал.

Приток новых капиталов в промышленность сопровождался улучшением техники производства. Наряду с этим происходила концентрация производства.

К XX веку влияние капиталистической техники начало сказываться и на сельском хозяйстве. (См. Рожков—«Город и деревня в русской истории», изд. 6-е, стр. 88, и Ленин, т. III).

---

[1]) В. Ленин, полное собр. соч., т. III, стр. 450.

До 1905 года.

I. Стачечное движение.

1.

По мере развития капитализма усиливалось и углублялось деление общества на классы, и все большее и большее значение в общественной жизни приобретал пролетариат, оформившийся к XX веку, как самостоятельный класс со своими особыми интересами и задачами, и вскоре заявивший свое право и желание на активное участие в общественном строительстве.

В конце XIX века рост количества рабочих в крупной промышленности обгонял общий ежегодный прирост населения России. Так, за время 1887—1897 г.г., количество рабочих увеличивалось ежегодно на 6%, а за 1897—1900 г.г. на 4,4%, тогда как ежегодный прирост населения принимался в 1,3%. Больше того, количество рабочих росло быстрее, чем городское население (в Европейской России в 1863 г. было 6,1 миллионов городского населения, а в 1897 г.—12 миллионов. Рабочих же в крупных капиталистических предприятиях в 1865 г. было 706 тысяч, а в 1890 г. — 1.434.000, т.-е. число рабочих больше, чем удвоилось [1]). По переписи 1897 г. работающих по найму числилось 22 миллиона, из них 12 миллионов были фабрично-заводские рабочие с семьями [2]).

К концу XIX и в начале XX века пролетариат выделялся не только из среды обезземеленного и безлошадного крестьянства. Значительное количество рабочей силы для фабрик и заводов поставляла городская беднота. Помимо этого, в наиболее крупных промышленных центрах появился значительный слой потомственных пролетариев, совершенно оторванных от деревни; их дети по-

---

1) Финн-Енотаевский. „Современное хозяйство России", изд. 1911 г., стр. 331 и В. И. Ленин, полное собр. соч., т. III, стр. 405.

2) Рожков. „Город и деревня в русской истории", стр. 89.

полняли ряды фабрично-заводского пролетариата. Усиленным темпом шла также пролетаризация кустарей и их обезземеление [1]).

Мы уже видели, как увеличивалось количество рабочих в крупной промышленности. Капитализм всасывал в меру своего аппетита на свои фабрики и заводы и обезземеленных крестьян, и пролетаризованных ремесленников — кустарей, смешивая всех вместе и всех уравнивая предоставлением права выбора: или продать свой труд на условиях, выгодных капиталисту, или сделаться нищим, босяком, люмпен-пролетарием и подыхать с голоду.

Русская народническая интеллигенция долгое время не могла разглядеть неотступного движения капитализма и появления пролетариата не как чего-то случайного и преходящего, а как нового класса в русском обществе с определенной тенденцией роста и развития. Жизнь шла вопреки утопическим теориям народников и охранителей порядков, и к концу XIX века создалось такое положение, при котором утверждение некоторых экономистов, что «рабочий считает свой труд на фабрике побочным занятием и что его более тянет к земле», — являлось полной нелепостью, против которой говорят цифры, добытые московской санитарной статистикой и показывающие, что из фабричных рабочих центрального района уходили на сельские работы (иначе говоря, были связаны с земледелием) только 14,1%. Таким образом, 86% рабочих не имели непосредственной связи с землей [2]). По отдельным производствам процент уходящих на полевые работы распределялся так:

Фабрики и заводы	% уходящих на полевые работы	
Ручные бумаготкацкие с красильнями	72,5	Ручное производство
Шелкоткацкие	63,1	
Фарфоро-фаянсовые	31,0	
Ручные ситценабивн. и конторы для раздачи основ	30,7	
Суконные (полное производство)	20,4	Механическ. производство
Бумагопрядильные и самоткацкие	13,8	
Самоткацкие с ситценабивными и отделочными	6,2	
Машиностроительные заводы	2,7	
Ситценабивные и отделочные механические	2,3	

Эта таблица, между прочим, характерна, как показатель, «что именно механическое производство отрывает рабочих от

---

[1]) М. Балабанов. „Очерки по истории рабочего класса", ч. II. стр. 50 –56.

[2]) Данные о других районах говорят в общем то же самое. См. Балабанов, „Очерки", ч. II, стр. 65—71.

земли» (Ленин, т. III, стр. 437 и следующие. Данные относятся к 1884—1885 г.), делает их настоящими кадровыми пролетариями.

Как бы в ответ экономистам-народникам, мудро рассуждавшим, что рабочего «более тянет к земле», а труд на фабрике для него — побочное занятие, капитан корпуса жандармов Тимофеев пишет в своем докладе III отделению (охранка) об иваново-вознесенских крестьянах: «экономический быт собственно крестьян села Иванова действительно весьма плох и бедствен, так как о г р о м н о е большинство из них, не занимаясь вовсе земледелием и не имея никакого к тому хозяйства, суть только рабочие на ситцевых, прядильных и ткацких фабриках». («Архив Истории Труда», кн. 5, стр. 20). И рад бы заниматься земледелием, да не на чем и нечем. А эта справка относится к 1871 г. Значит уже в то время в фабричных центрах значительные массы крестьян не имели возможности заниматься земледелием и принуждены были жить фабричным трудом.

Выше были приведены данные о рабочих московского района. Дополним их данными о рабочих Балтийского завода (данные относятся к 1901 г. См. «Архив Истории Труда», кн. 2, стр. 80. Докладная записка директора завода Ратника, представленная в правление завода). Из 3.599 рабочих, остававшихся на заводе год и более, большинство крестьяне (80,62%) губерний северного и центрального района. Из того, что крестьяне остаются на заводе год и более, Ратник делает вывод, что крестьянский элемент стойко держится на заводе», «несмотря на свою связь с общиной и даже с землей». Причины такой «стойкости» на добрую половину кроются в том, что из указанного выше количества крестьяне, не имеющие земельного надела, составляют 42,82%, что составляет 34,52% всех рабочих завода, т.-е. по существу числятся крестьянами только формально. Но известно, что и те, которые имеют надел, с течением времени теряют связь с землей, навсегда оставаясь на заводе и входят в соприкосновение с ней только при выборке паспортов или посылая в деревню от времени до времени деньги для поддержания хозяйства родственников. По существу связь рабочего с деревней порывается уже тогда, когда он обзаводится семьей на заводе, независимо от того, остается за ним земельный надел или нет; формально надел числится за таким рабочим, но он уже стал кадровым рабочим, не имеющим ничего общего с земледельческим трудом. Молодое поколение такого рабочего, как правило, работает на заводе или

фабрике и совершенно свободно от всякой связи с деревней. Косвенное представление о том, как редко рабочие возвращаются в деревню, покидая фабрику, дает высокий процент работающих на фабрике во втором поколении: «Дементьев опросил поименно 18.576 рабочих, и оказалось, что у 55% отцы работали на фабриках» (Туган-Барановский—«Русская фабрика», стр. 445).

Чем дальше шло развитие капитализма, чем шире захватывала механизация русскую промышленность, тем быстрее шел процесс превращения крестьянина — и не только обезземеленного — в кадрового пролетария.

До первой революции—и даже до настоящего времени—значительные группы рабочих сохраняют связь с деревней в той или иной форме; имеются и такие группы рабочих, которые приходят на фабрику, завод или в шахты только в свободные от полевых работ месяцы. Но, несмотря на все это, к моменту первой революции уже было большое количество и потомственных, и почетных пролетариев и в обрабатывающей, и в горной промышленности; они составили основное ядро рабочего класса с оформленным самосознанием и готового к борьбе с капитализмом.

2.

Тот период в истории капитализма, который носит название первоначального накопления, всегда и везде отличался господством самой грубой и необузданной хищнической эксплоатации живой рабочей силы и вообще всех производительных сил. История русского капитализма не была исключением в этом отношении. Наоборот, запоздав своим приходом, русский капитализм стремился наверстать потерянное время быстрым ростом; в экономически отсталой стране, пришедшей в сравнительно тесное соприкосновение с передовыми странами Запада посредством внешней торговли, капитализм стремился сразу выйти на широкую дорогу и стать на ней твердой ногой во всеоружии развитого капитализма. Всякие препятствия к быстрому накоплению и развертыванию сил уничтожались беспощадно и безжалостно. Капитализм не был сентиментален и самым фактом своего развития издевался над сентиментами дворянской усадьбы и разночинца-народника, мечтавшего о самобытности и вечных путях русской крестьянской общины, искони подготовлявшей русскую деревню к социализму. Что касается капитализма и пролетариата, то это, дескать, дьявольское навождение, которое исчезнет с первым рассветом. На-

родники презрительно повернулись спиной к капитализму и пошли в деревню, а мужик, потерявший землю и рабочий скот, также как и надежду вернуть их, шел к капиталисту на фабрику и завод, на рудники, на промыслы и т. д., где из него выжимали максимум прибавочной стоимости до тех пор, пока он не заметил, что другого выхода, как развернуться и хлястнуть в морду своим «благодетелям» и «кормильцам», нет. Прошло несколько десятков лет, пока рабочий научился видеть в этих «кормильцах» своих эксплоататоров.

Это был болезненный для широких масс населения период развития капитализма. Он характеризовался пышным расцветом гюндерства (деятельность ловких дельцов и аферистов и основателей дутых предприятий) и протекционизма, неся с собою разорение широких масс населения высокими ценами на товары, пошлинами и акцизами, отработочно-испольной системой, что вместе с низкой заработной платой вызывало развитие пауперизма, безработицу, дурное питание и ужасающие жилищные условия жизни рабочих. Хищнические формы капитализма были преодолены только к концу XIX века. (Н. Рожков—«Город и деревня в русской истории», изд. 1920 г., стр. 88—89).

Ничем не сдерживаемая эксплоатация рабочих господствовала на протяжении почти всей второй половины XIX века. Условия труда рабочих были невыносимы: рабочий день продолжался не менее 12—13 часов, поднимаясь до 14, 15, 16 часов, а иногда и выше; заработная плата для большинства рабочих определялась в 20, 25 и 30 коп. в день; заработок в 40—50 коп. считался хорошим, а выше он был редким явлением. (Н. Рожков. «Город и деревня в русской истории», изд. 1920 г., стр. 86—87); естественно, что такой заработной платы не хватало даже на сносное питание. (См. описание капитана Тимофеева—«Архив Истории Труда», кн. 5, стр. 21); полное отсутствие охраны труда при примитивной технике и широкой эксплоатации женского и детского труда; житье в скученных, смрадных фабричных казармах дополняло картину беспросветного бытия рабочих.

«В общем и целом, о каком бы из промышленных районов ни шла речь, отношение капитала к труду определялось тем, что капитал имел перед собою обнищавших, разоренных, придавленных податями и всеми условиями жизни, крестьян, которые искали работы и готовы были взять ее на любых условиях. Капитал улавливал эту рабочую силу, старался сделать ее еще более дешевой и

покорной. Все усилия его были направлены к этому, как и к тому, чтобы из случайного, пришлого работника сделать постоянного рабочего, прикрепленного к предприятию оторванностью от деревни и невозможностью вырваться из кабалы». (М. Балабанов. «Очерки по истории рабочего класса в России», ч. II, стр. 77).

Кабальные формы найма поддерживались полным бесправием рабочего, который рассматривался как рабочий скот. Закабаление обычно достигалось материальной зависимостью от предприятия, в которую ставился рабочий уже в момент найма чрез посредство агентов и волостных правлений, получая задаток иногда в форме уплаты недоимок по деревне, а также и штрафной системой. Крепостнические отношения в деревне не скоро были изжиты, и это облегчало предпринимателям закабаление массы ищущих труда. На фоне общего порабощения рабочей силы процветали все формы эксплоатации. На заводе и фабрике рабочего всеми способами стремились обезличить, подавить всякую попытку к сопротивлению; на пореформенной фабрике долго еще сохранялись отношения, созданные эпохой крепостничества и поддерживаемые крепостническим законодательством (например, фабричный закон 1835 г. действовал до 1886 г.).

Посмотрим, каков был рабочий день на пореформенной фабрике.

В 70-х годах средний рабочий день ивановских фабрик определялся в 15½ часов в сутки; на Кренгольмской мануфактуре работали 14 часов; в 3-х уездах Московской губернии 44% фабрик работали 13 и 13½ часов; 11,6% фабрик работали 14 и 14½ часов; 29,6% работали 12 и 12½ часов; 5,4% работали 15 и более часов. Средняя продолжительность рабочего дня на фабриках Московской губернии определялась в 12½ часов в сутки. Так было во всех районах и во всех производствах. (См. Балабанов, ч. II, стр. 88—93 и Пажитнов «Положение рабочего класса», изд. 1908 г., глава V). К этому надо прибавить, что рабочий день сильно увеличивался сверхурочными, за которые часто по договору никакой платы не полагалось. Например, на Коломенском машиностроительном заводе был установлен правилами 11½ часовой рабочий день, но применением сверхурочных он удлинялся до 14½—16½ часов, а в экстренных случаях — до 19½ — 21 часов в сутки. (Балабанов, ч. II, стр. 92).

За длинный рабочий день плата была низкая. По вычислениям Дементьева средний месячный заработок мужчины на своих хар-

чах равнялся 14 руб. 16 коп. и женщины—10 руб. 35 коп. По отдельным производствам заработок сильно колебался, и в большей части производств заработная плата мужчин и женщин была ниже общей средней. Внутри отдельных производств заработная плата также сильно колебалась. В бумагопрядильном самоткацком производстве только 18% всех мужчин имели заработок выше общей средней по производству, а в ситценабивном—17,1%. Многие обследования указывают, что в массе рабочие пореформенной фабрики не сводили концов с концами, плохо питались, обитали в отвратительных жилищах. Лишь небольшое количество квалифицированных рабочих (мастеровые), заработок которых к 80-м годам в Петербурге достигал 25—30 рублей в месяц, имели более или менее сносное существование. В общем же, заработная плата пореформенной фабрики давала возможность только поддержать рабочую силу на минимальном уровне. (Балабанов, ч. II, стр. 94 и следующие; Пажитнов, гл. VI). К тому же надо прибавить, что цены—в первую очередь на хлеб—росли быстрее, чем заработная плата; вследствие этого, реальная заработная плата понижалась в продолжение всей второй половины XIX века. (См. Туган-Барановский—«Русская фабрика», 3-е изд. 1907 г., стр. 435, и Балабанов, ч. II, стр. 98).

Бесправность рабочих и их слабая сопротивляемость жестокой эксплоатации приводила к тому, что предприниматели, не довольствуясь дешевизной рабочей силы, широко практиковали штрафы, целью которых являлось — часто в совершенно откровенной форме — урезать и без того низкий заработок рабочего и увеличить свои прибыли (до закона 1886 г. штрафы шли в карман предпринимателя); косвенно штрафы преследовали также цель порабощения рабочего, подчинения его каторжной фабричной дисциплине. Особенно усилилась штрафная система во время промышленного кризиса в первой половине 80-х годов. «Судебный процесс по делу Морозовской стачки установил, что с 1881 г. по 1884 г. средний заработок ткача понизился на 25%, а штрафы возросли на 155%, составляя от 5 до 40 процентов с заработка рабочего». (Балабанов, ч. II, стр. 87).

Экономическое положение рабочего ухудшалось и еще с одной стороны. На многих предприятиях рабочие обязывались закупать продукты из фабричной лавочки. Уплатив низкую заработную плату за тяжелый труд рабочего, высчитав штраф, предприни-

матель урывал из остатка в форме прибыли на продукты и товары, продавая их рабочему по ценам выше рыночных.

Неутолимая жажда прибыли изобретала всевозможные формы и виды эксплоатации труда, выжимая из него все, что можно. Все средства были хороши, лишь бы они вели к обогащению. Такова неотвратимая роль капитализма, которую он выполняет безукоризненно, где бы он ни появился.

3.

Казалось, что для рабочего нет выхода из беспросветной мглы. Некуда податься, не видно избавления от произвола и жадности фабриканта и заводчика. Но так могло продолжаться только до тех пор, пока производство основывалось на ручном труде. Следующий этап развития капитализма — механизация производства и его концентрация — создает все необходимые условия для быстрого оформления рабочего класса, вступающего в борьбу с капитализмом.

Первая стадия борьбы оформляющегося рабочего класса преследует преимущественно ограничение эксплоатации и лишь на следующей стадии, когда оформление класса закончено, она превращается в классовую борьбу в собственном смысле этого слова, в борьбу против господства капитализма в целом, как хозяйственно-общественной системы.

До революции 1905 года русские рабочие, выступая против капиталистов, стремились ограничить эксплоатацию своего труда. Но общие условия, в которых эта борьба протекала, способствовали быстрому, сравнительно, накоплению сил и оформлению классового самосознания, необходимых для вступления на путь революционной классовой борьбы.

Первый шаг на этом пути русский пролетариат делает в 1905 году. Весь же предшествовавший период он стремился добиться лучших условий труда и в отдельных выступлениях против капиталистов накапливал опыт и силы.

Вплоть до 80-х годов стачечная борьба рабочих носила исключительно оборонительный и местный характер. Для наступательной борьбы еще не было сил. Лишь с 80-х годов крупными стачками — в первую голову, Морозовской стачкой в 1885 году — положено начало наступательной борьбе рабочих, которая развертывалась и усиливалась с некоторыми перерывами и отступлениями. С этого же периода наступают первые признаки связи

между стачками на отдельных предприятиях; прежняя замкнутость преодолевается, протягиваются первые, еще слабые, организационные нити выступлений. Опыт экономической борьбы чем дальше, тем больше воспитывает солидарность и сознание общности интересов, а затем и сознание связи экономики с политикой. Едва заметные нотки классовой солидарности начинают улавливаться уже с конца 70-х годов, усиливаясь к концу 80-х, и вполне проявляются к началу XX века.

Развитию самосознания рабочих сильно способствовали появившиеся с 80-х годов социал-демократические организации. В отличие от народнических организаций революционной интеллигенции, не придававших движению рабочих самостоятельного значения, не веривших в неизбежность развития капитализма в России и возлагавших свои революционные надежды исключительно на крестьян, — социал-демократы основывали свою деятельность на организации рабочих и подготовке их к революции. С конца 90-х годов руководство социал-демократических организаций в рабочем движении становится уже достаточно заметным.

Теперь обратимся к фактам рабочего движения и посмотрим, как оно развивалось до первой революции.

Начиная с 1870 года, сообщения в газетах о стачках рабочих не прекращались. Нельзя указать ни одного года, который прошел бы без стачек. И чем ближе к кануну первой революции, тем шире разливается поток стачечной борьбы. До 1870 года стачки проходили незаметно для общества, и правительство не принимало никаких особых мер борьбы с ними, если не считать закона 1845 года, направленного против стачечников. Только с 1870 года и печать, и власти живо заинтересовались стачками рабочих, и этот интерес возник именно со стачки на Невской бумагопрядильне.

Прядильщики Невской бумагопрядильни, в Петербурге, 22 мая, в числе 63 человек пред'явили требование о повышении задельной платы. Администрация фабрики отказала. На следующий день бастовали все 240 прядильщиков и из-за их стачки остановилось все производство в одной части фабрики. Уполномоченные рабочих от имени 800 человек пред'явили конторе проект новой расценки и после отказа принять его обратились с жалобой к обер-полицеймейстеру, который, совместно с директором, безуспешно пытался уговорить рабочих стать на работу. Рабочие держались спокойно. Но «в тишине, царившей в майские дни на Невской фабрике, обще-

ственная мысль и правительство уловили неведомые ранее звуки. То были звуки с т а ч к и»... которая «сразу обратила на себя пытливый, а вместе с тем тревожный взор общества, как п е р в а я в России стачка фабричных рабочих, несомненная предвестница дальнейших подобных событий» («Архив Истории Труда», кн. 3, Ю. Гессен—«К истории стачек среди фабричных рабочих»). И «Новое Время» в передовой тревожно констатирует: «И у нас случилась стачка рабочих, и нас не оберег бог». В результате, суд, а затем административная высылка зачинщиков.

Из того, что эта стачка названа первой, не следует думать, что в прежние годы их не было. Известна стачка в Орехове-Зуеве и в некоторых петербургских мастерских в 1865 году. На той же Невской фабрике бывали стачки. Но раньше до суда дело не доходило, и печать не интересовалась ими, поскольку они не имели серьезного значения для тогдашней общественной жизни. Усиленное же внимание, проявленное к этой стачке властями, об'ясняется беспокойством в связи с западно-европейским рабочим движением и, в частности, с деятельностью I Интернационала (о ней докладывалось Александру II, и в результате министерством внутренних дел был разослан циркуляр губернаторам с предложением «иметь строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением и в особенности за... неблагонадежными личностями», влиянию которых министерство приписывает возникновение стачек. Третьим отделением была выработана особая инструкция для наблюдения за фабриками и рабочими с целью предупреждения беспорядков). Уже обозначившийся к тому времени рост фабрично-заводских центров, стягивание в них больших масс рабочих, естественно заставляли правительство задумываться над возможностью развития рабочего движения и в России. К тому же, именно в это время, охранники всполошились деятельностью русских революционеров, в особенности Нечаева. (См. «Архив Истории Труда», кн. 3, статья Р. Кантор—«Жандармерия и первые рабочие стачки». Там же и упомянутая инструкция, на стр. 76, и «Циркуляр» у Ю. Гессена, на стр. 42—43).

Но какими бы внешними обстоятельствами ни об'яснять проявленное внимание к стачке на Невской фабрике, необходимо запомнить, что она резко отличалась по своему характеру от волнений рабочих в 60-х годах, которые еще мало отличались от волнений крепостной эпохи. Пережитки крепостнических отношений между трудом и капиталом еще не были уничтожены. Стачка же

на Невской фабрике (как и последующие стачки) была в этом отношении совершенно новым явлением, «без примеси крепостнических отношений», «в чистом своем виде» она была применена, «как орудие борьбы рабочих, отстаивающих свои интересы в качестве продавцов рабочей силы» (см. Балабанов, ч. II, стр. 158 и 159). Неправильно было бы утверждать, что этот характер стачки не был в той или иной степени воспринят печатью и властями. А раз так, то понятно проявленное правительством беспокойство и именно в связи с другими отмеченными обстоятельствами.

Следующая крупная стачка произошла в 1872 году на Кренгольмской мануфактуре, одном из крупнейших текстильных предприятий; она сопровождалась столкновениями с полицией и войсками и арестами стачечников. (См. «Архив Истории Труда», кн. 2, С. Фарфоровский—«Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре»).

До 1880 года, включительно, печатью зарегистрировано 45 стачек («Библиографический указатель к сообщениям о стачках в газетах», в журнале Вольно-Экономического Общества за 1903 год, книга 6. По подсчетам С. Вознесенского—50 стачек; см. «Архив Истории Труда», кн. 8, стр. 149) с количеством участников до 50—55 тысяч. На самом деле, количество стачек и их участников было значительно больше, чем показывают сведения газет. (Балабанов, ч. II, стр. 189).

Все стачки этого периода носили исключительно оборонительный характер, возникая на почве понижения заработка, злоупотребления штрафами и пр. Классовое самосознание еще отсутствует. Во время стачки рабочие обращаются за разрешением спора к полиции. Пользуясь этим, правительство стремится поддержать в рабочих мнение, что власти могут защищать их от эксплоатации хозяев, и выступают в спорах между рабочими и хозяевами, как примиряющая сторона. Потребовалось много уроков, пока рабочие научились видеть своих врагов и надеяться исключительно на свою сплоченность и солидарность. Наука классовой борьбы давалась не сразу и совершенствовалась в тесной связи с общественно-экономическим развитием.

Но уже в петербургских стачках 1878 — 1879 г.г. — время экономического и революционного оживления в России — появляются предвестники нового понимания рабочими своего положения и искры сознания классовой солидарности. Имеются уже и при-

знаки влияния революционной пропаганды и намечающейся связи — слабой еще, правда, — с группами революционной интеллигенции (см. воспоминания Плеханова в брошюре «Русский рабочий в революционном движении»). Правда, стачечники (фабрики Шау и Новой бумагопрядильни) еще обращаются к градоначальнику и наследнику, но доверие к властям начинает колебаться. А прокламация рабочих фабрики Новой бумагопрядильни заканчивается: «Братцы, все за одного, один за всех». Для этих стачек характерна организованность и установление связи между бастующими фабриками и взаимная материальная поддержка бастующих.

Промышленный кризис 80-х годов, продолжавшийся до 1887 г., отразился, с одной стороны, на усилении стачечного движения, с другой — на характере движения, которое продолжало оставаться оборонительным и исключительно экономическим. При этом зародившиеся тенденции в петербургских стачках 1878—1879 г.г. не имели дальнейшего развития вплоть до 90-х годов. (Особняком в этом отношении стоит стачка на Никольской мануфактуре в 1885 году).

За пятилетие 1881—1886 г.г. насчитывается 48 стачек, захвативших более 80.000 рабочих. (Вознесенский—в «Архиве Истории Труда», кн. 3, стр. 152). Указанное количество стачек, как и для предыдущего периода,—нельзя считать полным.

С начала 80-х годов стачки и волнения вспыхивали повсеместно, создавая удобную почву для агитации и дальнейших выступлений. В 1882 году произошли крупные стачки: на Кренгольмской мануфактуре в Нарве, на пушечном заводе в Перми, в Петрограде, Иваново-Вознесенске, на Жирардовской мануфактуре около Варшавы, в последней участвовало 8.000 человек и она сопровождалась столкновениями с войсками. Эта забастовка положила начало стачечному движению в Польше.

Выделяется по организованности и сознательности и своему значению стачка 8.000 человек на Никольской мануфактуре С. Морозова в Орехове-Зуеве, вспыхнувшая в январе 1885 года под руководством рабочих П. А. Моисеенко и В. С. Волкова и продолжавшаяся одну неделю. Стачка носила бурный характер и после ареста руководителей сопровождалась столкновением с казаками и войсками. Первая группа арестованных рабочих в 17 человек предана суду без присяжных. За исключением двух оправданных, все были приговорены к аресту на разные сроки: Моисеенко и Волков—на три месяца каждый (после отбытия наказания они

были высланы на север). Вторая группа в 32 человека судом присяжных была оправдана. 800 рабочих были высланы на родину. (См. «Морозовская стачка», под редакцией Рязанова, «М. Р.», 1923 г., Р. Кантор—«Морозовская стачка 1885 г.» в «Архиве Истории Труда», кн. 8, стр. 152, и Моисеенок—«Воспоминания о стачке 1885 г.» в «Пути к Октябрю», вып. II, а также Балабанов и Прокопович).

Особенность стачки, в отличие от многих других того времени, возникавших стихийно, заключается в том, что она была заранее подготовлена. П. Моисеенко, уже известный департаменту полиции по стачке на Новой бумагопрядильне в 1878 году, вместе с Л. Ивановым побывавший в революционных кружках в Питере и в сибирской ссылке, поступив на фабрику Морозова, в продолжение долгого времени ведет среди рабочих пропаганду совместно с Волковым и подготовляет стачку. Причин для стачки много и нужна только рука организатора, чтобы начать ее.

В требованиях, выставленных рабочими, находим все вопросы, волновавшие рабочих того времени: борьба со штрафами и вычетами за прогул, изменение условий найма (предупреждение за 15 дней до расчета, как со стороны хозяина, так и со стороны рабочего), выдача заработка 15-го каждого месяца, участие представителей рабочих в установлении доброкачественности товаров и в выяснении расценки товаров и свободный выбор рабочими старост, и, наконец, государственный контроль над заработной платой на случаи, когда нет общего соглашения на расценки, выставленные конторой. (Приведены Кантором в «Архиве Истории Труда», кн. 2, стр. 46).

Стачка имела большое влияние на издание закона о найме 3-го июня 1886 года. (См. воспоминания Моисеенка в «Пути к Октябрю», стр. 49). В частности, требования рабочих, поданные в письменной форме, послужили материалом как для этого, так и для других фабричных законов. («Архив Истории Труда», кн. 8, примечание на стр. 152, и статья В. Засулич в сборнике «Морозовская стачка», стр. 6).

«Но,—говорит тов. Рязанов,—несравненно большее значение имела Морозовская стачка, как доказательство того, что в России в порядок дня стал р а б о ч и й в о п р о с», и что эта стачка является «исходным пунктом нового фазиса в истории русского рабочего движения». (Плеханов. Из предисловия Рязанова к сборнику «Морозовская стачка», стр. VIII и IX).

За время с 1887 по 1890 г., включительно, стачечное движение затихает, отчасти под влиянием законов, ограничивавших наиболее крупные злоупотребления предпринимателей, и вследствие промышленного оживления, которое ослабляло тенденцию предпринимателей понижать заработную плату. За весь этот период газетами зарегистрировано 12 стачек («Архив Истории Труда», кн. 8, стр. 152) и около того же числа различных конфликтов («Библиографический указатель к сообщениям о стачках»).

В 1891 и 1892 г.г., в связи с новым застоем в делах промышленности и огромным наплывом крестьян из голодающих деревень в промышленные центры, экономическое положение рабочих ухудшается, и волна стачек снова поднялась, захватив центральный и питерский районы, польские губернии и Прибалтийский край. Движение протекало бурно, а в Лодзи рабочие восстали и приступом взяли казармы и тюрьму. Власти и фабриканты с войсками отступили за город и вернулись в него только по прибытии подкрепления, состоявшего из 40-тысячной армии. В большинстве случаев рабочие терпели поражение. (Вознесенский — «Стачечная борьба рабочих в 1870 — 1917 г.г.» в «Архиве Истории Труда», книга 8, стр. 154).

С 1893 года начинается энергичное оживление в промышленной жизни России. Сюда передвигаются иностранные капиталы в предвкушении высокой прибыли в стране с колоссальными естественными богатствами и большим запасом дешевой рабочей силы. Развитие крупной индустрии сразу получает сильный толчок, и вся экономическая жизнь страны приобретает иной, более быстрый и мощный темп, чем в предыдущие десятилетия. Торжество капитализма, как экономической системы общества, стало совершенно очевидным.

Вместе с тем, и рабочее движение получает свежий и более сильный импульс. Марксизм по всей линии торжествует победу над народниками и, закончив в основном подготовительную теоретическую работу, приступает к практической деятельности по организации революционных сил в «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» и подготовляет оформление этих организаций в партию рабочего класса. В 1898 году происходит первый с'езд социал-демократических организаций, провозглашающий начало деятельности Р. С.-Д. Р. П., которая окончательно оформляется на 2-м с'езде в 1903 году. Все это на фоне капиталистического развития имело колоссальное значение для судеб русского рабочего движения.

В связи со всем вышеуказанным, стачечная борьба приобретает новый характер; связь экономической борьбы с политикой становится очевидной и ощутительной для правительства. В этом отношении знаменательны стачки в Питере, в 1896 году, и на юге России, в 1903 году.

Непосредственной причиной питерских стачек были низкий заработок и длинный рабочий день на текстильных фабриках. Сигналом к началу стачек послужил отказ фабрикантов выдать обычную заработную плату за коронационные дни, когда предприятия были приостановлены. Стачка началась 23 мая на Калинкинской мануфактуре и быстро распространилась на 17 текстильных фабрик, охватив 30.000 человек. Волнения происходили и на некоторых крупных заводах. Полиция и охранка выбивались из сил, но ничто не помогало: ни уговоры, ни угрозы, ни аресты (все тюрьмы были переполнены), ни массовые высылки рабочих. Стачка продолжалась до 18 июня и в конце-концов голод принудил рабочих стать на работу, не добившись удовлетворения своих требований о повышении заработка и сокращении рабочего дня. Но уже 2 июня 1897 года правительство принуждено было издать закон, ограничивавший рабочий день одиннадцатью с половиной часами.

Забастовка 1896 года имела большое значение, во-первых, «для развития широкого классового самосознания рабочих, а следовательно, для дальнейшего развития и расширения нашего соц.-дем. движения; во-вторых, для развития профессионального движения». (Тахтарев — «Очерк петербургского рабочего движения», изд. 3-е. П. 1918 г., стр. 54). Во время стачки «Союз борьбы за освобождение рабочего-класса» стал популярен в рабочей среде и своими прокламациями и своим содействием в проведении стачки. И после рабочие стали с большим интересом относиться к этой организации. Второе значение стачки определяется ее организованностью и тем, что это не был ряд стачек на отдельных предприятиях, а была общая стачка, проводившаяся об'единенно на всех предприятиях. (Тахтарев—«Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов», стр. 38—60; В. Колпенский — «К истории рабочего движения в Петербурге в 1896 г.», в «Красной Летописи», № 4).

С наступлением кризиса в промышленности сразу начинает уменьшаться количество экономических стачек. Это закономер-

но повторяется на всем протяжении дальнейшей истории стачечной борьбы.

Так было и в кризисные 1900 — 1902 г.г. Но, вместе с тем, усиливаются политические выступления пролетариата, продолжавшиеся и в 1903 году, когда во второй половине этого года в экономической жизни наступило состояние кратковременного покоя и, вместе с тем, началось широкое стачечное движение, тесно сплетавшееся с политическими выступлениями, в форме многочисленных рабочих демонстраций.

В марте 1903 года произошла забастовка на Златоустовском оружейном заводе, где работало до 5.000 человек. Ближайшей причиной послужило намерение администрации удлинить в некоторых цехах 8-часовой рабочий день до 10½ часов и выдача рассчетных книжек нового образца. После ареста выборных от рабочих, последние настаивали перед губернатором Богдановичем на освобождении депутатов и не желали расходиться. Войска стреляли; в результате — 28 убитых и более 50 раненых. Рабочие принуждены были стать на работу. (И. Бендер — «Златоустовская забастовка в 1903 году», «Архив Истории Труда», кн. 4, стр. 50—53).

В июле 1903 года начинается стачка в Баку. Затем она перебрасывается в Тифлис и постепенно в течение лета захватывает все промышленные города юга России. В общем, бастовало до 200.000 человек. В некоторых городах она сопровождалась столкновениями с войсками — в Тифлисе (10 убито и 18 ранено), в Батуме, в Одессе (3 убитых и 27 раненых), в Екатеринославе. В некоторых городах, наряду с экономическими, пред'являются и политические требования. Производились массовые аресты. (См. Бендер — «Из стачечного движения на Кавказе в 1903 году», «Архив Истории Труда», кн. 5. Его же — «К стачечному движению на юге России в 1903 году», «Архив Истории Труда», кн. 6—7).

Необходимо еще особо отметить большую ростовскую стачку в 1902 г., которая была разгромлена царскими властями. А спустя несколько месяцев, 2 марта 1903 года («Красная Летопись», № 5, стр. 355, заметка Юр. Новина — «К демонстрации в Ростове-на-Дону»), ростовские рабочие устроили пятнадцатитысячную демонстрацию.

Стачки 1903 года на юге приобретают колоссальное политическое значение и являются уже своего рода подготовительными боями к генеральному выступлению в 1905 году. Стачки 1900 го-

дов подготовляли революцию в головах рабочих, которая была завершена окончательно расстрелом 9 января 1905 года. В отдельных схватках, постепенно расширявшихся, рабочий класс приобрел опыт классовой борьбы и вплотную подошел к позициям, откуда уже начинается война с капитализмом не на жизнь, а на смерть. Эти позиции рабочий класс занял в 1905 году.

Общее представление о стачечном движении рассматриваемого периода дают следующие итоговые цифры (см. В. Е. Варзар — «Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 г.г.», П. 1905 г.); данные касаются только предприятий, находившихся в ведении министерства финансов и подчиненных надзору фабричной инспекции, которые, по регистрации 1900 года, составляли 50% всех предприятий, с количеством рабочих до 70% и сумма производства которых составляла 80%. (Варзар, стр. 1). Общее число стачек за десятилетие равно 1.765 с 431.254 участниками. В среднем, на каждый год приходилось 176,5 стачек и 43.125 участников. (Варзар, стр. 9). В общем, потеряно 2.079.408 дней, в среднем, по 4,8 дня на каждого стачечника. Действительное число стачек и стачечников было, конечно, значительно больше.

По результатам, стачки за рассматриваемый период делятся таким образом:

В пользу рабочих окончилось	28,2%	стачек
Компромиссом	21,8%	„
В пользу хозяев	45,4%	„
С неизвестным исходом	4,6%	„

Мы уже видели на отдельных примерах, как правительство относилось к стачкам. Начиная с 1870 года, царское правительство каждую более или менее значительную стачку склонно было рассматривать, как бунт и восстание, угрожающее существующему общественному порядку. Такое отношение к забастовкам обусловливало постоянное усиление репрессий за участие в стачках и их организацию: аресты, тюрьма, массовые высылки на родину и на север и в Сибирь, а в более серьезных случаях применялась вооруженная сила (кроме отмеченных выше—против обуховцев в 1901 году) и осуждение на каторгу.

За десятилетие 1895—1904 г.г. властями и предпринимателями применялись такие меры воздействия на стачечников (см. Кольцов — «Рабочие в 1890—1904 г.г.», в I томе «Общественное движение в России», стр. 229):

Призыв войск	в 269	случаях
Аресты и высылки	в 164	„
Судебные преследования . . .	в 81	„
Общий рассчет	в 137	„
Частичный рассчет	в 190	„

Всего в 841 случаях.

Но всякий раз после внушительных стачек правительство начинало сознавать необходимость, кроме репрессий, каких-то других мер. И вот,—в дополнение к карательным мерам,—правительство издает фабричные законы, втайне надеясь, что это остановит развитие рабочего движения. Такая надежда была неосновательна, и царское самодержавие все больше и больше должно было убеждаться в этом и видеть в рабочем классе своего опаснейшего врага.

В 1882 г. был издан закон, запрещающий прием на фабрики детей моложе 12 лет и ограничивавший работу подростков от 12 до 15 лет восемью часами с запрещением для них ночной работы. Для надзора за выполнением этих правил была учреждена фабричная инспекция. В 1885 году издан закон, запрещающий ночную работу для женщин и подростков, недостигших 17-летнего возраста. В 1886 году был издан закон о найме рабочих и о взаимных отношениях между фабрикантами и рабочими. В 1897 году — закон о продолжительности и распределении рабочего времени. В 1903 году — закон об ответственности предпринимателей за увечье и смерть рабочих и закон об учреждении института старост.

Все эти законы сравнительно мало улучшали положение рабочих. При выработке их сильно влияли интересы капиталистов. За выполнением законов почти не наблюдали, так как фабричная инспекция выродилась в полицейскую инспекцию над рабочими. Одновременно с этими законами издавались все более и более строгие правила против участников рабочего движения.

Правда, конкуренция между отдельными раойнами текстильной промышленности тоже отражалась на фабричном законодательстве. В лодзинском районе рабочий день установился более короткий, чем в центральном. Поэтому противодействие московских промышленников изданию закона, регулирующего рабочее время, было нейтрализовано влиянием лодзинских фабрикантов, которые были заинтересованы, как конкуренты, в сокращении рабочего дня на фабриках центральной России. С другой стороны, противодействие фабричному законодательству со стороны московских

промышленников встречалось с обратным течением предпринимателей железо-делательной и машиностроительной индустрии, особенно Питерского района, которые не были заинтересованы в противодействии законодательному регулированию фабрично-заводского труда. Тут сказывалось, в общем, расхождение интересов, с одной стороны, промышленников центрального и уральского районов, отсталых в техническом оборудовании предприятий, с другой, — лодзинского района и железо-делательных и машиностроительных предприятий, в которых некоторое уменьшение эксплоатации живой рабочей силы компенсировалось более совершенным техническим оборудованием. Но в общем и целом, всякое вмешательство правительства в отношения труда и капитала рассматривалось последним, как покушение на свободу эксплоатации. Правительство же, побуждаемое интересами самосохранения, непрерывно толкалось на путь фабричного законодательства. (См. детальное исследование по этому вопросу у Туган-Барановского в главе «Новейшее фабричное законодательство», а также у Ерманского — «Крупная буржуазия до 1905 года», в I томе «Общественное движение в России», на стр. 322—332). Правда, фактическую заботу о проведении в жизнь этого законодательства оно охотно уступало усмотрению промышленников.

Окидывая общим взглядом всю историю стачечного движения до первой революции, мы можем проследить в нем несколько этапов, отмечающих наиболее характерные и яркие моменты в развитии рабочего движения.

1. Стачка на Новой бумагопрядильне в 1870 году, которой и начинается история собственно стачечной борьбы.

2. Питерские стачки в момент экономического под'ема и усиления революционного движения в 1878—79 г.г., в которых вспыхивают первые искры пролетарской солидарности и в головы рабочих закрадывается недоверие к ц е с а р е в и ч а м и властям и делаются первые попытки организовать рабочих в революционный «Северно-русский рабочий союз» (1877 г.) и «Южно-русский рабочий союз» (1875 г.).

3. Морозовская стачка в момент острого промышленного кризиса в 1885 году, отличавшаяся от предыдущих предварительной подготовкой, сравнительной организованностью и бурным характером и оказавшая, кроме того, глубокое влияние на развитие фабричного законодательства.

4. Общая стачка питерских текстилей в обстановке общего экономического оживления в 1896 году, отличавшаяся организованностью, единодушием и стойкостью. В ее проведении принимает активное участие «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и на этой почве происходит сближение социал-демократической организации с рабочими массами.

5. Стачки 1901 и 1902 годов (годы промышленного кризиса), в которых элементы экономической борьбы явно связываются с политическими требованиями и все экономическое движение приобретает политическую окраску и выливается в бурную общую стачку рабочих южного района в 1903 году (год промышленного равновесия, покоя), сопровождающуюся политическими демонстрациями. Эта стачка втянула в движение огромные массы рабочих и способствовала быстрому созреванию классового самосознания рабочих.

6. Наконец, застойный 1904 год—вследствие русско-японской войны—характеризуется резким понижением стачечного движения и является как бы остановкой для того, чтобы в следующий год развить бешенную энергию стачечного движения по всей России и нанести короткий и сильный удар самодержавию всеобщей стачкой, небывалой еще в истории мирового рабочего движения.

II. Организация рабочих до революции.

I.

Нельзя согласиться с мнением С. Н. Прокоповича о том, что заработок рабочего «может быть достаточен» для страховки его на случаи болезни, утраты трудоспособности и смерти (Прокопович — «К рабочему вопросу в России», стр. 1). Если это мнение относилось бы к ограниченным, узким группам высококвалифицированных рабочих с высоким заработком и вообще привилегированным положением на рынке труда, то пожалуй, до известной степени, оно было бы правильно. В отношении же всей массы рабочих такое утверждение явно неверно. Прокопович писал свою книгу в 1905 году. Известно, что экономическое положение рабочих до этого года было самое плачевное; достаточно вспомнить размеры реального заработка, жилищные условия, характер питания и пр., и пр., чтобы понять полную несостоятельность голословной ссылки на достаточность заработка рабочего для самостраховки на случаи житейских бед. Не надо также забывать безработицу, принимавшую острый характер в кризисные для промышленности годы.

При той степени эксплоатации, какая господствовала в русской промышленности, вопрос о самостраховке для рабочего класса в целом являлся праздным вопросом и пустой выдумкой ревнителей общественной тишины и порядка, а также и благодушных благотворителей. Да и сам Прокопович на 2-й странице своей книги меланхолически заявляет, что «экономическая отсталость России настолько велика, что мы до сих пор еще не вышли из периода филантропической организации помощи неимущим». Таким образом, самостраховки не существовало, во всяком случае, — она на добрую долю была разбавлена благотворительностью. К этому надо прибавить, что, как увидим дальше, среди фабрично-заводского пролетариата почти отсутствовали организа-

ции взаимопомощи, в то время как стачечная борьба неуклонно развивались. Они захватывали ничтожное количество ремесленного пролетариата, рабочих печатного производства и служащих — в центральной России, горнозаводских рабочих Урала; шире они были развиты в польско-еврейских городах. Таким образом, говорить о возможности и целесообразности того, чего рабочий класс не создал и что не имело серьезного значения в его жизни, — значит говорить впустую.

Насколько организации взаимопомощи соответствовали потребностям рабочего движения,—а только с этой стороны и представляют для нас интерес всякие рабочие организации — можно судить по тому, что стачечное, а позже и политическое движение, развивалось помимо всякого участия организаций взаимопомощи. Когда рабочие в процессе борьбы создавали организации, например, стачечные кассы, то таковые ничего общего не имели с кассами взаимопомощи, похоронными кассами, товариществами и пр. и, как правило, существовали нелегально, так как они являлись организациями классовой борьбы и беспощадно преследовались. В момент выхода рабочего движения на широкую дорогу создаются социал-демократические организации, берущие на себя руководство классовой борьбой в полном об'еме — и политической, и экономической. Организации же взаимопомощи никакой роли в классовой борьбе русских рабочих не сыграли: они не организовали рабочего класса, они не руководили его борьбой; значение же их, как органов страхования на случай житейских бед, совершенно ничтожно даже при наличии вкладов различных благотворителей и отчислений предприятий и несмотря на весьма ограниченный круг лиц, на который простиралась их деятельность (за исключением горно-заводских товариществ и железнодорожных касс). И это вполне понятно. Более или менее правильное обеспечение рабочих на случаи болезни, инвалидности, смерти, безработицы можно мыслить только при наличии социального страхования за счет предпринимателей и государства. Страховать рабочих за счет рабочих, да еще при том их экономическом положении, в каком они находились у нас в России, могли предлагать или, по крайней мере, предполагать самую возможность его, только не в меру умные буржуазные адвокаты и экономисты, которые были не прочь иногда позабавиться «рабочей политикой».

Утверждение Прокоповича даже в отношении наиболее мощных промышленных западно-европейских стран требует целого

ряда оговорок и ограничений. Достаточно сослаться на цеховщину и замкнутость тред-юнионизма второй половины XIX века и начала XX века, чуждавшегося широкой рабочей массы, с одной стороны, и связности действий между отдельными тред-юнионами, с другой. Нельзя отрицать, что тред-юнионы достигли значительных результатов в области взаимопомощи. Но эти результаты касались не всей массы пролетариата, а наиболее привилегированных и хорошо оплачиваемых групп пролетариата.

Мы понимаем, что организовать рабочие массы на первых стадиях его развития можно только на основе отстаивания примитивных, повседневных интересов рабочих. Одним из основных таких интересов является заработная плата и рабочий день, которыми измеряется и степень эксплоатации, и степень экономического положения рабочего. Мы видели, что основной причиной стачечной борьбы были именно заработная плата — в первую очередь — и затем рабочий день. Ни кассы взаимопомощи, ни общества взаимопомощи не пытались организовать рабочих на основе борьбы за повышение заработка и понижение рабочего дня. Больше того, они стояли в стороне от этой борьбы. Этим и об'ясняется, что они не могли стать сколько-нибудь широкими организациями, так как взаимопомощь нельзя было организовать, когда заработок не был достаточен для элементарного пропитания и удовлетворения примитивных жилищных нужд.

Конечно, политические условия препятствовали организовывать легальные профессиональные об'единения на основе борьбы за экономические требования рабочих, и руководство такой борьбой берут на себя со второй половины 90-х годов подпольные социал-демократические организации и стачечные кассы. Однако, это не значит, что кассы и общества взаимопомощи при благоприятных условиях могли бы стать классовыми профессиональными об'единениями. Когда такие условия создались, то организации взаимопомощи просто исчезли (общества взаимопомощи торговых служащих сохранились до Октябрьской революции, но о причинах этого—ниже). Как увидим ниже, ни формально, ни по существу кассы и общества взаимопомощи не были классовыми организациями и не являлись зачатками классового профессионального движения. Истоки профессионального движения лежат в стачечном движении и зачатки профессиональных об'единений надо искать в революционных организациях и нелегальных стачечных кассах, а не в организациях взаимопомощи. (Ниже мы увидим,

что это справедливо и относительно обществ взаимопомощи торговых служащих, сохранившихся до Октябрьской революции).

Обратимся к цифрам и фактам, которые наглядно выяснят нам роль и значение организаций взаимопомощи в истории рабочего класса России. (Фактическое изложение основано на указанной работе Прокоповича и статье Святловского «Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих», в «Архиве Истории Труда», кн. 4, и Кольцова—«Рабочие в 1890—1904 г.» в «Обществ. движении в России», т. I).

Раньше всего кассы взаимопомощи возникают в окраинных частях старой России: в Польше, Прибалтийском и Северо-Западном крае. Возникали эти кассы в связи с цеховым устройством в этих краях и история их восходит иногда к XVI веку. И в XIX веке кассы взаимопомощи существовали исключительно среди ремесленников; причем об'единяли и хозяев, и рабочих. Более широкое их распространение в указанных краях по сравнению с центральной Россией основывалось на двух фактах: происхождение ремесла из цехового строя, отсутствовавшего в других частях старой России, и позднее развитие капитализма.

В Прибалтийском крае в 1898 г. насчитывалось 98 обществ и касс взаимопомощи ремесленников.

В Северо-Западном крае широко были распространены братства евреев-ремесленников (хевра): они имелись почти в каждом городе. По своему характеру — это организации взаимопомощи с религиозным оттенком, сохранившимся в большинстве братств до самого последнего времени, — по существу, они являлись остатками цехов. Разумеется, они включали в свой состав и хозяев, и наемных ремесленников, при этом иногда хозяев-мастеров было больше, чем наемных ремесленников (например, см. о братстве маляров в Могилеве у Прокоповича, стр. 5). Бывали случаи, что подмастерья выделялись в самостоятельную организацию. Правда, судя по данным Прокоповича, наемные подмастерья начали совершенно обособляться от хозяев в особые организации только с конца 90-х годов. К ним относится основанная в 1897 г. хевра подмастерьев переплетного дела, в следующем же году разрушенная хозяевами. Но таких хевр и Прокопович насчитал только одну (организация кожевников в 1899 г. без функций взаимопомощи относится уже к другому типу организаций). Таким образом, мы видим, что: 1) в кассы взаимопомощи были организованы и в Прибалтийском, и в Северо-Западном крае исключительно ре-

мещенники; 2) они об'единяли и хозяев, и подмастерьев; 3) никакого отношения к классовым организациям пролетариата указанные кассы и общества не имели ни по своему составу, ни по характеру своей деятельности, и на основании существования этих касс нельзя утверждать, что эта форма организации могла иметь какое-нибудь значение для промышленного пролетариата хотя бы и в узко-ограниченной сфере взаимопомощи. Самострахóвка хозяйчиков-мастеров, разбавленных подмастерьями (которые часто становились тоже хозяевами), вещь до некоторой степени возможная. Но говорить о возможности применения этого средства в отношении широкой массы промышленного пролетариата, это значит указывать заведомо ложный путь пролетариату, путь, который ни сегодня, ни завтра никуда не выведет пролетариат и не улучшить его положения в капиталистическом обществе. Больше того, мы видим, что при соприкосновении ремесла с капитализмом идиллии цехового братства мастера и подмастерья рассеиваются, как дым, даже в первом, а выделившиеся особые организации подмастерьев или гибнут, или на их месте, при подходящих условиях, возникают профессиональные союзы. Тут необходимо заметить, что Прокопович очень щедро рассыпает в применении к хеврам словечки: «профессиональный характер», «профессиональная деятельность», явно затушевывая разницу между кассами взаимопомощи и профессиональными союзами. Касса взаимопомощи даже без участия в ней хозяев не является ни в какой степени профессиональным союзом в нашем смысле (а придавать словам «профессиональный союз» какой-нибудь другой смысл могут те, кто выхолащивает классовую сущность этой формы пролетарской организации). На 22-й странице Прокопович без обиняков заявляет, что «наши общества взаимопомощи посвящают много внимания всесторонней защите профессиональных интересов». Если функции взаимопомощи называть «всесторонней з а щ и т о й (курсив наш) профессиональных интересов», тогда Прокопович прав. Но он не прав, конечно, подменяя защиту (хотя бы даже не борьбу, а только защиту) профессиональных интересов функциями взаимопомощи. А кроме этих функций он мог привести в подтверждение своего заявления только факт ходатайств «по вопросам фабричного законодательства», но тут же в скобках пояснил, что это за фабричное законодательство: «праздничный отдых и сокращение торгового дня у приказчиков»; т.-е., иначе говоря, «ходатайства по вопросам фабричного

законодательства» относятся к обществам взаимопомощи торговых служащих. О них мы будем говорить ниже и выясним, что и они, как и все другие общества и кассы взаимопомощи, ни в какой степени не являлись профессиональными союзами (за некоторыми исключениями после 1905 года, о которых ниже). Поэтому Прокопович не прав второй раз, когда говорит: «Поэтому они (общества взаимопомощи) являются в значительной степени профессиональными союзами, организующими защиту профессиональных интересов и взаимопомощь». Во-первых, профессиональные союзы в капиталистическом обществе организуют пролетариат, в первую голову, для классовой борьбы и ведут, конечно, борьбу за повседневные экономические интересы пролетариата, а не просто «организуют защиту профессиональных интересов». Во-вторых, без указания, как и на каких основаниях организуется защита профессиональных интересов, мы не можем судить, действительно ли она организуется: по нашему мнению, прошения на имя царя или Победоносцева — хотя бы и о праздничном отдыхе торговых служащих — ни в какой мере нельзя отнести к разряду организации даже только «защиты профессиональных интересов». И не такой «защитой» ремесленники и торговые служащие добились праздничного отдыха и сокращения рабочего дня, а стачками, проводившимися профессиональными союзами частенько при неблагожелательном отношении со стороны обществ взаимопомощи. А по Прокоповичу общества взаимопомощи «от профессиональных союзов... отличает одна особенность, — то, что они не организуют стачек». Вот уж действительно — одна маленькая «особенность». Но, кроме этой, мы выше указали и еще одну общую и главную особенность, из которой вытекает и эта «одна особенность»: ни кассы, ни общества взаимопомощи не организовывали классовой борьбы и не для этой цели они создавались. Что же касается взаимопомощи, то она не является первичным признаком профессионального союза в нашем значении слова и, если хотите, не всегда обязательна для профессионального движения.

То, что отсутствие стачек в функциях обществ взаимопомощи обусловливалось неразвитостью капиталистических отношений «в той среде, в которой вербуются члены обществ взаимопомощи», — совершенно правильно. Но отсюда сам собой напрашивается вывод: этим обусловливалось и отсутствие профессиональных союзов в этой среде. При отсутствии в известной степени раз-

витых капиталистических отношений нет ни стачек, ни профессиональных союзов. А у нас, в России, профессиональное движение, как таковое, в легальных формах стало возможно только с 1905 г., до этого же оно пряталось в подполье, несмотря на развитую стачечную борьбу. Но мы знаем, что общества взаимопомощи — как таковые, когда за их вывеской не прятался профессиональный союз в годы реакции, — не проводили стачек ни в 1905 г., ни после, когда народившиеся профессиональные союзы и ремесленников и служащих проводили стачки. «Особенность» обществ взаимопомощи сохранялась до последнего дня их существования, и именно потому, что они не были классовыми организациями и вербовали состав своих членов из такой «среды», как администраторы и хозяева — среды, совершенно не заинтересованной в стачках.

Данных о кассах и обществах взаимопомощи русских ремесленников у нас нет, приводимыми же Прокоповичем воспользоваться трудно, так как он свалил в одну кучу и кассы взаимопомощи ремесленников, и чисто благотворительные организации, иногда не имеющие отношения к ремесленникам.

Из перечня Прокоповича можно установить, что с 1862 по 1898 г. было открыто 19 обществ взаимопомощи и касс ремесленников (включая сюда и кондитеров) и 2 общества официантов. К этому можно добавить, что касса взаимопомощи золотосеребренников в Петербурге продолжала свое существование и после 1905 г. наряду с профессиональным союзом, то же самое имело место и с обществом взаимопомощи официантов в Москве, просуществовавшим до революции 1917 г.

Надежные данные — хотя и недостаточные для оценки организаций — приводятся им о кассах взаимопомощи типографских рабочих, которые в России начали организовываться с 1838 г. Накануне 1905 г. таких касс и обществ насчитывалось 22 (кроме 6-ти в Польше и Прибалтийском крае). Функции их сводились исключительно к взаимопомощи. Нельзя обойти молчанием, что 8 из 22-х этих касс числились в списке б л а г о т в о р и т е л ь н ы х организаций. Помимо рабочих, в их состав входили управляющие, доверенные, а иногда и хозяева.

По данным, собранным к первому с'езду профессиональных союзов рабочих печатного дела в 1907 г., кассы взаимопомощи печатников имелись в 25-ти пунктах; их капиталы к началу 1907 г. были равны 327.500 руб., из коих 180.000 руб. приходи-

лись на долю столичных касс. (Святловский. «Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих», в «Архиве Истории Труда», кн. 4, стр. 43). Таким образом, видим, что и кассы печатников продолжали свое существование после первой революции параллельно с профессиональными союзами.

Уже одно обстоятельство говорит за то, что общества и кассы взаимопомощи не только нельзя отождествлять с профессиональными союзами, но их нельзя считать и зачатками профессиональных союзов. Зачатки, зародыши развиваются. Здесь, как и в обществах взаимопомощи торговых служащих, мы не видим развития профессионального движения из обществ и касс взаимопомощи: оно зарождается самостоятельно даже без содействия обществ взаимопомощи. Если бы последние были зародышами профессионального движения, то они доразвились бы до степени профессиональных союзов. Но этого не случалось. Как раз наоборот, в большинстве случаев между обществами взаимопомощи и возникавшими профессиональными союзами сразу устанавливался иногда довольно острый антагонизм.

Далее, рассмотрим кассы и товарищества в горной промышленности.

В 1821 г. в Польше основано горно-заводское товарищество. С конца 50-х годов организовываются кассы взаимопомощи в частных горно-промышленных предприятиях. В 1898 г. на частных предприятиях действовали 19 касс, включавших в свой состав 22.676 рабочих из общего числа в горной промышленности Польши 38.380, т.-е. 59%.

Главный источник средств этих касс — обязательные вычеты из заработка от $1\frac{1}{2}\%$ до $3\frac{1}{3}\%$ затем взносы заводоуправлений (не на всех заводах) и штрафные суммы. Несмотря на такой порядок составления средств, за рабочими не было обеспечено право участия в управлении кассами, предприниматели же этим правом пользовались, и, не делая взносов, целиком распоряжались средствами касс. С 1900 года рабочие привлекаются к управлению кассами, причем управление подчинено горной и фабричной инспекции. Главные функции касс: помощь при болезни, на похороны, в некоторых кассах — пенсии инвалидам и вдовам и единовременные пособия в разных случаях нужды, а также и страхование от несчастных случаев. После стачек 1897 г. из функций касс изъяты врачебная помощь и пособия пострадавшим от несчастных случаев.

По закону 1861 г. кассы взаимопомощи начинают основываться на уральских горных заводах (на казенных заводах — горно-заводские товарищества). Уставы касс подлежали утверждению. В 1901 г. действовало 14 касс на Урале, 1 на Кавказе и 1 в Олонецкой губ. Все 16 касс об'единяли 11.715 рабочих. Средства касс составлялись из 2—3% вычетов из заработка, такого же взноса заводоуправления и штрафных сумм. (Заводоуправления делали свои взносы неаккуратно, иногда затягивая по нескольку лет). Функции касс: выдача пенсий, а также пособий больным, временные пособия без пенсии, чрезвычайные пособия в несчастных случаях; кроме того, кассы выдавали своим членам ссуды и занимались потребительными операциями, иначе говоря — товарищества представляли собой пенсионные, ссудо-сберегательные и вспомогательные кассы.

Управление делами товарищества поручалось попечительному приказу, который составлялся так: председатель назначался заводоуправлением, четыре члена избирались всеми участниками товарищества из своей среды и обязательно местных домохозяев.

Кроме заведывания кассой взаимопомощи, в ведение горнозаводских товариществ входило также рассмотрение и обсуждение споров и недоразумений, возникавших между рабочими и заводоуправлениями. Но в этом отношении они совершенно не проявили себя.

Горно-заводские товарищества учреждались администрацией не без задней мысли — иметь средство для прикрепления рабочих к данным предприятиям и держать рабочих в своих руках. И характерно, что закон о горно-заводских товариществах издан 8-го марта 1861 г., т.-е. немедленно вслед за отменой крепостного права (а на казенных заводах и рудниках Урала работали крепостные рабочие). Несомненно, что заводоуправления частных горных промыслов руководствовались теми же мотивами при учреждении касс.

С 50-х годов организовываются вспомогательные кассы для рабочих и служащих железных дорог. В 1888 г. был издан закон, обязывающий все частные дороги России учреждать вспомогательные кассы. На одних дорогах были пенсионные, на других ссудо-сберегательные кассы. Средства составлялись из разных источников: взносы рабочих и служащих, управлений железных дорог, из штрафов и пр. Большинство в управлении кассами составлялось

из администрации. Членство постоянных рабочих и служащих в пенсионных кассах (на казенных дорогах) было обязательно.

В 1902 г. членов касс на казенных железных дорогах было 225.627, на частных — 80.791. В 1910 г. общее число членов доходило до 330.000.

Как горно-заводские, так и железнодорожные кассы никакого значения в рабочем движении не имели, не оказав также никакого влияния и на организацию профессионального движения, возникшего в 1905 г.

Это были страховые организации, неизвестно кого страховавшие в б о л ь ш е й с т е п е н и: предпринимателей, заводоуправления или рабочих.

Приблизительно по тому же типу организовывались кассы взаимопомощи на частных фабриках и заводах Польши и Прибалтийского края.

В русских губерниях «лишь на некоторых фабриках были учреждены специальные вспомогательные и пенсионные фонды, составлявшиеся, главным образом, из штрафных денег» (Святловский, указанная статья, стр. 41).

Только с конца 80-х годов появляются автономные от фабричной администрации общества взаимопомощи фабрично-заводских рабочих, но они не получили широкого распространения. Наиболее замечательным из них было «Харьковское общество взаимопомощи рабочих механических заводов», которое к концу 1904 г. об'единяло 1.300 рабочих. Это общество принимало участие в организации профессионального движения 1905 г. Но оно было исключением. «Большинство фабрично-заводских обществ или застряли на своих первоначальных функциях или погибли при первой попытке перейти к боевой тактике. Эти организации, очевидно, тоже не могли стать руководителями рабочего движения и об'единить хотя бы только передовые слои рабочего класса». (См. указанную статью Кольцова, стр. 192—193). Движением рабочего класса, боровшегося с капитализмом, руководили другие организации.

И В. Святловский (далекий от нашего определения профессионального союза) в отмеченной статье все же под давлением фактов принужден сделать вывод, что до 1905 г. (почему только до 1905 г.?) организации взаимопомощи зачастую «превращались в орудие борьбы хозяев с входившими в них рабочими массами». («Архив Истории Труда», кн. 4, стр. 34). Только вот от-

носительно масс: если Святловский употребил это слово для количественного определения, то он ошибается! За исключением горнозаводских товариществ и железнодорожных пенсионных касс, где членство было обязательным, никаких масс мы не видим в организациях взаимопомощи.

2.

Больше всего общества взаимопомощи были распространены среди торговых служащих [1]).

В виду особых условий труда в торговле, эти общества не только широко распространялись (почти в каждом губернском городе и в некоторых уездных было общество взаимопомощи), но оказались и весьма живучими, погибнув только после Октября.

Мы на них остановимся несколько подробнее именно потому, что, исходя из деятельности этих обществ и их существования после 1905 г., многие склонны причислять их к профессиональным союзам и считать зарождение профессионального движения служащих, — а по аналогии и промышленного пролетариата — от обществ взаимопомощи. Постараемся доказать неосновательность такого утверждения фактами из жизни обществ взаимопомощи торговых служащих.

Первые общества взаимопомощи торговых служащих начали организовываться в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого столетия. Нельзя сказать с уверенностью, что они возникли по примеру и под влиянием аналогичных организаций ремесленников и типографских рабочих. Во всяком случае, когда в Москве в 1863 г. возникла мысль организовать «Общество купеческих приказчиков», то у инициаторов при разработке устава в качестве материала был в руках только один устав Рижского общества взаимопомощи приказчиков, возникшего в 1859 г. Это говорит о полном отсутствии не только связи первых организаторов обществ взаимопомощи служащих с такими же обществами ремесленников, но и о незнакомстве с ними.

---

[1]) Антошкин. Движение служащих в России. М. 1921 г. Белин. Профессиональное движение торговых служащих в России. 1906 г. Непряхин. О-ва взаимопомощи торгов. служащ. Сар. 1913 г. Труды I-го с'езда обществ вспоможения частному служебн. труду. Н.-Новг. 1897. Тоже 2-го с'езда 1898 г. М. 1900. Протоколы 3-го с'езда в 1906 г. М. 1906 г. Протоколы 4-го с'езда в 1913 г. М. 1917 г. Прокопович. К рабочему вопросу в России, стр. 12—18. Святловский. Из истории касс и о-в взаимопом. (в „Арх. Ист. Труда", кн. 4, стр. 34—36). Гудван. Профессиональное движение служащих в России (печатается).

Непряхин ставит возникновение обществ взаимопомощи в зависимость от общественного настроения 60-х годов, «так или иначе отразившегося и на торговых служащих». Известная доля истины в таком мнении, конечно, есть. Но если даже эпоха 60-х годов и отразилась как-нибудь на служащих, то отражение это выразилось, конечно, не в организации обществ взаимопомощи, совершенно ненужных массе торговых служащих, как это доказала больше чем полувековая деятельность обществ. Падение крепостного права имело большое влияние на дальнейшее развитие торговли, на прилив новых предпринимателей в эту область экономической жизни, а также и на прилив новых элементов в среду самих служащих в лице крестьянских детей. И Непряхин не утверждает, что общества возникали по почину рядовых служащих. «Не общественные деятели, не люди широкого почина и широких планов положили основание обществам... в большинстве случаев инициатива организации исходила от купечества и состоятельных верхов торговых служащих, составлявших администрацию торговых предприятий... организация шла во имя мелких целей благотворительного характера. Русское купечество, соединяя в себе самодурство с богомольностью, так привыкло выступать в роли «благодетелей» и «радетелей», что эта черточка купеческой натуры привилась и верхам торговых служащих». Отсюда, нам кажется, пошло не только возникновение обществ, но в значительной степени и дальнейшее их распространение.

После Риги общества возникли в столицах, южных и западных торговых центрах, затем волна перекинулась в 80-х годах на Поволжье, а в 90-х годах захватила Кавказ и Сибирь. Несомненно, чем ближе к XX столетию, тем чаще первоначальной, отмеченной нами, причине возникновения обществ сопутствовала новая причина, если можно так выразиться, — органического характера, скрытая в назревшей потребности какой-нибудь организации, могущей оформить смутно бродившее среди служащих стремление улучшить свое положение, найти тот или иной выход из него.

Функции обществ взаимопомощи до революции 1905 года ограничивались благотворительными целями — выдачей мелких пособий на случай болезни, смерти, безработицы и пр., устройством лечебной помощи, богаделен; почти во всех обществах взаимопомощи устраивались клубы, библиотеки, а в некоторых школы для детей членов и вечерние курсы для взрослых. Член-

ские взносы для такого рода пособий не могли составить хоть сколько-нибудь достаточные суммы, так как и самые крупные общества насчитывали ничтожное количество членов, в среднем от 100 до 200 на каждое общество к концу века, а при возникновении обществ члены исчислялись десятками. Главным источником доходов обществ были взносы членов-соревнователей и почетных, вербовавшихся из среды купцов, их доверенных и др. высших служащих; в некоторых обществах доверенные и купцы являлись действительными членами; часто они же были инициаторами организации обществ и руководителями их. По этой причине общества торговых служащих до самой революции 1905 г., а местами и после, сохранили характер исключительно благотворительных учреждений. Тяжелые лапы почетных членов и соревнователей, облегчая своими денежными и имущественными взносами и пожертвованиями благотворительную деятельность обществ, не давали им возможности уклониться в сторону выявления профессиональных интересов и нужд. Общества взаимопомощи не ставили себе задачей борьбу за повышение заработка и улучшение условий труда; некоторые из них вели кампании за установление праздничного отдыха и сокращение рабочего дня в форме верноподданнических ходатайств и ходатайств перед местными властями, но обычно эти ходатайства оставались безрезультатными. Ничем иным и лучшие общества до революции 1905 г. не проявляли себе во вне. И было бы неправильно в данном случае ссылаться исключительно на политические условия; они имели свою большую долю влияния на характер деятельности обществ взаимопомощи, но тут эти политические условия играли служебную роль для соревнователей и почетных членов и большинства руководителей обществ, не имевших намерений раздвигать деятельность обществ за рамки благотворительности и ходатайств (обычно тогда, когда и купцы из более развитых не возражали против воскресного отдыха, а иногда прямо поддерживали такого рода ходатайства). Кроме того, ходатайства обычно возникали под влиянием и давлением торговых служащих, стоявших вне обществ. Эти обстоятельства, конечно, не могли способствовать росту обществ. Они замыкались в тесном кругу небольшого количества служащих, часто навербованных соревнователями и почетными членами из служащих своих магазинов, большей частью приказчиков первого класса; в нормальном уставе обществ, внесенном на обсуждение 2-го с'езда в 1898 г., прямо говорится, что лица,

состоящие на степени рабочего, не могут быть членами обществ; фактически таких лиц до XX в. мы не встретим в обществах. Время борьбы за свои классовые интересы для служащих еще не пришло; сознание торговых служащих, в массе забитых и невежественных, еще не оформилось в коллективное классовое сознание; оно еще путалось в паутине непонимания противоположности интересов служащих и хозяев, непонимания, воспитанного условиями тогдашней торговой жизни, разобщенностью между товарищами по профессии и нередкой возможностью «выйти в люди» — тем или иным путем открыть свою лавочку, а на худой конец сделаться старшим или доверенным.

Такова была психология массы торговых служащих, и она очень медленно изменялась в сторону сознания противоположности классовых интересов, ее с трудом приходилось преодолевать еще в самые последние годы перед национализацией торговли, ибо последняя очень медленно развивалась по пути концентрации в большие, так называемые, универсальные магазины, требовавшие для своей организации больших капиталов, разрушавших в головах служащих мечты о возможности открыть «свое дело», штаты этих магазинов в сотни и тысячи человек, с одной стороны, показывали каждому служащему, что их очень много, а «в люди могут выйти» лишь немногие счастливцы, да и то с небольшой долей вероятности, с другой — давали служащим возможность найти грань между своими интересами и интересами хозяев, далеко стоящих теперь от них и по своим привычкам, и по своему воспитанию; разрыв же сходства или одинаковости бытовых условий толкал мысль служащего на осознание социально-экономических различий, облегчая такое осознание. Приблизительно такое же влияние, правда, в меньшей степени, оказывало сосредоточение торговли в крупных постоянных рынках и вообще ее качественное и количественное развитие. В 1905 году и позже служащие крупных фирм и рынков выдвигают лучших работников для профессионального и политического движения. Пока же за них выступают их хозяева и их приспешники, служащие молчат и терпеливо несут каторжную лямку, не помышляя о протесте и борьбе с эксплоатацией. Поэтому, неудивительно, что общества взаимопомощи долгий ряд лет находятся в руках хозяев и их доверенных и не привлекают к себе массы служащих, о чем говорят следующие цифры: вспомогательное общество купеческих приказчиков в Москве, открывшееся в 1863 г., к концу 1864 г.

насчитывало 184 члена; из года в год количество членов росло и ко времени первого с'езда обществ взаимопомощи в 1896 году дошло до 2.726, в 1906 г. поднялось до 3.665, а к 1912 г. упало до 2.966 членов. К тому же, в 1896 г. петербургское общество взаимопомощи насчитывало 659 членов, казанское—562, нижегородское—513, одесское—400, в 1913 г. петербургское общество имело до 900 членов. На первом с'езде обществ количество их принималось равным 50, число членов в среднем по 100 в каждом, а на втором с'езде в 1898 г. обществ считалось 100 с количеством членов в каждом, в среднем,200, т.-е.—20.000 членов по всей России, тогда как по всеобщей переписи 1897 г. только в торговле занято было более 1½ миллиона человек, из них 1.331.581 мужчин и 299.408 женщин; таким образом, количество членов обществ по отношению к общему количеству организованных составляло не многим более одного процента. Рост количества членов обществ до 1905 года был, в общем, ничтожен. Так, Томское общество в 1892 году имело 151 члена, в 1893 г.—140, в 1900 г.—224. В Саратовском обществе в 1880 г. насчитывалось 180 членов, в 1900 г.—220. В Пензенском обществе в 1892 г. состояло 130 членов, а в 1895 г.—106, в 1900 г.—182. В Астраханском—в 1886 г.—447 членов, в 1890 г.—285, в 1900 г.—259. Приведенные цифры показывают, что количество членов колебалось, при этом иногда замечался не рост, а уменьшение. Томское общество в 10-летнем отчете (1892—1902 г.г.) дает об'яснение этому явлению: «мелкие приказчики, служащие мелких фирм, лавочек, скудно обеспеченные материально и обремененные многочисленным семейством, вступают в общество неохотно». Это об'ясняется высоким членским взносом, который, по тогдашней ценности денег, был действительно высок во всех обществах и уплата его была не под силу большинству служащих ниже 1-го класса приказчика. Вторую причину незначительности роста обществ томский отчет находит в том, что «общество еще недостаточно развило свою деятельность и относительно немного дает выгод своим членам». Состав обществ давал определенную благотворительную окраску деятельности их, мало привлекавшую к себе служащих и не вызывавшую в них доверия.

В Петербурге в 1913 г. считалось всех служащих более 150.000. Три общества взаимопомощи об'единяли около 1.500 действительных членов, или один процент. Интересно соотношение действительных и почетных членов. По данным Грачева, в 32 об-

ществах взаимопомощи в 1895 г. было 8.802 действительных члена (в подсчет входят все крупные, перечисленные выше, общества), а почетных и соревнователей—1.131, или около 13%.

Приведем данные для отдельных обществ, заимствованные у Непряхина. При основании Рижского общества было 46 учредителей хозяев и 168 приказчиков, единовременные взносы приказчиков равнялись 35 руб. с человека, хозяев—около 100 руб. Витебское общество в своем отчете за 1886 г.—1911 г. констатирует, что мысль о создании учреждения для оказания помощи служащим зародилась в кругу обеспеченных служащих и интеллигентных хозяев. По отчету Томского общества (1892—1902) видно, что около 38% членов его занимают должности управляющих, доверенных и бухгалтеров. В Саратовском обществе к 1 января 1880 г. среди членов почти половина относилась к хозяевам, агентам, комиссионерам, доверенным, бухгалтерам. Среди почетных членов Астраханского общества было три губернатора; в Самарском обществе—митрополит Владимир и Иоанн Кронштадтский. Московское общество купеческих приказчиков имело в качестве членов-соревнователей около 50 торговых домов и торгово-промышленных товариществ и много единоличных предпринимателей, как о том свидетельствуют списки, приведенные в 50-летнем отчете. Петербургское общество залучило себе в почетные члены Победоносцева. С одной стороны — капиталы, с другой — сильные мира сего. Для благотворительных целей — это два основных слагаемых.

Кроме того, многие общества с самого начала проникались духом узкого национализма. Так, например, Рижское общество принимало в члены преимущественно русских, из других национальностей — только православных (по уставу 1908 г.).

Николаевское общество (Херсонской губ.) называлось «Обществом приказчиков-христиан». Ярославское общество не принимало в члены евреев. В Одессе было организовано «Общество приказчиков-евреев». В Екатеринославе были отдельные общества евреев и христиан. Исключение во всех отношениях составляет Армавирское общество, организованное рядовыми торговыми служащими в 1900 году для достижения урегулирования рабочего времени и праздничного отдыха, после того, как они потерпели неудачу в своих попытках добиться этого.

По характеру внутренней деятельности общества взаимопомощи до 1905 г. в основных чертах не отличались друг от друга, раз-

ница между ними была лишь количественная — одни общества богаче и выдавали поэтому больших размеров пособия и большее количество видов пособий, как денежных, так и натуральных, менее богатые выдавали меньше пособия и видов их было меньше. Для характеристики можно взять одно из них, самое крупное и богатое — Московское общество купеческих приказчиков, у которого имеется отчет за время с 1863 по 1913 годы. За отчетный период потерявших работу зарегистрировано 3.695 служащих членов общества; из них получили работу чрез общество 2.776 служащих: потерявшие работу получали пособие по 10 рублей в месяц до поступления на работу, но не более 12 месяцев. В течение отчетного периода выдано пособий 2.678 действительным членам в сумме 162.346 руб. «по праву» и 1.461 действительным членам по решению частного собрания в сумме 63.158 рублей. Петербургское общество выдавало безработным по 5 руб. в месяц. Престарелым служащим (инвалидам), пробывшим в обществе (Московском) в качестве членов 25 лет, выдавалась пенсия по 120 руб. в год: кроме того, при обществе существовал инвалидный дом. На погребение члена выдавалось 60 рублей. Затем следуют пособия семьям умерших членов, невестам при выходе замуж. При обществе имелась школа для детей, касса взаимного вспоможения на случай смерти и библиотека с читальней. В некоторых обществах была организована врачебная помощь, например, в Петербургском—была амбулатория, в Харьковском были врачи, оплачиваемые обществом. Наиболее крупным видом помощи оставалась денежная ее форма, но и та носила по своим размерам жалкий характер и не могла залечить вопиющие нужды торговых служащих. Для характеристики этого вида помощи приведем еще несколько цифр. В 1911 г. Петербургское «Общество взаимого вспоможения приказчикам и сидельцам» выдало пособий 5.192 руб., которые распределяются так: пособий членам общества—2.677 руб., семьям умерших членов—2.060 руб., на обучение детей членов общества—455 руб. В том же году общество взаимопомощи Петербургского Гостиного Двора выдало пособий 3.779 руб.: на погребение действительных членов—1.482 руб., нуждающимся действительным членам и семьям умерших членов—1.682 руб., на воспитание детей членов общества—280 руб., на учрежденные обществом стипендии—335 руб. (Д. Антошкин—«Общества взаимопомощи и профессиональные союзы», в «Вестн. Приказчика», № 3, за 1912 г.). Пензенское общество в 1894 году выдало 39 руб. пособий, в

1895 г. — 42 руб. 50 коп., в 1896 г. — 5 руб. Томское общество с 1894 по 1902 г.г. за 8 лет выдало 2.305 руб., меньше, чем 300 руб. в год. Тамбовское общество в первые 15 лет выдало 3.942 руб. Суммы, выданных Саратовским обществом пособий, составляли в разные годы 65 руб., 120 руб. и 218 руб.

Помощь — денежная и приисканием работы — во время безработицы, врачебная помощь, культурно-просветительная деятельность (школы, библиотеки, курсы) — вот главные области деятельности почти всех наиболее богатых обществ. Почти все общества в губернских городах оставили после себя в наследство нам библиотеки, многие из которых являлись или единственными в городе, или наиболее организованными и богатыми по подбору книг. В южных городах почти при каждом обществе имелись клубы.

Для характеристики внешней деятельности обществ приведем факты из жизни того же московского общества. В 1882 году общество начинает хлопоты о нормировании рабочего дня и праздничном отдыхе; но хлопоты кончаются ничем. В 1888 году городская дума утвердила новые правила о праздничной торговле, но они вскоре были отменены. Ниже мы увидим, что, начиная с 80-х годов прошлого столетия, целый ряд обществ взаимопомощи поднимает вопрос о нормировании рабочего времени и праздничном отдыхе и хлопочут об этом и перед центральной, и перед местной властью: городские думы и биржевые комитеты местами встают в этом вопросе на сторону служащих, местами занимают непримиримую позицию; но, в общем, ни хлопоты, ни челобитные, успеха не имели, пока сами служащие повсеместными забастовками не вырвали из рук хозяев праздничный отдых и сокращение рабочего дня.

Когда, к концу 90-х годов, общества взаимопомощи торговых служащих возникли по всей России — в каждом губернском и в некоторых уездных городах — у руководителей их возникла идея с'ездов для совместного резрешения общих вопросов торгового труда. По данным, приведенным у Прокоповича («К рабочему вопросу», стр. 12), в 1899 г. по всей России (без Польши, Прибалтийского края и Финляндии) функционировало 74 общества приказчиков.

Возникновение их по пятилетиям распределяется следующим образом:

в 1863 — 65 г.г.	— 4	в 1886 — 90 г.г.	— 11
„ 1866 — 70 „	— 6	„ 1891 — 95 „	— 22
„ 1871 — 75 „	— 2	„ 1896 — 99 „	— 14
„ 1876 — 80 „	— 4	неизвестно когда	— 4
„ 1881 — 85 „	— 7	Всего . .	74

По данным Гудвана, в 1898 г. было 98 обществ.

Из этой таблицы видно, что большая часть обществ возникла после 1885 года, и особенно сильно возросло их количество в 90-х годах — период наибольшего оживления кампании хлопот о нормировании труда торговых служащих; это — период, когда патриархальные отношения между хозяином и служащим в большей части начали уступать место капиталистическим отношениям, и когда, с другой стороны, усиливавшееся рабочее движение просачивало в головы служащих идеи протеста против эксплоатации; правда, просачивались эти идеи с большим трудом и отливались в своеобразные формы, лишенные действенной силы; служащие еще очень смутно начинали понимать, что надо изменить условия жизни, освободиться из положения рабочего скота, и они еще не знали — как освободиться и не имели для этого нужных сил. Потому-то и с'езды обществ взаимопомощи в 1896 и 1898 г.г., ставя в повестку дня вопросы, отражавшие наболевшие нужды служащих, способом разрешения их выявляли бессознательные смутные брожения среди служащих, не оформившиеся для действий, скованные темнотой и предрассудками.

Первый с'езд был созван 26 августа 1896 г. в Нижнем-Новгороде во время ярмарки по инициативе Нижегородского общества взаимопомощи. На с'езде обсуждались следующие вопросы:

1) Разработка вопроса об учреждении об'единяющего все организации «общества взаимного страхования жизни», и 2) обсуждение других вопросов, имеющих общий интерес по отношению к быту лиц, занятых частным служебным трудом», т.-е.: 1) установление воскресного и праздничного отдыха для приказчиков, 2) сокращение торгового дня в будни, 3) организация справочного бюро для приискания занятий, 4) издание профессиональной газеты, 5) урегулирование отношений между служащими и хозяевами, 6) введение расчетных книжек, 7) устройство периодических с'ездов представителей обществ взаимопомощи.

На с'езде было представлено 19 обществ взаимопомощи и, по положению о с'езде, три представителя Нижегородского биржевого комитета и три—ярмарочного комитета. Представители об-

ществ взаимопомощи не являлись специально избранными на с'езд; представительство поручалось тем, кто ехал на ярмарку по торговым делам; эти представители являлись доверенными, старшими приказчиками и хозяевами. По самому злободневному вопросу тогдашней приказчичьей жизни — о рабочем времени — с'езд принял постановление, в котором говорится: «просить правительство распространить на служащих свои попечения в той форме, какую оно найдет наиболее удобною. Ходатайствовать, чтобы число часов занятий было ограничено до той нормы, какую правительство найдет возможной». Мы знаем, что правительство долго не находило той нормы, до которой можно было сократить число часов занятий... и служащие работали столько, сколько хотели хозяева.

С одной стороны, на с'езде отмечалось, что некоторые хозяева препятствуют приказчикам вступать в общества взаимопомощи, грозя за это увольнением, а с другой — в заслушанном докладе Пензенского общества говорится о необходимости привлечения в общества вдалельцев фирм, и, наконец, мы знаем уже, что хозяева принимали участие в жизни отдельных обществ и были на с'езде. Запрещение вступать в общества диктовалось, очевидно, главным образом, мракобесием отдельных Тит Титычей, сумасбродством, но известную долю, конечно, составляло и инстинктивное опасение, что служащие отобьются от рук, чего доброго исчезнет безответное послушание и терпение. Но это опасение у купцов было так же смутно, как было смутно и сознание служащих о противоположности своих интересов интересам хозяев. И, думается, что утверждение Прокоповича, вслед за 1-м с'ездом, что «приказчики ждут избавления от своей кабалы или от распространения фабричного законодательства на торговые заведения, или от развития обществ взаимопомощи и роста социальной силы приказчиков» — неверно, а в устах участников 1-го с'езда эти утверждения — красивая фраза, основанная не на учете настроений торговых служащих, а на либеральной фантазии, ибо суб'ективно служащие не подошли еще к отчетливому пониманию своих интересов и не задумывались о росте своей социальной силы, ибо, будучи промежуточным слоем между классовыми группировками и смотря на жизнь глазами мещанина, приказчики и не могли почувствовать этой силы. Потребовалось много уроков рабочего движения, прежде, чем удалось наиболее развитым из них указать на эту силу и заставить их понять ее значение в деле изменения судьбы служащего.

Второй с'езд был созван 1 июля 1898 года в Москве. Состав с'езда и характер — те же самые, что и первого. При открытии его были посланы приветствия — министру внутренних дел и вел. князю Сергею Александровичу; с'езд выразил благодарность «нашим уважаемым принципалам» (может статься за то, что московский обер-полицеймейстер, на утверждение которого была представлена программа с'езда, выработанная 1-м с'ездом, вычеркнул из нее 6 вопросов и между ними такие: 1) о праздничном отдыхе, 2) сокращение торгового дня в будни, 3) об устройстве периодических с'ездов представителей обществ взаимопомощи приказчиков, 4) урегулирование отношений между служащими и хозяевами).

Второй с'езд, между прочим, обсуждал вопрос о создании всероссийского союзного банка обществ взаимопомощи с функциями комиссионных операций, транспортирования и страхования грузов. От благотворительности скакнули к финансовому учреждению. Но эта мысль осталась неосуществленной. Для характеристики тенденции руководителей обществ взаимопомощи весьма показательно пожелание, вынесенное с'ездом при обсуждении нормального устава обществ, чтобы в состав обществ взаимопомощи входили все нуждающиеся во вспоможениях, чтобы общества стали «беспрофессиональными учреждениями взаимопомощи всех нуждающихся»: чистота принципа благотворительного учреждения выдержана. И еще раз не прав Прокопович, на слово поверивший речам 1-го с'езда обществ, когда он цитирует без оговорок ст. Д. Д. из «Нов. Сл.» за март 1897 г.: «вполне понятен взгляд купечества на общества взаимопомощи: это то единение, та сила приказчиков, проявление которой рано или поздно отнимет у хозяев возможность безнаказанного произвола над служащими и бесцеремонного выжимания из них соков, что составляет теперь хозяйскую привилегию. Уже и в настоящее время, когда деятельность обществ взаимопомощи, вследствие недостаточности средств и по разным другим причинам, пока еще весьма незначительна — х о з я е в а м п р и х о д и т с я с н и м и с ч и т а т ь с я». (Курсив наш. Д. А.).

Для полноты характеристики напомним, что в нормальном уставе, разработанном Московским обществом, имелся пункт, з а п р е щ а ю щ и й б ы т ь ч л е н а м и о б щ е с т в л и ц а м, «с о с т о я щ и м н а с т е п е н и р а б о ч е г о»... «Беспрофессиональное» и «безрабочее» общество взаимопомощи — вот чего

хотели заправилы этих организаций. С такими организациями хозяевам не доводилось считаться... Общества взаимопомощи торговых служащих, будучи холопскими по своей природе, почтительнейше гнули спины и льстиво подмазывались.

Оба с'езда имели одну важную заслугу — они подробно очертили мрачный быт и рабские условия труда торговых служащих, их унизительное положение, низводившее их на степень рабочего скота.

В 1905 г. общества взаимопомощи оказались совершенно неспособными стать организующим центром массового движения торговых служащих, и, как и в предыдущий период, не поспевали за движением, а некоторые из них не пытались принять участие в нем и замкнулись в свою скорлупу, пропахшую ладаном благотворительности и угодливости перед «уважаемыми принципалами». Лишь в некоторых городах (Саратов, Астрахань, Тамбов, Екатеринослав, Варшава) торговые служащие вливались в общества взаимопомощи и старались сделать их орудиями своей борьбы, в большинстве же случаев эти организации игнорировались, как непригодные для нового движения, и рядом с ними организовывались профессиональные союзы по типу возникавших рабочих союзов, и эти союзы, выраставшие в процессе борьбы, становились центром движения торговых служащих во всех городах России. Местами общества взаимопомощи сметались порывом движения, от них оставались только накопленные ими материальные рессурсы, переходившие к организованным профессиональным союзам.

В годы реакции общества взаимопомощи снова подняли голову и на 4-м с'езде организаций торгово-промышленных служащих в 1913 году скрестили свои шпаги с профессиональными союзами. (Необходимо отметить, что некоторые общества взаимопомощи сохраняли только название, по существу же были профессиональными союзами, скрываясь за вывеской обществ взаимопомощи из-за невозможности добиться разрешения на учреждение союза. Пусть охотники стирать грани между профессиональными союзами и обществами взаимопомощи примут это во внимание). Представляя собою большое меньшинство, делегаты обществ взаимопомощи, во главе со Щепкиным (кадет, расстрелян ВЧК за активную организацию контр-революционных выступлений), почувствовав, что интересы их доверителей — купцов и кадетов — будут биты по всем пунктам, поставили своей задачей сорвать с'езд. И добились этого своим провокационным поведением: с'езд был закрыт.

На 5-м с'езде организаций служащих в июле 1917 г. обществ взаимопомощи было представлено 33 на 105 профессиональных союзов. Размах движения в 1917 г. был значительнее, чем в 1905 г., и многие общества взаимопомощи сметались без остатка. Картина происшедших изменений была настолько ясна к этому времени, что руководители обществ взаимопомощи—кто поумнее и похитрее — по собственной инициативе, чтоб остаться в движении, меняли вывеску и уставы, чтоб предупредить возникновение профессиональных союзов с новыми руководителями. Во многих городах маневр имел успех, и бывшие руководители обществ взаимопомощи не мало тормозили развитие профессионального движения служащих, немного подкрасившись под цвет революции и усвоив немудрую словесность меньшевиков. На с'езде делегаты обществ взаимопомощи сами выработали резолюцию о ликвидации обществ взаимопомощи и слияния с профессиональными союзами, а где таковые не успели возникнуть — о реорганизации на принципах профессиональных союзов. Такая поспешность была понятна: на следующий — 1-й — с'езд профессиональных союзов служащих — общества взаимопомощи не приглашались, а на местах грозила гибель. Правда, многие общества взаимопомощи — особенно там, где уже были организованы профессиональные союзы — игнорировали указанную резолюцию. Окончательно исчезли общества взаимопомощи — незаметно и без шума — лишь к началу 1918 г. Их наследство — библиотеки. Работников, пригодных для руководства классовым профессиональным движением, они нам не оставили. Эти работники выковывались в других организациях.

Даже в этом отношении значение обществ взаимопомощи до ничтожности мало.

Все вышесказанное дает нам основание сказать, что и общества взаимопомощи торговых служащих ведут свою историю не от обществ взаимопомощи, а от массового движения, возникшего в 1905 г. Профессиональное движение торговых служащих, также, как и у рабочих, возникло и развивалось независимо и вне всякой связи с обществами и кассами взаимопомощи, которые ни капельки не походили на организации классовой борьбы, а профессиональные союзы могут быть только организациями классовой борьбы.

К первым рабочим революционным организациям относятся «Южно-русский рабочий союз» (возник в Одессе и других южных городах в 1875 г.) и «Северно-русский рабочий союз» (организован в Петербурге при участии Плеханова в 1877—79 г.г., см. Батурин, 1922, стр. 40). Первый об'единял несколько сот рабочих, но не успел проявить себя, так как быстро был раскрыт полицией (Лядов). Второй успел организовать до 200 рабочих.

Руководителями «Северно-русского рабочего союза» был столяр Степан Халтурин и слесарь Виктор Обнорский. Этот союз ставил перед собой задачу организовать рабочих для политической и экономической борьбы и выставлял программу социального переворота.

Во время петербургских стачек в 1878 г. союз принял активное участие в руководстве ими (см. Мартов, «История рос. соц.-демократии», «Книга», 1918, стр. 8 и Лядов «25 лет Рос. Ком. Партии», стр. 8). Союз распался вскоре после 1881 года. Но уже в 1884 г. появляется группа Благоева, которая может считаться первой революционно-марксистской организацией в России, правда, на ней еще сказывается влияние лассальянства (Лядов, стр. 10). Одновременно с этим за границей возникает группа «Освобождение Труда» во главе с Плехановым.

Организовавшиеся в разных городах социал-демократические группы, в 90-х г.г. стали об'единяться в местные «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». Эти союзы не ограничились кружковой работой, и с половины 90-х годов, когда снова поднялась стачечная волна, они переходят к массовой агитации среди рабочих и принимают деятельное участие в руководстве стачечным движением. («Петерб. Союз борьбы за освобождение рабочего класса» организовался в 1895 г., в том же году — Иваново-Вознесенский, Московский в 1894 — 95 г.г., «Южно-русский рабочий союз» в Николаеве—в 1897 г. и т. д.).

С сильным развитием стачечного движения во второй половине 90-х годов, которое принимало все более и более организованные формы, начинают возникать как при «Союзах борьбы за освобождение рабочего класса», так и на отдельных крупных предприятиях постоянные стачечные кассы. Рабочие уже подошли к мысли о необходимости организации для своих выступлений. Но по условиям времени о широкой открытой организации нельзя

было помышлять, и стачечные кассы по существу были нелегальными организациями экономической борьбы. Большими средствами эти кассы не обладали, но во всяком случае имели большое значение, как зачатки постоянных организаций борьбы. И если искать зародышей профессиональных союзов в дореволюционной эпохе, то их надо искать именно в этих стачечных кассах и в тех революционных организациях, которые руководили экономической борьбой рабочих.

В Петербурге организация постоянных стачечных касс особенно усилилась со времени летней стачки в 1896 г.; кассы организовывались на многих предприятиях; рабочие стремились поставить дело своей борьбы на более прочных основаниях. Средства касс составлялись, повидимому, из членских взносов рабочих данного предприятия. Расходы — например, кассы на фабрике Кожевникова — распределялись так: четверть всех сумм — на стачки, остальные $^{3}/_{4}$ делились на 4 части, из которых две части шли на взаимопомощь, одна часть — на книги и одна зачислялась в постоянный фонд (вероятно, запасный). (Тахтарев, «Оч. петерб. рабоч. движ. 90-х годов», изд. 3-е, 1918 г., стр. 74—75). Подобные кассы возникали во всех промышленных городах. Так, например, в Иваново-Вознесенске «Рабочий союз» организовал кассу и библиотеку; Московский «Рабочий союз», сосредоточивая свою деятельность на организации фабричных касс, стремился об'единить их в центральную кассу; Николаевский «Южно-русский рабочий союз» (1897 г.) организовал центральную кассу (половина средств кассы шла в стачечный фонд, одна треть на взаимопомощь и одна шестая на библиотеку). (Кольцов. «Рабочие в 1890—1904 г.г.», в I-м томе «Общ. движ. в России», стр. 193).

Средства кассы составлялись из членских взносов рабочих «соответственно величине заработка каждого, по принципу прогрессивно-подоходного налога, с двумя скалами: для холостых и семейных». (В. Невский. «Южно-русский рабочий союз», ГИЗ, 1922 г., стр. 21).

Особенно значительного развития достигли стачечные кассы среди еврейских рабочих Северо-Западного края, по преимуществу среди ремесленников. Из этих касс впоследствии образовалось несколько профессиональных союзов. При основании Бунда («Всеобщий еврейский рабочий союз») в него вошли все стачечные кассы и выделены из него только на конференции 1902 г., где было решено социал-демократическую организацию (политиче-

скую) отделить от профессионально-экономической. Но и после отделения Бунд имел в этих организациях своих представителей. (Кольцов, указан. статья, на стр. 201).

Выше мы познакомились с братствами (хевры) еврейских ремесленников. Стачечные кассы, появившиеся в самом начале еврейского рабочего движения в конце 80-х годов, совершенно не похожи на хевры. Это уже боевые профессиональные организации, как видим, тесно связанные с социал-демократической еврейской партией. Они возникли при других условиях: в момент оживления ремесленного производства и его капитализации. Капитализация ремесла означала для ремесленных рабочих ухудшение их экономического положения и вообще условий труда. Вместо работы на заказ — работа на рынок и зависимость от мелких и крупных капиталистов. Возможность выхода в хозяева все больше и больше исключается для подмастерьев. Конкуренция вызывает обострение эксплоатации. На этой-то почве и начинается стачечное движение ремесленных рабочих, развившееся в 90-х годах. Что это движение сразу приобретает организованный характер, что во главе движения сразу становятся стачечные кассы, об'ясняется несколькими причинами. Первая и главная — та, что в тогдашних политических условиях, когда всякая боевая организация могла действовать только нелегально и по необходимости не могла быть большой, ремесленникам сравнительно было легко об'единиться при небольшом количестве рабочих в каждом данном ремесле. При этом и задачи этих организаций, конечно, не столь сложны, как задачи, стоявшие перед рабочими крупных промышленных центров.

«Профессиональные организации существуют, главным образом, в ремеслах, где относительно небольшое число занятых рабочих является благоприятным моментом для образования касс; что касается фабрик, то, при многочисленности занятых на них рабочих, устройство на них касс сопряжено с большими трудностями, так как при существующих в России полицейских условиях тайные кассы с большим числом участников почти невозможны» («Материалы» и т. д., стр. 68).

Далее, второстепенные, но довольно серьезные причины заключались в том, что, во-первых, из социалистических пропагандистских кружков в девяностых годах вышли сознательные рабочие, понимавшие необходимость организации, и они своей агитацией способствовали как развитию стачечного движения, так и спло-

чению рабочих вокруг организаций; во-вторых, задача сознательных рабочих в деле организации облегчалась привычкой к организации: ведь эти ремесленные рабочие в большинстве своем прошли через хевры; тем легче могли они организоваться при наличии все растущей эксплоатации для борьбы против последней; — в-третьих, царское правительство в начале еврейского рабочего движения не обращало на него серьезного внимания; не считая еврейский пролетариат (и вообще еврейство) реальной политической величиной, правительство не ставило в еврейских городах такого надзора, как в других; в первоначальной стадии развития борьбы и организации это имело особенно большое значение. (См. указан. статью Кольцова, стр. 200—201 и «Материалы к истории еврейского рабочего движения», вып. 1, изд-во «Трибуна», 1906 г., Н. А. Бухбиндер. «Еврейское рабочее движение в Гомеле 1890—1905 г.г.» (в «Красн. Летоп.», № 2—3). Его же: «Разгром еврейск. рабоч. движ. в 1898 г.» (в «Красн. Летоп.», № 4). Его же: «Еврейское рабоч. движ. в Минске 1893—1905 г.г.». («Красн. Летоп. № 5).

С 1894 г. среди еврейских рабочих начинается широкая агитация и организуются кассы борьбы: в Варшаве кассы в нескольких профессиях; в Минске из стачечной борьбы вырастают 4 профессиональных союза с 220 членами; в Сморгони и Ошмянах — касса кожевников; в Вильне — 12 касс с 500 членов. Повсюду ведется стачечная борьба, главным образом, за сокращение рабочего дня. («Материалы» и т. д., стр. 44. Бухбиндер. «Еврейск. рабоч. движ. в Минске», «Красн. Лет.», № 5, стр. 124). В 1895 г. в Вильно насчитывается 1.000 организованных в кассы, а в Минске в 15 профессиях больше 800 человек организованы в кассы; в Варшаве кассы в 13 профессиях. («Материалы», стр. 50—51; Бухбиндер, стр. 125). В Гомеле в 1897 г. организовалось 5 цехов в 100—150 человек. Здесь с 1894 г. велась та же экономическая борьба, что и в других городах, причем рабочим удалось повысить заработную плату и сократить рабочий день. (Бухбиндер, «Красн. Лет.», № 2—3, стр. 42 и 48). Во второй половине 90-х годов организуется профессиональный союз щетинщиков, не ограниченный местными рамками (об'единял в 1900 г. 800 рабочих — 60% всех занятых в этом производстве), затем союз кожевников, об'единявший к указанному году 700 рабочих. (Он об'единял небольшое количество и русских рабочих). Стачечные кассы в 1900 г. об'единяли: в Белостоке 20% всех еврейских рабочих (1.000 человек);

в Вильне — 24% (1.400 чел.), в Гомеле около 40% (360 чел.), в Минске — 35 — 40% (около 1.000 чел.), в Двинске — 400 чел. («Материалы» и т. д., стр. 68).

Насколько была интенсивна борьба евреев-ремесленников, организованных в кассы, показывают следующие цифры: с 1897 по 1900 г.г. зарегистрировано 312 стачек, из них 140 приходится на фабрики,—169 на ремесла и 3 на разборщиков и составителей плотов; общее число стачечников на фабриках 14.032, в ремеслах —13.058; среднее число стачечников на каждую стачку для фабрик 160 человек, для ремесл около 100 чел. Результаты стачек: для фабрик 90% выигранных, для ремесл 92,5% выигранных. Большой процент выигранных стачек об'ясняется влиянием организации и распространенностью общих стачек у ремесленников при разрозненности хозяев. («Материалы» и т. д., стр. 82—83). Средняя продолжительность стачки для фабрик 18 дней, для ремесл 21,5 дней. (Там же, стр. 85).

Все приведенные нами факты относительно стачечных касс еврейских рабочих показывают, что они являлись организациями экономической классовой борьбы, не в пример братства (хевры). Они были непосредственно связаны с политической организацией (Бунд) и в первое время даже входили в него в качестве членов: «Бунд так сложился, что не представляется возможным определить, где кончается экономическая организация его и где начинается политическая». Главное назначение касс — способствовать улучшению экономического положения рабочих. Но было бы ошибочным думать, что этим исчерпывается их значение, что они служат только средством экономической борьбы; наоборот, кассы являются также центрами, из которых расходится в широкой массе пропаганда социал-демократических идей и сильным орудием для развития классового и политического сознания рабочих». («Материалы» и т. д., стр. 68—69).

Особенность движения ремесленников в Северо-Западном крае, а также и на юге заложена в самом составе ремесленников. Тогда как в центральной России ремесло в городах не играло обычной роли и было сосредоточено, главным образом, в деревне в форме кустарной и домашней промышленности, в Северо-Западном крае—а отчасти и на юге—ремесленная промышленность сосредоточена в городах. Капитализация кустарных промыслов и домашней промышленности давила на работников, но не создавала в них пролета-

риата, в крайнем случае происходил отлив кустарей в фабрично-заводскую промышленность. Другое дело в Северо-Западном крае. Здесь капитализация ремесла означала уничтожение жалких остатков цехового строя и превращения подмастерьев в ремесленный пролетариат в полном смысле этого слова, так как выход в мастера, в хозяйчики, капитализм для них закрывал, и они не имели никакой видимости мелких собственников, не обладая ни орудиями труда, ни клочком земли, что имелось в кустарных промыслах центральной России.

Поэтому в центральной России мы не наблюдаем никакого движения ремесленников в то время, как в Северо-Западном крае с 90-х годов оно интенсивно развивается в форме стачечной борьбы и политических выступлений и создает сплоченные организации экономической и политической борьбы; на юге России по тем же причинам в 1903 г. мы видим активное движение ремесленного пролетариата наряду с пролетариатом крупной промышленности. Состав ремесленного пролетариата в Северо-Западном крае и на юге, оторванного от земли в силу его происхождения от цехового подмастерья и лишенного капитализмом орудий труда и возможности стать хозяином—все это создало об'ективные и суб'ективные предпосылки для развития среди ремесленников стачечного движения и участия в политических выступлениях. А все это вместе взятое определяло как самое возникновение классовых по своему характеру организаций, так и их формы: стачечные кассы и профессиональные союзы для экономической борьбы, политическая партия — для политической борьбы. Поскольку в экономической борьбе ремесленникам приходилось выступать против не об'единенных хозяев различных городов, постольку мы еще не видим централизованных экономических организаций ремесленников; они носят исключительно локальный, местный характер. В местном же масштабе их деятельность регулируется политической организацией.

Сделаем общий вывод. Кассы взаимопомощи и общества взаимопомощи среди ремесленников и фабричных рабочих, горнозаводские товарищества, хевры среди еврейских ремесленников — все эти организации ни формально, ни по существу, ни по своему составу, ни по своей деятельности не являлись классовыми организациями, не были организациями классовой борьбы и стояли в стороне от нее. Когда экономическая борьба рабочих начинает связываться с политической борьбой, когда она становится по суще-

ству классовой борьбой, когда рабочие не только ведут экономические стачки за те или иные улучшения своего положения, но и ставят задачу борьбы против капиталистического строя, тогда начинают возникать классовые организации рабочих — политические и экономические, тесно связанные и переплетающиеся между собой в борьбе за свержение капитализма. Развитой формой экономической классовой организации пролетариата являются профессиональные союзы, зачатки которых у нас в России надо искать в стачечных кассах и вообще в стачечном движении.

Для полноты нам остается еще коснуться в нескольких словах зубатовских организаций.

Стремясь отвлечь рабочих от политического движения, царская власть попыталась направить его в русло исключительно экономической борьбы с предпринимателями. С этой целью Зубатов и его помощники-охранники в 1901 г. начали в разных городах организовывать рабочих. Но организовываемое ими экономическое движение переливалось через их головы и шло помимо их руководства.

После стачки на юге в 1903 г. Зубатов был уволен, а один из его сподвижников, Шаевич, сослан в Вологодскую губ. Но попытка снова была повторена в Петербурге, где в феврале 1904 года начало функционировать «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» во главе с Гапоном. Этому «Собранию» была поставлена задача — укрепить в среде рабочих «русское национальное самосознание», развить в них «разумные» взгляды на свои обязанности и права и отвлечь рабочих от «влияния преступной пропаганды».

Заключительная сцена этого «собрания» разыгралась 9-го января 1905 г. около Нарвских ворот и на площади около Зимнего Дворца. Революционная волна захлестнула охранителей порядка и перекатилась через них. Созданные ими организации не им сослужили пользу, а рабочему движению.

Профессиональное движение в период первой революции.

1. Начало организации массовых профессиональных союзов.

1.

Приостановившееся развитие экономического кризиса во второй половине 1903 г. получило новый внушительный толчок вследствие вспыхнувшей в начале 1904 г. русско-японской войны.

Для ведения войны требуется много денег и, кроме того, война отвлекает от народного хозяйства (от промышленности и сельского хозяйства) наилучшую часть рабочей силы, которая формируется в полки и бросается в казармы и на поля сражений. Все народное хозяйство в целом напрягается для обслуживания военных нужд; производительные силы растрачиваются без всякой пользы для дальнейшего их развития и роста. Такое отрицательное влияние войны с быстротой молнии отразилось в 1904 году на хозяйстве и, в первую очередь—на промышленности, именно потому, что кризис 1900—1902 г.г. еще не был ликвидирован к началу войны, в промышленности еще наблюдался застой, и чтобы вывести ее из такого состояния «покоя» нужны были капиталы, свободные денежные стредства.

А правительство как раз в это время мобилизует все денежные средства—беря их всюду, где только можно было их достать—на военные расходы. «За 1904—1906 годы на нужды войны было извлечено путем одних только реализаций внешних и внутренних займов и краткосрочных обязательств свыше 2,2 миллиардов рублей». (Финн-Енотаевский, стр. 205). Это вызвало в стране денежный кризис, отразившийся на торгово-промышленной жизни, которая снова вступила в полосу кризиса. Правда, значение его, особенно для рабочих, смягчилось двумя обстоятельствами: 1) бла-

гоприятными урожаями 1903 и 1904 г.г. и 2) большим количеством мобилизованных; оба эти обстоятельства задерживали приток из деревень в города в поисках работы, вследствие чего безработица не достигла больших размеров. Но очень быстро второе из указанных обстоятельств вредно сказалось на сельском хозяйстве и кустарной промышленности; многие хозяйства оказались без работников; хозяйства приходили в упадок и их покупательная способность падала; словом — сильно сжимался внутренний рынок для промышленности.

Сужение рынка сокращало, в первую очередь, производство предметов широкого потребления. Это, в свою очередь, отразилось затем и на других производствах, что стало ясно к концу 1904 г. Наблюдавшееся в начале войны заметное оживление в металлургической и горной промышленности чрез несколько месяцев сменилось неустойчивым положением. Вредные влияния войны на народное хозяйство брали решительный перевес.

Общее представление о влиянии войны на промышленность дает анкетное обследование министерства финансов о «производительной силе» промышленных предприятий с числом рабочих более 50-ти (обследование коснулось 26% всех предприятий в Европейской России и Закавказье, в которых было свыше 70% всех рабочих, занятых в обследованных отраслях). Оказалось, что по количеству рабочего времени производительность обследованных предприятий сократилась на 2,5% против 1903 г. По отдельным производствам установлены такие колебания:

Обработка шелка	25,7%
„ шерсти	15,4%
Смешанные производ. по обработке волокнистых веществ	7,1%
Обработка мин. вещ.	6,8%
„ хлопка	5,9%
„ питательн. веществ и химическ. продукт	2,0%
Обработка животн. продукт.	8,9%
„ льна	8,6%
„ и металлов	6,3%
Писчебумажн. произв.	4,3%
Обработка дерева	4,1%
Прочие производства	9,2%

Если брать всю промышленность в целом, то видно, что разрушительное влияние войны сказалось на промышленности сильнее, чем благоприятное. А если принять во внимание, что военное потребление—непроизводительно, то-есть все продукты промыш-

ленности (и сельского хозяйства) растрачиваются, уничтожаются без всякой пользы для народного хозяйства, и такое уничтожение ведет не к росту, а к уменьшению производительных сил, то ясно, что остается только вредное влияние войны на народное хозяйство.

Торгово-промышленный кризис, отражаясь на экономическом положении рабочих и вызывая рост безработицы, вел к недовольству широких рабочих масс и протесту против затеявших войну. Сходные настроения возникали и среди крестьянства. Все это неизбежно должно было привести к новой вспышке революционного движения в городах, а в зависимости от размаха движения, оно могло, при создавшихся условиях в деревне, перебросится и в последнюю. Это и случилось в 1905 году.

Петербург был исходным пунктом революционного движения 1905—1906 г. Здесь оно бурно прорвалось и широкими волнами покатилось по всей России.

С этого момента Петербург становится центром революционного движения, так как все об'ективные условия для этого были налицо: концентрация именно в столице крупных металлургических заводов, с высоко развитой машинной техникой, подготовила значительные кадры потомственных пролетариев, которые были связаны только с заводом; широкое применение техники и в других производствах тоже способствовало разрыву с деревней сравнительно значительных масс рабочих; скопление больших масс пролетариата в одном городе при наличии в нем ряда крупнейших концентрированных предприятий: вот основные условия, которые поставили петербургский пролетариат в центре революции.

Процесс сильного брожения среди рабочих начался уже в конце 1904 г. и достаточно было самого незначительного повода, чтобы это брожение вылилось наружу. Таким поводом послужило увольнение в декабре 1904 г. с Путиловского завода четырех рабочих членов «Собрания» (организация, возникшая при участии Гапона; полное название «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга»). Рабочие потребовали обратного приема уволенных и, вместе с тем, удаления с завода одного мастера. К назначенному сроку администрация не дала ответа, и весь завод остановился, причем рабочие пред'явили уже целый ряд требований, выра-

ботанных в Нарвском отделе «Собрания» (всех отделов по Питеру было одиннадцать) [1]).

4-го января забастовал Франко-русский завод, 5-го—Невский судостроительный и фабрика Штиглица; к 7-му января остановились все фабрики и заводы Петербурга.

Гапоном была подана мысль о необходимости пойти к царю «искать правды». В рабочих массах еще сильны были предрассудки относительно царя; если они в своей экономической борьбе и подошли вплотную к сознанию необходимости политической борьбы, то относительно царя в их головах еще сохраняла силу мысль, что царь—источник справедливости, и если не вступается за угнетенных, то только потому, что не знает их положения. Поэтому мысль Гапона была принята рабочими массами как спасительный выход. Была выработана петиция с изложением нужд и требований рабочих.

В воскресенье 9 января с утра непрерывными потоками потянулись рабочие из своих районов к Зимнему дворцу. Около полудня началось организованное выступление отделов «Собрания». Нарвский район двинулся во главе с Гапоном, с хоругвиями. Настроение было торжественное; массы были окрылены надеждами. Залпами по безоружным, мирно настроенным колоннам рабочих царское правительство расстреляло вековой предрассудок и веру в царя. Пелена, окутавшая сознание рабочих и мешавшая полному осознанию их классовых интересов и целей, была разорвана. Революция в головах рабочих совершилась, и рабочий класс становится во главе революции—и против самодержавия, и против капитализма. Подготовительный период оформления рабочего класса за-

---

[1]) Требования путиловских рабочих были выставлены затем всеми питерскими рабочими, а в основном они повторялись по всей России. Вот эти требования: 1) 8-ми час. рабочий день; 2) расценки, устанавливаемые мастером по соглашению с выборным от рабочих; 3) учреждение постоянной комиссии из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирала бы все претензии отдельных рабочих; увольнение рабочих только по постановлению этой комиссии; 4) нормальная плата для чернорабочих не ниже одного рубля в день; 5) отмена сверхурочных работ, а в случае крайней необходимости—двойная плата; 6) за брак, не зависящий от рабочих, завод уплачивает сполна; 7) женщинам-чернорабочим платить не меньше 70 к. в день и устройство приюта-яслей для их детей; 8) медицинский персонал должен быть более внимателен к больным, особенно к раненым; 9) улучшение санитарных условий мастерских; 10) никто не должен потерпеть за забастовку. Несколько позже были добавлены требования отмены обысков, взысканий за опоздание, выдачи половины платы не явившимся на работу по болезни и лечения за счет завода. См. статью Д. Кольцова „Рабочие в 1905—06 г. г.“, во II томе „Общ. дв. в России“, стр. 189.

кончен, и он вступает на арену истории как активный творец ее. Из класса в себе рабочий класс отныне становится классом для себя.

После 9 января начались стачки во всех промышленных городах. На окраинах стачки сопровождались кровавыми столкновениями с полицией и войсками.

В течение всего 1905 года стачечное движение бурлило по всей стране и в октябре вылилось во всеобщую стачку, под ударом которой самодержавие принуждено было пойти на уступки и издать манифест 17-го октября 1905 г. Неизмеримо более значительным фактом, рожденным всеобщей октябрьской стачкой, было создание Совета Рабочих Депутатов—прообраза государственного органа диктатуры пролетариата.

События 9 января оказали огромное влияние на все слои населения.

О силе стачечного движения 1905 г. мы можем судить, сравнивая его со стачками 1903 г., когда бастовало 550 предприятий (или 3,21% общего их числа) и 86.832 рабочих (или 5,10% всего их числа); в течение же 1905 г. число стачек было 13.995 (или в отношении к общему числу предприятий 93,2%); число бастовавших рабочих равнялось 2.863.173 (т.-е. 163,8% в отношении к общему числу всех рабочих; иначе говоря, мы видим, что многие рабочие бастовали по нескольку раз). Из указанного числа бастовавших на политические стачки приходилось 48%, на экономические—52%. (См. Балабанов, «Промышленность в 1904—1907 г.г.», в IV т. «Общ. движ. в России», стр. 51 и 53. Необходимо отметить, что приведенные цифры относятся только к предприятиям, которые были подчинены надзору фабричной инспекции).

Непосредственно после 9 января волнения и забастовки на петербургских заводах и фабриках не прекращались. Доверчиво шедшие к царю, рабочие теперь говорили: «нет царя, нет бога». (Подробное описание событий 9 января и настроений в рабочих районах после этого дня см. в статье Невского «Январские дни в Петербурге в 1905 г.»,—«Красная Летопись», № 1. О событиях в провинции см. его же статью «Январские дни 1905 г. в провинции»,—«Красн. Летоп.», № 4. О московских стачках после 9 января см. его же статью «Январские дни 1905 г. в Москве», в № 2—3, «Красн. Летоп.»). На многих петербургских заводах рабочие явочным порядком начали осуществлять свободу собраний и 8-ми часовой рабочий день. В ответ на это владельцы вводили в заводы

войска, а также закрывали свои предприятия. Но стачки все расширялись, нося не только экономический, но и политический характер. (См. Невский, «Выборы в комиссию сенатора Шмидловского», в Архиве Истории Труда», кн. 3, стр. 81—82).

Царское правительство, очутившись перед фактом небывалого движения рабочих масс, попыталось использовать обходный путь для их успокоения. 29-го января был издан приказ об образовании особой комиссии под председательством сенатора Н. В. Шидловского «для безотлагательного выяснения причин недовольства» петербургских рабочих и изыскания мер к устранению таковых (причин) в будущем; комиссия составлялась из представителей заинтересованных ведомств, фабрикантов и рабочих по выбору. В искренность правительства никто не верил. Но и рабочие, и социал-демократические организации стремились использовать комиссию в своих целях. Большевики, разоблачая уловки правительства, предлагали рабочим потребовать у правительства, в целях выяснения их нужд, «во-первых, права для рабочих собираться на открытые собрания для свободного совещания о своих нуждах; 2) права выслушивать при этом всех, кого рабочие найдут нужным выслушать; 3) гарантии полной личной неприкосновенности для всех участников рабочих собраний»; далее—выбора представителей прямым и тайным голосованием и права свободно в печати оповещать своих товарищей, что делается в комиссии. Кроме того, «петербургские рабочие не могут знать нужд всей рабочей России и потому они должны требовать распространения вышеизложенных прав на рабочих всех промышленных центров. Большевики не предлагали бойкотировать выборов в комиссию, но советовали использовать участие в них с целью раскрыть глаза всему пролетариату, который, поняв уловки правительства, добьется свободы не в комиссиях, а вооруженной рукой «остановит всю промышленную машину и подымет оружие под знаменем социал-демократии». (Там же, стр. 83). Меньшевики в общем наметили такую же тактику для первоначальных стадий кампании выборов в комиссию. Но они возлагали на эту кампанию большие надежды в дальнейшем, они вбивали в головы рабочих мысль о том, что комиссия «станет тем народным трибуналом, к которому будут обращаться с заявлениями о своих нуждах рабочие всех отраслей производства и всех областей России и в то же время тем агитационным центром, который сможет давать лозунги текущей борьбе пролетариата всей страны». Таким образом, меньшевики расчитывали превра-

тить комиссию Шидловского в центр рабочего движения. (Там же, стр. 83).

Дальнейший ход событий целиком подтвердил правильность тактики большевиков. Правительство, учуяв опасность в активном движении рабочих в связи с выборной кампанией, начало ограничивать права комиссии, низведя их до анкетного характера. (Указанная ст. Кольцова, стр. 196 и Невского, стр. 83).

Рабочие задолго до официального начала выборов в комиссию производили таковые по заводам путем всеобщего и прямого избирательного права. Избрание выборщиков (выборы трехстепенные) 13-го февраля дало такие результаты: из приблизительно 400 чел. оказалось около 20% организованных социал-демократов, около 40% радикально-настроенных рабочих, 30—35% «экономистов» (сторонников преимущественно экономической борьбы) и незначительная часть совершенно несознательных рабочих.

17-го февраля общее собрание всех выборщиков приняло выработанные социал-демокр. требования и направило их Шидловскому. Требования суть следующие: 1) «немедленное открытие одиннадцати фабрично-заводских отделов (б. гапоновские «Собрания»), так как «только с открытием отделов мы, получив свободу собраний, сможем путем обмена мнений с рабочими разных фабрик и заводов выработать и об'единить все наши требования» и «только в отделах наши депутаты могут давать отчеты о работах в комиссии своим товарищам-избирателям», 2) возможность представить в комиссию «наши нужды правдиво и в полном об'еме», для чего необходимо: а) чтобы депутаты все присутствовали на общих заседаниях комиссии, а не призывались по несколько человек для опроса; б) чтобы депутатам была предоставлена полная свобода слова в заседаниях комиссии; в) чтобы заседания были гласными, т.-е. чтобы отчеты о них печатались в газетах без всякой цензуры; 3) гарантия неприкосновенности личности и жилища для всех рабочих и 4) привлечение в комиссию представителей рабочих мелких производств» (заимствовано из указанной статьи Кольцова, стр. 199).

Шидловский заявил, что не в его компетенции разрешать требования рабочих. После этого выборщики отказались от выборов делегатов, и комиссия, таким образом, не была осуществлена.

Меньшевики призывали ко всеобщей стачке, но таковая не состоялась. Большевики же не были согласны с этим призывом, так как не стремились, подобно меньшевикам, создать из комиссии

политический центр. Не бойкотируя выборов на первых стадиях, большевики решили «демонстративно сорвать вторые выборы, ибо никогда Шидловский не удовлетворит требований, выставленных на выборах, а выборщики не будут избирать, если требования не будут удовлетворены», — так говорилось в отчете большевиков после 13 февраля. (См. указанную статью Невского, стр. 88). «В этом и заключалась суть разногласий (по данному вопросу) между большевиками и меньшевиками» — говорит тов. Невский: «первые, не бойкотируя выборов на первых стадиях, добивались срыва их на дальнейших ступенях; вторые мечтали о создании всероссийского политического центра и поэтому решили добиваться от правительства выполнения требований, пред'явленных выборщиками, даже всеобщей забастовкой».

Выборная кампания в комиссию Шидловского имела огромное агитационное значение, так как она дала возможность социал-демократам высказаться на многочисленных рабочих собраниях и ближе связаться с рабочими массами. С другой стороны, комиссия окончательно разоблачила политику правительственных фокусов, и рабочие отчетливее увидели, что добиться чего-нибудь можно только организованной борьбой.

2.

Результат расстрела петербургских рабочих 9 января оказался совсем не тот, какого ожидало правительство и дворцовая камарилья. Начитанный о французской революции, Владимир Романов (дядя Николая II) не мог остановить революцию своими «решительными» действиями против безоружных толп рабочих. Обагренные кровью рабочих, мостовые Петербурга отныне стали центральной ареной русской революции. Революция была развязана, и поток ее неудержимо хлынул по всей России. Самодержавие дрогнуло и изыскивало всевозможные меры, чтобы спастись,—вплоть до издания манифеста 17 октября и созыва государственной думы.

Но еще до издания манифеста, провозгласившего конституцию и различные свободы (которые тут же и попирались царскими слугами: одной рукой давали свободы, другой торопились душить тех, кому давали), рабочие и революционно-настроенная интеллигенция захватывали права на свободу собраний и союзов. Установился явочный порядок (революционный, без разрешения властей) собраний и организации различных об'единений. Применение явочного порядка расширялось по мере приближения к осени: власти

держались наготове, но препятствий «не чинили», по крайней мере, в столицах.

Явочный порядок был широко использован рабочими и служащими и при организации профессиональных союзов.

Январские и последующие события втянули в движение не только всех промышленных рабочих, но и ряд таких групп наемного труда, которые до того не принимали участия в рабочем движении. Это были служащие и ремесленники (последние, за исключением Северо-Западного края и отчасти юга, в рабочем движении не участвовали до 1905 г., как и служащие). Эти группы наемного труда испытывали еще большую эксплоатацию, чем промышленные рабочие, так как они, распыленные, с плохо развитым чувством солидарности, при полном отсутствии классового самосознания, не могли использовать свою силу против эксплоатации хозяев. Вредные влияния их распыленности можно было изжить только при условии организации союзов, но таковые—как мы видели выше—не могли быть нигде, кроме Северо-Западного края.

Естественно, что эти группы вступили в борьбу со своими хозяевами, как только почувствовали возможность такой борьбы, и стремились улучшить свое положение.

К сознанию необходимости политической борьбы эти группы никогда вплотную не подошли, за исключением их передовых отрядов. В первый же момент у них была единственная цель: отвоевать экономические уступки, и только в процессе борьбы за них, наталкиваясь на сопротивление хозяев и на запреты и репрессии властей, они стихийно втягивались в политическую борьбу.

И в последующей истории рабочего движения ни ремесленники, ни служащие никогда не играли самостоятельной роли: они проявляли свою активность только в те моменты, когда движение промышленных рабочих достигало определенной высоты и становилось фактом, который приковывал к себе всеобщее внимание. В такие моменты ремесленники и служащие приобретали определенную энергию для выступления против своих эксплоататоров.

Так было и в 1905 г. Общее возбуждение, сообщенное расстрелом 9 января и последующими событиями в промышленных центрах, передалось ремесленникам и служащим. Неуверенность и противоречивость в действиях властей, принужденных под общим напором революционных сил делать определенные послабления в общественной жизни, облегчали ремесленникам и служащим вы-

ступление против своих хозяев, так как создались благоприятные условия для организации.

Без наличия организации не могло быть и речи о какой бы то ни было борьбе этих распыленных по мелким предприятиям групп наемного труда. По необходимости организации их могли создаваться и развивать ту или иную деятельность только вне предприятий. Поэтому мы и наблюдаем, что как только ремесленники и служащие пришли в движение, они тотчас же стремяться создавать профессиональные союзы, ибо до того, пока нет союза, для них нет возможности ни выработать, ни пред'явить требования, ни начать стачку хотя бы с малейшей надеждой на ее успех. Тут могли иметь некоторое значение только групповые стачки на ряде родственных предприятий или общие данного рода предприятий. Без организации и предварительной подготовки—таких стачек не проведешь. Мы уже видели это на фактах стачечного движения еврейских ремесленников в 90-х и начале 900-х годов. А самой доступной, можно сказать, единственной формой организации распыленных ремесленников и служащих, вступающих в экономическую борьбу, является профессиональный союз. Стачечная борьба фабрично-заводских рабочих могла развиваться и достигнуть определенных результатов и при отсутствии профессиональных союзов; отсутствие их до известной степени могло компенсироваться внутренней спайкой, вырабатывавшейся в самом процессе производства; стачка на большом заводе или фабрике сама по себе есть крупный общественный факт и при наличии определенных условий она с одного предприятия легко перебрасывается на соседние и стихийно переходит во всеобщую, распространяя свое возбуждающее влияние и на предприятия других производств, и на другие промышленные центры; даже при полном отсутствии какого бы то ни было организованного руководства стачечное движение могло неопределенно расширяться и принуждать предпринимателей к уступкам. В моменты промышленных под'емов и локальная стачка на одном крупном предприятии могла оканчиваться успешно для рабочих, так как упорство предпринимателя сламывалось в предвидении огромных потерь; и, чем выше стояло в техническом отношении предприятие, тем труднее и невозможнее было заместить бастующих рабочих другими даже при наличии безработных и при отсутствии профессиональной организации, регулирующей рынок труда устранением на нем конкуренции.

Совершенно иное дело в ремесленном производстве, в торговле и т. п. Локальная стачка в одном предприятии здесь обречена на полный провал, если она не ведется сплоченной организацией; даже в последнем случае она редко может оканчиваться победой наемного труда; в этих отраслях хозяйства на успех могут расчитывать только групповые и общие стачки, да и то при известных благоприятных условиях, сопутствующих стачечной борьбе. Такие стачки в мелких предприятиях проводить при отсутствии хорошо сплоченной организации невозможно.

Этим и об'ясняется, что как только создались благоприятные условия для экономической борьбы рабочих и служащих в мелкой промышленности, ремесле и торговле среди них сейчас же начинают появляться профессиональные организации. В одних случаях они предшествуют началу борьбы, в других — вырастают в момент об'явления борьбы и в ее процессе, оформляясь из временных стачечных организаций в постоянные профессиональные союзы.

Гриневич, несомненно, впадает в ошибку, когда, наряду с другими причинами более поздней организации союзов у промышленных рабочих, выдвигает об'яснение, что промышленные рабочие целиком отдавали свои силы политической борьбе и не уделяли большого внимания экономическим выступлениям, следовательно, профессиональным союзам. Статистика стачек только на предприятиях, подчинявшихся надзору фабричной инспекции, показывает, что экономические выступления составляли в 1905 г. 52% всех стачек. Экономическая борьба промышленных рабочих по своей широте и интенсивности значительно превосходила все предыдущие периоды.

Что дело не в том факте, что политическая борьба отвлекала, определенно видно в последующие периоды профессионального движения: 1) при под'еме революционного движения и широком участии рабочих в политических выступлениях в 1912—14 годах, профессиональные союзы росли и крепли; 2) тоже и в 1917 г. — профессиональные союзы восстанавливаются сразу во всех производствах наряду с организацией фабричных и заводских комитетов.

Очевидно, что в первый год революции различные заводские организации — фабричные и заводские комиссии, старосты, депутаты и проч. удовлетворяли применявшейся в борьбе тактике и условиям, в которых велась борьба; суррогаты фабричных и за-

водских организаций при наличии партийных организаций не вызывали большой потребности в оформленной профессиональной организации. Такая потребность настоятельно выявилась только при общем организованном наступлении капитала и политической реакции, когда требовалась определенная оформленность оборонительной борьбы. Политический разгром революции влиял в направлении оформления двух форм классовой организации—политической и профессиональной — и вызывал необходимость дифференциации, разделения — по тактическим и стратегическим соображениям — классовой борьбы на политическую и экономическую, поскольку была возможность при надлежащей организации оборонительной борьбы отстоять некоторые экономические и правовые завоевания, добытые в революционной борьбе. Именно после разгрома декабрьского восстания в Москве, а затем и в ряде других городов, и после ареста Петербургского Совета Рабочих Депутатов, фабрично-заводские рабочие начинают организовываться в профессиональные союзы.

Грубую ошибку делает С. Айнзафт, который думает, что «факт более позднего возникновения союзов в крупной промышленности, нежели в ремесленном производстве, об'ясняется различием социального состава этих двух отраслей (не отраслей, а форм. Д. А.) промышленности. Состав пролетариата крупной индустрии в первом периоде рабочего движения — очень пестрый. Здесь имеется небольшое ядро старых, исконных пролетариев, но наряду с этим имеется и сравнительно большое количество элементов, сравнительно недавно пролетаризированных, недавних выходцев из деревни или из низших слоев городского населения; кроме взрослых рабочих-мужчин, имеется определенное количество женщин и детей». (С. Айнзафт. «Первый этап российского профессионального движения», в «Вестн. Труда» за 1923 г., № 2—3, стр. 165).

Прежде всего — «определенное количество» детей всегда имеется и в ремесле; а при отсутствии регламентации ученичества количество детей в ремесле относительно бывает и велико.

Никто не спорит, что состав пролетариата крупной индустрии в первом периоде рабочего движения неоднороден. Больше того, эта неоднородность не исчезает и на высоких ступенях капиталистического производства, а у нас в России мы имеем до настоящего времени значительное количество фабрично-заводских рабочих, тесно связанных с деревней.

Несмотря на это, все-таки неправильно было бы об'яснить более позднее возникновение профессиональных союзов у индустриальных рабочих России, по сравнению с ремесленниками, тем, что «пестрая масса» промышленного пролетариата «к моменту возникновения рабочего движения» обычно еще не успевает окончательно «перевариться в фабричном котле». Во-первых, 1905 — 1906 годы не есть момент «возникновения рабочего движения», а являются революционным периодом рабочего движения. Во-вторых, к этому моменту мы имеем уже значительные кадры пролетариев, успевших «перевариться в фабричном котле» и количественно представлявших столь внушительную силу, что могли увлечь на путь революции весь рабочий класс и потрясти до самых основ самодержавно-полицейский строй. И ремесленники, если отбросить узкую область Северо-Западного края, впервые примкнули к широкому рабочему движению и впервые стали строить классовые организации именно в результате потрясений, произведенных рабочими крупной промышленности. Революционное движение 1905—1906 годов, конечно, предполагает наличие вполне созревшей способности рабочего класса к устойчивой и выдержанной организации, ибо без такой способности революция не делается. С. Айнзафт без всяких сомнений заявляет, что масса промышленного пролетариата, «недавно согнанная на фабрику, еще не успела освоиться со своим новым положением и не способна к устойчивой и выдержанной организации». Конечно, не поголовно все рабочие были способны к этому. Больше того, — в одних отраслях промышленности рабочие были более, в других менее революционны, устойчивы и выдержанны. В наибольшей степени этими качествами обладали рабочие наиболее концентрированной и механизированной металлической промышленности. Но нельзя же говорить, что рабочие российской промышленности не были способны к устойчивой и выдержанной организации в то время, когда они встали во главе российской революции и втянули в нее большие группы наемного труда, дотоле совершенно не затронутые революционным движением, в том числе и ремесленников. И если в 1905 г. первые профессиональные союзы организуются среди ремесленников и служащих, то это об'ясняется не тем, что они более устойчивы и выдержанны, а причинами, которые изложены выше, в частности, в главе о до-революционных организациях рабочих.

Ошибка Айнзафта основана на том, что он верное теоретическое об'яснение раннего периода организации западно-европей-

ских рабочих механически переносит на рабочее движение России и неосмотрительно применяет его к революционной эпохе рабочего движения. Известно, что и для раннего периода русского рабочего движения такое об'яснение требует ряда оговорок, приведенных в главах I и II (см. раздел «До 1905 г.»).

В частности, «живучесть среди ремесленных рабочих цеховых традиций, которые переживают и самую цеховую организацию», для русского ремесленника совершенно не характерна, так как у него отсутствуют именно эти традиции вследствие того, что русский город не представлял собой той цеховой организации, которая была в Западной Европе. Русское ремесло своими корнями уходит в крепостную деревню и в первую фабрику, а не в цеховой строй города. Поэтому-то мы и видим широкое развитие в России кустарных промыслов, тесно связанных с земледелием. Ни строй городской жизни, ни форма кустарной промышленности не могли создать в среде ремесленников России тех цеховых традиций, которые делали бы их способными к устойчивой и выдержанной организации в большей степени, чем промышленных рабочих, даже на первых ступенях рабочего движения (примерно, с 70-х до 90-х годов).

Можно только установить, что ремесленники, попадая на фабрику и завод, представляли собой в указанный период наиболее восприимчивый элемент для революционной пропаганды и организации революционных кружков, что подтверждается, между прочим, Плехановым в его брошюре «Русский рабочий в революционном движении». Наличие цеховых традиций у еврейских ремесленников Северо-Западного края и их способность к организации, во-первых, нельзя обобщать на всю Россию, во-вторых, нельзя об'яснять их организацию в 90-х годах только этими традициями и их большей устойчивостью и выдержанностью по сравнению с промышленными рабочими: основное значение тут имели те причины, которые приведены нами во II главе (см. раздел «До 1905 г.»), а также и в настоящей.

Тот факт, «что союзы ремесленных рабочих в первый период нашего массового профессионального движения в 1905—1907 г.г. сыграли гораздо большую роль, чем в последующую эпоху, моментами превосходя по своему значению союзы фабрично-заводских рабочих, особенно текстильщиков и горнорабочих» (там же, стр. 166), об'ясняется, главным образом, тем обстоятельством, что в предыдущий период ремесленные рабочие не вели никакой борьбы со своими хозяевами именно из-за отсутствия организации, по-

чему они и находились в значительно худшем положении, чем фабрично-заводские рабочие. Вести эту борьбу — как указано выше—они могли только при наличии организации, об'единяющей, по крайней мере, большинство ремесленных рабочих данной отрасли. Поэтому-то, как только представилась возможность организоваться, ремесленные рабочие приступили к организации профессиональных союзов, чтобы чрез них вступить в борьбу с хозяевами за улучшение своего положения. Фабрично-заводские рабочие могли на первых порах развернуть—и развернули—борьбу без профессиональных союзов, пользуясь для об'единения своей борьбы, когда это надо было, другими формами организации, в том числе и политическими—в лице Российской Соц.-Дем. Раб. Партии.

То, что после событий 9 января первыми начали строить профессиональные союзы не фабрично-заводские рабочие, а ремесленные рабочие и служащие, в значительной степени можно об'яснить невозможностью для последних вести борьбу без наличия профессиональных организаций. Кроме того, для непосредственной борьбы с предпринимателями рабочие так или иначе организовывались по фабрикам и заводам, а к осени ими были созданы фабричные и заводские комиссии и советы депутатов. Конечно, в 1905 году, имело значение и то обстоятельство, что, как мы видим выше, большое место в движении промышленных рабочих занимали политические выступления, которыми в той или иной мере руководила Р. С.-Д. Р. П. Все эти вместе взятые обстоятельства не ставили перед рабочими крупной промышленности в качестве актуальной задачи немедленную организацию профессиональных союзов, как не ставили перед собой этого вопроса до поры до времени и они сами, если не считать требования петербургских рабочих к комиссии Шидловского о восстановлении отделов «Собрания». Да и это требование в той обстановке было продиктовано политическими соображениями.

Сомнительно также, чтобы власти после того, как закрыли отделы гапоновского «Собрания» — потерпели бы широкие открытые об'единения рабочих в весенние и летние месяцы 1905 года, когда они чувствовали под собой сравнительно твердую почву и надеялись ликвидировать движение раньше, чем оно достигнет высшей точки. Власти могли еще мириться с организациями ремесленных рабочих и служащих, которые имели весьма малое значение в революционном движении. Да и то до осени большинство этих

организаций вели полулегальное и нелегальное существование,— или не выступали в качестве оформленных профессиональных союзов.

3.

Обратимся теперь к фактам, показывающим, как и в каком порядке возникали профессиональные союзы в 1905 году, главным образом, в столицах.

В Петербурге первым организовался союз рабочих печатного дела вследствие забастовки, явившейся в результате борьбы за новый тариф и невозможности провести его без общей организации рабочих.

На общем собрании 21 июня принят устав союза; устав был послан градоначальнику на утверждение, но союз приступил к деятельности с 1 июля, не дожидаясь ответа от градоначальника.

Почти одновременно возник союз конторщиков и бухгалтеров, по инициативе конторщика Е. А. Соловьева, призвавшего к организации своих товарищей письмом через газету. 27 февраля состоялось первое организационное собрание, 6 июля состоялось учредительное собрание, избравшее совет союза (Айнзафт неправ, утверждая, что союз конторщиков возник «полулегально». Принято понимать под «полулегальным» и «нелегальным» то, что действует или проводится в той или иной степени скрыто, в подполье. Конторщики же организовались совершенно открыто. См. его статью «Первый этап российского профессионального движения», в «Вестн. Труда», № 2—3, за 1923 г., стр. 159). Союз конторщиков и бухгалтеров об'единял служащих в различного рода конторах, акционерных и страховых обществах, фабрично-заводских предприятиях и т. д. С организационной стороны союз сразу занял одно из первых мест, но о его выступлениях не было слышно, — он носил на себе отпечаток какого-то общественного «благородства» и благообразия и, при умеренном характере деятельности этого союза, его хороший организационный аппарат пропрывал. По существу он больше походил на общество взаимопомощи, чем на боевой профессиональный союз. Задачи союза в уставе определялись как защита правовых и профессиональных интересов своих членов и содействие улучшению материальных и нравственных условий их жизни. Но какими средствами? Устав отвечает: денежные пособия и беспроцентные ссуды, бесплатная или удешевленная медицинская помощь, содействие в дешевой покупке предметов домашнего обихода и т. д. и т. п.

О стачке устав не заикнулся.

За такую благонамеренность союз надеялся получить утверждение устава и санкцию на существование задолго до тех пор, когда союзы стали создаваться явочным порядком.

Свою интеллигентскую сущность союз выявил тем, что занимался почти исключительно разговорами и «прожектами» на политические темы, вырабатывая записки на имя земцев-конституционалистов и войдя в связь с «Союзом советов» (политическое либеральное об'единение различных групп интеллигенции).

Весной же в марте-апреле начинается тяга к организации и среди петербургских приказчиков. Началось с организации во всех районах полулегальных «кружков», регулярно собиравшихся для обсуждения вопросов организации служащих и их борьбы за улучшение условий труда; в кружках велись беседы и на общеполитические темы; вошедшие в кружки торговые служащие вели агитацию среди своих товарищей по работе и втягивали в сферу «кружковой» организации все более широкие массы. На 29 мая в 11 час. утра руководители движения назначили митинг торговых служащих Петербурга под открытым небом, на Сенатской площади; предварительным сборным пунктом был назначен Александровский сад, куда с утра, задолго до 11 час., в воскресенье 29 мая потянулись толпы торговых служащих со всех концов города. Все входы в сквер на Сенатской площади и в Александровский сад были заняты чинами полиции и жандармерии, причем пропускали только в одни из ворот Александровского сада (выход был свободен во все стороны). Было заметно, что полиция была усиленно мобилизована во главе с полицейскими офицерами. К 11 час. и сквер, и сад были необычайно полны для этого часа. Публика, пришедшая на утреннюю прогулку, чувствуя что-то «недоброе», спешила удалиться из сада, и в нем остались лишь торговые служащие. Пробраться в сад становилось все труднее—пропускали уже только одиночек. Из сада собравшиеся толпой двинулись по главной аллее в сквер; но полиция преградила дорогу. Начался спор. В этот момент по указанию охранника несколько человек было арестовано, а через некоторое время полиция приступила к очистке территории сквера и сада. Вытесненные торговые служащие толпой бросились на Гороховую с угрожающими криками: «закрывай лавки!» Полиция пустила в ход кулаки, под крики и топот бегущих слышался треск и звон разбиваемых стекол в лавках и магазинах и

ругань с сопротивляющимися лавочниками. Было арестовано еще несколько человек.

Первый митинг и демонстрация, таким образом, не удались по причине плохой организации и непривычки к открытым массовым выступлениям. «Кружки» же продолжали работать, накапливая силы, чтобы через несколько месяцев открыто об'явить о существовании профессионального союза приказчиков Петербурга.

Ко времени официального об'явления о деятельности союза он об'единял уже около 2.000 приказчиков.

В то же время организовался и союз фармацевтов.

Союзы ремесленных рабочих-часовщиков, портных и скорняков, рабочих сапожного и башмачного дела вели подпольное существование вплоть до октябрьской забастовки. При своей организации они натолкнулись на препятствия и со стороны хозяев, и со стороны полиции: ни та, ни другая сторона не разрешали созывать собраний (см. Гриневич, «Профессиональное рабочее движение в России», изд. 3-е, стр. 26), вследствие чего они лишены были возможности легально организоваться.

В Москве первым начинает действовать—как и в Петербурге—профессиональный союз печатников. Правда, в 1905 г. он вошел уже во второй год своего существования. Он возник непосредственно из стачки московских печатников в сентябре 1903 г. и существовал в подполье. Еще до 1905 г. он вошел как организованная единица в Р. С.-Д. Р. П. (Вначале он выставил исключительно экономическую платформу, затем принял в качестве платформы пропрамму Р. С.-Д. Р. П. и после этого формально вошел в партию). До 1905 г. он не об'единял большого количества рабочих, но его роль сказывалась при всяком движении последних. Летом 1905 г. параллельно с ним было организовано филиальное отделение петербургского союза печатников, которое не пользовалось влиянием среди московских типо-литографских рабочих. После сентябрьской стачки 1905 года на место двух союзов был создан один—московский союз рабочих печатного дела.

Среди московских торговых служащих попытки организовать союз делаются весной в результате движения за сокращение рабочего дня и праздничный отдых.

Там создалось сразу несколько инициативных групп, занявшихся разработкой устава: чуть не в каждой отрасли торговли предполагался самостоятельный союз. Но многие из них не доканчивали дела и распадались. Лишь одной из них при содействии мо-

сковской группы социал-демократической партии удалось образовать в июне профессиональный союз торгово-промышленных служащих, который об'единил до 300 человек. Он принял в качестве платформы социал-демократическую программу-минимум.

В сентябре 1905 г. организовался союз приказчиков, торгующих с'естными припасами. Осенью этого же года был организован союз торговых служащих под названием «В единении сила».

Почти все союзы московских служащих организовались, таким образом, как «В единении сила». Созывалось собрание, выбиравшее комиссию для выработки устава, комиссия по окончании своих работ опять устраивала собрание, которое утверждало устав и выбирало постоянный орган для ведения дел союза.

Был еще в Москве организован союз бухгалтеров с характерным для этой профессии пунктом в уставе, выставлявшим требование устройства корпорации бухгалтеров по образцу присяжных поверенных. В уставы всех союзов, кроме пунктов экономического характера, вставлялись требования элементарных гражданских свобод.

Московский союз торговых служащих за полтора месяца устроил до 20 собраний, на которых перебывало до 25 тысяч человек; все собрания—как и в других союзах—заканчивались речами по вопросам текущей политической жизни. Работа велась под руководством социал-демократов. В ноябре 1905 г. был организован еще один союз под названием «1-й союз торговых служащих», об'единивший 1.200 человек.

Союз рабочих хлебопекарного производства возник после их весенней стачки при ближайшем содействии московского комитета большевиков; он сразу принял партийный характер (см. у Гриневича, стр. 28) и играл значительную роль в осеннем движении рабочих.

Во многих провинциальных городах профессиональные союзы, также как и в столицах, начали организовываться до октябрьской забастовки, как, например, союз типографских рабочих в Харькове, союзы рабочих пищевого производства в Одессе, союз булочников и стачечный комитет приказчиков в Нижнем.

Но полных и более или менее точных сведений о профессиональных союзах в провинции до осенних событий нет.

Широкая организация профессиональных союзов по всей России и во всех производствах начинается после октябрьской забастовки, а в отраслях крупной промышленности—даже только с

весны 1906 года. Вообще, надо сказать, что и союзы, возникшие до октября, начали оформляться только в конце 1905 и в начале 1906 года.

Союзы, организовавшиеся до осеннего движения, сыграли в последнем большую организационную роль. Движение началось в Москве среди типографских рабочих, начавших общую типографскую забастовку. Для руководства забастовкой был выделен, при помощи социал-демократического союза печатников, совет депутатов типографских рабочих. Забастовка вызвала уличные демонстрации и вооруженные столкновения с полицией. Вслед за печатниками забастовали рабочие булочной Филиппова. Поведение полиции и войск обострило настроение московских рабочих и послужило одним из поводов расширения их движения. 7 октября началась забастовка на Московско-Казанской жел. дор. Из Москвы движение перебросилось в Петербург, где оно тоже началось с печатников—трехдневной их забастовкой-демонстрацией для моральной поддержки требований московских товарищей.

Это забастовочное, в первое время экономическое, движение и происходившие многолюдные собрания в высших учебных заведениях подготовили всеобщую октябрьскую политическую забастовку, в результате которой был издан манифест 17 октября с обещанием куцой конституции. В результате движения организуется Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

После всеобщей политической забастовки во всех пунктах России спешно строятся профессиональные союзы фабрично-заводских рабочих, ремесленников, служащих. К концу 1905 г. в Петербурге насчитывалось 44 профессиональных союза, в Москве—50.

Некоторые союзы организовывались непосредственно после экономических стачек, некоторые же для проведения их; союзы организовывались при посредстве инициативных групп, при помощи Советов Депутатов, проводивших стачки, заводских комиссий и центральных бюро профессиональных союзов. Так, например, Петербургский Совет Рабочих Депутатов способствовал организации союзов деревообделочников, табачников, портовых рабочих, текстильщиков, металлистов, сапожников и нелегально существовавшего союза портных. Многие профессиональные союзы возникали по инициативе и при непосредственном участии социал-демократических партийных организаций, например, в Москве, где было некоторое количество партийных профессиональных союзов ремесленников и служащих. В районе деятельности Бунда (еврей-

ской социал-демократической партии) профессиональные союзы, как правило, были партийными, формально связанными с Бундом.

Стремление к организации было настолько сильно среди всех групп наемных рабочих и служащих, что в течение октября—декабря 1905 года (так называемые «дни свободы») не было ни одной профессии, не охваченной профессиональной организацией. Так продолжалось до поражения декабрьского восстания московских рабочих, после которого реакция взяла инициативу в свои руки и повела решительную борьбу с революционным движением. Профессиональные союзы наряду с другими организациями рабочего класса подверглись основательному разгрому, и многие из них начали восстанавливаться только весной 1906 г., когда уже был издан закон 4 марта 1906 г. об обществах и союзах.

4.

Характер и условия классовой борьбы пролетариата определяются общей суммой социально-экономических предпосылок; основная из них, является, так сказать, базой—суть, степень и характер развития капитализма и состояние к данному моменту народного хозяйства в целом и его положение на мировом рынке; словом—состояние производительных сил данной страны. Дальше оказывают большое влияние на характер классовой борьбы пролетариата и надстройки—политические учреждения, характер государственной власти и т. д., а также взаимоотношения господствующих классов между собою и с государственной властью и состав самого пролетариата. В свою очередь—степень развития и характер классовой борьбы пролетариата и условия, в которых она ведется,—обусловливают необходимость для пролетариата той или иной его политической и экономической организации.

Отсюда—все указанные условия определяли собой в общем и целом задачи и организационную структуру российского профессионального движения, как одной из форм классовой организации пролетариата. Определенное влияние на структуру союзов,—а также, как увидим дальше, и на характер их деятельности—оказывал и факт существования политической партии рабочего класса, и наличие организаций предпринимателей. В качестве фактора, который облегчал и ускорял оформление российского профессионального движения, надо отметить также наличие развитого профессионального движения в западных капиталистических странах, в которых к началу массового профессионального движения в России

уже выработались основные формы профессионального движения—тред-юнионизм, синдикализм, геверкшафт. Это давало возможность русским организаторам в соответствии с обстановкой в России использовать опыт организаторов западно-европейского профессионального движения и тем самым избежать некоторых ошибок и лишних исканий и уделить больше внимания на усовершенствование организационных форм профессионального движения.

Из всего этого, конечно, не следует, что профессиональные союзы в России сразу приобрели законченную и вполне оформленную структуру. Этому мешали и политические условия вплоть до 1917 года.

Рассмотрим, какие тенденции (стремления) были проявлены российским профессиональным движением в области организационного строительства при его возникновении в 1905 и в 1906 г.г. и какими обстоятельствами определялись эти тенденции.

Концентрация промышленного капитала в России, особенно усилившаяся в XX веке, об'единение многих предприятий в руках отдельных акционерных компаний и целых отраслей промышленности—в синдикаты и тресты, тесная связь и зависимость отдельных предприятий в общей экономической системе и наличие специальных союзов капиталистов для совместного противодействия экономической борьбе рабочих—диктовали зародившемуся профессиональному движению необходимость об'единений—как местных, всех союзов данной местности, так и областных и всероссийских по профессиям и производствам и, наконец, общего об'единения всех союзов во всероссийском масштабе.

Помимо этого, профессиональное движение, когда оно начало захватывать в свое русло в 1906 г. рабочих крупной промышленности, сразу же выявило тенденцию — строить союзы по производственному принципу; узкая цеховщина и профессионализм приобрели дурную репутацию уже при самом зарождении союзов рабочих крупной промышленности. Но все же наряду с таким стремлением руководителей профессионального движения и определенной практикой в этом направлении союзов индустриальных рабочих, мы видим значительное количество союзов, построенных по профессиональному и цеховому признаку. Наличие двух тенденций, выявившихся в практике союзного строительства при первых шагах нашего профессионального движения, дол-

жно быть об'яснено не тем, что в одних союзах были хорошие, подготовленные руководители, а в других не было таковых, и не тем, что Центральное Бюро профессиональных союзов не могло справиться с задачей регулирования организационного строительства, и не тем, что первые организаторы находились под влиянием различных форм западного движения. Эти факты могли, конечно, влиять известным образом, до поры до времени, на качество организационной структуры, но они не об'ясняют, почему проявились две тенденции и почему именно рабочие крупной промышленности при организации своих первых союзов в основу их структуры положили производственный принцип, а другие группы наемного труда чаще строили союзы по профессиональному и цеховому признаку, за некоторыми, правда, исключениями. Разумеется, такое явление не случайно и имеет основательные причины, заложенные в самой российской действительности, в ее хозяйственной и политической жизни, в самом широком значении этих слов.

О роли крупного капитала в русской промышленности и степени ее концентрации мы уже говорили в предыдущих главах. Дальше мы приведем в дополнение к сказанному несколько фактов и цифр, которые покажут нам, в какие формы начала отливаться концентрация.

На определенных стадиях развития крупной промышленности и при определенных условиях на рынке сбыта ее продукции, отдельные предприниматели приходят к выводу, что свободная конкуренция, как и в производстве, так и на рынке, для них вредна и что куда лучше можно устраивать свои дела при установлении монополий; система конкуренции начинает заменяться монопольной эксплоатацией рынка; вместо конкурирующих друг с другом предпринимателей, на рынке выступают их об'единения, действующие на основе определенных соглашений: синдикаты и тресты.

В России об'единение промышленников в синдикаты начинается уже на первых стадиях развития капитализма (еще с 70-х годов). Начиная с 1901 г. рост предпринимательских организаций приобретает особенно интенсивный характер, под влиянием кризиса и неурожаев 1897—1900 г.г. (См. Цыперович.—«Синдикаты и тресты в России», изд. 2-е, стр. 30—33). После русско-японской войны и революции 1905 г. тенденции к синдицированию и даже трестированию еще более усилились в основных и второсте-

пенных отраслях промышленности, вследствие необходимости искать выхода на мировой рынок, так как рынок внутренний не соответствовал производительности промышленного производства. Концентрация капитала и централизация производства вполне подготовляли почву для синдицирования и трестирования, особенно таких отраслей промышленности, как железоделательная, угольная и нефтяная. Так, например, число акционерных предприятий в металлургической промышленности в 1900 г. равнялась 21, а в 1913—18; основной капитал названных предприятий в 1900 г. составлял 143,96 миллионов руб., а в 1913 г.—224,18 миллионов руб.; в 1900 г. на этих предприятиях произведено чугуна 91.55 миллионов пудов, готовых изделий — 59,25 миллионов пудов; в 1913 г.— чугуна—189,16 миллионов пудов, готовых изделий—132,87 миллионов пудов (там же, стр. 38—39).

При сократившемся числе акционерных предприятий основной капитал увеличился почти на 81 миллион руб., производство чугуна и готовых изделий увеличилось больше, чем в два раза.

Железная промышленность к 1910 г. имела 19 крупных синдикатов; существовал крупный угольный синдикат, спичечный, сахарный и т. д., а также синдикатские соглашения в нефтяном деле. В 1907 г. было зарегистрировано 120 синдикатских организаций, из них 20 «чистых» синдикатов (Финн-Енотаевский. «Современное хозяйство России», стр. 335).

Мы видим, что профессиональные союзы начали строиться в России, когда концентрация капитала и централизация главных отраслей производства стояли на высоком уровне, даже, относительно, более высоком, чем в западно-европейских странах, хотя в общей системе русского народного хозяйства промышленность и не играла той роли, какую приобрела западно-европейская промышленность в таких странах, как Англия и Германия.

Далее мы видим, что и синдикатское движение в русской промышленности широко захватило последнюю.

Оба эти факта — и концентрация, и синдицирование — наряду с другими формами об'единения предпринимателей — с неизбежной необходимостью ставили перед рабочим классом задачу строить свою организацию так, чтобы она не оказалась бессильной перед мощными об'единениями предпринимателей, словом, чтобы она соответствовала тем условиям, в которых надо было вести оборонительную и наступательную борьбу против капиталистов, вооруженных до зубов и об'единенных во внушительные по своей силе организации.

Те или иные формы концентрации производства определяют те характерные и непосредственные условия, в которых рабочие принуждены вести экономическую борьбу. Одно дело, когда рабочие имеют перед собой ряд конкурирующих между собой предпринимателей в данной области промышленности, другое—когда им противостоит всегда и во всех случаях единый фронт предпринимателей, об'единенных в синдикаты или тресты, или в специальные союзы различных отраслей промышленности (союз фабрикантов и заводчиков, например), которые, поддерживая в своих рядах единство и дисциплину, всей своей силой давят на каждое выступление рабочих. В первом случае отдельный предприниматель, при известных условиях, готов пойти на уступки, лишь бы не доводить дело до стачки или быстрее прекратить ее. Во втором случае он не всегда волен сделать уступки или при поддержке об'единения экономически может ничего не терять от стачки, а поэтому и не проявлять уступчивости. Отсюда: 1) необходимость централизованной борьбы рабочих, которую можно проводить при централизованном союзе; 2) необходимость об'единения различных союзов для совместной борьбы при общем наступлении капиталистов или при оборонительной борьбе рабочих разных отраслей промышленности; это ведет к организации местных межсоюзных об'единений и центрального. Далее, совершенно ясно, что при наличии синдикатов, трестов и специальных союзов предпринимателей нет никакого смысла строить союзы по профессиям, так как при таких условиях выступление против предпринимателя может расчитывать на успех только тогда, когда оно ведется сообща со всеми рабочими данного предприятия, во-первых, и данной отрасли промышленности, во-вторых. Изолированные выступления отдельных цехов поэтому почти бесполезны и невыгодны по своим результатам. При таких условиях даже для высококвалифицированных и трудно заменимых рабочих отрезан путь для изолированных выступлений. Кроме того, цеховщина этих групп пролетариата в России не получила большого развития, так как: 1) промышленность росла не на развалинах цехового строя, 2) период так называемой мануфактуры был краток, 3) промышленность сравнительно в короткий период механизировалась и концентрировалась, 4) квалифицированные рабочие в своей массе создавались на фабрике и заводе и воспитывались в обстановке крупного кооперативного производства, а не в ремесленном производстве с его цеховым корпоративным духом, 5) русский капитализм,

поздно выступивший на арену мирового рынка, не мог предоставить привиллегированного положения отдельным группам квалифицированных рабочих, что препятствовало развитию в них духа аристократизма; внутренний же рынок был беден и нищ—несмотря на свою обширность — для возможности предоставления привиллегий рабочим; 6) поздно выступивший, русский капитализм, в процессе первоначального накопления, давил своей эксплоатацией и квалифицированную рабочую силу, иногда в одинаковой степени, как и неквалифицированную; 7) иностранный капитал был также заинтересован в больших прибылях, и когда надежда на них не оправдалась, у него не было ни возможности, ни тенденций к выделению квалифицированной рабочей силы в привиллегированные группы. Вот, по нашему, основные условия слабого развития аристократизма и цеховщины у квалифицированных рабочих промышленности.

Исключением в этом отношении являлись рабочие печатного дела, где наряду с большой квалификацией и длительной выучкой требовалось значительное общее развитие, которого русские рабочие по целому ряду условий не могли достичь в сколько-нибудь широких размерах до революции. Но и рабочие печатного дела, выделяясь из общей массы пролетариата, по тем же вышеперечисленным причинам, не расслоились на отдельные группы, а представляли собой компактную массу, по причине особых русских политических условий, выступавшую в первой революции вместе со всем рабочим классом, а иногда впереди его.

Отсутствие сильно развитого аристократизма и цеховщины предохранило русский пролетариат от резкого расслоения на группы по признаку цеховых интересов. Особые условия, в которых развивалась классовая борьба, усиливали тенденцию к сплочению и ослабляли и без того слабые предпосылки к расслоению пролетариата. Тот факт, что задолго до возникновения оформленных экономических организаций — профессиональных союзов—во главе классовой борьбы встала политическая партия рабочих в лице Р. С.-Д. Р. П., действовал в том же направлении, противодействуя развитию цеховых стремлений среди пролетариата, всегда выставляя перед ним общеклассовые интересы и заостряя на этом пункте все выступления рабочих. Такая пропаганда и практика партии воспитывали в рабочем классе дух общности и сознание необходимости общеклассовой солидарности. Эти качества воспитывались в русском рабочем классе и самой практикой его борьбы в условиях полицейского строя.

Профессиональные же союзы возникли тогда, когда российский пролетариат оформился — несмотря на его пестрый состав — в «класс для себя», в революционный класс, осознавший и поставивший перед собой задачу революционной борьбы против старого строя. И дальше — профессиональные союзы начали строиться тогда, когда промышленность уже была охвачена крупными об'единениями в форме синдикатов и трестов и, помимо того, промышленники были организованы в союзы фабрикантов и заводчиков, об'единялись с'ездами промышленников и т. п. организациями. Вот все те обстоятельства, которые заставили первых организаторов нашего профессионального движения сразу положить во главу угла его организационной структуры: 1) производственный принцип строительства, 2) об'единение по горизонтальной линии или местное и центральное межсоюзное об'единение, 3) вертикальное или централизованное об'единение местных организаций каждого союза во всероссийском масштабе.

В первые годы своего существования профессиональные союзы больше стихийно, чем сознательно и планомерно, подошли к этим принципам, да в те короткие дни «свобод» они и не могли подойти вплотную к разрешению организационных задач, так как непосредственная борьба захватывала все силы без остатка; организационные вопросы разрешались самой жизнью и структура профессиональных союзов складывалась вчерне в соответствии с потребностями сегодняшнего дня. А быстро росшая реакция с параллельным упадком революционного движения мешала развитию полного оформления профессиональных союзов в соответствии с классовыми задачами пролетариата. К тому же на внешней, по крайней мере, стороне профессиональных организаций сильно отражалось влияние закона 4-го марта 1906 г., так как профессиональные союзы были вынуждены применяться к этому закону.

Вертикальные и горизонтальные об'единения так и погибли, не доразвившись, или существовали в подполье. В условиях убийственной реакции и упадка революционного движения и производственный принцип строения профессиональных союзов не только не мог успешно проводиться в жизнь, но и прямо душился чиновниками и полицией царского правительства. Например, в Петербурге после закрытия союза приказчиков, торговым служащим не разрешали организовать единое профессиональное общество всех торговых служащих, а разбивали их по отраслям торговли. Цель ясна. Вместо одного сильного союза — несколько; за малейшую

связь между ними они закрывались (как было в 1908 г.). Союз, организованный по производственному принципу, конечно, большой союз. А большие союзы были бельмом на глазу охранников и закрывались по самым незначительным поводам. Маленькие союзы имели больше возможностей сохраниться от бдительного наблюдения полиции и тем или иным способом тянуть свое существование. Этим мы не хотим сказать, что цеховые союзы создавались в то время только из-за политических условий. Они создавались в первые два года стихийно, и об'единение их по производственному принципу не могло быть проведено из-за политических условий, когда начался разгул реакции. Поэтому все профессиональные союзы ремесленных рабочих существовали самостоятельно, независимо от союзов рабочих крупной промышленности, хотя бы и той же самой отрасли промышленности; и рабочие данной отрасли крупной промышленности иногда строились по более узким признакам, чем данное производство. Не было также проведено размежевание между отдельными союзами. Наряду с этим необходимо отметить такие факты, как строение союзов в ремесле по производственному принципу: союз данной отрасли ремесленного производства об'единял всех работающих в этой отрасли ремесла, независимо от профессии.

Перейдем к рассмотрению организационной практики профессиональных союзов в 1905—1906 годах.

Колокольников в главе третьей своей книги «Профессиональное движение» приводит такие факты о размежевании союзов (вернее—о составе союзов, как он складывался при стихийном их возникновении, так как о сколько-нибудь сознательном размежевании не могло быть и речи в то время). Прежде всего: «одинаковые союзы в различных городах неоднородны по своему составу; даже в одном городе рабочие одной и той же профессии входят в различные союзы». Московский союз портных об'единял всех работающих иглой; в Петербурге и Одессе — только портных, портних, скорняков и шапочников, а модистки и шляпочницы имели особый союз (в Петербурге, правда, он быстро распался). Маляры и кровельщики в Москве и Петербурге об'единялись союзом строительных рабочих; в Одессе же они вместе с живописцами и склейщиками (обойщиками?) об'единялись в особый союз. Отдельно от союзов рабочих по металлу существовали союзы кузнецов, модельщиков, жестяников; в Одессе был особый союз машиностроительных рабочих и рабочих слесарно-механического цеха.

В Петербурге золотосеребряники и часовщики имели особые союзы, а в Одессе об'единялись в одном союзе. В Петербурге часть литографов образовала отдельный союз, а другая часть входила в союз печатников (в Москве все входили в союз печатников). Торговые служащие в Петербурге об'единялись в одном союзе, а в Москве в нескольких (порознь были организованы даже мясники и колониальщики). Многие союзы уже в 1906 году сливались с однородными по производству союзами.

Вторая Всероссийская конференция профессиональных союзов, происходившая в Москве в феврале 1906 г., еще не могла дать полных указаний по организации союза, рекомендуя только при организации союзов «не дробить их по мелким отраслям профессий».

В отношении союзных органов единства также не было. В небольших союзах обычно функционировали общие собрания членов, а в повседневной работе — правления. В крупных союзах вводился институт делегатов от предприятий и мастерских и деление на секции и районы (в местном, городском масштабе). Делегатские собрания, секции и районы в различных союзах были наделены неодинаковыми правами и выполняли неодинаковые функции. Например, и при наличии делегатских собраний чаще всего наиболее важные вопросы и выборы правления переносились на общие собрания; делегатские же советы наряду с правлениями наделялись только исполнительными функциями. В некоторых же случаях делегатские собрания перенимали все права общих собраний.

Районы и секции в большинстве союзов выполняли подсобную роль, ведя работу по указаниям и инструкциям центральных органов союза; но бывали случаи, когда районы выступали самостоятельно; в некоторых союзах секции имели большие права (например, городские рабочие и служащие в Москве в 1905 г.; строительные рабочие в Петербурге). Иногда секции имели кассы; в некоторых союзах секции посылали своих представителей в правления, в некоторых правления формировались исключительно секциями. При большом разнобое в секционном строительстве, в общем, не наблюдалось, за исключением немногих случаев, тенденции к разрыву союзов даже там, где секции пользовались большими правами. Начиная с 1907 года, в эпоху реакции, секционное

строительство почти не применялось в союзах отчасти потому, чтобы не усложнять организацию и, в случае закрытия союза полицией, легче было бы восстановить его; решающее же значение имело то обстоятельство, что союзы об'единяли небольшое количество членов и для разделения на секции не было никаких оснований.

5.

Попытки об'единения союзов одного производства или профессии начинались с переписки, поездки делегатов в другие города, взаимной поддержкой в экономической борьбе и закреплялись формально на всероссийских конференциях.

Питерские конторщики и фотографы в 1906 году пытались образовать централизованные всероссийские союзы простым декретированием, но из этого ничего не вышло; на местах возникали самостоятельные союзы вне всякой связи с «всероссийскими», об'единявшими: один — питерских конторщиков, другой — работников питерских фотографий.

В июне 1906 года состоялся 3-й с'езд обществ взаимопомощи частного труда (по преимуществу торговых служащих), на котором присутствовали и представители от восьми профессиональных союзов (специально они не приглашались на с'езд, но присутствовать разрешалось). По своему характеру с'езд резко отличался от двух предыдущих (в 90-х годах). Но все же нельзя согласиться с Колокольниковым, что с'езд фактически превратился в конференцию профессиональных союзов служащих, так как все-таки: 1) общества взаимопомощи не стали профессиональными союзами и после с'езда, 2) профессиональные же союзы были представлены случайно 8 организациями, из которых три московских и пять провинциальных (общества взаимопомощи были представлены 33 организациями). Несомненно лишь, что с'езд находился под сильным впечатлением революционных событий и прошумевшей борьбы торговых служащих.

Кроме того, по списку делегатов и по выступлениям на с'езде можно судить, что среди делегатов в небольшом количестве были социал-демократы и социалисты-революционеры. Большинство же делегатов представляло собой бесформенную в политическом смысле этого слова массу, но определенно настроенную оппозиционно к самодержавно-полицейскому правительству, и лозунг учредительного собрания был на с'езде очень популярен. Среди делегатов были и умеренные элементы, о чем можно судить как по

некоторым выступлениям, так и по инциденту, происшедшему при почтении жертв белостокского погрома. Характерно также для того времени и для настроения с'езда, что когда после прощальной речи Рамишвили делегаты предложили спеть марсельезу, то председатель Фрейман сделал раз'яснение, что с'езд не политическая организация, а экономическая, и что перед ним деловая работа, которую надо довести до конца, а пение марсельезы может этому помешать, а потому-де и неуместно.

В всяком случае, несмотря на то, что умеренные и правые элементы обществ взаимопомощи хотя и стушевались в общей массе оппозиционно-настроенных делегатов, их настроения все же просачивались в работах с'езда и отразились в тактике и резолюциях с'езда. С'езд не мог не отразить в своих работах требований служащих, выявленных в повсеместно происходившей борьбе за изменение условий труда, но настроения умеренных сделали эти требования простым итогом, лишенным действенного духа. С'езд не указал путей достижения намеченных целей, не сказал, как это можно сделать, — словом, не выступил организующим и направляющим фактором движения служащих, он довольствовался принятием резолюций-требований, резолюций-материалов для их законодательной разработки. Принятая с'ездом резолюция «О профессиональной борьбе», составленная в общих туманных выражениях, была совершенно недостаточна в этом отношении; в ней указывалось, что «профессиональные союзы и общества взаимопомощи должны приложить все усилия к немедленному проведению в жизнь тех постановлений, которые могут быть проведены в жизнь помимо законодательства, и употребить все усилия на проведение в массы торгово-промышленных служащих идеи о необходимости тесного об'единения для усиления борьбы за требования, которые могут быть осуществлены лишь законодательным путем». Каковы средства и формы борьбы, об этом — ни звука. И, главное, с'езд не оставил после себя постоянного боевого органа борьбы. Избранная организационная комиссия никакого значения не имела и о ней никто не слышал после с'езда. Она полностью отразила инертность и обособление от профессионального движения служащих, что проявлялось в обществах взаимопомощи.

Таким образом, вся революционность с'езда выразилась в том, что он возложил свои надежды на гос. думу, совершенно умолчав о необходимости вести активную открытую борьбу за свои требования, чтобы добиться воплощения их в законодатель-

ные нормы или провести в жизнь без оных. Ублюдочность обществ взаимопомощи наложила свою печать и здесь. В этом слабая сторона с'езда. Кроме влияния старых руководителей обществ взаимопомощи, на работах с'езда, несомненно, отразился и тот факт, что наиболее боевые и непосредственные требования служащих— сокращение рабочего дня и праздничный отдых — в большинстве городов и для подавляющего большинства служащих — уже были установлены в результате борьбы за них, и еще неискушенные опытом и знанием того, что вырванные уступки надо уметь удерживать постоянной готовностью к борьбе, к активному выступлению, — делегаты с'езда с легким сердцем поручили интересы служащих законодательным органам. Но, несмотря на все это, III с'езд далеко ушел по сравнению с первыми двумя. С'ехавшиеся представители обществ взаимопомощи выступали не только от своего имени и с собственными пожеланиями, как было на первых двух с'ездах, — они говорили от имени массы служащих, вступивших на путь борьбы, они невольно выражали интересы и настроения этой массы, в основе их работ лежали требования торговых служащих, частью уже проведенные в жизнь. Соответственно духу времени, III с'езду не пришлось выслушать речи, подобные произнесенной на I с'езде нижегородским городским головой, бароном Дельвигом, указавшим на ненужность с'езда, напоминавшим о рамках законности, предупреждавшим, что «напрасны будут ваши цветы красноречия», а по вопросу о регулировании взаимоотношений между служащими и хозяевами просто отрезавшим: «лучше бы с'езд этим вопросом не занимался». III с'езд слышал речи Рамишвили, депутата государственной думы, говорившего о классовой борьбе пролетариата с буржуазией, а вместо молебнов с'езд требовал исполнения марсельезы. Представители обществ взаимопомощи, представленные в подавляющем количестве, подчинились общему настроению торговых служащих, и, вопреки всей своей прежней деятельности, признали, что только классовая борьба совместно со всем пролетариатом может улучшить положение служащих, что в целях классовой борьбы «необходима организация массовых боевых профессиональных союзов»; представители обществ взаимопомощи признали далее, что общества взаимопомощи не могут заменить собою профессиональных союзов и что функции взаимопомощи должны быть подчинены «задачам борьбы». Тут уже нет и следа благотворительного духа— с'езд встал на путь признания необходимости классовой борьбы и

боевых профессиональных союзов. В этом его главное отличие от первых двух с'ездов, тут он верно отразил начавшуюся революционную эпоху и вступление торговых служащих на путь активной борьбы. Об этом свидетельствуют и принятые с'ездом требования, в которых заявляется о максимальном 8-часовом рабочем дне, причем для конторского труда требуется 6-часовой рабочий день, о запрещении сверхурочных работ, 42-часовом еженедельном отдыхе, воспрещении труда детей моложе 16-летнего возраста и 6-часовом рабочем дне для подростков от 16 до 18 лет, о ежегодных отпусках, об уравнении оплаты женского труда с мужским, о государственном страховании, санитарном надзоре, о выборной инспекции, об уголовной ответственности хозяев за нарушение законов по охране труда и ряд других, менее важных.

В августе 1906 года состоялась конференция союзов портных. В 1907 году состоялись конференции: печатников (в Гельсингфорсе), металлистов московского промышленного района, с участием представителей бакинского, петербургского, витебского и луганского союзов; областная конференция союзов рабочих по обработке волокнистых веществ (текстильщиков); рабочих архитектурно-строительного дела; чаеразвесочников; техников; учредительный с'езд союзов рабочих кожевников Северо-Западного края; беспартийных союзов ткачей Царства Польского; областная конференция портных московского района; рабочих по изготовлению одежды Поволжья и Урала; с'езд союзов рабочих сахарного производства Царства Польского.

На конференции печатников принимали участие вполне оформленные областные союзы: печатников Прибалтийского края и литографов Польши. Вообще, конференция в отношении представительства была одной из лучших: на ней были представлены 57 союзов 72 делегатами от 43 городов, представлявших 29.197 членов союзов. На конференции портных — 6 союзов 9 делегатами от 4.000 рабочих; у строительных рабочих представителями от 5 союзов; у металлистов—18 союзов 29 делегатами от 27.431 члена; у текстильщиков—13 союзов 16 делегатами от 10.000 рабочих; у кожевников—17 союзов 27 делегатами от 4.500 рабочих.

На конференциях обсуждались вопросы экономической борьбы (борьба с локаутами, повышение заработной платы и ее формы — повременная, сдельная), организационного строительства, о государственной думе, об отношении к правительственным законопроектам по рабочему вопросу. Почти все конференции высказа-

лись против сдельной системы оплаты, как вредной для рабочих в капиталистических условиях производства. Некоторые конференции обсуждали вопрос о минимальной заработной плате (текстильщики, печатники), но определенных решений не приняли в виду недостатка сил для проведения этого требования в жизнь (текстильщики). Конференция печатников постановила «направить усилия организаций на проведение по всем областям максимума заработной платы, установленной соответствующим областным центром». Все высказались за установление 8-часового рабочего дня. Конференция печатников, архитектурно-строительные рабочие, III с'езд служащих выставили требования об отмене сверхурочных работ, допуская их лишь в исключительных случаях с разрешения союза (печатники и архитектурно-строительные рабочие). По вопросу о введении новых машин в производстве, текстильщики и печатники высказались о недопустимости борьбы с техническими усовершенствованиями. Конференции высказывались против ограничения доступа в промышленность учеников и женщин, выдвинув требование об охране их труда. Печатниками был избран «Центральный Совет Всероссийского Союза рабочих печатного дела»; остальные конференции ограничивались выбором организационных комиссий для созыва с'ездов, информации и согласования действий. Центральный Совет печатников, кроме этих функций, сосредоточивал в своих руках дорожную помощь и регистрацию безработных и получал 5% отчислений от местных союзов печатников со всех вступительных и членских взносов. Конференция печатников высказалась также за централизацию стачечной борьбы, но оставила открытым вопрос о пределах централизации из-за организационных, политических и географических условий, дав только совет местным союзам, чтобы они следовали указаниям областных правлений и центрального совета во избежание одновременных забастовок большого количества рабочих. В общем, законченных об'единений не было создано в тот период. Даже центральный совет печатников, по существу, не был наделен полномочиями для руководства: ему поручалось не столько руководить, сколько обслуживать местные союзы.

Лишь некоторые областные об'единения были централизованными организациями. Об'единившиеся в 1906 году союзы Польши без согласия областного центра не имели права начинать стачки; стачечный фонд был централизован. Прибалтийский союз печатников был вполне централизован, имея на местах свои отделения. Но

эти две окраины вообще несколько отличались от других областей старой России по характеру организации рабочих, о чем уже говорилось во II главе (см. раздел «До 1905 г.»).

Начатые попытки к об'единению местных союзов не могли развиваться дальше и были прерваны на первых же шагах.

Полной централизации союзов в то время препятствовали слабое развитие профессиональных организаций и полицейские репрессии.

6.

Мы уже видели, что российское профессиональное движение начало организовываться в то время, когда вся обстановка классовой борьбы диктовала рабочему классу необходимость максимального об'единения сил и согласования действий его отдельных групп. Этим и об'ясняется, что вскоре после возникновения профессиональных союзов для согласования их действий в данной местности и постоянного руководства по общим для всех союзов вопросам создавались местные об'единения — «центральные бюро профессиональных союзов». Поводом для их создания в Питере и Москве послужили совещания представителей нескольких об'единений по вопросу о созыве с'езда профессиональных союзов; их первоначальной задачей являлось — подготовка с'езда союзов и содействие развитию местного профессионального движения. Такие бюро были организованы во всех крупных центрах рабочего движения с той же основной задачей — содействовать развитию местного профессионального движения. Они помогали союзам налаживать организационный аппарат, оказывали содействие в создании новых союзов, организовывали юридическую помощь членам союзов и медицинскую помощь при союзах. Ц. Б. не ставили своей задачей непосредственное руководство экономической борьбой, вопросов о стачках не решали и вмешивались в них в исключительных случаях, когда то или иное выступление могло иметь последствия для всех профессиональных союзов.

Центральные бюро создавались на основе выборности представителей от отдельных союзов.

При этом, единообразных форм представительства не было установлено, так как профессиональное движение было лишено возможности оформиться, и центральные бюро не могли создать в то время всероссийского органа.

По этому вопросу наметились две основных точки зрения: одни исходили из того, что представительство должно осуще-

ствляться пропорционально количеству членов союзов, другие же считали необходимым установить равное представительство от всех союзов, исходя из того, что в центральных бюро более всего нуждались мелкие союзы, которые при пропорциональном представительстве были бы подавлены крупными союзами.

До тех пор, пока центральные бюро не выполняли функций руководящего характера, а ограничивали свою задачу «содействием развитию местного профессионального движения», вопрос о способах представительства не мог иметь большого практического значения. При расширении же и углублении их задач до задач руководящих органов профессионального движения, вторая точка зрения, по существу, была бы неправильна и опасна с точки зрения выдержанной классовой линии профессионального движения. А так как на деле центральные бюро не могли строго ограничиться той задачей, которая была на бумаге, особенно в острые моменты классовой борьбы, то надо признать, что петербургское центральное бюро нашло правильную линию при определении нормы представительства, приняв пропорциональную систему (союзы с менее, чем 500 человек, посылают 2 представителей, от 500 до 1.000—3-х; свыше 1.000—по одному на каждую следующую тысячу, но не более 7 представителей от одного союза). Финансы Ц. Б. составлялись из процентных отчислений об'единяемых союзов; отчисления колебались от 3% месячных доходов союзов (Петербург, Москва, Симферополь и друг.) до 4% (Киев) и 5% (Ковно). Отчисления производились недостаточно аккуратно, и иногда центральным бюро приходилось изыскивать средства из других источников.

В качестве рабочего органа центральные бюро избирали на определенный срок секретариаты, которые вели всю текущую работу, а также вспомогательные органы (редакционные комиссии и пр.).

В вопросе о роли центральных бюро в основном наметились также два течения: одно считало необходимым придать центральным бюро руководящий характер, другое же ограничивало их роль служебно-техническими функциями. На практике, — по крайней мере, в крупных центрах профессионального движения, — центральные бюро выполняли функции и руководящего характера, и подсобно-технического, в зависимости от характера вопросов и условий, в которых проводился тот или иной вопрос. Наметившаяся и проявившаяся в практике тенденция к превращению центральных бюро в руководящие органы была правильна и соответствовала тем

условиям, в которых строились профессиональные союзы. Весь дальнейший ход профессионального движения полностью оправдал эту тенденцию, зародившуюся вместе с массовым профессиональным движением и обусловленную причинами, намеченными в четвертом параграфе этой главы. Негодование меньшевиков на «повторение того принципа построения руководства сверху, который лежит в основе организации социал-демократической партии» (Гриневич, стр. 56), и при организации центральных бюро профессиональных союзов — вполне естественно; но в этом вопросе история классовой борьбы и профессионального движения, в частности, высказалась против них, предлагавших и в партийном, и в профессиональном строительстве мягкотелые формы — без углов и прочно связывающего цемента. Из решения этого общего вопроса о роли центральных бюро вытекало и решение конкретного вопроса об обязательности постановлений центральных бюро для входящих в них профессиональных союзов. Единства мысли и линии поведения в этом вопросе также не было. Например, по уставу петербургского Ц. Б., «все решения Ц. Б. принимаются простым большинством голосов, причем, по требованию $^1/_3$ союзов, решение в особо важных случаях считается обязательным для всех союзов лишь по предварительном обсуждении вопроса отдельными организациями» (у Гриневича, стр. 56, примечание).

Вопрос о всероссийском межсоюзном об'единении ставится одновременно с возникновением профессиональных союзов, и подготовка к нему началась, как только в крупных центрах возникли центральные бюро.

Летом 1905 года совещание представителей харьковских профессиональных союзов признало необходимым созыв Всероссийской конференции. После переговоров их представителя с московскими и питерскими союзами была созвана первая конференция, состоявшаяся в Москве в сентябре — октябре 1905 года, в которой приняли участие 24 московских союза, 10 петербургских, 6 из провинции и представители всероссийских союзов железнодорожных и почтово-телеграфных служащих. Центральным вопросом на конференции была организация подготовительных работ по созыву с'езда.

В феврале 1906 года в Петербурге состоялась II Всероссийская конференция, на которой были представители 10 городов от

200.000 организованных рабочих. Большое место на конференции занимал вопрос о законе о профессиональных союзах. II конференция закрепила явочный порядок организации союзов без разрешения властей. Для созыва Всероссийского с'езда была избрана Организационная Комиссия, которой поручалось служить центром профессионального движения до с'езда, и она уполномачивалась устанавливать сношения с западно-европейскими профессиональными организациями (Организационная Комиссия установила сношения с Генеральной Комиссией германских союзов и Международным Секретариатом профессиональных союзов). С'езд созвать не удалось вследствие все усиливавшейся реакции.

Наряду и в связи с подготовкой к Всероссийскому с'езду профессиональных союзов в течение 1906—1907 г.г., происходил ряд областных конференций, из которых можно отметить: с'езд профессиональных союзов Донецкого бассейна в декабре 1906 года, крымскую областную конференцию в январе 1907 года (представлено 30 союзов), крымскую конференцию центральных бюро осенью 1907 года, конференцию закавказских Ц. Б., подольскую межсоюзную конференцию, конференцию социал-демократических профессиональных союзов Царства Польского в январе 1907 года. Перечисленные конференции вместе с вопросами об организации областных центров профессионального движения обсуждали и такие вопросы, как отношение профессиональных союзов к выборам во II государственную думу, о законе 15 ноября 1906 года (о нормальном отдыхе ремесленников и торгово-промышленных служащих) и т. п. (См. Гриневич, стр. 200).

В апреле 1907 года Организационная Комиссия по созыву Всероссийского с'езда созвала совещание для вырешения связанных с ним вопросов, на котором присутствовали члены Организационной Комиссии, представители Ц. Б. Петербурга, Москвы, Киева, Вильно, а также — Центрального Совета союзов печатников, всероссийских организационных комиссий: организаций приказчиков, рабочих по металлу и портных; областных (сев.-западных) централизованных союзов кожевников и щетинщиков и петербургского союза булочников. Совещанием был выработан окончательный порядок Всероссийского с'езда в следующем виде: 1) общий доклад Организационной Комиссии о современном положении профессионального движения и его задачах; 2) союзы по производствам и по профессиям; размежевание союзов; 3) всероссийские и областные союзы; 4) межсоюзные организации: местные и областные бюро;

5) свобода союзов и стачек; 6) безработица и профессиональные союзы; 7) профессиональные союзы и 8-часовой рабочий день; 8) политическая и партийная нейтральность союзов; 9) союзы предпринимателей и локауты; 10) взаимопомощь в союзах; 11) профессиональные союзы и кооперация; 12) праздничный отдых; 13) культурная деятельность союзов (в частности, национальные секции для этой цели); 14) способы соглашения с хозяевами (примирительные камеры, третейские суды, тарифные соглашения); 15) города и земства в их отношении к рабочему классу, как предприниматели и как органы самоуправления; 16) первое мая; 17) учреждение Всероссийской Центральной Комиссии профессиональных союзов и центрального органа; выборы; 18) выработка устава следующих с'ездов (Гриневич, стр. 200—201—О всероссийских и областных конференциях профессиональных союзов в 1905—1907 г.г., см. также в 9-й книге «Архива Истории Труда» статью В. Святловского—«Первые конференции и с'езды профессиональных союзов». Необходимо отметить, что к некоторым сообщениям и утверждениям Святловского, как в указанной статье, так и в статье «Первые профессиональные союзы», напечатанной в книге «Красн. Летоп.», надо относиться с большой осторожностью, так как они (сообщения) не всегда соответствуют действительным фактам).

В общем, можно сказать, что на первых же шагах российского профессионального движения в основу строительства крупнейших союзов был положен производственный принцип, но условия не были благоприятны для развития этой тенденции и проведения этого принципа в законченном виде до революции 1917 года. То же самое можно сказать и относительно об'единений по вертикали и горизонтали: необходимость их сразу была признана, но они не могли развиваться после издания закона 4 марта 1906 года и погибали под ударами реакции.

II. Профессиональные союзы в экономической борьбе.

1.

Основной функцией союзов являлась борьба за экономические интересы рабочих. В истории русского рабочего движения уже с 90-х годов XIX столетия заметна связь экономической борьбы пролетариата с его политической борьбой.

Движение 1905 года началось в Петербурге экономической стачкой рабочих за Нарвской заставой, перешедшей в политическое выступление всех рабочих, явившееся началом революции 1905 года. Революция, в свою очередь, имела большое влияние на усиление экономической борьбы и на распространение ее и на те слои трудящихся, которые раньше не осмеливались открыто и решительно выступать, — служащие, некоторые группы ремесленников, — а теперь воспользовались растерянностью и неорганизованностью предпринимателей. Эти группы долгие десятилетия подвергались хищнической эксплоатации, и потому об'ективно, по условиям производства, являлось возможным значительное удовлетворение их элементарных требований. Борьба же фабрично-заводских рабочих встречала более упорное сопротивление: они долголетней стачечной борьбой добились некоторых улучшений и дальнейшие их требования встречались с упорным несогласием предпринимателей удовлетворить их. К тому же крупные предприниматели, об'единенные в союзы и синдикаты, встречали организованным отпором всякое более или менее значительное выступление рабочих. Трудность борьбы рабочих усиливалась промышленным кризисом, который определял и характер экономических стачек рабочих, которые в 1905 — 1906 г.г. большей частью были оборонительными.

В союзах еще не было больших стачечных фондов, и большею частью их роль сводилась к организационному руководству стачкой. Только в 1906 году союзы принимают на себя полное

руководство экономической борьбой рабочих. В фабрично-заводской промышленности экономическая борьба особенно широко захватила текстильных рабочих и рабочих нефтяных промыслов и очень мало металлистов, сильно пострадавших от репрессий и кризиса — от локаутов, безработицы; их немногие наступательные стачки кончались, большею частью, неудачно; преобладали стачки (у металлистов) оборонительного характера для защиты сокращенного рабочего дня и против сверхурочных работ, усиливавших безработицу. Текстильная промышленность переживала некоторый под'ем, и борьба была направлена на увеличение заработной платы. В итоге повышение ее было незначительно, вследствие одновременного сокращения рабочего дня, а вздорожание цен на продукты с 1906 г. и это повышение сделало номинальным, и причины, заставлявшие бороться за увеличение заработной платы, продолжали действовать, к тому же расширялись культурные потребности. Печатники сделали наибольшие завоевания, вследствие сильного под'ема печатного производства в 1905—1906 г.г. и порою полного отсутствия безработицы (малое предложение из-за высокой квалификации труда). С усилением реакции стачки стали носить почти исключительно оборонительный характер.

Основным требованием стачечной борьбы 1905—1906 г.г. являлись: сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, отмена сверхурочных работ, замена сдельной платы повременной, признание профессиональной организации. В экономической борьбе этих лет выработались две тактики: тактика частичных забастовок (особенно развитая у печатников после первого периода общих стачках, и тактика всеобщих стачек (текстильщики). Кроме стачек, применялся бойкот, но эта форма борьбы не развилась и не имела большого значения. Примирительные камеры, как постоянно функционирующие учреждения, можно отметить у печатников; попытка союза металлистов организовать таковые в конце 1907 года не удалась из-за сопротивления общества фабрикантов и заводчиков; при заключении договоров во время стачек действовали камеры соглашения (например, у питерских булочников, каталей и т. д.); особое место занимали смешанные комиссии при городском самоуправлении по выработке обязательных постановлений о рабочем дне и праздничном отдыхе ремесленных рабочих и торговых служащих на основании временного закона от 15 ноября 1906 года. В отдельных случаях применялся третейский суд. В некоторых производствах заключались коллективные договоры (пи-

терские булочники, в печатном производстве, в нефтяной промышленности и проч.).

В стачечной борьбе в революционные годы многие группы рабочих, ремесленников и служащих добились значительного сокращения рабочего времени — 8, 9 и 10-часовой рабочий день; меньшего достигли рабочие в отношении повышения заработка. Текстильные рабочие добились 10—9-часового рабочего дня вместо 11½ часов. Печатники в целом ряде городов добились 8-часового рабочего дня. Строительным рабочим также удалось сократить в некоторых городах рабочий день и повысить заработную плату. Рабочие хлебопекарного производства и торговые служащие отвоевали праздничный отдых.

Наряду с этим, многим группам рабочих удалось добиться признания своих организаций.

В годы реакции многие завоевания были потеряны рабочими. Уже в 1906 году началась жестокая, упорная борьба организовавшихся предпринимателей с рабочими. Локаут лодзинских фабрикантов хлопчато-бумажного производства в ноябре—декабре 1906 года лишил работы 30.000 рабочих; он продолжался больше четырех месяцев и окончился полным поражением рабочих (введен 10-часовой рабочий день, введены обыски и проч.). Локауты распространяются на Минск, Житомир, Бердичев, Мозырь, Одессу, на Сморгонь, Варшаву, Кременчуг, Витебск, Могилевскую, Минскую, Гродненскую, Киевскую, Витебскую и друг. губернии; выделяется по размерам и ожесточенности борьбы локаут в щетинном производстве. Локауты захватили и другие пункты России: в Екатеринославе 5.000 рабочих Брянского завода, типографских рабочих в Киеве, Житомире, Таганроге, Саратове, Минске, Тифлисе, в Москве (закончился в пользу рабочих); портных—в Москве; булочников—в Питере (1907 год).

Выше были отмечены причины, вызвавшие революционное движение 1905—1906 г.г. и общий характер революции. Здесь мы специально остановимся на экономической борьбе рабочих в эти годы.

Экономический кризис в России, начавшийся в 1904 году, усилился в 1905—1906 г.г. К общим причинам, вызвавшим кризис, прибавилось влияние революционных событий; эти последние возникли на определенной экономической основе, сами влияли на экономику в направлении усиления кризиса; конечно, революция не создала экономического кризиса в 1905—1906 г.г., но, несомненно, она

усилила его, поскольку в революции неизбежны разрушительные действия, отрицательно влияющие на хозяйство.

Наибольшей силы кризис достиг в последнюю четверть 1905 года и в первую половину 1906 года. В соответствии с этим в этот период усилилось и революционное движение.

Интенсивность стачечной борьбы в 1905 и 1906 г.г. характеризуется следующими цифрами: в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, в 1905 г. было 13.995 стачек (93,2% общего числа названных предприятий) с 2.863.173 участниками (163% общего числа рабочих в этих предприятиях. Эта цифра говорит о большом количестве повторных стачек). Если к этим стачкам прибавить те, которые были в предприятиях, находившихся в ведении горного департамента, то общее количество стачек будет 14.392 с 3.068.000 участников. (См. «Архив Истории Труда», книга 8, стр. 165, статья И. Вознесенского, а также статью Балабанова в IV томе «Общ. движ. в России», стр. 51). В 1906 году количество стачек в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, было зарегистрировано 6.144 (42,2% общего числа названных предприятий) с 1.108.406 участниками (65,8% общего числа рабочих в этих предприятиях). Отсутствие данных для остальных групп предприятий лишает возможности получить точное представление о количестве стачек и стачечников. Но и приведенные цифры говорят о колоссальном под'еме стачечного движения, если сравнить их с цифрами, относящимися к 1903 году, когда бастовало 550 предприятий с 86,832 участниками.

В политических стачках в 1905 году принимало участие 48% всех бастовавших рабочих; в экономических — 52% (у Финна-Енотаевского соответствующие цифры—63,4% и 36,6%); в 1906 году в политических—58,7%, в экономических—41,3%. По четвертям года эти данные принимают такой вид (указанная статья Балабанова, на стр. 53):

Четверть года.	1905 г.		1906 г.	
	% бастовавших рабочих			
	В полит. стачке	В эконом. стачке	В полит. стачке	В эконом. стачке
Первая	45,4	54,6	70,9	27,1
Вторая	59,3	40,7	52,3	47,7
Третья	42,0	58,0	57,9	42,1
Четвертая . . .	74,2	25,8	40,2	59,8

Приведенные данные показывают совпадение под'ема политических стачек с усилением экономического кризиса и увеличение экономических—с ослаблением его.

Интенсивность экономических стачек в революционные 1905 и 1906 г.г. вполне понятна, если мы примем во внимание, что экономическое положение рабочих до 1905 года было весьма тяжелым и улучшение его за предыдущие годы сильно отстало от роста промышленности.

Этим и об'ясняется, что в экономических стачках в эти годы преобладало требование повышения заработной платы. В общем числе экономических стачек в 1905 году 63,9% экономических стачек с 60,8% всех участвовавших в них рабочих происходили из-за заработной платы, являвшейся главным требованием; требования, связанные с рабочим временем, были выставлены в 31,4% экономических стачек с 30,7% участвовавших в них рабочих.

Наибольшее количество стачек, окончившихся в пользу рабочих полностью или частично, падает на те, в которых главным требованием являлась заработная плата. Правда, и в отношении других требований предприниматели в большинстве случаев шли на уступки, что видно из следующих цифр. (Указ. статья Балабанова, на стр. 58):

Главные требования	% стачек, окончившихся в пользу	
	рабочих	предпринимателей
Заработная плата	81%	19%
Рабочее время	79,4%	20,6%
Условия труда	63,8%	36,2%

По данным, приведенным у Финна-Енотаевского (стр. 367), общие результаты экономических стачек таковы:

	Из числа экономич. стачек	С количеством участников	Окончились		
			В пользу рабочих	Взаимн. уступками	Против рабочих
В 1905 г.	4388	1 051,209	34,3%	43,7%	22,0%
В 1906 г.	2545	457,004	40,8%	34,0%	25,2%

2.

К сожалению, нельзя сколько-нибудь отчетливо выявить роль профессиональных союзов в стачечной борьбе 1905 — 1906 г.г., их влияние на ход и результаты стачек. Во-первых, значительное количество стачек в 1905 году возникало часто без всякого организованного руководства, и только с момента возникновения стачки во главе ее становился стачечный комитет; иногда стачки проводились фабрично-заводскими комиссиями. Во-вторых, про-

фессиональные союзы фабрично-заводских рабочих возникают только в 1906 году. Профессиональные же союзы ремесленников и служащих часто возникали в 1905 году уже в процессе стачек или после них; кроме того, проследить стачечную борьбу этих групп и восстановить ее картину в более или менее цельном виде пока еще не представляется возможным; да и сами профессиональные союзы в большинстве случаев в течение 1905 года не успели оформиться в сколько-нибудь стройные организации, за исключением очень немногих из них. Это, конечно, не значит, что они не играли никакой роли в организации стачечной борьбы и руководстве ею; но порожденные стихийным движением, равного которому по силе и размаху еще не было, профессиональные союзы не могли полностью подчинить своему планомерному руководству экономическую борьбу и принуждены были поспевать за ходом событий, не всегда идя впереди них и уже в процессе самой борьбы осуществляли свое оформляющее влияние.

В 1906 году, вместе с возникновением профессиональных союзов фабрично-заводских рабочих, профессиональное движение принимает более оформленные контуры, и роль союзов в экономической борьбе становится вполне отчетливой; они начинают целиком подчинять своему руководству стачечную борьбу, регулируя ее и проводя по определенно-намеченным планам и правилам (стачечные регламенты).

Наиболее значительной по сравнению с другими союзами была роль союза печатников в экономической борьбе, который об'единял большинство рабочих, занятых в типографском производстве. И стачечная борьба среди них была наиболее интенсивной. Оба эти факта находились в зависимости от того, что в печатном производстве, в сравнительно небольшом количестве предприятий, занята более или менее однородная по составу рабочая сила; при этом рабочие печатного дела являются большей частью высококвалифицированными при небольшом количестве подсобных неквалифицированных рабочих. Такая однородность и небольшое количество предприятий облегчали союзу организационную работу. Этот же факт влиял и на организованность их стачек. Интенсивность же стачечной борьбы печатников об'ясняется сравнительной легкостью, с которой они вырывали уступки у предпринимателей; последние вынуждались к этому и расширением печатного дела в 1905—1906 г.г., и строгой календарностью значительного количества работ (выпуск газет, журналов); при расширившемся про-

изводстве и срочности работ стачки вдвойне были неудобны для предпринимателей, и они предпочитали уступать рабочим, чтобы не терять заказов. В годы реакции, когда печатное дело сильно сократилось, печатники не могли с такой же легкостью бороться за свои требования (наоборот, предприниматели перешли в наступление так же, как и в фабрично-заводской промышленности).

Оценивая роль профессиональных союзов в стачечной борьбе 1905—1906 г.г., необходимо отметить, что в эти годы стачечное движение вступило на новый путь — на путь организованного проведения стачек, резко отличаясь этим от предыдущих лет, когда большинство стачек возникало стихийно и организованное руководство в них было очень слабо и далеко не во всех.

Планомерная организованность стачек особенно рельефно выявилась в 1906 году. В ряду других в этом отношении сильно выделяется забастовка петербургских рабочих хлебопекарного производства, произведенная в июне 1906 года.

Вопрос о забастовке возник в массах членов союза после общего собрания в апреле 1906 года. Правление всесторонне обсудило поступившее заявление о необходимости забастовки и пришло к выводу, что разрозненные выступления отдельных мастерских не приведут к положительным результатам и что только общая стачка всех мастерских хлебопекарного производства может рассчитывать на успех. К общей стачке не были подготовлены ни рабочие, ни правление союза; многие мастерские еще не примкнули к союзу; поэтому было решено провести подготовительную работу, прежде чем об'явить стачку. Правление бросило лозунг о выборах делегатов от мастерских, нашедший живой отклик среди рабочих, и в течение короткого времени через уполномоченных в союзную жизнь были втянуты и мастерские, стоявшие дотоле в стороне от союза. Делегаты-уполномоченные на своих собраниях приступили к выработке требований. В мае собрался «совет» уполномоченных в количестве 150 человек и, обсудив выработанные требования, одобрил их и постановил начать стачку.

Для ведения стачки на этом же совете был избран стачечный комитет, которому было поручено в течение двух недель проделать все подготовительные работы, об'явить стачку и руководить ею до конца; начало и конец стачки и все переговоры во время ее целиком поручались стачечному комитету; правление же союза формально должно было стоять в стороне, так как по закону 4 марта 1906 года союз не мог руководить стачкой.

Стачечный комитет и выборные уполномоченные провели энергичную организационную работу при активной поддержке рабочих, тесно сомкнувшихся всей тридцатитысячной массой вокруг своего союза. Настроение было напряженно-торжественное, к схватке готовились серьезно, как к тяжелому и важному делу; среди рабочих даже заметно сократилось пьянство. Сильно увеличился приток новых членов и взносы в кассу союза.

День начала стачки никому неизвестен, кроме стачечного комитета.

Собравшись 1 июня, стачечный комитет заслушал отчеты о подготовительной работе по районам, и, найдя, что все готово, постановил об'явить стачку на 3 июня после окончания денной работы.

В назначенный день, в 4 часа дня, стачка началась во всех булочных и хлебопекарнях, как в городе, так и в пригородах.

В первые же дни полиция приступила к арестам стачечников; последние в ответ на это обратились к таким средствам, как битье стекол в булочных. Чтобы не дать повода полиции разгромить стачку, стачечный комитет энергично призвал рабочих отказаться от таких методов борьбы.

По-одиночке хозяева обращались в союз с целью переговоров, но неизменно получали ответ, что это дело стачечного комитета и что никакие переговоры с отдельными предпринимателями вестись не будут. 7 июня хозяева собрались для обсуждения требований рабочих и постановили: лишить стачечников харчей и выселить из общежитий.

Полиция также начала давить на забастовщиков. Вследствие запрещения полицией, выдачу пособий из помещения союза пришлось перенести в помещение совета безработных; но и туда явились казаки и разогнали стачечников, а через несколько дней то же повторилось и на Куликовом поле. Пришлось разбить выдачу пособий по районам. (Пособия начали выдаваться на четвертый день стачки в размере 20 коп. в день). 9 июня состоялось совещание комиссии хозяев со стачечным комитетом, на котором обе стороны пришли к соглашению о передаче спора в примирительную камеру. Но на первом же заседании камеры переговоры были прерваны из-за неуступчивости хозяев. И только 14 июня вновь начались переговоры с 28 владельцами «московских» булочных, закончившиеся соглашением. По этому соглашению стачка закончилась 15 июня в 6 час. вечера. Таким образом, забастовка продолжалась 13 дней,

и, благодаря стойкости рабочих и хорошей организации, хозяева принуждены были пойти на значительные уступки: сокращение рабочего дня до 11 час., праздничный отдых, повышение заработной платы и т. д. (См. Б. Иванов—«Профессиональное движение рабочих хлебо-пекарно-кондитерского производства», ГИЗ, 1920 г., стр. 34—48).

Мы не можем здесь подробно описывать хотя бы наиболее значительные стачки, проводившиеся профессиональными союзами, и в дальнейшем ограничимся общей сводкой стачечной тактики профессиональных союзов, техники проведения их и пр.

Несмотря на молодость профессионального движения, союзы уже с 1906 года проявили большое уменье в технике и тактике стачечной борьбы. Примером этому служит и стачка булочников и печатников и ряда других профессий.

Тут сказались три фактора, определявшие эту зрелость: 1) возникновение союзов при развитом революционном движении рабочих; 2) выработавшаяся привычка, приобретенный опыт в дореволюционной стачечной борьбе и 3) возможность использования стачечного опыта западно-европейских профессиональных союзов.

Но как в организационном отношении профессиональные союзы рассматриваемых лет не могли окончательно оформиться по причине наступившей реакции и упадка рабочего движения, так и в отношении стачечной тактики и техники оформление не могло быть доведено до конца по тем же причинам.

Рабочие России в своем стачечном движении выработали две основные тактики: 1) тактика локальных (местных), частичных (по отдельным предприятиям или группам их) стачек и 2) тактика общих стачек. Первая практиковалась по преимуществу до 90-х годов: в то время общих стачек не наблюдалось, по причине слабого классового развития рабочих; они начинают применяться с половины 90-х годов и особенно в 900-х, когда рабочий класс делает последние шаги к оформлению в революционный класс.

Профессиональные союзы усвоили в своей практике обе тактики в зависимости от условий стачечной борьбы, состояния производства и рынка труда, тактики предпринимателей, целей стачечной борьбы; стачечная тактика определялась также в значительной степени тем, к какой отрасли промышленности принадлежали об'единяемые тем или иным союзом рабочие и какие формы производства господствовали в данной отрасли. Но на практике такого резкого разделения двух тактик по отдельным союзам, ко-

нечно, не могло быть и не наблюдалось: один и тот же союз, в зависимости от ряда условий, применял ту или иную тактику, и именно ту, которая могла расчитывать на больший успех в данных условиях.

Характерно, что два рабочих союза различных отраслей производства, резко отличавшиеся по составу рабочих, высказались за разные тактики. Конференция союзов печатников, в резолюции по экономической борьбе, признавая, что нельзя установить на всякий случай общей тактики и что она должна отличаться гибкостью в соответствии с условиями места и времени, заявляет, что «единовременные выступления целых городов и областей, требующие особенного напряжения сил и средств рабочих организаций и крайне опасные для них в случае поражения, требуют самого осторожного к себе отношения, самого внимательного учета. Конференция, поэтому, считает целесообразным вести борьбу партизанским путем, концентрируя ее единовременно на отдельных городах и предприятиях. Отмечая, однако, что при некоторых условиях партизанские выступления могут быть для рабочих невыгодны, конференция предостерегает от увлечения ими и их переоценки. («Протоколы I Всероссийской конференции рабочих печатного дела», стр. 111—112, заимствовано у Гриневича, стр. 126—127).

Осторожность, проявленная конференцией, вполне естественна и показывает, что она отчетливо представляла себе необходимость варьирования (разнообразия) тактических приемов в экономических стачках. Отдав все же предпочтение партизанским стачкам, конференция исходила, несомненно, из учета сил союзов и условий, в которых находилось производство; определенное влияние имело и то обстоятельство, что, при сравнительно хорошо налаженных местных организациях, всероссийское об'единение было в стадии первоначального оформления.

Московская конференция текстильщиков предложила «главным и наиболее действительным средством для поднятия экономического положения текстильных рабочих района областную забастовку в текстильной промышленности района». Частичные забастовки конференция допускала только: 1) для отпора посягательствам капиталистов, 2) как средство воспитания и организации наиболее отсталых масс, еще не втянутых в движение и 3) там, где условия труда наиболее тяжелы». («Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ», стр. 61, у Гриневича на стр. 127).

Тут заметно сказалось влияние концентрации производства и скученности предприятий этой отрасли промышленности в данном районе, наличие синдикатской организации текстильных фабрикантов, а также и некоторый опыт предыдущих стачек до революции 1905 года.

Гриневич (см. стр. 127—128), основываясь на том, что частичные стачки типографских рабочих во многих городах оканчивались успехом, а областная московская стачка текстильщиков в июле 1907 года окончилась полной неудачей, приходит к выводу, что тогдашним условиям и силам профессиональных союзов больше соответствовала тактика частичных стачек. Надо заметить, что успех одной тактики в печатном производстве и неуспех другой в текстильном еще ничего не доказывает, так как неизвестно к каким результатам привела бы тактика частичных стачек в текстильной промышленности в июле 1907 года, когда вообще стачечная борьба оканчивалась поражением рабочих и когда капитал перешел в жестокое наступление.

Тактика частичных стачек типографских рабочих могла рассчитывать на определенный успех уже в силу того, что в этом производстве конкуренция предпринимателей не ограничивалась рамками таких об'единений, как синдикаты, и предприниматели в большинстве городов стояли против рабочих в одиночку. Не таково было положение в текстильной промышленности Московской области. При известном об'единении предпринимателей, частичные стачки в типографском производстве не имели успеха, когда, с одной стороны, типографское дело несколько сузилось вследствие разгрома свободной печати, и, с другой, — предприниматели — под влиянием расширения производства в 1905 — 1906 г.г. и интенсивной стачечной борьбы — ввели наборные машины и ротационки, значительно повысившие производительность труда. Владелец типографии, пораженной стачкой, переносил заказы в другие типографии и мог продержаться против забастовки до того момента, когда силы рабочих иссякали (при вмешательстве полиции энергия стачечников подрывалась раньше времени), и тактика частичных стачек в таких случаях обрекала выступления рабочих на полное или значительное поражение; при равенстве других условий, на успех можно было расчитывать только при тактике общих забастовок (для типографских рабочих забастовки в городском масштабе, по преимуществу). Преклонение перед тактикой частичных стачек ни на чем не основано, особенно, если говорить о времени

после 1906 года. Каждая тактика, с точки зрения непосредственных результатов, для рабочих была одинаково приемлема, в зависимости от всех условий, при которых она проводилась: в одном случае была выгоднее одна тактика, в другом—другая. В годы же упадка рабочего движения, инициатива борьбы находилась в руках предпринимателей, и рабочим приходилось обороняться, не всегда имея возможность выбирать наиболее выгодную для них тактику.

Мы уже видели, что руководство местными стачками, по существу, находилось в руках правлений союзов, причем роль стачечных комитетов, в одних случаях, была большей, в других — меньшей; иногда вопрос о стачке решался выборными делегатами, которые избирали и стачечный комитет.

Руководство областными стачками при известных ограничениях поручалось областным органам союза, но все принципиальные вопросы о таких стачках и решение самого вопроса об'явить стачку или нет, сохранялось за областными конференциями (у текстильщиков и печатников). Несмотря на слабость областных об'единений и зачаточные формы всероссийских, местные и областные стачки проводились в случаях необходимости при поддержке союзов других городов и областей, и часто при поддержке союзов других производств и профессий.

Полная централизация стачечной борьбы была проведена в союзах щетинщиков и кожевников Северо-Западного края. Например, в центральные бюро союза кожевников, по постановлению конференции, местные союзы должны были отчислять 50% своих доходов, из которых 30% шло в централизованный стачечный фонд, и из него местные союзы могли получать средства на ведение стачки только в том случае, если она об'являлась с согласия центрального бюро. (Гриневич, стр. 128).

Вопрос о руководстве местными стачками лучше всего был разработан в петербургском союзе металлистов, инструкции и регламенты которого оказали большое влияние на выработку таковых и в других союзах.

По инструкции органам управления петербургского союза металлистов, «все забастовки экономического характера, как оборонительные, так и наступательные, подлежат общему руководству со стороны правления союза».

Далее, при назревании экономических столкновений, правлению союза должно было представляться заявление с указанием: «а) общего числа рабочих в данном предприятии или мастерской и

сколько из них членов союза, б) сколько из членов союза находится в организации свыше шести месяцев, в) требований, которые предполагается выставить, или, если столкновение носит оборонительный характер, произведенных или предполагаемых ухудшений, г) когда предполагается выставить требования, д) продолжительности рабочего дня, размера заработной платы, количества сверхурочных часов и размера их оплаты».

Причем, если правление решает вопрос о стачке в положительном смысле, то «забастовка об'является только тогда, когда не менее трех четвертей рабочих, занятых в данном предприятии, высказывается при тайной подаче голосов за прекращение работы». Техническое руководство стачкой поручалось стачечному комитету; при установлении безнадежности стачки правление имело право об'явить ее оконченной. (У Гриневича, на стр. 125).

Такова в общих чертах роль профессиональных союзов в стачечной борьбе, которая являлась главной формой экономической борьбы рабочих России, как до революции, так и после нее. Другие формы экономической борьбы, как-то: экономический террор, бойкот, примирительные камеры и третейские суды в практике российского профессионального движения не имели большого значения и после первой революции.

3.

Бойкот, как форма экономической борьбы рабочих, не получил широкого применения. Это средство борьбы, действительное только при массовом применении его и не только теми группами, которые непосредственно заинтересованы в исходе борьбы, требует, чтобы бойкот был популярен и чтобы он направлялся на те пункты, которые серьезно могут пострадать от бойкота пролетарских и сочувствующих им слоев потребителей; в противном случае, он не достигает своей цели. Трудность применения бойкота кроется еще в том, что внешне эта форма борьбы не заключает в себе боевых элементов, требующих иногда определенных тяжелых жертв, но зато легче возбуждающих волю к борьбе. В стачке все ясно: боевая обстановка и средства стачечной борьбы поддерживают боевой дух бастующих. Бойкот требует других качеств: в повседневной, обыденной жизни помнить, что такой-то об'ект под бойкотом; особенно трудно это для тех групп, которые непосредственно и прямо не заимствованы в бойкоте, а их выступление необходимо из солидарности. Нужна очень большая выдержка и дисциплинированность, чтобы бойкот окончился успешно.

Этим, вероятно, и об'ясняется, что редко применявшийся бойкот имел благоприятный по своим результатам исход исключительно во время революции, когда было повышено общее политическое настроение, чувство солидарности, и когда всякое выступление, хотя бы и небольшой группы пролетариата, сейчас же возбуждающе действовало на волю не только рабочих, но и значительных слоев интеллигенции, в той или иной степени примыкавших к революции.

В этом отношении характерен бойкот газеты Б. Суворина «XX Век» («Русь», позже — «Новая Русь»). Бойкот был организован весной 1906 года петербургским союзом рабочих печатного дела из-за отказа Суворина ввести в своей типографии полный воскресный отдых. Стачка, об'явленная союзом, потерпела поражение, так как Суворину удалось набрать на места бастующих штрейкбрехеров. Бойкот был поддержан не только социалистическими организациями и профессиональными союзами, но и некоторыми слоями интеллигенции. Через две недели Суворин сдался и дело было разрешено в третейском суде в пользу союза.

Как видим, бойкот оказался в данном случае более действительным, чем стачка. Это обусловливалось тем обстоятельством, что газета не являлась органом определенной политической партии и тираж ее был расчитан не на определенную классовую группу, а на самые широкие слои читательской массы прогрессивного направления, значительное количество которых легко было втянуть в бойкот, раз цель его была популярна; несомненно, бойкот потерпел бы неудачу, если бы газета имела своих читателей в среде определенной политической или классовой группировки, враждебной интересам рабочих. Больше того, годом позже бойкот той же газеты «XX Век» не мог бы иметь успеха, так как те группы интеллигенции, которые готовы были поддержать требование рабочих о воскресном отдыхе в 1906 году, в 1907 году оказались бы равнодушны к призыву рабочего союза: интеллигенция отхлынула от революции и занялась другими делами, ничего общего не имевшими с рабочим движением. А политическая дифференциация интеллигенции отбросила во враждебный рабочему движению лагерь значительные ее группы, примыкавшие к революции.

Из других случаев бойкота необходимо отметить бойкот табачных продуктов в Харькове, проведенный осенью 1905 года одновременно со стачкой, и в Москве бойкот чайной фирмы Высоцкого во время забастовки рабочих и работниц чайной развесочной

этой фирмы; одновременно применение стачки и бойкота обеспечивало успех рабочих. В Петербурге союзом приказчиков был об'явлен бойкот фирме А. М. Карякина, вследствие противодействия введению 10-часового рабочего дня. К бойкоту были призваны потребители Петербурга, приказчики провинции (фирма полуоптовая и имела покупателей среди провинциальных торговцев), а также и рабочие-портные. В некоторых городах Северо-Западного края бойкот проводился приказчиками активно, вплоть до посылки обратно ранее закупленных у этой фирмы суконных материалов; но в общем он окончился неудачно, так как успешное проведение его требовало активной борьбы приказчиков и портных со своими хозяевами, покупавшими товары у этой фирмы. (Факты заимствованы у Гриневича, стр. 129—130).

В бурные 1905—1906 годы, во время стачек, рабочие и служащие часто применяли экономический террор. Чаще всего, он вызывался вмешательством полиции в стачечную борьбу и репрессиями против стачечных органов; вмешательство полиции и репрессии, нарушая правильный ход стачки и сильно изменяя соотношение сил в пользу предпринимателей, раздражало рабочих и служащих; экономический террор применялся и в качестве меры воздействия, и в качестве способа мести.

Крупнейшие факты экономического террора наблюдались в Одессе, Лодзи и Варшаве.

Во время забастовки моряков черноморского торгового флота административные репрессии и выступления черносотенцев против бастовавших сделали невозможным ведение стачки и вызвали со стороны моряков взрывы и поджоги пароходов. На той же почве полицейских репрессий и невозможности вести легально экономическую борьбу развился экономический террор в Лодзи и Варшаве. (Факты заимствованы у Гриневича, стр. 131 — 132).

Экономическим террором, как средством борьбы за праздничный отдых и сокращение рабочего дня, широко пользовались торговые служащие, по преимуществу в Петербурге. Он выражался, главным образом, в битье зеркальных окон крупных магазинов, особенно в рынках; применялась также в значительных размерах химическая обструкция в лавках с'естных продуктов.

Оценивая экономический террор, как п о д с о б н о е средство экономической борьбы, мы не может согласиться с огульным отрицанием его пользы, как делает Гриневич. Нельзя отрицать, что, как самостоятельный метод борьбы, экономический террор не

мог расчитывать на положительные результаты; наоборот, он часто вызывал усиление репрессий против рабочих и их организаций. При осторожном и умелом применении экономического террора, последний мог влиять на исход борьбы в положительную для рабочих сторону. Так, например, торговые служащие Петербурга очень быстро вынуждали к уступкам строптивых купцов, срывавших праздничный отдых и 10-часовой рабочий день. Применение экономического террора в неподходящей для успешной борьбы обстановке, конечно, не могло расчитывать на успех. Несомненная ошибка совершалась тогда, когда экономическим террором подменяли массовое движение, когда превращали его из подсобного средства при стачечной борьбе в главное орудие борьбы. Но и как подсобное средство, его можно было применять с большой осторожностью, и не всегда, и не везде. (Чтобы не быть превратно понятым, оговоримся, что здесь нет речи о борьбе с техническими нововведениями в предприятиях; такая борьба, по существу, всегда носила в себе консервативные тенденции и не могла помочь рабочим). Нас нисколько не смущает вопрос о закономерности экономического террора и обвинение применявших его в «варварстве». Всякое средство борьбы закономерно, если оно верно направлено в цель и достигает тех результатов, которые преследуются рабочим движением.

С этой точки зрения мы не против и таких форм отстаивания рабочими своих интересов, как примирительные камеры и третейские суды — при соблюдении того условия, чтобы в капиталистическом обществе эта форма разрешения конфликтов («выработанные западно-европейским профессиональным движением только на высшей (?) ступени его развития» (Гриневич, стр. 132) не подменяла основной формы экономической борьбы рабочих — стачки, а служила бы дополнением к ней в качестве вспомогательного средства.

В практике российского профессионального движения указанные способы разрешения конфликтов не имели сколько-нибудь широкого распространения. Чаще стачки оканчивались непосредственными переговорами между предпринимателями и стачечным комитетом или правлением союза.

Примирительные камеры и третейские суды, как постоянные учреждения, имеют определенное значение там, где вполне развит метод регулирования заработной платы и условий труда посредством коллективных договоров и тарифных соглашений. В этом

отношении практика российского профессионального движения рассматриваемых лет весьма бедна, так как союзы еще не успели оформиться, когда на них обрушились удары реакции, сделавшие невозможным их существование. Полулегальные и подпольные союзы могли при известных условиях с успехом руководить стачечной борьбой, но они лишены были возможности заключать тарифные соглашения и коллективные договоры.

Совершенно особой формой разрешения споров между рабочими и служащими, с одной стороны, и хозяевами, — с другой, являлись «смешанные комиссии» при городских управах, созывавшиеся на основании закона «об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах и в ремесленных заведениях», изданного 15 ноября 1906 года. Этим комиссиям надлежало, на основах указанного закона, разработать обязательные постановления, которые нормировали бы рабочий день торгово-промышленных служащих и ремесленных рабочих. Комиссии создавались из представителей: $^1/_3$ от хозяев (купцов и ремесленников), $^1/_3$—или от служащих, или от ремесленных рабочих и $^1/_3$—от данной городской управы (т.-е. тоже от хозяев, так как городские управы состояли, главным образом, из представителей буржуазии). Такой состав комиссий полностью обеспечивал интересы хозяев, и результаты работ комиссий подтвердили это.

Закон 15 ноября 1906 года, изданный с целью отвлечения голосов приказчиков и ремесленников при выборах в государственную думу от кандидатов революционных партий, провозглашал в принципе 10-часовой рабочий день (12 часов минус 2 часа на обеденный перерыв) и праздничный отдых. Но целый ряд оговорок в самом законе давал большой простор творчеству смешанных комиссий, городских управ и административной власти в направлении полного уничтожения тех завоеваний, которые были сделаны служащими и ремесленными рабочими во время революции (10 и 8-часовой рабочий день и праздничный отдых).

Положение усугублялось и тем, что к моменту, когда начали действовать смешанные комиссии, многие профессиональные союзы были разгромлены. Правда, закон предусмотрительно не допускал в комиссии представительства от профессиональных союзов. В профессиональном движении наметились две точки зрения по вопросу об участии в смешанных комиссиях. Одни предлагали использовать исключительно с агитационной целью, другие, наряду с

таким использованием, предлагали принять практическое участие в их работах с целью добиться определенных уступок. Так, Московское центральное бюро профессиональных союзов, предлагая принять энергичное участие в выборах в комиссию, считает необходимым: «1) проведение, как в самом ходе выборов, так и в комиссии, широкой агитации за основные требования рабочей программы-минимум и 2) разоблачение истинного смысла и целей закона». По ознакомлении ремесленного и торгового пролетариата «с ходом работ комиссий, представители торговых и ремесленных рабочих должны считать свою миссию оконченной и заявить об отказе способствовать проведению закона в жизнь». Иначе, по существу, ставило вопрос Петербургское центральное бюро, заявившее в своей резолюции, что «надо сделать комиссии местом постоянной агитации и борьбы с хозяйским самовластием. Первое место в борьбе должны занять профессиональные союзы. Свою задачу — защиту экономических интересов рабочих — профессиональные союзы должны со всей энергией перенести и в эти смешанные комиссии». Таким образом, петербургская резолюция признает необходимым участие в комиссиях и с целью добиться ограничения эксплоатации служащих и ремесленных рабочих, упуская из виду, что добиться этого можно было борьбой, а не разговорами в комиссиях, и что участие в последних могло быть использовано лишь исключительно с агитационной целью, облегчая разоблачение классовой природы эксплоатации и тем самым способствуя втягиванию в организацию и борьбу широких масс.

На практике применялись обе тактики, причем, часто столкнувшись с непобедимым упорством хозяев при обсуждении первых же пунктов обязательных постановлений, представители ремесленных рабочих — реже представители служащих — прекращали свою работу в комиссиях.

В отдельных смешанных комиссиях рабочим и служащим удавалось добиться значительных уступок по сравнению с законом 15 ноября 1906 года. Но, как правило, эти уступки шли на смарку при составлении обязательных постановлений городскими управами. Кроме того, не предусматривалось никакого существенного контроля за проведением в жизнь обязательных постановлений, и дело предоставлялось соотношению сил ремесленников и служащих, с одной стороны, и хозяев, — с другой. Часто это соотношение сил было не в пользу служащих и рабочих — особенно в годы реакции — и они теряли добытые борьбой уступки.

4.

В противовес все усиливавшейся стачечной борьбе под руководством профессиональных союзов, предприниматели начали организовываться в союзы, которые ставили своей целью борьбу с рабочими.

Раньше всего такие союзы возникали в отраслях крупной промышленности; в ремесленном производстве предприниматели приступают к самоорганизации в 1906 году, после стачечной волны, вырвавшей у них ряд уступок.

Самыми крупными и сильными предпринимательскими союзами являлись Петербургское общество фабрикантов и заводчиков и такое же общество центрального промышленного района, об'единявшее промышленников десяти губерний; оба они организовались в 1905 году.

В качестве главного средства против рабочих стачек, союзы предпринимателей выдвинули локаут, поголовный рассчет рабочих данного предприятия или группы предприятий. В переводе на житейский язык — предприниматели вели борьбу (а в капиталистических странах и сейчас ведут) с рабочими посредством голода, ибо закрытие предприятия именно это и означало для рабочих, лишенных всякой поддержки во время безработицы; причем голод самый доподлинный — со вспухшими животами, с гибелью детей и взрослых от голодной смерти. Локаутная борьба начала принимать широкие размеры с осени 1906 года.

В конце 1905 года в обеих столицах было закрыто предпринимателями около 100 заводов и фабрик и было выброшено на улицу более 170 тысяч рабочих. В 1906 году, по далеко не полным данным, по России вместе с Польшей насчитывалось около 130 тысяч безработных. (Финн-Енотаевский, стр. 352—353).

В Москве владельцы типографий пытались устроить локаут еще в июне, но, встретив энергичный отпор союза рабочих печатников, принуждены были отступить. В июле киевские владельцы типографий подвергли локауту 650 рабочих в течение десяти недель.

Стачечное движение московских портных в сентябре 1906 г. окончилось локаутом.

В Северо-Западном крае борьба предпринимателей носила особенно упорный и ожесточенный характер. Еще весной в ответ на стачку владельцы лодзинских ленточных фабрик рассчитали всех рабочих. В мае на ленточных фабриках Варшавы происходит то же

самое из-за отказа рабочих склонить своих лодзинских товарищей прекратить забастовку. Локауты большей частью об'являлись в результате возникшей стачки, сопутствовали ей. Иначе говоря, нападение велось сразу, с обеих сторон — и со стороны рабочих, и со стороны предпринимателей, об'являвших в ответ на стачку поголовный рассчет и новые условия приема рабочих. Но бывало так, что наступление начинали предприниматели, пред'являя к рабочим свои требования.

В ремесленных производствах Северо-западного края осенью локауты захватили почти все города.

В ноябре—декабре начался самый большой локаут, захвативший 30.000 рабочих, на лодзинских текстильных фабриках, возникший по незначительному поводу — из-за оскорбления рабочими одного инженера. Причиной же его было желание фабрикантов лишить рабочих тех завоеваний, которых они добились энергичной стачечной борьбой. Один из фабрикантов, — Познанский,—на фабрике которого был оскорблен инженер, потребовал увольнения каждого пятого в той мастерской, в которой произошло оскорбление, а также восстановления обысков. Рабочие бросили работу, и тогда последовал рассчет рабочих на всех хлопчатобумажных фабриках. Локаут продолжался четыре месяца и закончился полным поражением рабочих (был введен 10-часовой рабочий день, обыски и проч.). Материальная помощь рабочих других районов не могла «остановить страшное развитие смертности от истощения и голода». В конце-концов, рабочие соглашались подчиниться большинству требований союза фабрикантов, но не соглашались на увольнение 98 рабочих с фабрики Познанского. Тут сказалась высшая форма солидарности рабочих: ценою страшного голода и голодной смерти они защищали своих товарищей.

После лодзинского локаута выделяются по размерам и ожесточенности борьбы локауты в щетинном и кожевенном производстве. В щетинном производстве предприниматели об'явили войну союзу рабочих щетинщиков и сразу закрыли все предприятия во всем польском районе, а затем и в литовском. Локаут в кожевенной промышленности также охватил все производство. Локаут щетинщиков длился три месяца и окончился победой рабочих. В пользу рабочих окончились также локауты двинских перчаточников, варшавских и житомирских портных, житомирских сапожников и некоторые другие.

Локаутное движение распространилось по всей России. Наиболее значительным был локаут на Брянском заводе в Екатеринославе, когда было рассчитано 5.000 рабочих, а также локауты типографских рабочих в Киеве, Житомире, Таганроге, Саратове, Минске, Тифлисе. В Москве в марте 1907 года под угрозу локаута были поставлены 7.000 рабочих печатников 38 типографий, но вследствие разлада среди владельцев по причине ухудшившихся дел и благодаря мерам, принятым союзом печатников и единодушию рабочих, союз хозяев потерпел поражение. (Повод к подготовке локаута — отказ союза печатников передать дело начавшейся в феврале забастовки в типографии Яковлева, на третейское разбирательство, кроме пункта об оплате забастовочного времени. Союз хозяев хотел помочь Яковлеву и постановил, чтобы имеющиеся у него заказы выполнялись другими типографиями; это повело к расширению забастовки, а затем к сдаче хозяев).

Забастовочное движение рабочих и локаутное движение предпринимателей в первую половину 1907 года, по данным Д. Кольцова (указанная статья, стр. 325 — 328), рисуется по отдельным производствам в следующем виде:

«Изготовление одежды. — В январе в Варшаве начался локаут фабрикантов галстуков, требовавших возвращения к условиям работы 1904 года. В феврале в Харькове был об'явлен локаут заготовщикам обуви, вследствие забастовки, начатой в одной из мастерских. В Лодзи хозяева-портные об'явили локаут в виду нежелания рабочих работать поштучно. В Вильне хозяева-портные локаутом добивались замены посрочного вознаграждения поштучным и уничтожения 9-часового рабочего дня. В апреле в Петербурге около 2½ недель тянулась всеобщая забастовка красильщиков, кончившаяся неудачно, благодаря, главным образом, полицейским преследованиями; успешно кончилась забастовка белошвеек в Тифлисе, тогда как продолжавшийся всю зиму локаут портных в Брест-Литовске окончился уступками со стороны рабочих.

Производство пищевых продуктов. — 10 февраля об'явлена была забастовка в чайно-развесочной Высоцкого, а 16 все рабочие (500) были рассчитаны; в Умани 16 февраля кончился локаут пекарей уступкой со стороны рабочих; в Харькове 22 февраля прекратилась продолжавшаяся 6 дней забастовка булочников, приступивших к работе на старых условиях. В марте в течение 2 дней бастовали в Лодзи 24 фабрики минеральных вод с 200 рабочих, добившимися удовлетворения своих требований. В апреле самым крупным и важным событием был локаут булочников в Петербурге; локаут булочников имел также место в Варшаве; в Эривани произошла всеобщая забастовка булочников, а в Москве — забастовка колбасников. В мае несколько длилась забастовка булочников

в Елисаветграде, а в Павлограде и Тюмени бастовали мельники. В июне был локаут в 80 пекарнях Варшавы и забастовка на сахарных заводах Петербурга (Кенига) и Киева.

Печатное дело. — В январе, в Вильне, забастовка конвертных фабрик Лившица и Гельфанда закончилась увольнением рабочих. С 9 февраля возникла типографская забастовка в Таганроге из-за требования прекращения работ перед воскресными и праздничными днями на 2 часа раньше; к забастовке присоединились газетные наборщики, требуя установления воскресного отдыха и повышения заработной платы; хозяева рассчитали всех рабочих, но первого марта принуждены были прекратить локаут, удовлетворив почти все требования рабочих. 20 же февраля забастовали рабочие всех типографий в Мариуполе, требуя увеличения платы и двухнедельного отпуска ежегодно с сохранением жалования. Вообще, в этой отрасли производства непрерывно велась по всей России, а с особенным успехом в Петербурге, мелкая партизанская борьба. Так как хозяева стали вводить наборные машины, то на этой почве возник ряд новых стачек. Наиболее крупный конфликт начался в мае в Москве, привел затем к локауту и к победе рабочих.

Обработка дерева. — 1 марта забастовали все лесопильные заводы, расположенные в Маймаксе; в середине марта стачка стихла наполовину, так как 1½ тысячи рабочих, поддерживаемые работающими товарищами, продолжали бастовать; несмотря на упорство рабочих, стачка все же была проиграна. В Петербурге в марте бастовали 600 рабочих пробочного завода. В Астрахани больше месяца длилась забастовка 3 тысяч бондарей, добивавшихся повышения сдельной платы.

Транспорт. — 14 февраля в Ростове-на-Дону забастовали рабочие трамвая: благодаря вмешательству генерал-губернатора, рабочие через два дня прекратили забастовку, не получив никаких уступок. С 23 февраля в Москве началась забастовка рабочих на городских трамваях; был выставлен ряд экономических требований; управа решительно в них отказала и об'явила с 28-го рассчет всем без права обратного поступления; 26 февраля забастовали из солидарности служащие центральной электрической станции; 2 марта забастовал газовый завод и часть рабочих водопровода; управа 6 марта возобновила часть движения при помощи штрейкбрехеров, работы на газовом заводе—при помощи городовых и приняла по отношению к бастующим рабочим самые репрессивные меры при содействии администрации, которая выслала из Москвы 150 рабочих газового завода и арестовала несколько человек, якобы за агитацию и руководство забастовкой. В марте разыгралась длившаяся почти два месяца забастовка каспийских моряков. 8 марта все находившиеся в Баку моряки каспийского торгового флота через своих уполномоченных пред'явили судовладельцам ряд экономических требований, дав трехдневный срок на их рассмотрение. 10 марта с 12 часов дня была об'явлена всеобщая забастовка высших и низших команд; моряками решено было не выпускать в море ни одного судна, кроме почтовых пароходов; забастовка быстро распространилась на все другие крупные коммерческие порты Каспийского моря: Петровск, Красноярск и друг. На своих совещаниях судовладельцы решили на уступки не итти. К 27 числу положение крайне осложнилось: ни

одна из сторон на уступки не шла, масса срочных грузов оставалась без движения, за переполнением нефтехранилищ остановился ряд нефтяных промыслов. По отношению к бастующим стали применяться усиленные репрессии—аресты и высылки; из Петербурга для улажения конфликта был командирован барон Таубе, который только усилил преследования моряков, терпевших крайнюю нужду, но, тем не менее, стойко державшихся, пока владельцы не согласились удовлетворить большую часть требований. В марте же имела место забастовка железнодорожных мастерских и депо в Моршанске; пред'явивших экономические требования рабочих, жандармы жестоко избили и многих поранили; 600 рабочих были об'явлены к рассчету. Разыгравшаяся в апреле месяце итальянская забастовка на Николаевской дороге в Петербурге окончилась частичным успехом стачечников. В мае месяце в Баку несколько дней длилась забастовка трамвайных рабочих, все требования которых были удовлетворены, тогда как забастовка коночников в Саратове окончилась неудачей: все (около 250 человек) были уволены и заменены новыми.

Горное дело.—В Донецком районе забастовка на Александровском руднике кончилась 20 февраля удовлетворением требования об увеличении жалованья на 20%. В апреле и мае среди горнорабочих всей России замечалось довольно сильное движение: в Тифлисской губ., в Зангезурском уезде, всеобщая забастовка рабочих медных рудников кончилась частичным успехом; в Герусах, Елизаветпольской губернии, бастовало 5 тысяч рабочих в рудниках и все требования их были удовлетворены; 2 и 3 мая забастовали рабочие (4.250 чел.) в железных рудниках Верхнеднепровска, в рудниках Шмаковского, в Дубовой балке (1.000 чел.), рабочие всех каменоломен в Баку и рабочие копей общества графа Ренард и каменноугольных копей общества Флора в Сосновицах, выставив повсюду требования об улучшении условий труда и увеличении заработной платы в виду вздорожания предметов первой необходимости.

Обработка кожи.—В феврале начался локаут сапожников и заготовщиков в Харькове, вызванный пред'явленным рабочими требованием о сокращении рабочего дня до 9 час. 12 марта об'явлен локаут хозяевами кожевенных фабрик в Могилеве-губ.; в марте же забастовали рабочие всех кожевенных фабрик в Сарапуле по причине понижения заводчиками заработной платы. Не прекращаясь, шла борьба в Царстве Польском и Северо-Западном крае. В Варшаве хозяева кожевенно-галантерейных изделий закрыли все мастерские и уволили около 1½ тысячи рабочих, настаивая на замене поденной платы поштучной; в Гродне—длившаяся две недели забастовка кожевников; в Витебске локаут кожевников длился более 4 месяцев. В апреле закончился длившийся 2 месяца локаут заготовщиков обуви в Харькове, причем главное требование рабочих—сохранение помесячной платы—было удовлетворено. В Петербурге, не прекращаясь, шли забастовки сапожников и заготовщиков, добивавшихся повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. За апрель таких стачек было около 20, и большая часть их окончилась успехом для рабочих. Значительными уступками со стороны хозяев кончилась и всеобщая забастовка петербургских футлярщиков. В мае опять ряд мелких забастовок сапожников в Петербурге, вызванных понижением заработной

платы и приведших к организации хозяев; в Екатеринославе об'явлен локаут заготовщикам (200 чел.); в Ельце забастовало около 3 тысяч рабочих кожевенных заводов.

Обработка металла и машиностроение. — Здесь особенно часты закрытия заводов и массовые рассчеты. 6 февраля в Брянске произведен массовый рассчет в снарядных мастерских, вследствие уменьшения заказов и сильного сокращения производства. 16 февраля патронный завод в Туле уволил 600 рабочих в виду сокращения производства. 6 марта, вследствие понижения расценок, забастовали 1.500 рабочих луганского механического отдела Гартмановского завода, причем один из мастеров был вывезен рабочими на тачке; после высылки рабочих, участвовавших в вывозе, завод был открыт и рабочим предложено вновь записаться. В апреле, в Екатеринославе, закрыт Брянский завод (до 20.000 рабочих), уволено около 1.000 человек из Севастопольского порта, об'явлен рассчет 700 рабочим на Харьковском паровозостроительном заводе, произведены массовые увольнения в Петербурге в Новом Арсенале и на Семянниковском заводе. В июне снова начались массовые рассчеты на петербургских заводах: на патронном заводе уволено до 2 тысяч человек, на Балтийском—150, Новом Адмиралтействе—200.

Текстильное дело. — 24 февраля на фабрике Большой Мануфактуры (9 тыс. раб.) пред'явлен ряд требований, на которые правление ответило решительным отказом. В марте бастовали около 1.200 рабочих льнопрядильной фабрики в Судогде, 255 человек на фабрике Демидова в Вязниках, 200 рабочих на суконной фабрике в Сызрани; требования везде касаются уменьшения рабочего дня и повышения платы. В апреле массовые рассчеты перед пасхой на ткацких фабриках московского промышленного района; забастовки происходили в Москве у Елагина (1.000 рабочих), в Костроме—у Зотовских и в Петербурге—на Новой-Бумагопрядильне; последняя кончилась поражением рабочих. В июне заметно сильное брожение среди рабочих, целый ряд забастовок в Лодзи на фабриках суконных, хлопчато-бумажных, прядильных; забастовки в Петербурге на бумагопрядильнях Воронина (1.000 рабочих) и Мальцевской».

Кроме локаутов, применялись черные списки против отдельных передовых рабочих. Они особенно широко практиковались петербургскими заводчиками.

Характер вмешательства власти в экономическую борьбу не изменился по сравнению с дореволюционным периодом—оно было в пользу предпринимателей против рабочих под углом охранения общественного и государственного спокойствия и порядка, несмотря на закон 2 декабря 1905 года, разрешавший стачки, и сенатское раз'яснение, узаконившее образование в союзах стачечных фондов и выдачу пособий стачечникам. Наряду с репрессиями непосредственно против рабочих (избиения, аресты и проч.), полиция ведет борьбу с их организациями.

III. Подсобные функции профессиональных союзов.

В экономической борьбе, являющейся одной из основных задач профессионального движения в капиталистическом обществе, российские профессиональные союзы проявили себя, как классовые организации, призванные бороться не только с отдельными капиталистами за те или иные частичные требования рабочих, но с капитализмом в целом, как с определенной общественно-хозяйственной системой.

Но наряду с этой основной задачей они с первых же шагов своей деятельности включили в круг своего ведения и ряд функций подсобного характера — взаимопомощи, культурно-просветительной работы и проч. Правда, взаимопомощь — и совершенно правильно — пользовалась вниманием профессиональных союзов в рассматриваемый и позднейший период, именно, как подсобное средство в борьбе. Исходя из этого, как правило, союзы ограничивали свои функции по взаимопомощи теми же видами, которые были связаны с боевыми задачами союзов. Наряду с помощью стачечникам, оказывалась помощь безработным (денежная и приисканием работы) и связанная с безработицей дорожная помощь. У петербургских булочников была организована квартирная помощь (общежитие на 200 чел.). Хорошо, — сравнительно, — была поставлена юридическая помощь.

Многие союзы пробовали поставить также медицинскую помощь, но в большинстве случаев неудачно.

В капиталистическом обществе имеет большое значение деятельность пролетарских организаций в области классового просвещения.

Профессиональные союзы с самого начала учли важность этой работы, и поэтому они отводили видное место культурно-просветительной деятельности, особенно в годы реакции, когда боевая деятельность стихла и можно было больше посвятить сил и вре-

мени классовому просвещению. Но последнее не могло быть широко развито вследствие недостатка средств, интеллигентных сил и из-за постоянных полицейских репрессий.

По этим же причинам тормозилось развитие профессиональной печати; все же, несмотря на препятствия, издавалось много профессиональных органов как отдельными союзами, так и Центральным Бюро.

Принципиальное отношение профессиональных союзов к функциям взаимопомощи вполне определенно выявлено в резолюции по организационному вопросу, принятой на Второй Всероссийской Конференции Профессиональных Союзов. В разделе о средствах союзов конференция заявила: «1) профессиональный союз ни в коем случае не должен превращаться в кассу взаимопомощи, а — быть боевой организацией рабочих для борьбы против капиталистов; 2) поэтому большая часть всех поступлений должна отчисляться в особый стачечный фонд».

Из практики английских тред-юнионов и наших обществ взаимопомощи известно, что когда организация ставит своей задачей взаимопомощь, то она расчитывает свою деятельность на узкий круг хорошо оплачиваемых рабочих и служащих и, как правило, устанавливает высокий членский взнос, недоступный широким слоям рабочих и служащих. Уже самое перенесение центра тяжести на взаимопомощь ослабляет боеспособность организации, а сужение круга членов организации сводит ее на нет.

Вторая конференция правильно подошла к этому вопросу, постановив (см. указанную резолюцию), что «при вступлении в союз должен быть установлен по возможности невысокой вступительный членский взнос, одинаковый для всех». Это постановление имело большое принципиальное значение, если принять во внимание все вышесказанное о взаимопомощи.

С самого начала наши профессиональные союзы основывались на об'единении широких пролетарских масс. Уже одно это обстоятельство фактически делало невозможным превращение их в организации взаимопомощи по типу тред-юнионов или выдвигание ими на первый план функций взаимопомощи, так как широкая организация, строящаяся не по узко цеховому признаку, практически не может развить страховых функций уже по одному тому, что в ней

число нуждающихся всегда будет настолько велико, что удовлетворить их всех невозможно, и накопление капиталов, — что характерно для организаций, занимающихся по преимуществу взаимопомощью, — исключается.

Кроме того, в русских условиях, при низкой норме заработной платы, организации взаимопомощи вообще не имели под собой сколько-нибудь твердой финансовой почвы, если они не черпали средств из источников, ничего общего не имевших с членскими взносами. Отсутствие резкого расхождения интересов отдельных групп пролетариата и общая политическая и хозяйственная обстановка страховали от дробления рабочих по отдельным узко-цеховым союзам на основе узких корпоративных интересов; а именно, на основе таких интересов могут создаваться организации взаимопомощи, имеющие сколько-нибудь серьезное значение для их членов.

Таким образом, мы видим, что все условия русской действительности были против того, чтобы союзы уделяли преимущественное внимание взаимопомощи в ущерб боевым задачам.

Из видов взаимопомощи профессиональные союзы уделяли главное внимание после стачечных пособий — пособиям по безработице, которая сильно развилась вследствие экономического кризиса и усилилась в результате репрессий против рабочих особенно после разгрома декабрьского восстания. Обычный вид массовых репрессий — локауты, применявшиеся и казенными заводами, и частными предпринимателями; последние, между прочим, ответили массовым локаутом на проведение рабочими 8-часового рабочего дня.

В Петербурге, в ноябре 1906 года, насчитывалось 14.000 рабочих (по преимуществу металлистов), из которых на общественных работах могли быть заняты только 2.000 человек. Борьба безработных за организацию общественных работ в широком масштабе не имела успеха: городская дума отказалась ассигновать необходимые для этого средства. Протесты Центрального Бюро профессиональных союзов и Совета безработных не могли оказать влияния на черносотенную думу, с уверенностью взиравшую на начавшую поднимать голову реакцию.

Число безработных всюду увеличивалось: кроме рассчитанных рабочих, с осени 1906 г. начинается наплыв в промышленные районы крестьян, шедших туда в поисках работы.

Такое положение неизбежно ставило перед профессиональными союзами вопрос об организации помощи безработным. Помимо

того, что петербургские и московские союзы принимали участие в работах советов безработных, они, после отказа городских самоуправлений широко организовать общественные работы, начали организовывать выдачу союзных пособий своим безработным членам. Такая помощь, правда, была организована в некоторых союзах сразу же после их возникновения.

В 1906 г. для добычи средств на пособия безработным устраивались специальные сборы по предприятиям и отчисления. (См. Гриневича, стр. 90, и Кольцов, на стр. 302). Наряду с выдачей денежных пособий и организацией общежитий, столовых (в Москве), велась и борьба с безработицей: на собраниях рабочих проводились решения об отказе от исполнения сверхурочных работ, с целью предоставить работу безработным; иногда практиковалась сокращенная неделя; в Одессе многие союзы практиковали уступку безработным одного или двух дней работы в неделю (Кольцов, там же).

По мере оформления союзов и налаживания в них организационной работы, они начинают вводить регистрацию своих безработных членов, а затем организуют бюро по найму труда, которые в некоторых союзах имели определенное практическое значение, по крайней мере, для безработных членов союза.

Наряду с организацией бюро по найму, союзы выдавали дорожные пособия для выезда в другие города, где имелся спрос на рабочую силу.

IV. Профессиональные союзы в политической борьбе.

1.

Профессиональные союзы России зародились в революционную эпоху, когда обострение классовых интересов достигло высшей точки, и поэтому они в общем сразу приобретают боевой классовый характер. Прошлое рабочего движения также обеспечивало такой характер русского профессионального движения: до возникновения союзов в России действовала, организовавшаяся ранее буржуазных партий, социал-демократическая партия, руководившая экономическими и политическими выступлениями рабочего класса и была признана им выразительницей его интересов и идейной руководительницей. Условия самодержавного строя неизбежно вели к соединению экономической борьбы с политической, так как рабочий класс на опыте убедился в необходимости политических завоеваний для большей свободы экономической борьбы.

Основная задача союзов определялась, как борьба с капитализмом; средством борьбы для этого считалась стачка, для чего создавались стачечные фонды.

Возникшее в ходе революции, профессиональное движение не могло остаться чуждым политической борьбе, и уже с октября союзы принимают в ней участие—в политических забастовках, в Советах Рабочих Депутатов, позже—в выборах в государственную думу. Пока вопрос о бойкоте государственной думы еще не был окончательно решен, Центральное Бюро профессиональных союзов Петербурга и Москвы предлагали записываться в избирательные списки. Московский и Петербургский союзы печатников и Петербургский союз приказчиков активно выступили в агитации за бойкот государственной думы.

В 1906 г. профессиональные союзы приняли участие в первомайской агитации и организации демонстраций.

Во время выборов во II государственную думу профессиональные союзы повсеместно приняли в них активное участие, ведя агитационную и организационную работу в выборной кампании. Подавляющее большинство профессиональных союзов высказалось за социал-демократических кандидатов, призывая рабочих голосовать за них.

О «нейтрализме» профессионального движения, как видим, нет и намека; его не было, впрочем, и в последующие годы.

Причем, профессиональные союзы не только принимали активное участие в политической борьбе; они также считали необходимым поддерживать и поддерживали связь с политической партией рабочего класса—с социал-демократией. Часть организованных в профессиональные союзы рабочих склонялась к поддержке партии социалистов-революционеров. Но большинство союзов оставалось на стороне социал-демократии, причем тут неизбежно было деление на две фракции—большевиков и меньшевиков—еще задолго до формального раскола на две партии.

В 1905 и 1906 годах во многих профессиональных союзах работали представители партийных организаций и через них союзы были связаны с партией. В некоторые центральные бюро (например, Петербургское) входили представители революционных партий на правах членов бюро (большевики, меньшевики, эсеры). Первая конференция профессиональных союзов в 1905 г. в резолюции: «Об образовании Московского районного бюро уполномоченных профессиональных союзов» заявила, что она признает желательным, чтобы бюро приняло меры к тому, чтобы в нем были собраны представители всех политических партий, участвующих в рабочем движении». (Резол. Всер. Конфер. и с'ездов, стр. 1).

Такая связь вполне понятна, особенно если принять во внимание, что в возникновении, организации и деятельности многих союзов играли видную роль именно социал-демократы.

Подсчитать долю влияния большевиков и меньшевиков в профессиональном движении не представляется возможным, так как у нас нет таких данных, которые говорили хотя бы о количестве большевиков и меньшевиков в руководящих органах союзов.

Во всяком случае, влияние не было одинаковым во все годы; оно изменялось: то увеличивалось влияние большевиков, то меньшевиков, в зависимости от многих общественно-политических условий. (Мы не говорим о других группах, пытавшихся утвердиться в профессиональном движении: эсерах, анархистах, тред-юнионистах,

ушаковцах и т. д. и т. п. Решающего значения в профессиональном движении они не приобрели, хотя иногда им и удавалось проникать в тот или иной союз).

Итак, с момента своего возникновения российское профессиональное движение не страдало болезнью «нейтрализма» и «независимости» ни в отношении политической борьбы, ни в отношении связи с пролетарской партией, признавая руководящее начало последней и в области профессионального движения.

2.

Теперь нам остается установить, как относились к профессиональному движению большевики и меньшевики (другие партии мы оставим в стороне).

Разница взглядов большевиков и меньшевиков на профессиональные организации в основном заключалась в следующем: большевики признавали политическую партию пролетариата высшей формой классовой организации пролетариата, по сравнению с профессиональными союзами, и считали необходимой задачей создание союзов, социалистических по своему духу, ведущих не узко профессиональную, а классовую борьбу. Большевики считали необходимым также внутри союзов организовывать социал-демократические группы для постоянного руководства союзами. Меньшевики же считали равноценными—как политическую партию, так и профессиональные союзы, а некоторые из них, отдавая предпочтение экономической борьбе перед политической, не считали нужным существование строго организованной партии и, например, в годы реакции проповедывали роспуск подпольной партийной организации и уход в исключительно легальную работу; конечно, в легальных рамках тогдашних условий никакая революционная организация, и тем более революционная политическая партия пролетариата, не могла существовать. Меньшевики, в противовес большевикам, считали, что пора ликвидировать революционную борьбу и партию и пойти на соглашение с буржуазной,—за это они были прозваны «ликвидаторами». Фактически они выступили вразрез с общей тенденцией русского рабочего движения и не могли сохранить своего влияния в профессиональном движении, которое не признавало нейтральности в политической борьбе и независимости от партии рабочего класса. Крупнейшие союзы, как питерский союз металлистов и ряд других, шли, в конце концов, под руководством социал-

демократов большевиков, фактически выполняя директивы этой партии, не будучи формально связанными с ней.

Если мы обратимся к более обстоятельному исследованию взглядов большевиков и меньшевиков на профессиональное движение, на его пути и задачи и на взаимоотношения с партией, то увидим, во-первых, что взгляды изменялись, вернее—развивались вместе с развитием рабочего движения и изменениями в хозяйственной и политической обстановке; во-вторых, мы увидим, что не все большевики одинаково относились к профессиональному движению в разное время.

Социал-демократия делится на два основные лагеря с возникновения первых социал-демократических организаций в России. Корни большевизма и меньшевизма лежат в самом начальном периоде истории социал-демократии. Расхождения социал-демократов по двум линиям определились вполне отчетливо на пороге XX века и непосредственно после первого с'езда Р. С.-Д. Р. П., когда в социал-демократии появляется течение, названное «экономизмом». Сторонники этого течения назывались «экономистами» потому, что они считали главной задачей рабочего движения экономическую борьбу, направленную для достижения улучшения условий труда и повышения экономического благосостояния рабочих. Вопрос же о политической борьбе рабочих за низвержение самодержавного строя «экономисты» отодвигали на задний план, не видя в ней необходимости и считая ее несвоевременной; они предоставляли политическую борьбу буржуазии, а рабочих звали к борьбе экономической. В борьбе с этим течением, оформившимся в 1903 г. в меньшевизме, и выросло большевистское течение, которое, не отрицая необходимости и важности экономической борьбы, ставило задачей соц.-демократии организовать и двинуть рабочий класс на политическую борьбу с самодержавным строем. Отстранение рабочих от политической борьбы под руководством социал-демократии и сосредоточение их исключительно на экономической борьбе неизбежно приводит рабочий класс к подчинению буржуазным партиям, раз социал-демократия предоставит рабочих самим себе. В ответ на слова «экономистов», что их противники революционные марксисты преуменьшают значение об'ективного или стихийного элемента развития, Ленин в брошюре «Что делать» сказал, что социал-демократическое сознание «могло быть принесено (рабочим) только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в со-

стоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т.-е. убеждение в необходимости об'единиться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»... «теоретическое учение соц.-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции». (Сборн. «За 12 лет», стр. 214—215). Поэтому стремление «экономистов» предоставить рабочее движение стихийному развитию и ждать, когда оно стихийно вступит на путь широкой политической борьбы с самодержавием, а затем и с капиталистической властью было неправильно и вело к подчинению рабочего движения интересам буржуазных партий. Раз налицо имеются предпосылки к замене старого строя новым, революционная социал-демократия должна подчинить рабочее движение задачам борьбы со старым строем и организовать рабочих к планомерной борьбе с последним.

На основе этих двух подходов к роли социал-демократии в рабочем движении и выработались две тактики, две организации, две программы: одна—большевистская, другая—меньшевистская.

После такого вступления нам легче будет понимать, почему большевики относились к профессиональному движению так, а меньшевики иначе.

Теперь обратимся к документам, определяющим отношение социал-демократии к профессиональному движению.

Отношение к профессиональной борьбе революционных социал-демократов большевиков документально было зафиксировано уже на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. в резолюции «О профессиональной борьбе». (С'езд состоялся в августе 1903 г. Он был организован революционными социал-демократами. В результате раскола на с'езде, революционные социал-демократы оказались в большинстве, а оппортунистическая часть—«рабочедельцы», «экономисты»—в меньшинстве; отсюда—большевики и меньшевики).

Указанная резолюция, определив причины экономической борьбы и ее роль, как одного из главных средств против понижения жизненного уровня рабочих, указала, что «эта борьба, поскольку она развивается вне связи с политической борьбой пролетариата, руководимой социал-демократией, ведет к дроблению пролетарских сил и к подчинению рабочего движения интересам имущих классов»; поэтому с'езд признал, «что задачей Р. С.-Д. Р. П. в области про-

фессионального движения является руководство повседневной борьбой рабочих за улучшение условий труда и агитация за устранение всех тех препятствий, которые ставятся профессиональному движению законодательством русского самодержавия, словом, об'единение частных столкновений отдельных групп рабочих в одну организованную борьбу класса». Дальше с'езд предлагает вести борьбу со всеми видами зубатовщины и принять участие в выборах фабричных старост, разоблачая тактику властей и капиталистов в этих выборах.

Так определили большевики свое отношение к экономической борьбе рабочих. Профессиональная борьба (значит и профессиональная организация) не есть нечто самодовлеющее в рабочем движении, она не является особой, самостоятельной формой рабочего движения и должна быть связана в одну борьбу рабочего класса против класса капиталистов. В основном эта резолюция определила отношение большевиков к профессиональному движению, задачу и роль партии в нем на все время вплоть до Октябрьской революции. Это основное положение в дальнейшем только детализировалось и уточнялось.

В 1905 году отношение меньшевиков к профессиональному движению определялось их общей тактикой. Они, как говорит Л. М-ов в статье «Социал-демократия в 1905—1907 г.г.» («Общ. движ. в России», т. 3, стр. 548 и след.)—противопоставляли «планам» «подготовки» решительной битвы старому режиму—идею «развязывания» стихии народного возмущения путем открытой агитации»; меньшевики полагали, «что непосредственное практическое руководство выступающими в событиях массами не может и не должно быть обязательной задачей партии . . . Партия должна сохранять за собой лишь возможность политического влияния на массы и политического руководства их выступлениями». С этой тактикой в революционном движении «развязывания» народной стихии и с отказом организовывать решительное выступление и непосредственно руководить борьбой находится в связи и тактика «беспартийности» и «нейтральности» профессиональных союзов и признание равноценности и равноправности политической и экономической организации рабочего класса. Гриневич накануне Лондонского с'езда партии именно в этом духе и излагает взгляды меньшевиков (его статья «Партии и профессиональные союзы», сборн. «Отголоски», Апрель, 1907 г., стр. 73). «Эта признанная, наконец, всеми крупнейшими западно-европейскими социалистическими

партиями равноценность политической и экономической организаций в борьбе пролетариата против всего капиталистического строя общества должна быть практически закреплена». Резолюция об'единительного с'езда (апрель 1906 г.) была недостаточна в смысле полноты выражения меньшевистской точки зрения на профессиональные союзы, хотя был принят проект резолюции меньшевиков, а проект большевиков не был принят. Наличие двух внесенных резолюций дает нам возможность рассмотреть самые документы, характеризующие разномыслие большевиков и меньшевиков по вопросу о профессиональных союзах.

Предложенный большевиками проект резолюции исходил из признания того положения, что экономическая борьба есть одна из составных частей классовой борьбы пролетариата; что наиболее целесообразной организацией для экономической борьбы являются профессиональные союзы; что среди рабочих масс наблюдается широкое стремление сплачиваться в профессиональные союзы и «что экономическая борьба может привести к прочному улучшению положения рабочих масс и к укреплению их истинно-классовой организации лишь при условии правильного сочетания ее с политической борьбой пролетариата»; дальше предлагается всем партийным организациям способствовать образованию беспартийных союзов и воспитывать об'единяемых союзами рабочих—«в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевать своей деятельностью фактически руководящую роль в таких союзах». В меньшевистской резолюции эти же положения изложены менее отчетливо, но зато добавлен вполне отчетливый пункт, делающий ударение на «легальных возможностях и на расширении легальных рамок, пользуясь законом 4-го марта»; этот пункт подчеркивал, что профессиональные союзы мыслятся только как легальные организации; большевистский проект резолюции правильно и предусмотрительно обходит этот вопрос молчанием, дальнейшая практика профессионального движения показала, что легальное профессиональное движение в эпоху реакции есть миф, если его не принижать до обычного ограниченного тред-юнионизма; и мы знаем, что значительное количество профессиональных союзов жило и действовало нелегально.

Большое принципиальное значение имела заключительная фраза большевистской резолюции: «чтобы ... союзы могли, при известных условиях, прямо примыкать к партии, отнюдь, однако, не

исключая из своего состава непартийных членов». Меньшевики не могли согласиться с такими определенными предложениями и приняли другое, расплывчатое, говорившее, чтобы через членов партии в союзах, «органически, в борьбе и агитации, связать союзы с партией».

На практике принятая резолюция не проводилась ни большевиками, ни меньшевиками; для последних она была неприемлема потому, что оппортунистическая точка зрения недостаточно отчетливо выражена, чего—как мы видели—требовал Гриневич накануне Лондонского с'езда (состоялся весной 1907 г.). Но Лондонский с'езд разочаровал Гриневича, приняв как раз не то, о чем он мечтал. С'езд принял комиссионный проект резолюции, который обсуждался в комиссии, составленной из всех течений, бывших на с'езде. Резолюция является компромиссом между точкой зрения большевиков, отстаивавших в комиссии принцип партийности союзов, и меньшевиков с бундовцами, отстаивавших нейтралистскую позицию. Как и всякий компромисс, резолюция никого не удовлетворяла.

Эта резолюция напоминает «об одной из основных задач социал-демократической работы в профессиональных союзах—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократической партии, а также установлению организационной связи с ней, и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь». Это напоминание как раз было не лишне, потому что и некоторые большевики поговаривали о нейтрализме профессиональных союзов, высказываясь против организационной связи союзов с партией.

Владимир Ильич Ленин еще до 1905 года высказывался за нейтральность профессиональных союзов. «Только Лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартский международный социалистический заставил меня—говорит он—притти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов принципиально отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией—таков единственно верный принцип». (Из предисловия к сборн. «За 12 лет», изд. 1919 г., стр. 13). «Линия партийности союзов наиболее решительно и планомерно проводилась московскими большевиками уже в первый момент возникновения профессиональных союзов, в то время как петербургские большевики воздерживались формально об'являть союзы партийными. В сущности, их работа в союзах была направлена к овладению союзами, как и в Москве. Вопрос о

партийности союзов окончательно был решен на конференции в Куоккало летом 1907 г., на которой принцип нейтральности был окончательно отвергнут большевиками; точка зрения партийности союзов стала официальной линией партии после Штуттгартского конгресса, но проводилась она в жизнь только большевиками». («Вестник Труда», за 1923 г., № 3, статья Ногина, стр. 234).

Необходимо отметить, что в 1905—1906 годах среди большевиков были голоса, отрицательно относившиеся к участию в профессиональном движении. Но это отнюдь не было мнением партии и об'ясняется тем, что грандиозная революционная борьба заслоняла от некоторых товарищей значение профессиональных союзов и для революции. Были также опасения разжижения партии. Во всяком случае, партийные организации большевиков и отдельные большевики принимали участие в строительстве профессиональных союзов и их работе. Меньшевики совершенно напрасно приписывают себе исключительную роль в профессиональном движении на первых его шагах.

Нельзя обойти молчанием того факта, что не все меньшевики и не во все времена были в одинаковой степени нейтралистами. Товарищ Ногин рассказывает, что на первой общерусской конференции, т.-е. конференции меньшевиков, бывшей весной 1905 года, была принята, между прочим, и резолюция о профессиональных союзах. В этой резолюции § 5 гласит, что партийные организации должны вступать в организационную связь с партийными союзами». («5-й с'езд партии», изд. «Моск. Рабочий», 1923 г., стр. 67). С другой стороны, были такие меньшевики, которые предлагали не вставлять в уставы союзов слов «классовая борьба», так как это, мол, говорит о партийности союзов. (Там же, стр. 57).

Российское профессиональное движение, независимо от желаний нейтралистов, не было нейтральным в политической борьбе, не было нейтральным и в отношении революционных партий, наконец, не было нейтральным и в отношении фракций социал-демократии, пока существовала одна партия,—большевиков и меньшевиков, влияние тех и других колебалось в различные периоды, но в конце концов, профессиональное движение пошло за большевиками, ибо оно не отделяло себя—за немногими исключениями—от революционного рабочего движения, а авангардом и руководителем последнего являлась партия большевиков.

V. Закон 4-го марта 1906 года.

1.

Мы уже видели, что каждый новый этап в истории русского рабочего класса, отмечавший собой рост последнего и усиление его движения, вызывал к жизни законодательное творчество канцелярий царского правительства; оно стремилось изданием того или иного закона остановить нарастание рабочего движения и задержать переход его от локализованной, частичной стачки против отдельных предпринимателей к широкой классовой борьбе, к революционному движению; самодержавие знало, что такой переход означал, рано или поздно, прежде всего гибель дворянского государства.

На всей истории так называемого фабричного законодательства до-революционной эпохи лежит отпечаток, с одной стороны, признания необходимости сделать уступку рабочему классу, чтобы успокоить его и отвлечь от революционных организаций и выступлений; с другой стороны, определенное стремление дать уступку в такой форме, чтобы она во всякий момент могла быть ограничена и низведена до нуля.

Все это вполне естественно и иначе не может быть в капиталистическом обществе, основанном на эксплоатации рабочего класса. Законодательство, направленное на ограничение эксплоатации рабочих в капиталистическом государстве, появляется исключительно под давлением рабочих: бескорыстия в нем нечего искать; оно появляется не потому, что «законодатель», проникнутый гуманными идеями, стремится улучшить положение рабочих.

Законодательство, направленное на ограничение эксплоатации рабочих завоевывается ими в борьбе. Хороший или плохой закон издает буржуазное правительство, хорошо или плохо вы-

полняется этот закон буржуазией, зависит от того, как силен рабочий класс, и как он реагирует на действия своих эксплоататоров.

Все сказанное относится и к тому виду буржуазно-дворянского законодательства, которое нормирует условия классовой борьбы пролетариата: политические и гражданские права рабочих в широком значении этих слов, их права организовываться для борьбы и вести политическую и экономическую борьбу в рамках, конечно, капиталистического общества; так как революция означает отрицание самого капиталистического общества, было бы смешно ожидать, чтобы буржуазия допустила признание законности пролетарской революции, уничтожающей власть буржуазии. Но даже и тогда, когда выступление рабочего класса не направлено прямо на уничтожение господства буржуазии, а только на значительное ограничение эксплоатации, буржуазное государство применяет все находящиеся в его распоряжении средства и способы борьбы, чтобы разбить рабочих, и в лучшем случае—дать небольшую уступку. Действующие законы о правах рабочих на организацию и борьбу в таких случаях беспощадно попираются. Таким образом, и ограничение эксплоатации рабочего класса буржуазией, и права рабочих на организацию и борьбу с своим классовым врагом в капиталистическом обществе регулируются соотношением сил пролетариата и буржуазии, а не законами, которые сами появляются в результате классовой борьбы и действуют постольку, поскольку рабочий класс имеет готовность и слабость отстаивать сделанные им завоевания.

Появление на свет закона 4 марта 1906 года об обществах и союзах и его проведение в жизнь вполне подтверждает все вышесказанное. Если до 1905 г. царские слуги пытались отвлечь рабочих от революции при помощи зубатовских организаций, то в 1905 г. они так же неудачно пытались сделать это посредством комиссии Шидловского. Но революционная волна подымалась все выше, задачи движения расширялись. Правительство не успевало сделать одну уступку, как революция отвоевывала ряд новых. И ничего нет удивительного, что когда рабочие фактически осуществляли право на организацию в профессиональные союзы явочным революционным порядком, правительство поручает своим канцеляриям разработать закон о рабочих союзах. Эта разработка и начинается уже весной 1905 г., после провала комиссии Шидловского, после промко заявленного (и осуществлявшегося) требова-

ния свободы организации, после того, как рабочие и служащие приступили к организации профессиональных союзов.

Какое относительное значение имеют нормы, закрепляемые законами, как они изменяются вместе с изменением соотношения сил борющихся классов, показывает история прохождения по инстанциям законопроекта о союзах. До декабрьского поражения рабочего класса законопроект о союзах содержал в себе полное признание права рабочих организовываться в профессиональные союзы для защиты своих интересов посредством стачечной борьбы; с этой целью союзы могли организовывать стачечные фонды и фонды безработных. При этом союзы, по мысли законопроекта, должны быть совершенно свободными от воздействия административных властей: союз мог быть закрыт только по постановлению суда. Отдельные союзы могли об'единяться в межсоюзные об'единения. Такой либерализм законопроекта был продиктован не свободолюбием чиновника фабричной инспекции Фомина и тем более —не свободолюбием бюрократических канцелярий, а исключительно тем, что революция грозно клокотала и готова была разрушить все устои буржуазно-дворянского государства. Силы революции были настолько велики, размах движения настолько широк и глубок, что маленькие уступки правительства, как легкие щепки исчезали в бурном революционном водовороте, не оставляя о себе никаких воспоминаний. Поэтому правительственные чиновники состряпали такой законопроект о союзах, что известный автор книги о профессиональном движении в России галантно расшаркался и заявил, что «законопроект Фомина (чиновник, которому было поручено разработать законопроект) заслуживает внимания. Бесспорно, этот проект . . . является наилучшим из всего, созданного нашей бюрократией». (В. Святловский «Профес. движ. в России», стр. 345). Нужда учит, нужда песенки поет. И бюрократы царского правительства состряпали хороший законопроект о союзах после основательного тумака, полученного ими от революции. Куда же писать плохой законопроект, когда осуществлялось революционное право, и когда власти способны были только обороняться, а не наступать.

Разрабатывая законопроект о союзах, правительство руководилось, с одной стороны, необходимостью бросить уступку рабочему классу, к тому же ведь уступка ничего не стоила, так как фактически профессиональные союзы уже начали строиться, а право стачек настолько широко осуществлялось, что ни прави-

тельство, ни капиталисты не могли справиться с ними. С другой стороны, правительство в этом случае руководствовалось задней мыслью локализации рабочего движения в рамках экономической борьбы; оно не перестало надеяться, что, предоставив рабочим свободу профессиональной организации и борьбы, оно тем самым отвлечет их из-под влияния революционных организаций и, главным образом, из под влияния социал-демократической партии.

Об этом красноречиво сказал государственный совет; об'ясняя причины издания закона о союзах и преследуемые им цели, этот совет почтенных старцев рассуждает, что «издание специального узаконения о профессиональных союзах бесспорно отвечает назревшей потребности многочисленного класса людей, занятых в торговых и промышленных предприятиях. Существующее среди указанных лиц, особенно же между фабричными рабочими, стремление к образованию общественных организаций стало за последнее время (дело происходило в январе 1906 г. Д. А.) фактом (еще бы! Д. А.), с которым нельзя не считаться». Ничего не поделаешь, революция з а с т а в и л а считаться. Далее старцы об'ясняют, вспоминая недавнее прошлое, что «до последнего времени не допускалось среди рабочих никакой самодеятельности, а отсюда как бы следовало, что правительство само берет на себя заботы об удовлетворении их многочисленных потребностей. Благодаря такому положению, отрицательные стороны быта рабочих естественно ставились в укор правительству, и движение рабочих, вместо того, чтобы задаться целью улучшения их экономических и социальных условий, приняло характер борьбы с существующим государственным порядком». Что экономические условия существования рабочих и невозможность улучшить их привели рабочий класс к политической революции, конечно, верно. А потому старцы из покойного государственного совета с надеждой уповают, что разрешением рабочим организовываться—«открывается законный путь к удовлетворению совместными усилиями их материальных и духовных потребностей, а с тем вместе ослабляется для них уклон в сторону политики» (заимствовано у Айнзафта «Первый этап российского профессионального движения», в «Вестн. Труда», № 2—3, за 1923 г., стр. 169). Что упования не оправдались, мы знаем. А не оправдались они потому, что после поражения революции, рабочий класс очутился у разбитого корыта. Реакция и экономический кризис сделали то, что рабочий

класс мог расчитывать на изменение положения к лучшему только через революционную борьбу.

2.

Было бы наивно удивляться тому, что дворянское правительство, издавая закон о союзах, заботилось не об интересах рабочих и их организаций, а об охране своих интересов. И поэтому законопроект о союзах изменялся в зависимости от того, как сильна была революция, в какой степени угрожала она существованию правительства.

Уже непосредственно после подавления декабрьского восстания рабочих, законопроект подвергается переработке в сторону ухудшения. Пункт о защите экономических интересов рабочих с признанием права стачек и стачечных фондов превратился в ничего не значащую для рабочих организаций белиберду, а именно: «профессиональные общества имеют целью выяснение и согласование экономических интересов, улучшение положения своих членов». А какими средствами? Законопроект отвечает: «выяснением размеров заработной платы и других условий труда в различных отраслях промышленности» и «изысканием способов к устранению путем миролюбивого соглашения или третейского разбирательства недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимателями и нанимаемыми». (См. указ. ст. Айнзафта, на стр. 171). Полная идиллия, совершенный социальный мир, все классовые противоречия, вызывающие ожесточенную борьбу, по боку. Дело обстояло, конечно, не так.

Если до 1906 г. правительство, защищая свою шкуру, готово было допустить свободу экономической борьбы между рабочими и капиталистами, то при первом крупном поражении революции оно сочло возможным снова защищать право буржуазии на свободу эксплоатации и запрещать рабочим свободу борьбы против разгула эксплоатации. Соотношение классовых сил изменилось не в пользу рабочих. И правительство в лице государственного совета деловито рассуждает, что «защита. . . этих (экономических) интересов подполагает как бы боевое к ним отношение и легко может натолкнуть рабочих на мысль, что борьба с предпринимателями составляет главную задачу предусматриваемых проектом обществ. Между тем, цель сих последних должна заключаться в мирном разграничении сталкивающихся интересов труда и капитала и в

возможном их согласовании» (там же, стр. 171). Иначе говоря, в случае отсутствия возможности согласования, рабочий подчиняется положению, которое выгодно предпринимателю. Ожидать чего-нибудь лучшего в момент начала ослабления революции, разумеется, было нельзя; и с этой точки зрения закон 4 марта 1906 г. был состряпан и преподнесен рабочему классу в соответствии с законами, управляющими классовой борьбой: права завоевываются, а не даются.

По первому законопроекту разрешались межсоюзные об'единения—«союзы профессиональных обществ». В законе же 4 марта от этого и следа не осталось. Он прямо и категорически запрещал такие об'единения: «об'единение двух или нескольких профессиональных обществ в союз воспрещается», а за участие в союзе профессиональных обществ была введена кара, до одного года крепости. Этим закон 4 марта не ограничивался в отношении структуры профессиональных обществ. Он определенно указывал, что во всякое данное профессиональное общество могут вступать лица только однородных занятий. На этом основании, между прочим, в Петербурге, начиная с 1907 г. по 1917 г., торговые служащие не могли организоваться в один союз: в каждой отрасли торговли приходилось организовывать самостоятельный союз. Далее, существование отделений союза законом допускалось только при условии, если отделения не имели особого управления (там же). Закон предусматривал обязанность союзов представлять списки членов своих управляющих органов старшему фабричному инспектору. Общие собрания союзов происходили с непременного разрешения местных властей и в присутствии чинов полиции.

Вопросы, связанные с разрешением и запрещением союзов, были переданы в ведение градоначальников и губернаторов, при которых были учреждены присутствия по делам об обществах и союзах.

Закон 4 марта был издан в момент наступления реакции и поэтому отразил в себе ее основную тенденцию: не разрешать, запрещать, душить малейшее проявление классовой борьбы пролетариата. И на практике он является исключительно орудием реакции. Само собой понятно, что профессиональные союзы не могли уложиться в рамки закона, так как это означало бы отказ от классовой борьбы и превращение из классовых боевых организаций в организации взаимопомощи. До такого принижения своих классовых задач пролетариат России не мог дойти в силу тех обстоя-

тельств, которые приведены в предыдущих главах. И поэтому профессиональное движение с момента появления закона 4 марта формально жило легально, по существу же осуществляло свои задачи в обход закона 4 марта. Многие же профессиональные союзы вообще принуждены были временами целиком уходить в подполье.

3.

Появление закона 4 марта было встречено враждебно всеми без исключения профессиональными союзами. Это вполне естественно, ибо—как сказал т. Рязанов на II конференции профессиональных союзов—закон являлся полицейской ловушкой для существовавших союзов и совершенно искажал существо профессиональных союзов, превращая их в невинные общества взаимопомощи. В отрицательной оценке значения закона все сходились. Но при постановке вопроса о практическом отношении к закону выявились две резко противоположные точки зрения: одни предлагали ни в какой мере не подчиняться ему и действовать по-старому явочным порядком, совершенно игнорируя наличие закона; другие, наоборот, настаивали на том, что надо легализовать профессиональные союзы и регистрировать их согласно закона, исходя из того, что рабочий класс уже не в силах осуществить захватное право. Проще говоря, они считали революцию оконченной и в соответствии с этим выдвигали тактику, расчитанную на легальные формы организации.

В противоположность им, противники использования закона 4 марта оценивали положение, создавшееся после разгрома декабрьского восстания, совершенно иначе. Они считали, что революция еще не кончена, что революционная волна, временно опустившись, снова поднимается и сбросит реакцию. Основываясь на оценке экономического положения страны и, в частности, состояния промышленности, эти товарищи доказывали, что в ближайшее же время неизбежно новое расширение стачечного движения, которое также неизбежно примет политическую революционную окраску. В этом отношении они были совершенно правы: в первой половине 1906 г. наблюдалось повышение политического настроения, и стачечное движение не свернуло своего фронта, причем, также, как и в 1905 г., оно носило ярко выраженный политический характер. Во всяком случае, 1906 г. был революционным годом и свертывание революционных знамен, как делали меньшевики, было преждевременно и основывалось не на особом даре предвидения и

правильного учета обстановки, что задним числом ставили себе в заслугу меньшевики. Меньшевики жаждали легальной спокойной обстановки, торопились занять уютные местечки в парламенте (государственной думе), революционная буря утомила их, и они торопились опередить события, об'явив революцию оконченной. Они полностью отвергали мысль о нелегальных, подпольно действующих союзах, тогда как сторонники революционных методов борьбы—большевики—считали более правильным временный уход профессионального движения в подполье, чем подчинение реакционному закону, принижавшему классовую сущность профессиональных союзов. Возражение меньшевиков о несовместимости широкого рабочего движения и, в частности, профессионального движения с нелегальными его формами, красноречиво опровергалось всей историей российского рабочего движения—в особенности в 1905 и 1906 годах, когда и профессиональные союзы возникали и действовали «незаконно», а большинство их в 1906 году принуждено было действовать подпольно, что не мешало ему развертываться и оформляться; в годы же реакции и упадка революционного движения, чем легальнее были союзы, тем меньше значение они имели и не становились более широкими организациями по сравнению с теми союзами, которые действовали нелегально или полулегально. Конечно, открытое существование профессиональных союзов неизмеримо удобнее, чем подпольное; но оно допустимо только при условии, когда задачи профессиональных союзов, как классовых организаций, не урезываются, не принижаются.

Обе точки зрения резко столкнулись на второй конференции профессиональных союзов, собравшейся в феврале 1906 г., т.-е. еще до издания закона. В принятой конференцией резолюции нашли свое отражение обе точки зрения. Так, в одном пункте резолюции определенно сказано, что «конференция считает легализацию профессиональных союзов при современных политических условиях безусловно невозможной», и, «считая в то же время крайне важным для развития профессионального движения широкую и открытую деятельность союзов, конференция рекомендует при организации и деятельности профессиональных союзов продолжать принимать, так называемый, явочный порядок». А в последнем пункте резолюции в качестве уступки сторонникам легализации, конференция заявила, что «в случае же, если проектируемый закон войдет в силу, конференция считает допустимым, в виде исключения, при полной невозможности существования

союзов на других основаниях, использовать этот закон, превращая его из орудия закабаления рабочего класса в исходный пункт новой, еще более упорной борьбы для завоевания права стачек и коалиций». («Резолюция Всероссийской конференции и с'ездов профессиональных союзов», под ред. Г. Цыперовича, изд. Петроградского Совета профессиональных союзов, 1919 г., стр. 20).

После издания закона, вопрос об использовании его снова ставится на обсуждение профессиональных союзов. В течение марта месяца выносятся постановления о легализации профессиональных союзов в Петербурге и Москве. Петербургское Ц. Б. профессиональных союзов выносит также постановление не бойкотировать присутствие по делам об обществах и союзах. В провинции наблюдается та же тяга к легализации. Таким образом, на практике резолюция второй конференции не была осуществлена, за исключением немногих союзов, а также союзов Северо-Западного края, приступивших к легализации во второй половине 1906 года. Такое быстрое отступление от резолюции конференции можно об'яснить тем, что профессиональные союзы были уверены, что легализация не наложит печати на их деятельность и в то же время позволит избавиться от закрытия союза. На деле, конечно, так и было; до роспуска 1-й государственной думы закон 4 марта по существу не применялся. Решительный поход против профессионального движения совпал с роспуском государственной думы, когда правительство, опасаясь контр-атаки со стороны рабочего класса, приступило к ликвидации всех рабочих организаций, в том числе и профессиональных союзов, совершенно справедливо считая последние опасными базами, которые могли стать исходными пунктами нового революционного наступления рабочего класса. Легализация не охраняла профессиональные союзы от разгрома, поскольку они оставались организациями классовой борьбы. Легализация не избавляла профессиональное движение от подполья.

В своей практике в годы реакции российское профессиональное движение, когда не было никакой возможности осуществлять явочный порядок организации союзов, сочетало внешнее существование по закону 4 марта и свою деятельность в соответствии с классовыми задачами пролетариата, не считаясь с законом, в обход его. Иначе говоря, профессиональное движение сочетало внешне законное существование с «незаконной» деятельностью.

В общем, закон 4 марта не мог иметь решающего значения в оформлении профессиональных союзов, так как и сам он был вызван к жизни определенной политической обстановкой и применение его на практике целиком регулировалось соотношением классовых сил. В зависимости от размаха рабочего движения, он был то весьма стеснительным, то его оболочка разрывалась без всяких усилий. Союзы закрывались бы целыми пачками, профессионалисты арестовывались и высылались бы в годы реакции с такой же беспощадностью, как если бы закона 4 марта и не было, или вместо него был бы прекрасный во всех отношениях закон. С этой точки зрения преклонение меньшевиков перед легальными формами движения и полное отрицание необходимости нелегальной подпольной организации, являлось отрицанием необходимости революционной борьбы рабочего класса и вообще всякой его классовой самостоятельности: петициями и подчинением закону 4 марта нельзя было добиться свободы стачек и коалиций; этого можно было добиться только революционными методами борьбы, которыми владели подпольные революционные организации. И характерно, что открытые профессиональные союзы лучше действовали и были крепче там, где они были связаны с подпольными партийными организациями или и сами в своей деятельности применяли нелегальные способы. Там же, где этого не было, профессиональные союзы чахли и не могли ничем проявить себя, как классовые организации.

Между двумя революциями.

I. Период упадка революционного движения.

I.

После разгона II государственной думы победа реакции стала несомненной, и она вступила в свои права. Первая революция была побеждена. Это отразилось и на профессиональном движении. Для деятельности рабочих организаций создались неимоверно тяжелые условия.

Царская власть не осмеливалась открыто и прямо уничтожить профессиональные союзы: отчасти она, вероятно, опасалась усиления развития подпольных, нелегальных организаций, менее уловимых для наблюдения и по своему существу более революционных и опасных для самодержавия («ослабляется для них (союзов) соблазн уклонения в сторону политики»). Но, усиливаясь, вследствие упадка революционного движения рабочих, потерпевших несколько крупных поражений и обессиленных промышленным кризисом и репрессиями (кроме обычных репрессий — массовые локауты на казенных и частных заводах), царское правительство не могло терпеть существования профессиональных союзов, организовавшихся явочным порядком и свободно ведущих революционную агитацию и руководящих классовой борьбой рабочих. Оно решило задушить или, по крайней мере, обезвредить единственную открыто существовавшую форму рабочего движения — профессиональное движение. Циркуляры центральной власти и произвол местных властей, опиравшихся на положение о чрезвычайной охране, еще сильнее ухудшали положение профессиональных союзов.

Конечно, репрессии против профессиональных союзов не были главной причиной упадка профессионального движения. Главная причина лежала в том, что революционная волна отхлынула: рабочие, потерпев поражение, принуждены были отступить.

Для развития профессионального движения в годы реакции служило тормазом и то обстоятельство, что экономическая борьба была сильно затруднена, особенно начиная со второй половины 1907 года, когда экономические стачки становятся по сравнению с предыдущими революционными годами совсем незначительным явлением, и волна их заметно повышается только с 1911 года. Причем в годы реакции стачки носят по преимуществу оборонительный характер и рабочим отстаивать свои завоевания становится все труднее и труднее. В 1906 году и в первой половине 1907 года рабочие вели еще наступательную борьбу и поражения не так сильно угнетали. В частности, рабочим, удавалось иногда одерживать победы и в оборонительной борьбе против локаутов. Со второй же половины 1907 года такого рода борьба не могла иметь никакого успеха.

Экономическая борьба затруднялась застойным состоянием промышленности. Экономический кризис в 1907 году сменился депрессией, т.-е. создалось такое положение, при котором в одной отрасли промышленности дела улучшались, в другом продолжали ухудшаться; в общем же не наступило ни оживления, ни под'ема.

Застой в промышленности сильно сказался на рынке труда, так как сокращение производства вызывало сокращение количества рабочих и увеличение безработицы. 1908 год не принес никаких улучшений для промышленности, наоборот, положение ухудшилось. В связи с этим ухудшается и положение рабочих, растет безработица. Так, в петербургском союзе металлистов в 1908 году на 9.500 членов союза безработных было 1.103 или 12% общего числа членов; в Невском районе число безработных равнялось 27%. При этом безработица носила длительный характер; больше чем в 50% случаев безработица длилась больше месяца.

Сокращение производства, рассчет рабочих, неполная рабочая неделя — все это продолжалось до 1911 года на общем фоне застойного положения в промышленности. В Москве в 1907 году безработных, обращавшихся за помощью в городской «дом трудолюбия», насчитывалось 25½ тысяч, а за 9 месяцев 1908 года оно поднялось до 26 тысяч. В Петербурге в начале 1909 года было рассчитано 7.000 ткачей, т.-е. около 10% всех мужчин, работавших на текстильных фабриках Петербурга; позже было уволено еще 2.000 рабочих. Массовые рассчеты производились также в Шуйско-Ивановском текстильном районе. Безработица усилилась в юж-

ном районе на Урале, в Баку, на Волге и Архангельске. На Сормовском заводе в 1908 г. число рабочих с 10.000 было сокращено до 4.278 человек. В 1910 г. безработица наблюдалась в нефтяной и каменноугольной промышленности, в мукомольном деле, на заводах Кронштадта и Николаева, а также в мастерских Юго-Западных железных дорог и среди типографских рабочих Петербурга и Урала. (Финн-Енотаевский, стр. 354—355).

С одной стороны, промышленный застой и даже упадок, с другой — разгул реакции с политическими и экономическими репрессиями и усилением эксплоатации — вот та общая обстановка, в какой должны были действовать профессиональные союзы.

Эти условия не способствовали развитию профессионального движения; оно переживало период сильнейшего упадка, как и все рабочее движение в целом, о чем красноречиво говорят общие данные о стачечном движении за семилетие 1905—1911 г.г. в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. (Данные заимствованы у Финн-Енотаевского, стр. 366—367; у Вознесенского—«Стачечная борьба рабочих», «Архив Истории Труда», кн. 8, стр. 166—167, 169 и 174; у Каменева—«Между двумя революциями», изд. 1922 г., стр. 572—573).

Годы	Число стачек	Число стачечников	В % к общему числу рабочих в данных предприятиях
1905	13 995	2.863.000	163%
1906	6.114	1.108.400	65,8%
1907	3.573	740.000	41,9%
1908	892	176.000	9,7%
1909	310	64.000	3,5%
1910	222	46.600	2,5%
1911	446	105.000	5,7%

Из этой таблицы видно, что количество стачек и стачечников особенно резко падает в 1908 году, достигая минимума в 1910 году, когда количество стачек по сравнению с 1905 годом уменьшается в 63 раза, а количество стачечников почти в 62 раза.

Понижение политических стачек было еще значительнее. Так:

Годы	Политических стачек	Количество участников	Колич. политическ. стачеч. в % к общ. числу стачечников
1905	8.209	1.842.500	63%
1906	3.569	650.600	58%
1907	2.600	540.000	72%
1908	464	92.600	52%
1909	50	8.360	13%
1910	8	3.770	8%
1911	24	8.300	8%

И в политических стачках особо резкое падение количества стачек и стачечников начинается с 1908 года и сводится почти на нет в 1910 году, когда наблюдается уменьшение политических стачек в 1.020 раз с лишним и стачечников — в 488 раз.

Экономическое стачечное движение тоже сильно упало, хотя и не так резко, по сравнению с политическим, что видно из следующей таблицы:

Годы	Число экономических стачек	Число участников	В % к общему числу стачечников
1905	5.786	1.051.2000	37%
1906	2.545	457.000	42%
1907	973	200.000	28%
1908	428	83.400	48%
1909	290	55.800	87%
1910	214	42.840	92%
1911	422	96.730	92%

В самом неблагоприятном в отношении стачечного движения 1910 г. количество экономических стачек по сравнению с 1905 годом уменьшилось в 27—28 раз, количество стачечников — в 24—25 раз.

Создавшаяся в 1907—1910 г.г. обстановка отразилась не только на количественном падении экономической борьбы, но и на ее результатах. Вместе с общим упадком рабочего движения, поражения рабочих в экономических стачках учащаются, и в 1908—1909 г.г. рабочие проигрывают больше половины стачек:

В 1905	г.	окончилось	поражением	рабочих	22%	всех	экономических	стачек
„ 1906	„	„	„	„	25,2%	„	„	„
„ 1907	„	„	„	„	45,4%	„	„	„
„ 1908	„	„	„	„	55,2%	„	„	„
„ 1909	„	„	„	„	54,2%	„	„	„

Это указывает, с одной стороны, на неблагоприятные условия, в которых велась экономическая борьба, с другой—на понижение сопротивляемости рабочих и на усиление упорства предпринимателей.

Все рассмотренные данные говорят об одном: революционная волна, начав понижаться в 1906 году, в 1908—1910 г.г. совершенно падает. Экономическое движение рабочих, тесно связанное у нас с политическим, замирает в эти годы. В соответствии с этим и профессиональное движение, зародившееся в революции, подверглось той же участи. Ни политическая, ни экономическая обстановка не способствовали его развитию и росту; наоборот, угнетающая обстановка и усталость и подавленность рабочего класса привели к захирению и почти полному уничтожению профессиональных союзов. Те ростки, которые еще могли жить, беспощадно уничтожались реакцией.

2.

Полных и точных данных о количестве союзов и количестве организованных рабочих и служащих не имеется. Цифровые сводки о числе союзов и их членов имеются на 1907 год—они собраны комиссией по созыву с'езда (не состоявшегося) профессиональных союзов. Эти данные далеко не представляют полной картины. И не только потому, что комиссия не имела сведений от всех существовавших в то время союзов, а и потому, что в самих союзах, работавших в боевой революционной обстановке, не был поставлен статистический учет. Но они все же дают приблизительное количественное представление о профессиональных союзах для 1907 года. Количество организованных в профессиональные союзы по этим данным равнялось в среднем 3,5 процентам, причем наименьший процент организованных был среди рабочих иглы и горных рабочих (1,2 и 1,5%) и наибольший у печатников (47,5%).

Представление об организованности по отдельным отраслям промышленности дает следующая таблица:

Группы производств и занятий	Число союзов	Число членов союзов	%% организованных к общему числу рабочих
Горное дело	6	3.475	1,5
Обработка дерева	38	9.927	2,4
„ кожи	85	12.066	7,1
„ металла	81	54.173	8,6
Изготовление одежды	59	14.402	1,2
Печатное дело	72	28.654	47,5
Производство питательных продуктов	78	24.848	7,2
Строительное дело	43	12.396	1,7
Текстильное производство	25	37.214	3,9
Торговля	101	32.475	2,2
Прочие	65	17.005	—
Итого	653	246.635	3,5

По данным главного по фабричным делам присутствия (приведены у Святловского — «Профессиональное движение в России», стр. 171), к 1 июля 1907 года в 59 губерниях и областях числилось по заявлениям о своем существовании 861 профессиональное общество; из них действующих было 643 или 74,7%, отказанных в регистрации—187 или 21,8% и закрытых—31 или 3,6%.

По данным «Записки о профессиональном движении в империи», составленной чиновником особых поручений при министре внутренних дел Блажчуком, количество действовавших союзов к 1908 году определялось числом 890 (из них 99 не легализованных). (Подробно смотри 2-е приложение).

Профессиональные союзы охватывали рабочих и служащих 102 профессий.

Наиболее развито профессиональное движение было в крупных промышленных центрах. Косвенно это подтверждается тем, что наибольшее количество союзов было сосредоточено в немногих пунктах России, а именно: свыше десяти союзов в городе имели 15 городов, от 5 до 9 союзов—19 городов, по 2—3 союза—28 городов и по одному союзу—69 городов. О том же говорят и цифры, относящиеся к 1906 году и приведенные Айнзафтом («Первый этап» и т. д., «Вестник Труда», за 1923 год, № 4, стр. 131—132): в 17 городах в то время было организовано 69 союзов, причем на долю девяти крупных промышленных центров приходилось 52 союза и на остальные восемь менее значительных—17 союзов. С 1907 года это положение, если и изменялось, то именно в сторону уменьшения роли небольших промышленных центров в профессиональном движении; так как профессиональные союзы проявляли и большую жизненность, и более стойкую сопротивляемость в крупных центрах рабочего движения, которые совпадали с крупными центрами фабрично-заводской промышленности.

С такими итогами вступило наше легализованное профессиональное движение в полосу реакции.

До нового под'ема революционной волны профессиональное движение не могло удержаться в тех размерах, в каких оно встре-1907 года это положение, если и изменялось, то именно в сторону щее количество членов союзов определялось в 123.000. Для 1910 года Финн-Енотаевский (см. стр. 364) приводит цифру в 35.000 членов. Возможно, что эта цифра несколько преуменьшена по сравнению с действительностью, вследствие невозможности учесть те союзы, которые действовали в подполье, но в общем она вряд ли далеко отстает от действительности. В Москве к 1 марта 1907 года в 32 союзах было 41.556 членов или 16,7% всех рабочих в профессиях, об'единявшихся в этих союзах; летом 1909 года оставалось только 20 союзов с 7.000 членов, что составляло 3.5% всех рабочих, об'единявшихся этими союзами. (Финн-Енотаевский, стр. 364). В 8 крупных союзах Петербурга (из 17 действовавших число платящих членов было в 1908 году—8.070, в 1909 году—5.418, в 1910 году—6.706 (там же, стр. 365). Несомненно одно: во все годы реакции продолжалось уменьшение и количества союзов, и количества их членов. Об убыли последних мы можем судить по данным, проводившимся в III государственной думе товарищем министра внутренних дел Курловым; данные относятся к 36 союзам, которые в 1907 году об'единяли 47.963 рабочих, а в 1909 году в

этих 36 союзах оставалось 27.619 членов; уменьшение чуть не вдвое. (Стенографический отчет III государственной думы, сессия III, заседание 9—28 от 1909 года, стр. 953). Это не удивительно, если мы вспомним, как упала в этом году стачечная — экономическая и политическая — борьба и как безраздельно господствовала политическая реакция в эти годы экономического кризиса и общей подавленности во всей общественной жизни.

Приведенные Курловым данные дают ценный штрих для определения состава членов союзов в указанные годы в отношении высоты их классовой сознательности. Вполне понятно, что чем больше ослабевала борьба рабочих и их сопротивляемость, чем безнадежнее становилась эта борьба в отношении ее непосредственных результатов, тем скорее покидали организацию наименее сознательные с наименее развитой классовой солидарностью рабочие и служащие и оставались в организации те, которые являлись авангардом рабочего класса в полном смысле этого слова. Несомненно, что отход части рабочих от своих организаций вызывался и теми опасностями, которым подвергал себя в то время организованный рабочий. Приведенные ниже данные мы принимаем условно, так как проверить их в данный момент нет возможности. Если согласиться на том, что в приведенных числах речь идет не только о партийных социал-демократах, а и о сочувствующих, то у нас нет оснований подвергать сомнению эти числа. Из выше указанных 47.963 чл. союзов в 1907 г. было 16.045 (или 33,5%) социал-демократов, а в 1909 году из 27.619 членов союзов было 13.475 (или 48%) социал-демократов. (Там же).

Таким образом, мы видим, что с уменьшением общего количества членов союзов в 1909 году против 1907 года на 42,5%, количество членов союзов социал-демократов уменьшилось только на 16%. Если из общего количества членов союзов отнимем количество социал-демократов, то для 1907 года будем иметь количество беспартийных 31.918, а в 1909 году—14.144, т.-е. количество беспартийных членов союза уменьшилось в 1909 году на 55,6%; в абсолютных цифрах количество беспартийных членов союзов уменьшилось почти в шесть раз больше, чем социал-демократов.

В общем таким должно быть положение и во всех остальных союзах.

Приведенные цифры говорят о том, что профессиональное движение сужалось не только потому, что союзы закрывались

местными административными властями и что часто и не разрешалось восстанавливать закрытые; главной причиной являлось то обстоятельство, что рабочий класс обессилел, не мог развить широкой борьбы, движение сходило на нет в силу неблагоприятных экономических условий и больших материальных жертв, понесенных рабочим классом в предыдущие годы. Это и было главной причиной ухода значительной части рабочих из профессиональных союзов и сужения профессионального движения. Репрессии правительства усугубляли это сужение, усиливали естественный процесс насильственными мерами.

3.

Теперь приведем некоторые итоги насильственных репрессивных мер правительства против профессионального движения за годы реакции.

Репрессии против профессиональных союзов начались уже в 1906 г. Первая волна репрессий прокатилась после декабрьского (в 1905 году) поражения рабочих восстаний — в Москве и ряде других городов. Вторая волна репрессий, не менее сильная, накатилась на профессиональное движение после разгона I государственной думы в 1906 году.

В общем за 1906—1910 год было насильственно закрыто 497 профессиональных союзов; за тот же период было 604 случая отказов в регистрации профессиональных союзов. По отдельным годам этого рода репрессии распределяются так:

Годы	Закрыто союзов		Отказано в регистрации	
	Абсолютное число	В %% к общему итогу	Абсолютное число	В %% к общему итогу
1906	53	10,7	104	17,2
1907	159	32,4	169	28,2
1908	101	20,3	127	21,1
1909	96	19,3	107	17,3
1910	88	17,3	97	16,2
Общий итог . .	497	100	604	100

Но это еще не полный перечень ударов, нанесенных реакцией профессиональному движению. Наряду с этим применяются: закрытие печатных органов союзов, запрещение собраний, аресты правлений союзов, обыски, аресты и высылки руководителей союзов — таковы общие условия деятельности последних. Вот цифры арестованных и высланных (данные Гудвана из его статьи в «Вестн. Тр.» за 1924 г., № 7, стр. 251):

Годы	Арестовано		Выслано	
	Количество	В %%% к общему итогу	Количество	В %%% к общему итогу
1906	183	20,2	79	20,7
1907	309	34,2	116	30,3
1908	197	21,8	91	24
1909	118	13,5	57	15
1910	99	10,3	38	10
Общий итог . .	906	100	381	100

Обе приведенные таблицы сходны между собой в одном: они показывают значительное усиление репрессий против профессиональных союзов в 1907 году (год закрепления победы буржуазно-помещичьей контр-революции) и с 1908 года—ослабление размаха репрессий до 1910 г. включительно, когда рабочее движение совершенно замерло. Таким образом, размах репрессий падал параллельно с падением и ослаблением профессионального движения — с уменьшением об'ектов репрессий. Это вполне естественное явление, нисколько не говорящее о том, что «добрая воля» жандармов и полиции давить и душить рабочие организации ослабла в виду «успокоения». Просто сузилась база для проявления нисколько не ослабевшего рвения царских слуг в области удушения рабочего движения. Сопоставление соответствующих данных за рассматриваемый период с данными за 1911 и следующие годы как раз показало бы, что вместе с усилением профессионального движения усиливаются и репрессии против него; изменялись, вероятно, толь-

ко формы и виды репрессий (уменьшалось, может быть, количество закрытых и неразрешенных союзов, но увеличивалось количество закрытых собраний, арестованных и высланных).

За период 1906—1910 г.г. подверглись насильственному закрытию (прекращению издания) 101 орган профессиональной печати (в Петербурге было прекращено 39 органов, в Москве—12, в Одессе—8, в Харькове, Екатеринославе, Киеве и Варшаве—по 3 и по 5, и в ряде других крупных и мелких городов по 1—2 органа).

Таковы, далеко неполные, итоги насильственных мер, направленных к удушению профессиональных союзов.

Политические репрессии против профессионального движения дополняли репрессии, направленные против экономических интересов рабочих.

Прежде всего так называемые фабричные законы начали изменяться в пользу предпринимателей. Ряд предприятий изымается из ведения фабричной инспекции. В 1907 году число из'ятых предприятий достигает 82 с 4,9 тысяч рабочих, в 1908 году—313 с 7,5 тысяч рабочих, в 1909 году—814 с 14,4 тысяч рабочих. Причем, наряду с мелкими изымались и крупные предприятия с количеством рабочих на одно предприятие в среднем 59,2—в 1907 году, 23,9—в 1908 году и 17,7—в 1909 году. Рядом циркуляров фабричным инспекторам предписывается легко относиться к нарушениям законов предпринимателями; вследствие этого число нарушений фабричных законов увеличилось, а количество протоколов на них уменьшилось.

Одновременно усиливаются строгости по отношению к рабочим. Усилилась штрафная система. Если за 1901—1906 г.г. фактически взысканные штрафы с рабочих сократились с 45,4 коп. до 22 коп. (на 51,6%) на каждого рабочего в год, то в 1907 году на каждого рабочего до 25,9 коп., в 1908 году—до 33,9 коп. и в 1909—до 35,2 коп. Усиление штрафной системы означало уменьшение заработной платы.

Наряду с ухудшением действовавшего фабричного законодательства, правительство за рассматриваемые годы не издало ни одного закона, который улучшал бы положение рабочего класса в целом.

Что касается заработной платы, то она реально для некоторых групп фабрично-заводских рабочих повысилась, а для некоторых понизилась.

Буржуазия и помещичье правительство, одержав победу над первой революцией, стремились, с одной стороны, добить сохранившиеся организованные отряды рабочего движения, чтобы обезопасить себя от второй революции, с другой стороны, пользуясь ослаблением рабочего движения, буржуазия давила на пресс эксплоатации, чтобы больше выжать из рабочих прибавочной стоимости.

Но уже 1910 год, по существу, является переломным, а с 1911 года, под влиянием начавшегося улучшения в экономической жизни страны и таких политических событий, как ленский расстрел рабочих, пролетариат начинает первые атаки против вражеского стана и уж не останавливается в своем движении до начала империалистической войны.

4.

Неблагоприятные экономические условия и буржуазно-помещичья реакция могли низвести профессиональное движение до нуля, разгромить и задушить его. Но они не могли принизить классовую сущность профессионального движения, они были бессильны вытравить из него революционное содержание. Наоборот, условия, способствовавшие упадку и разгрому профессионального движения, поддерживали революционные тенденции в профессиональных союзах. Мы уже видели выше, что по мере уменьшения количества членов союзов, их состав изменялся в сторону отбора наиболее выдержанных в классовом отношении пролетариев, стремившихся продержаться на опасных разгромленных позициях до того момента, когда рабочий класс смог выступить на борьбу. Условия, в которых жили профессиональные союзы, способствовали именно такому отбору. С другой стороны, эти условия неизбежно толкали союзы к нелегальной деятельности, а многие союзы—к нелегальному существованию: в обстановке нелегальной деятельности и при классово-выдержанном составе членов союзов совершенно естественно возникала связь с социал-демократической организацией, а в деятельности союзов отводилось большое место революционной агитации и пропаганде, как и в годы революции.

Это прекрасно видели и чиновники правительства. В обзоре того же Блажчука почти все уставы союзов характеризуются как «боевые», близкие по своему содержанию к социал-демократической программе; обзор уделяет внимание тому обстоятельству, что многие союзы допускали на свои собрания революционных агита-

торов из лиц «посторонних союзу»; «посторонние» же лица занимали в союзах должности библиотекарей и т. п.

Связь профессиональных союзов с социал-демократией, а отчасти и с эс-эрами можно установить и по составу правлений союзов. Упоминавшийся выше Курлов заявлял в государственой думе, что из 36 союзов, о которых он приводил цифровые данные, в 35 союзах 18 правлений целиком состояли из социал-демократов, 9 правлений из эс-эров и 8 правлений из беспартийных. (Стенографический отчет III государственной думы третьей сессии, стр. 953).

О существовании связи профессиональных союзов с социал-демократией и, в частности, с организациями большевиков имеются сведения и в сообщениях об отдельных союзах, и в общих очерках по профессиональному движению. Что касается союзов Северо-Западной области, то известно, что они были тесно и формально связаны с еврейской социал-демократической партией (Бунд). Приблизительно в таком же отношении к латвийской социал-демократической партии находились профессиональные союзы Латвии. То обстоятельство, что многими легальными организациями завладели ликвидаторы, не изменяет существа дела, так как мы уже видели, что легальное профессиональное движение спустилось в годы реакции к нулю (35.000 членов союзов—по существу равнялось нулю сравнительно с величиной всего рабочего движения России); с другой стороны, помимо воли ликвидаторов, существовали нелегальные союзы, которые были связаны в той или иной форме с подпольной партийной организацией.

А как только начался новый под'ем рабочего движения, революционные тенденции его сразу проявились и в массовых политических стачках, и в демонстрациях, несмотря на попытки ликвидаторов удержать рабочий класс в рамках легального движения путем петиционных кампаний и прочего вздора.

Профессиональные союзы в России и в годы реакции подчиняли свою деятельность задачам и интересам классовой революционной борьбы. Когда не было почвы и сил для непосредственной революционной борьбы, они готовились к ней, ведя революционную агитацию и пропаганду и подготовляя необходимые для революционного движения опорные пункты.

5.

Рассмотрим, как относились к профессиональному движению большевики и меньшевики в годы темной реакции. Мы увидим,

что, несмотря на резолюции Лондонского с'езда партии и Штутгартского конгресса, две линии поведения в отношении профессионального движения оставались в основном неизменными; разногласия в этой области только еще более углубились. Иначе и быть не могло, ибо тактические линии большевиков и меньшевиков, чем дальше, тем больше и резче расходились, пока эти два течения русской социал-демократии не порвали, наконец, окончательно друг с другом, став двумя самостоятельными и враждебными партиями. Раз определение роли профессионального движения находилось в зависимости от общего подхода к революции, к классовой борьбе в целом, каждого из этих течений, то ясно, что определение роли профессионального движения и отношение к нему не могло быть одинаковым у большевиков и меньшевиков, сколько бы об'единительных с'ездов и конференций ни занималось согласованием расхождений; компромиссные резолюции, как бы они ни были удачны, не могли об'единить двух различных тактик, двух враждебных принципиальных линий.

В 1909 году меньшевик Мартов в «Голосе Социал-Демократа» еще и еще раз высказывается против партийности профессиональных союзов, за равноценность профессиональной организации с политической.

«Профессиональные союзы не должны превращаться в орудие узко-партийных целей», говорил он... «И к профессиональному движению нужно подходить без всяких предвзятых фракционно-партийных тенденций: вопросы профессионального движения, профессиональной борьбы и организации никогда не должны решаться под углом зрения интересов партийной организации... Свою партийную политику социал-демократия должна устанавливать с точки зрения развития рабочего движения в целом». (Приведено у Д. Рязанова в статье «Социал-демократия и профессиональные союзы в России» в сборнике «Профессиональные союзы и диктатура пролетариата», изд. 2-е, 1922 г., стр. 42). Тут намечена линия полной независимости профессионального движения от пролетарской партии и идея равноправности профессионального движения с партией. Это вполне согласовалось с идеей широкой рабочей организации, рабочего с'езда и с практикой ликвидации партии, как гегемона, руководителя в классовой борьбе пролетариата (позиция ликвидаторства выявилась уже вполне отчетливо к этому времени).

Товарищ Рязанов выступил в «Социал-Демократе» против такой точки зрения на профессиональное движение, совершенно правильно отметив, что «все наши защитники «массового рабочего движения», начиная от «рабочедельцев» и кончая «рабочес'ездовцами», упорно забывают, что оно может принимать различные формы, иногда очень уродливые, что восставать против них (уродливых форм) не значит еще восставать против массового рабочего движения, что имеется еще форма тоже массового рабочего движения, социал-демократическое рабочее движение, интересы которых должны стоять для нас на первом плане» (там же, стр. 45); иначе говоря, политическая партия является руководительницей классовой борьбы пролетариата, и ее руководству должно быть подчинено рабочее движение в целом, а не наоборот. «Вот почему нельзя требовать от социал-демократии, чтобы она отстаивала или выдвигала принцип нейтральности или беспартийности» профессиональных союзов. «Принимая активное участие во всей деятельности профессиональных союзов... они (социал-демократы) органически связывают союзы с партией. Превращается ли эта органическая связь в организационную, закрепляется ли она только путем личной унии или также формально, в каких учреждениях выражается организационная взаимозависимость — эти вопросы решаются всегда под углом зрения партийных интересов — в зависимости от данных условий времени и места» (там же, стр. 45—46). Еще в 1907 г. в центральном органе большевиков «Пролетарий» (в № 17) говорилось, что «признание профессиональных союзов партийными должно быть достигнуто работой пропаганды и организации социал-демократов внутри профессиональных союзов. («Тактика большевизма в профессиональном движении», изд. Укрбюро ВЦСПС, Харьков 1923 г., стр. 12»).

Не механическое соединение союзов с партией, а овладение ими, превращение их в социалистические по своему духу организации, ведущие не узко-профессиональную, а классовую борьбу. Это должно было быть сделано чрез органическую работу в профессиональных союзах организованных в них марксистских ячеек или фракций.

Ликвидаторское течение среди меньшевиков не ограничивалось стремлением оторвать профессиональные союзы от партии; они прилагали большие усилия, чтобы парализовать всякое влияние большевиков в профессиональных и других рабочих организа-

циях и сделать профессиональные союзы исходными пунктами для создания легальной широкой рабочей партии с соответственно урезанной программой и тактикой, в противовес партии революционных социал-демократов, выставлявших необходимость вести борьбу за неурезанные революционные лозунги и стремившихся, связывая в той или иной форме союзы с партией, превратить их в революционные классовые организации, способные стать во главе экономической борьбы рабочего класса и координировать (сообразовать) свою деятельность с деятельностью партии, с общеклассовыми интересами пролетариата, выразительницей которых и являлась партия революционных социал-демократов (больш.),— авангард в классовой борьбе с капиталистами.

Упадок революционного движения и разгром рабочих организаций не мог не отразиться вредно на тактике и содержании работы отдельных профессиональных союзов, не мог не вызвать шатания мысли у отдельных руководителей союзов. На этой почве появляются стремления в большей или меньшей степени перевести деятельность профессиональных союзов на рельсы взаимопомощи, мотивируя это отсутствием почвы для экономической борьбы и иной работы и необходимостью и возможностью привлечь в союзы, сосредоточивая внимание последних на элементарных интересах пролетариев и обслуживая эти интересы. Такой уклон несомненно грозил большой опасностью судьбе профессионального движения в смысле умаления и принижения его роли в классовой борьбе.

Партия не могла пройти мимо этой опасности. Пленум Ц. К. принимает резолюцию, в которой призывает вести работу в профессиональных союзах на основах резолюций Лондонского с'езда партии и Штуттгартского международного конгресса, «т.-е. ни в каком случае не в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности профессиональных союзов, а, наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному сближению союзов с социал-демократической партией». («Письмо Ц. К. о социалистической работе в профессиональных союзах», в сборнике Истпарта «Революция и РКП в материалах и документах». т. V, 1924 г., стр .185).

В феврале 1908 г. Ц .К. партии опубликовывает только что упомянутое письмо, в котором предостерегает, что «профессиональная деятельность, в случае ее оторванности от обще-пролетарских интересов и идеалов, обречена на бессилие и вырождение

в деятельность узко-корпоративную». Отметив необходимость массовой борьбы пролетариата против буржуазии и необходимость организации, которая руководила бы этой борьбой, письмо обращает внимание на то, что «всякое замедление, всякое сужение и ограничение борьбы сулит еще большее укрепление буржуазии и еще боле наглую эксплоатацию масс». Отсюда — не принижать классовые задачи профессиональных союзов до взаимопомощи, до маленких дел, ограниченных рамками легальности, а надо, чтобы профессиональные союзы вели дело экономической борьбы пролетариата в направлении социализма (там же, стр. 185). Описав организационную неустойчивость профессиональных союзов и их слабую сопротивляемость неблагоприятным условиям существования, невозможность для них из-за их слабости развивать боевую деятельность и непригодность союзного аппарата для руководства выступлениями, — письмо намечает организационные мероприятия, направленные на укрепление профессиональных союзов.

Пленум Ц. К. партии признал необходимым создание организационных ячеек по предприятиям для сплочения масс, организованных в профессиональные союзы. В согласии с этим письмо предлагает «во всех существующих легальных союзах, а также там, где можно еще вновь основать таковые, Ц. К. рекомендует организовать такие ячейки на всех фабриках, заводах, ремесленных и торговых предприятиях. Втянутые в организационную жизнь, заинтересованные в судьбе своей организации, масовые члены союзов безусловно смогут оказать большее сопротивление разрушающим союзы силам, чем теперь» (там же, стр. 187).

Известно, что в годы реакции во многих городах не было никакой возможности организовать профессиональные союзы из-за огульного отказа в регистрации их. Вследствие этого, наметилось стремление вместо профессиональных союзов организовывать общества взаимопомощи с приданием им функций профессиональных союзов. В частности, во многих городах (в Сибири и на юге) торговые служащие пользовались вывеской обществ взаимопомощи, чтобы вести в них профессиональную деятельность(на этом основано заблуждение защитников обществ взаимопомощи, говорящих, что последние не чуждались функций профессиональных союзов, и потому, дескать, их нельзя не причислять к профессиональным союзам); это делалось по той же причине: невозможность получить разрешение на открытие профессионального сою-

за. Ц. К. партии в своем письме предостерегает, чтобы такие общества не становились самоцелью; когда речь идет только о названии организации, то «социал-демократы могут брать на себя инициативу создания таких обществ», но «только в том случае, когда в наличности есть уже боевая нелегальная организация», сами по себе общества взаимопомощи не могут улучшать экономического положения рабочих и хоть в какой-нибудь степени «заменить боевые профессиональные союзы». Общества взаимопомощи ценны для партии только как прикрытие для боевых союзов. Вообще же Ц. К. партии рекомендовал в случае невозможности организации легальных союзов «немедленно приступить к организации нелегальных профессиональных союзов», считая такой путь наиболее продуктивным и целесообразным в тогдашних условиях. Наряду с этим Ц. К. предлагал не оставлять попыток и борьбы за легализацию, при этом он полагал, что именно нелегальные союзы явятся фундаментом для легальной профессиональной организации, особенно ячейки на предприятиях (см. там же, стр. 187—188).

Суммируя стоящие перед партией задачи в связи с профессиональным движением, Ц. К. свел их к трем пунктам:

«1) Придать деятельности союзов более яркий боевой характер и направить всю социал-демократическую агитацию в духе Лондонской и Штутгартской резолюций.

2) Укрепить распадающиеся неустойчивые организации.

3) Создать вместо исчезнувших новые прочные профессиональные организации» (там же, стр. 189)».

Исход из этих задач, Ц. К. наметил формы деятельности социал-демократов в профессиональных союзах: образование во всех союзах тесных сплоченных групп работающих в них социал-демократов, которые предварительно выясняли бы себе все стоящие перед профессиональной организацией очередные вопросы и направляли бы свою деятельность в социал-демократическом духе под руководством местных партийных центров. Все члены партии должны войти в профессиональные союзы. Все партийные организации должны вплотную заняться повседневными вопросами жизни профессиональных союзов (стр. 189—191).

Ц. К. партии не скрывал от себя, что «об'единение деятельности социал-демократов в профессиональный союз может быть достигнуто только после очень большой затраты энергии, а благодаря непрофессиональному типу партийных организаций, вооб-

ще говоря, совершенно целесообразному, вероятно будет вызывать на первых порах затруднения».

В первую очередь Ц. К. наметил возможным поставить следующие задачи:

«1) Собрания социал-демократов, входящих в правление или в делегатские собрания союза для предварительного обсуждения важнейших вопросов, как профессиональных, так и партийных.

2) Обсуждение на районах и других собраниях (партийных) важных обще-профессиональных вопросов.

3) ...Собрания общегородские, районные, подрайонные социал-демократов данной профессии для таких же обсуждений.

4) ...обсуждение профессиональных вопросов на заводских и фабричных социал-демократических собраниях (что вполне исполнимо в виду организации наших союзов по отраслям промышленности, а не по профессиям).

5) Собрание сколько-нибудь демократически избранных социал-демократами, членами союзов, постоянных руководящих социал-демократических комиссий по отдельным союзам и общегородских или организация дела социал-демократического руководства в другой форме, вытекающей из местных условий» (там же, стр. 190—191).

Здесь перед нами — намеченные основы фракционной организации социал-демократов внутри союзов. Указанные об'единения Ц. К. предложил проводить постепенно. Что касается заранее заготовленных фракционных решений, то Ц. К. рекомендовал применять их только по значительным вопросам, чтобы не привести к нежелательным осложнениям; «социал-демократическая линия в профессиональных союзах должна вестись с большим тактом и с особой осторожностью» (стр. 191).

Из рассмотренного письма (оно было опубликовано в органе большевиков «Пролетарий» в № 23, за 1908 г.) мы видим, что партия подошла к вопросу о профессиональных союзах с самым серьезным вниманием, и не оставила без ответа ни одного вопроса, имевшего значение для развития революционного профессионального движения.

К этому же времени относится организация при Ц. К. партии постоянной комиссии по вопросам профессионального движения.

Вопрос о профессиональных союзах обсуждался и на конференции в 1908 г. В 1910 году январский пленум снова возвра-

щается к профессиональному движению, признав необходимым усилить экономическую борьбу и организацию рабочих в профессиональных союзах.

Такое внимание со стороны партии к профессиональному движению вполне оправдалось всей дальнейшей историей его развития.

С 1912 года профессиональное движение крепнет и начинает снова подниматься на ноги, освеженное первыми ветрами революционных бурь.

II. Промышленный под'ем и предвестники революции.

1.

На предыдущих страницах мы видели, что в 1909—1910 годах рабочее движение почти совершенно замерло, и профессиональное движение существовало в ничтожных размерах. До нового революционного под'ема в 1912—1914 годах лишь немногие профессиональные союзы дотянули.

Оживление в рабочем движении начинается только с 1911 года, когда в стачечной волне замечается под'ем, который не прекращается вплоть до начала империалистической войны, все повышаясь вместе с усилением революционной активности рабочего класса.

Закон 4 марта и обычные полицейские репрессии продолжали действовать и в годы под'ема (1912—1914 г.г.), но теперь им противопоставлялась нарастающая сила революционного движения рабочего класса, оправившегося от понесенных поражений в политической борьбе и от тяжелых лет промышленного кризиса. Закон все чаще нарушался, борьба с полицейскими рогатками становилась все энергичнее, и вместе с ростом общего рабочего движения росло и профессиональное движение. Это доказывает, что профессиональное движение было почти задушено в 1907—1910 годах не потому только, что действовал закон 4 марта и применялись полицейские репрессии, а потому, что революционное рабочее движение замерло, вследствие причин политического и экономического характера: не было революционной силы против силы царского правительства, и оно получило возможность проводить такой закон и применять репрессии.

Меньшевики и не желали появления революционной силы, утверждая, что русская революция уже кончена, что Россия вступила на путь парламентаризма, и что нужно вести легальную борьбу, тогда как большевики доказывали, что Россия переживает

временный упадок революционного движения, что революция еще не окончена, и нужно готовиться к новому взрыву, который свергнет самодержавие. События 1912--1914 г.г, питерские события 1914 г. и, наконец, революция 1917 г. доказали правильность пути, намеченного большевистской партией.

Вокруг союзов и внутри них между большевиками и меньшевиками велась ожесточенная борьба за преобладание, принявшая особенно острые формы в 1912—1914 г.г. Исход борьбы должен был показать, пойдет ли рабочее движение — и в частности профессиональное — по пути парламентской борьбы (в помещичьей думе, при самодержавии) и петиций или по пути революционному, по пути беспощадной классовой борьбы с самодержавием и капитализмом. Рабочий класс и профессиональное движение избрали последний путь; пользуясь промышленным под'емом, они энергично вели стачечную экономическую борьбу с фабрикантами и заводчиками, против чего сильно восставали меньшевики, приглашая рабочих не бастовать, не поддаваться «стачечной горячке». Рабочие вели также и политическую борьбу с самодержавием, готовясь нанести ему решительный удар и—свалить.

Капиталисты в борьбе с рабочими по-прежнему применяли локауты, но движение разрасталось.

В каких же условиях развивалось рабочее движение в 1912—1914 годах; какие причины вызвали новый революционный под'ем и действовали в направлении усиления его?

Рассмотрим наиболее существенные факты хозяйственной жизни и—в особенности—промышленности, чтобы ответить на поставленные вопросы.

2.

Прежде всего надо отметить, что рост промышленного капитала не прекращался и в годы революции; в значительной степени он усиливался и за счет мелкого производства, которое быстрее гибнет под ударами экономических кризисов. Результатом последних всегда является усиление крупного производства за счет устранения мелких и средних предприятий. Так было и в кризисные годы революции. Кроме того, кризисы влияют и на само крупное производство, толкая его к концентрации, к еще большему укрупнению предприятий и к введению технических оборудований. В годы первой революции и после них в промышленности России наблюдался и этот процесс концентрации параллельно с расшире-

нием механизации производства, повышающей производительность труда. Наряду с этим концентрация шла и по линии создания об'единений промышленного капитала, которые после революции увеличивались по их количеству и по размерам отдельных об'единений—синдикатов и трестов.

В упоминавшейся статье Балабанова приведены данные земской статистики за 1907—1908 годы о возникновении новых текстильных фабрик во Владимирской губ., где широко был распространен кустарный промысел ткачей. В Кинешемском и Нерехтском уездах с возникновением новых фабрик падает кустарное производство по выработке полотен и холста и занимавшиеся им уходят на фабрики «все, начиная с 15-ти летних, остаются старики и малолетки» (Нерехток. у.). В Московской губ. заработки кустарей также сокращаются в виду замены ручных станков самоткацкими; то же самое наблюдалось и в пильзовом производстве. Даже «иконописцы лишились многой работы, так как теперь пошли образа штампованной работы». («Общ. движ. в России», т. IV, стр. 122—123).

Таким образом, на развалинах кустарного промысла вырастала механическая текстильная фабрика, породившая в ранний период своего развития кустаря. Самостоятельный кустарь и, прежде всего, кустарь, получавший материал от раздаточной конторы скупщика, принужден был идти работать на фабрику, пополняя кадры промышленного пролетариата.

Непрерывный рост фабричной текстильной промышленности по подсчетам статистики происходил с 1900 по 1912 год так (об'яснительная записка к проекту госуд. росписи 1913 г., ч. II. Заимствовано из книги Загорского «Война после мира», изд. «Жизнь и Знание», II. 1917 г., 307—308 и следующие до 318 стр.):

В бумагопрядильной отрасли	в 1900 г.	в 1912 г.
Было веретен	7.500.000	8.800.000
Переработано хлопка (пудов) .	16.130.275	25.281.908
Изготовлено пряжи (пудов) . .	14.600.000	22.000.000

Иначе говоря, с 1900 по 1912 год число прядильных веретен увеличилось на 17,3%, количество переработанного хлопка на 57% и количество изготовленной пряжи на 50,8% (с 1906 г. по 1912 г. изготовление пряжи увеличилось на 38%, с 16 милл. пуд. до 22 милл. пудов.).

В бумаготкацкой отрасли	в 1900 г.	в 1910 г.
Было механических ткацких станков .	151.306	213.179
Изготовлено суровой ткани (пудов) .	11.702.667	17.051.976

т.-е. число механических станков за 10 лет увеличилось на 41%, количество изготовляемой ткани—на 45%.

Увеличение производства наблюдалось также в льняном и шелковом производствах.

В льнообрабатывающей промышленности количество веретен в 1911 году по сравнению с 1900 г. увеличилось на 8%, количество переработанного льна на 57% и производство пряжи на 4,5%.

Производство шелковой промышленности с 1900 по 1908 год увеличилось на 13% и сила двигателей на 50%.

Добыча железных руд за пятилетие 1905—1909 годов была больше на 18% против пятилетия 1900—1904 годов (с 271 тыс. пуд. до 320 тыс. пудов); производство изделий из железа и стали за то пятилетие увеличилось на 6% (с 137 до 146 тыс. пуд.). (Гливиц. Железная пром. России. П. 1911 г., цитировано по Загорскому, указанная книга, стр. 320). Производство меди с 600 тысяч пудов в 1905 г. до 1.564 тысяч пудов в 1911 году (там же, стр. 327).

Добыча каменного угля с 1903 по 1913 год больше, чем удвоилась: в 1903 г. добыто 1.091.000 пуд., в 1913—2.224.000 пудов. (В. И. Фролов. Добыча и потребление топлива в России, изд. ВСНХ, стр. 11).

Таковы цифры роста крупной промышленности. Беря всю промышленность в целом, мы увидим, что доход от нее с 1900 по 1913 год увеличился на 62%. (Кричман. «Русская промышленность перед революцией» в «Ежегоднике Коминтерна», стр. 332).

Данные о внешней торговле, об увеличении ввоза и вывоза покажут нам и с этой стороны, что экономическое развитие России двигалось вперед. По пятилетиям ввоз и вывоз распределялся в следующем виде (см. у Загорского, стр. 301 и следующие»:

Ежегодно в среднем за пятилетие	Ввоз в миллион. рубл.	Увелич. в %%	Вывоз в миллион. рубл.	Увеличен. в %%	Увелич. общего оборота внешней торговли
1894—1898	533	—	701	—	—
1899—1903	566	6,1	959	8,2	7,3%
1904—1908	645	12,1	961	29,2	22,7%
1909—1913	1.004	55,5	1,423	45,0	49,1%

В частности, ввоз машин и моторов с 1909 по 1913 год увеличился с 11,7 миллионов пуд. до 19,3 мил. пуд., т.-е. увеличился на 63%.

О процессе концентрации производства мы можем убедиться по распределению количества рабочих по группам предприятий.

Предприятия с количеством рабочих свыше 100 человек (крупные) в 1903 году составляли 17,4% всех предприятий и на них было занято 76,9% всех рабочих; в 1911 году число таких предприятий увеличилось до 19,5% (т.-е. на 2,1%), а количество занятых в них рабочих равнялось 79,9% всех промышленных рабочих.

Количество рабочих в среднем на одно предприятие составляло:

в 1901 г.	96,2
в 1903 г.	108
в 1904 г.	113,1
в 1905 г.	121,4
в 1910 г.	124
в 1913 г.	130

(см. «Арх. Ист. Труда», кн. 9, стр. 24—26, статья Солодовникова «Рабочий в свете статистики»).

В частности, о концентрации металлургической промышленности мы можем судить по увеличению основного капитала и производства акционерных предприятий. По данным, приведенным у Цыперовича («Синдикаты и тресты в России», стр. 39), основной капитал акционерных металлургических предприятий увеличился с 1907 по 1913 г. на одну треть (со 150 миллионов руб. до 224 миллионов руб.), выплавка чугуна со 111 миллионов пуд. в 1907 г. была доведена до 189 миллионов пуд. в 1913 г., выработка готовых изделий с 73 миллионов пудов в 1907 г. до 132 миллионов пудов в 1913 году.

Механизация и концентрация производства ведет за собой повышение производительности труда. За время с 1900 по 1913 г. производительность в промышленности России увеличилась на 27,5%. Производительность труда, в среднем, одного рабочего с 1900 по 1913 г. выросла в предприятиях, не обложенных акцизом, на 55% и с 1908 г. по 1913 г. — 20,5%, что видно из таблицы (см. С. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 г.г., М. 1923 г., стр. 55):

Годы	Валовая выработка одного рабочего		Относительный рост производительности труда
	В золот. рубл.	В товарн. рубл. в 1913 г.	
1900	1525	1860	100%
1908	1970	2148	129%
1913	2372	2372	155%

За последнее пятилетие перед войной ценность только крупного производства увеличилась на 20%, и число рабочих в крупной промышленности—на 11% (с 2,5 миллионов до 2,75 миллионов. Смотри указанную статью Крицмана).

Наряду с ростом промышленности, ее концентрацией и об'единением в тресты и синдикаты росли и прибыли капиталистов, но положение рабочих от этого не улучшалось.

Доля рабочего, которую он получал в виде заработной платы, уменьшалась по мере роста промышленности; расходы предпринимателей на заработную плату относительно сокращались, что видно из следующих цифр: расход заработной платы на 100 рублей выработки равнялся: в 1887 г. 19,8 руб., в 1900—13,6 руб., в 1908 г. —12,6 руб., в 1913 г.—10,9 руб., в 1916 при значительном увеличении производительности (валовая выработка одного рабочего повышается до 3.023 р. в год, увеличение против 1913 г. на 27,5%) расход на заработную плату равнялся 9,3 руб. на 100 рублей выработки. (С. Струмилин. Заработная плата и производительность труда, диаграмма № 3).

3.

В годы реакции капиталисты стремились отобрать все сделанные рабочим уступки в 1905—1906 годах. Положение рабочих ухудшалось, реальная заработная плата падала под влиянием понижения расценок, с одной стороны, сильного роста дороговизны,— с другой.

Уже в 1908 году расценки на заводах и фабриках были понижены на 10—50%: на Петербургском металлическом заводе—на 40%, в вагонных мастерских Петербурга—на 30% и т. д.; на многих ткацких фабриках заработок понижен на 20%; у деревообделочников—на 5—10—15% (см. «Революция и РКП (б)», т. V,

стр. 157—158, статья из «Пролетария», № 39 за 1908 г.). Наибольшее падение средней заработной платы (номинальной) по сравнению с 1906 г. приходилось на 1908—1909 г.г., за 1911—1913 годы номинальная заработная плата повысилась около 20%, но реально осталась на том же уровне, так как цены на предметы потребления повысились на 20—22%. (П. Маслов. «Капитализм», ч. I, Н. 1914 г., стр. 344). Рост цен на предметы рабочего потребления и квартиры повышался из года в год.

Принимая средние цены главнейших 70 товаров в период 1890—1899 г.г. за 100, мы получим, что в 1904 году средняя цена на эти товары возросла до 110,4, в 1905 г.—до 115,1, в 1906—до 124,2, в 1907—до 130,8. (Маслов. Капитализм, стр. 333 и 335). На отдельные продукты питания—хлеб и мясо—цены возрастали еще сильнее. В результате реальный заработок рабочих не повышался, а оставался на том же уровне или понижался; в годы же реакции понижался и номинальный заработок.

На реальную заработную плату рабочих в сторону ее уменьшения большое влияние оказывало то обстоятельство, что к услугам капиталистов всегда имелось большое количество пришельцев на заработки из деревень—обедневших крестьян. Кроме того, заводчики и фабриканты с той же целью—повысить свои прибыли—все в большем и большем количестве привлекали на свои предприятия женщин и детей, как более дешевую рабочую силу по сравнению со взрослыми мужчинами. Поэтому, чем большее место в той или иной отрасли промышленности занимал неквалифицированный труд, тем большее количество в составе рабочих занимали женщины, подростки и недавние выходцы из деревень, соглашавшиеся работать за более низкую заработную плату, чем старые рабочие.

Положение рабочих ухудшалось и в отношении рабочего времени, которое после разгрома революции значительно возросло в промышленных предприятиях. Так, в 1908 году в Киеве 84% рабочих металлистов работали 10 и более часов. На казенных заводах Петербурга рабочий день равнялся: в ремонтных мастерских Николаевской жел. дор.—13 час., на паровозном заводе—12 час., в экспедиции заготовления государственных бумаг 12—14 час., на монетном дворе—9 час. (вместо 8 час.). В ткацком производстве рабочий день увеличился на 2—3 часа в неделю. И только в виде исключения рабочий день в некоторых местах не увеличился. В связи с понижением заработка увеличилась сверхурочная работа, что еще больше удлиняло рабочий день.

Наряду со всем этим сильно ухудшалось правовое положение рабочих на предприятиях; произвол хозяев не знал удержу; за малейшее упущение или протест, рабочих увольняли с предприятия. («Революция и РКП», стр. 158—159. См. также стр. 176—184).

Произвол и эксплоатация не встречали отпора со стороны рабочих. Капиталисты заключили союз с помещичьим правительством; и те, и другие свободно помогали друг другу; аристократическая помещичья монархия в своей политике вступила на путь развития буржуазной монархии, а буржуазия стала монархична, связав свою судьбу с царской властью. Против рабочих—единый фронт экономической эксплоатации и политического гнета. Если раньше между экономической и политической борьбой рабочих можно было провести разделительную линию, то в период 1911—1914 г.г. эта линия почти совершенно стерлась.

4.

Рост промышленности, повышение доходов капиталистов, союз буржуазии с монархией, ухудшавшееся экономическое и правовое положение рабочих по сравнению с 1905—1906 годами—вот в общих чертах обстановка, сложившаяся к 1911—1912 годам. Естественно, что недовольство рабочих наростало и нужен был только подходящий момент, чтобы оно прорвалось наружу и вылилось в широкое открытое движение против капиталистов и против монархии.

Начало нового оживления и под'ема в промышленности было тем фактором, под влиянием которого накопившееся недовольство в рабочих массах стало выливаться в открытые выступления. Рабочий класс, оправившись от поражений предыдущих лет, снова напоминает владыкам мира, что он не будет до бесконечности выносить эксплоатацию, что он хочет большего простора на земле и лучшей жизни.

Уже в 1910 г. появляются предвестники оживления рабочего движения. В декабре 1910 г. в Петербурге начинает издаваться еженедельная газета «Звезда», вокруг которой группировались передовые рабочие; прекратившись на некоторое время, она снова начала выходить в 1911 г. и дожила до появления «Правды» (22 апреля 1912 г.), для которой успела подготовить почву среди рабочих масс и кадры передовых рабочих, сразу сгруппировавшихся вокруг редакции «Правды».

Несмотря еще на слабость стачечного движения в 1911 г., оно все же являлось предвестником новой волны наступательного движения рабочих.

70% стачек возникли на почве требований повышения заработной платы. Исход стачек указывал, что от обороны рабочие начали переходить в наступление: 57% стачек окончились полной или частичной победой рабочих. («Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I, стр. 28).

Сильным толчком к массовому рабочему движению после периода затишья послужили ленские события. 4 апреля в Бодайбо на Ленских золотых приисках был учинен расстрел бастовавших рабочих. По команде жандармского ротмистра Трещенко в безоружную толпу рабочих, не давшую никакого повода к стрельбе, полетели залпы: 270 рабочих было убито и 250 ранено, из которых свыше 100 умерло. Весть об этом зверском расстреле подняла на ноги все крупные промышленные районы. Рабочие были возбуждены этим вызовом королей золота и царских сатрапов и ответили дружными забастовками и демонстрациями.

Ленское золотопромышленное товарищество, не довольствуясь полукрепостническими порядками на приисках, накануне забастовки систематически ухудшало положение рабочих с целью повышения своих доходов. На этой почве 20-го февраля началась забастовка. Рабочие пред'явили следующие требования: 1) восьмичасовой рабочий день (вместо десяти), 2) повышение заработной платы на 30 процентов, 3) отмена штрафов, 4) отмена расплаты талонами на лавку, 5) признание рабочей комиссии, следящей за правильностью замера забоев и выработки породы, 6) увольнение рабочих с согласия рабочей комиссии, 7) неприкосновенность делегатов рабочих, 8) вежливое обращение, 9) улучшение медицинской помощи, 10) оплата сверхурочных работ по соглашению и оплата времени хождения в отдельные пункты, как за работу, 11) выдача расчетных книжек на руки, 12) регулярная уплата денег за дни болезни и увечья по вине предприятия, 13) увольнение 27 лиц из администрации, 14) размещение женатых рабочих отдельно от холостых. («Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I, стр. 30).

Забастовки протеста против ленского расстрела прокатились по всей России; только в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, число бастовавших достигло 246 т. (см. «Арх. Истории Тр.», кн. 8, стр. 169). «В Москве—говорит т. Ольминский—забастовки протеста приняли форму перекатывающейся

волны: сегодня бастуют одни, завтра—другие. Забастовки захватывали здесь самые крупные предприятия, преимущественно металлургические. . . . Забастовки проходили дружно и превращались в митинги и демонстрации : . . В Петербурге, кажется, не было предприятия, рабочие которого не выразили бы протеста в той или иной форме. Забастовка сплошь и рядом стихийно превращалась в уличную демонстрацию». («Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I, стр. 35). 15 апреля в Петербурге состоялась демонстрация рабочих на Невском проспекте совместно с учащимися.

По значению для революционного движения ленский расстрел можно сравнить с 9 января 1905 г.: как тогда расстрел рабочих на улицах Петербурга был исходной точкой, толчком революции, так 4 апреля 1912 года было толчком к возобновлению революционного движения: накопившаяся революционная энергия прорвала плотину реакции и усталости.

Под свежим впечатлением событий на Лене и недавних забастовок-протеста рабочий класс праздновал 1 мая. В 1912 г. этот праздник прошел внушительнее, чем даже в революционные 1905—1906 г.г. 200 тысяч рабочих бастовали в одном Петербурге, и густые потоки их двинулись из рабочих кварталов в центр города для демонстрации. По всей России бастовало до 500 тысяч рабочих. Только в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, первомайская забастовка захватила 217 тысяч рабочих.

При виде внушительных масс рабочих, настойчиво двигавшихся к Невскому проспекту, черносотенное «Новое Время» не зря беспокоилось, удивляясь—как это, несмотря на все запреты и на готовность полиции и жандармов, достаточно было в каком-то центре нажать кнопку, и сотни тысяч рабочих, как армия, по команде бросили работу и высыпали на улицу, не убоявшись запретов и угроз. «Новое Время» видело, что рабочие, несмотря на все меры по удушению революции, оправились, что революционная стихия снова овладела рабочими массами и что вряд ли ее надолго можно опять остановить. Знаменитая фраза министра внутренних дел Макарова: «Так было, так будет и впредь», брошенная в государственной думе в ответ на запрос о ленском расстреле, получила должный ответ от рабочих, и во всяком случае она не могла остановить революционного потока и «Новому Времени» было над чем сокрушаться: стачечное движение и в 1912, и в 1913, и в 1914 годах носило ярко выраженный политический характер.

В 1912 году по отчету «Общества фабрикантов и заводчиков московского промышленного района» в политических стачках приняли участие 855 тысяч рабочих или 80% всех стачечников за год; в 1913 г.—820 тысяч или 70% всех стачечников. (По подсчетам рабочих газет число участников политических стачек в 1913 году было не менее 1,25 миллиона); в 1914 г. в политических стачках участвовало (по неполным подсчетам), до начала войны 1.174 тысячи (См. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I, стр. 103—155) рабочих или 80% всех стачечников за 7 месяцев этого года. (Для всех трех лет сведения взяты у Каменева «Между двумя революциями». стр. 575—581. «Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I, у Меницкого «Рабочее движение накануне войны», из «Архива Истории Труда», кн. 8, статья Вознесенского). В этом году количество политических стачек и их участников по отношению к экономическим стачкам почти в два раза больше, чем в 1905 году.

1914 год характерен не только наибольшим преобладанием политических стачек над экономическими по сравнению с предыдущими годами; он характерен тем, что стачки чаще переходили в демонстрации, чем в предыдущие годы, а в июле они вылились в баррикадную борьбу на улицах Петербурга; демонстрации переходили в форменные сражения с казаками и полицией. В 1914 году повеяло настоящей революцией, этого не скрывала от себя и буржуазия в лице кадет и октябристов.

Но начавшаяся мобилизация и война приостановили движение рабочих; оно на время прекратилось; правда, демонстрации мобилизованных ленинградских рабочих с красными флагами были красноречивым предостережением буржуазии и монархии, использовавших начало войны для усиления экономической и политической реакции.

В экономических стачках приняли участие:

В 1912 году — 207.720 рабочих.

» 1913 » 365.000 (по подсчетам рабочих газет около 750 тысяч),

» 1914 » 278.340 (только в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции).

Стачки этих лет—особенно 1913—1914 г.г.—носили ярко-выраженный наступательный характер; причем среди требований

на первом месте, например, в 1913 г. стояло увеличение заработной платы (215.400 стачечников), затем следовали: сокращение рабочего дня, улучшение санитарных условий, отмена штрафов, отмена сверхурочных, выдача квартирных, сокращение рабочего дня под праздники, отпуски и т. д. В 1914 году было 474 стачки из-за заработной платы и 349—из-за рабочего времени.

По официальным данным результаты экономических стачек были неблагоприятны для рабочих в 1913 г.; полным или частичным успехом стачки окончились для 82.870 рабочих из 269.470, т.-е. для 69,2% участников стачки окончились поражением. В 1914 г. из 969 экономических стачек окончилось победой рабочих 89 или 9,1%, соглашением—72 или 7,5%, поражением рабочих—808 или 83,4%. Как видим, по результатам экономические стачки стали еще более невыгодными, чем в 1913 г. Одной из причин неудач экономической борьбы в эти годы несомненно является небывалое обострение классовых отношений и в связи с этим небывалое упорство предпринимателей, об'единенных в боевые союзы, причем буржуазия стояла плечом к плечу с дворянско-помещичьим государством против пролетариата. У рабочих же отсутствовали сильные профессиональные союзы, которые могли бы придать большую устойчивость рабочим в борьбе.

Чем труднее было вырвать экономические уступки у капиталистов, тем настойчивее разгоралась политическая борьба, что мы уже видели на цифрах политических стачек. При этом рабочий класс все решительнее становился под знамя большевиков, которые фактически руководили движением; ликвидаторы же скрежетали зубами, не будучи в силах остановить «стачечный азарт», как они изволили выразиться.

Подведем общие итоги стачечной борьбы за рассматриваемые три года. По данным общества фабрикантов и заводчиков всего бастовало:

В 1912 году—1.062.720 рабочих.
В 1913 году—1.184.985 (по подсчетам рабочих газет, около 2 миллионов).
В 1914 году—1.337.458 (только в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции).

Если взять только данные о забастовках в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, то картина стачечной

борьбы представится в следующем виде: («Архив Истории Труда», кн. 8, стр. 169).

Годы	Число всех стачек	Общее число стачечников	Экономич. стачки		Политические стачки	
			Число стачек	Число стачечников	Число стачек	Число стачечников
1912	2032	725.491	732	175.678	1300	549.813
1913	2142	861.289	1181	365.895	961	495.394
1914	3543	1.337.458	969	278.347	2565	1.059.111

Число потерянных рабочих дней равнялось:

Годы	Во всех стачках	В экономических	В политических
1912	2.375.606	863.113	512.493
1913	3.591.376	3.027.005	364.371
1914	5.755.072	3.984.015	1.771.057

Таким образом, за три года имеем 7.717 стачек, 2.924.238 стачечников, 11.722.054 потерянных рабочих дней.

За первое полугодие 1912 г. рабочие потеряли зарплаты 1.284.904 р.
„ „ „ 1913 г. „ „ „ 1.363.526 р.
Прямые убытки промышленников за те же полугодия составляли 767.443 р.
и 793.593 р.

Буржуазия и правительство принуждены были мобилизовать все свои силы для борьбы с революционным рабочим движением; предприниматели пускали в ход локауты.

Правительство применяло в массовом масштабе аресты, высылки, закрытие легальных организаций—профессиональных союзов и культурно-просветительных обществ, конфискации, штрафы и прекращение печатных органов рабочей прессы. При всяких конфликтах на предприятиях владельцы грозили арестом, призывали полицию; наиболее активных рабочих увольняли, занося в черные списки, которые широко практиковались теми владельцами, которые об'единялись в обществах фабрикантов и заводчиков. Все это сильно отражалось на рабочем движении, в частности, на экономической борьбе, временами ослабляя его силы. Но остановить развитие революционного движения ни локауты, ни политические репрессии не могли, пока не вспыхнула мировая война за раздел рынков и за право владения источниками естественных богатств.

III. Профессиональное движение в условиях нарастания революции.

1.

Новый под'ем рабочего революционного движения и усиление экономической борьбы рабочих влило свежие соки в профессиональное движение. Уже с 1912 года в его рядах начинается оживление: восстанавливаются закрытые и разрушенные союзы; увеличивается количество членов союзов; устанавливается более живая и тесная связь с массами, в глазах которых авторитет союзов поднимается; союзы усиленно развивают организационную работу и активно вмешиваются в конфликты на предприятиях, организуют и проводят стачки. Правда, деятельность их во всех областях и, особенно, в области руководства стачечной борьбой, была сильно стеснена и не могла быть развита в полной степени, так как пресекалась репрессиями — арестами руководителей и закрытием союзов. Политические условия существования союзов были очень неблагоприятны; несмотря на это, профессиональное движение в 1912—1914 годах сильно шагнуло вперед не только по сравнению с 1907 — 1911 годами, но и с 1905—1906 годами. Правда, в 1905—1906 годах по количеству об'единяемых рабочих и служащих оно было более внушительно, чем в 1912—1914 годах. Зато в эти последние годы мы имели значительно более оформленные и более сплоченные в организационном отношении профессиональные союзы, чем в первый период. Да и в самой деятельности союзов проявилась большая планомерность, тогда как в 1905—1906 годах союзы строились в общем и целом стихийно и эта стихийность сказывалась и на их деятельности; оформиться же они не успели вследствие учиненного реакцией разгрома. Затем, в 1905—1906 г.г. мы имели некоторое количество союзов, не имевших корней и почвы для существования; они быстро умерли и уже не восстанавливались.

В 1912—1914 годах профессиональное движение было более чистым по своему составу в классовом отношении.

Дальше, в противоположность первому периоду, в 1912 — 1914 годах главную роль—как и должно было быть—играли профессиональные союзы индустриальных рабочих, а не союзы служащих и ремесленных рабочих. Достаточно вспомнить такой колосс профессионального движения, как петербургский союз металлистов, приковывавший к себе внимание и партий и департамента полиции. Он был самым мощным союзом и стоял по существу во главе профессионального движения, задавая общий тон всему «оркестру» профессиональных союзов.

Свежая струя в профессиональном движении стала заметна уже в 1911 году, в связи с общим оживлением в рабочем движении и выходом легальной газеты «Звезда», которая начинала проникать и в провинцию (тираж ее доходил до 60 тысяч).

Так, например, вспоминая о жизни союза стекольной промышленности в Константиновке (Донецкой губ.), тов. Н. Чумичкин говорит, что с появлением в союзе газеты «Живое Дело» «рабочие воспрянули духом, толпами приходили к союзу в ожидании газеты; с появлением «Звезды» начались споры о ликвидаторстве, партийцах, о стачках». («Вестник Труда», № 5, за 1922 г. «Приложения», стр. 29). А в 1912 году этот союз вместо 70—80 человек насчитывал уже более 300 человек и пользовался авторитетом среди рабочих всех заводов в районе Константиновки.

Такое же отношение наблюдалось и в союзе бахмутских торговых служащих. «Появление этих журналов («Живое Дело», «Звезда», «Наша Заря»)—говорит Н. Рысс—для каждого из нас, активных работников союза—явилось большим событием, оформило и поставило перед нами вопросы чисто партийные, вопрос о нашем организационном об'единении, вопрос организационной связи с партией». («Вестник Профессионального Движения Украины», № 15, за 1923 г., стр. 61). Естественно, что оформление и постановка таких вопросов толкала и давала пищу для живой организационной работы и к усилению деятельности организации.

Начавшееся в 1911, а в некоторых местах в 1912 году, оживление в организационной работе профессиональных союзов уже

не замирало вплоть до начала войны, все развиваясь и углубляясь. При этом, если 1911, а отчасти и 1912 годы были посвящены большинством союзов собиранию сил и укреплению своих организаций, то в следующие годы жизни профессионального движения все большее и большее место начинала занимать деятельность, направленная на непосредственное осуществление практических задач, стоявших перед движением; организационная работа подчинялась определенным практическим задачам борьбы, а не оперировала в пустом пространстве в предвидении, что те или иные организационные достижения когда-то и для чего-то пригодятся; теперь сама жизнь ставила задания перед организационной работой союзов и давала определенное направление последней.

А жизнь не ждала, движение все ширилось и углублялось, перед союзами все настойчивее выдвигалась задача — овладеть своим оформляющим и направляющим руководством областью экономической борьбы рабочих и связать последнюю, согласовать с политической борьбой рабочего класса.

Профессиональное движение в основном справилось с этой задачей и избежало, как и в первый период своего развития в 1905—1907 годах, ограничение себя рамками руководства лишь повседневной экономической борьбой рабочих за частичные требования; они сочетали свою деятельность в области профессиональной борьбы с общеклассовыми задачами, с классовой политической борьбой пролетариата. В связи с этим в течение 1912 — 1914 годов наблюдалось усиление влияния большевиков в профессиональном движении. Партия, руководившая революционной борьбой рабочего класса, не могла остаться в стороне от профессионального движения, а последнее, об'единяя активные элементы класса, могло пойти только по пути, по которому шел весь рабочий класс—под руководством партии большевиков: по пути революционной борьбы, отбрасывая от себя вождей ликвидаторов-меньшевиков.

«По внешности, ликвидаторы играли руководящую роль. Они меньше страдали от полицейских преследований. У них было много литературных, отчасти лекторских и, вообще, интеллигентских сил. Они считали себя господами положения». Но уже агитация большевиков перед общерусской партийной конференцией показала, что влияние ликвидаторов поверхностно.

По приезде в Петербург делегата партийного центра «по рабочему Петербургу, точно пронеслась струя свежего воздуха,

всколыхнувшая болото ликвидаторских мелочных задач и ликвидаторского приспособления к легальности». («Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I, стр. 24). Уже летом 1911 года стало чувствоваться, что существовавшие в Петербурге легальные организации перестали удовлетворять сознательных рабочих, так как деятельность их, сильно стесненная полицейскими рогатками, не могла развиваться в то время в направлении удовлетворения запросов классовой борьбы. А эти вопросы уже вновь встали перед рабочим классом. «Явилась вновь потребность осмыслить жизнь в ее целом и поставить на обсуждение широкие вопросы революционной борьбы. Обострилось стремление к нелегальному печатному слову; заграничная печать стала читаться нарасхват, так как профессиональная печать, весьма бедная и по количеству и по содержанию, уже не удовлетворяла рабочих» (там же, стр. 24). Поэтому появившаяся «Звезда» встретила подготовленную почву. Она же сыграла значительную роль и в оживлении профессионального движения. Появившаяся в 1912 г. «Правда» являлась уже центром, распространявшим оформляющее влияние партии большевиков на рабочее движение и, в частности, на профессиональное. Она имела большое значение при вытеснении большевиками из профессиональных союзов завладевших ими ликвидаторов.

Под'ем в профессиональном движении быстро сказался на межсоюзном об'единении.

Петербургское Центральное Бюро профессиональных союзов, действовавшее в подполье, до начала массового рабочего движения в 1912 году мало чем проявляло себя во вне, как и отдельные профессиональные союзы, которые, кстати сказать, почти забыли о существовании Центрального Бюро. Только после ленского расстрела отношение к нему со стороны профессиональных союзов из пассивного становится активным. Союзы начали связываться с ним, посылая в него своих представителей. Но союзы, находившиеся под безраздельным руководством ликвидаторов, например, союзы металлистов и печатников,—и в это время оставались в стороне от работы Центрального Бюро. Правда, отдельные районы и заводы металлистов послали в него своих представителей с совещательным голосом, но правление союза не было представлено. («Из эпохи «Звезды» и «Правды», статья Б. Иванова, стр. 174).

Позже в петербургском союзе металлистов возникла мысль о всероссийском об'единении союзов металлистов, и с этой целью им были командированы представители для об'езда союзов метал-

листов в провинции. Осуществить эту мысль не удалось, так как петербургский союз металлистов был закрыт за несколько месяцев до начала войны, а именно 21 марта 1914 г. в связи со стачками по поводу отравлений на петербургских фабриках. 20 марта был об'явлен локаут, захвативший до 70 тысяч рабочих, главным образом, металлистов, а 21 марта был закрыт союз. С такими же результатами вёлась об'единительная работа в союзах хлебопекарного производства и в ряде других. Период организационной работы был слишком короток, чтобы можно было достигнуть больших результатов в обстановке полицейских репрессий.

В 1913—1914 годах союзами реально ставился вопрос о международных связях, но осуществить их в полной мере большинству союзов не удалось из-за начавшейся в то время войны.

За эти годы оживилась и профессиональная печать.

Необходимо отметить характерную черту профессионального движения 1912—1914 годов: руководящие посты в нем заняли рабочие, как и вообще в рабочем движении. Интеллигенты считались единицами, отхлынув из рабочего движения в годы реакции. В 1912—1914 годах снова был заметен их приток в рабочее движение, но не столь значительный, чтобы обслужить профессиональное движение. Рабочие выдвинули своих руководителей, вышедших из рабочей среды.

2.

В период под'ема революционного движения расширились боевые функции профессиональных союзов. Экономическая борьба рабочих требовала от союзов их организационного вмешательства. Правда, они все еще были слабы в организационном отношении; легализация и в этот период не спасала их от разгрома со стороны полиции. И в большинстве случаев функции по организации и руководству стачечной борьбой союзы могли выполнять только нелегально, приспособляясь к полицейским условиям, маскируя и скрывая свою боевую деятельность от полиции и охранки.

Не давая здесь общей сводки деятельности союзов в области стачечной борьбы, мы остановимся лишь на нескольких фактах, характеризующих роль союзов в этой борьбе,—а затем и вообще на характере их деятельности в этот период (за отсутствием под рукой соответствующих материалов, ограничимся описанием деятельности отдельных союзов без общей сводки).

Петербургский союз рабочих хлебопекарного производства (Б. Иванов. Профессиональное движение рабочих хлебо-пекарно-кондитерского производства, стр. 11—125) начал готовиться к стачечной борьбе с начала 1912 года, учитывая положение рабочих и их настроение.

Союз, во избежание срыва стачечной борьбы безработными, приступил к об'единению их в союзе. Эта задача облегчалась тем, что большинство безработных жило в организованных союзом общежитиях. В 1912 году население пяти общежитий вступило в союз, постановив при этом, «что в предстоящей стачечной борьбе ни один из членов общежития не должен срывать стачки». (Б. Иванов. Профессиональное движение и т. д., стр. 112).

Спустя некоторое время к такому обязательству примкнуло «немецкое собрание», половина членов которого также вступила в союз. Весной 1912 г. подавляющее большинство безработных оказались об'единенными в союзе. Это было как раз кстати, потому что появились уже предвестники начала стачечных выступлений рабочих пекарен и кондитерских. То в одной, то в другой пекарне вспыхивали неорганизованные конфликты, кончавшиеся расчетом рабочих. Союзу надо было оформить их.

После стачки в нескольких пекарнях в дни протеста против ленского расстрела, союз повел энергичную подготовительную работу по организации первомайской забастовки, одновременно работа велась группой партийных рабочих членов союза, выпустившей специальную летучку к рабочим пекарен и кондитерских.

В результате этой работы первого мая бастовали около 10.000 рабочих петербургских пекарен.

Первомайская стачка в ряде пекарен перешла в экономическую: после первого мая рабочие начали пред'являть экономические требования. Сначала союз предполагал организовать общую экономическую стачку по примеру 1907 г., но обсудив детально положение дел учтя наличие энергичной борьбы полиции со стачками, пришел к выводу, что общая стачка вероятнее всего окончится поражением рабочих и разгромом союза. Поэтому было решено вести «партизанскую» борьбу частичными стачками. Опыт показал, что тактика союза была правильной на той стадии организации и борьбы, на которой находились рабочие пекарен.

После этого союзами была организована стачка 600 бараночников приблизительно в 50 пекарнях; главные требования: 1) отмена сдельных работ с мешка выпекаемой муки, 2) отмена хо-

зяйских квартир, 3) увеличение заработной платы и 4) праздничный отдых. Стачка была хорошо организована и носила упорный характер.

Владельцы пекарен об'явили локаут. Борьба длилась около двух месяцев, и победителем вышел союз.

Вторая стачка была организована союзом во всех пекарнях Филиппова, где были выставлены требования: 1) отмены хозяйских квартир и харчей, 2) повышения заработной платы, 3) признания выборных от рабочих и ряд других экономических требований.

Стачка была выиграна союзом полностью, несмотря на упорство предпринимателей и полицейские репрессии против стачечников. (Было арестовано и выслано 30 передовых рабочих, работавших у Филиппова).

Победа рабочих в этой стачке означала возврат к тем условиям труда, которые были завоеваны союзом в стачке 1907 года.

В общем, за 1912 год союзом были проведены стачки в предприятиях числом около 140 с количеством рабочих свыше 3.000. Большинство стачек окончилось победой рабочих.

Столь активная деятельность союза повлекла за собой арест и высылку ряда активных работников союза, в том числе и его секретаря (Б. Иванова), обыски, запрещение созыва Совета уполномоченных, систематическое неразрешение общих собраний.

Участие в политических стачках рабочих пекарен в 1913 и 1914 годах усилилось по сравнению с 1912 годом. Так, в 1913 году 4 апреля бастовали 300 рабочих в 21-ой пекарне, 1 мая — 14.800 рабочих.

В 1914 году общее число политических стачечников больше чем удвоилось:

9 января бастовали	2.200	рабочих пекарей
1 мая „	15.000	„ „
Против расстрела путиловцев	20.000	„ „
А всего по неполным сведениям	37.200	рабочих.

Экономическая борьба в 1913 и 1914 годах не ослабевала.

В течение 1913 года бастовало 2.814 рабочих в 228 пекарнях; это количество относится к стачкам, которые проводились союзом.

В действительности стачки захватили большее количество рабочих, но приблизительно одна треть забастовок прошла вне руководства союза, вследствие чего точный учет общего количе-

ства бастовавших невозможен. В 1914 году (первые семь месяцев) количество стачек и участников их значительно увеличилось.

Основными требованиями являлись по прежнему: праздничный отдых, увеличение заработной платы, отмена хозяйских квартир и харчей и признание выборных от рабочих.

В 1914 году помимо стачек по отдельным предприятиям, происходили также стачки районные; некоторые стачки носили затяжный характер, продолжаясь по месяцу; особенным упорством отличалась стачка в Выборгском районе.

Результаты стачечной борьбы в 1913 году сводились к следующему:

Полной победой рабочих окончились стачки в	53	**предприятиях с**	511 **рабоч.**
Частичной победой „ „	100	„ „	1.535 „
Поражением рабочих „ „	49	„ „	537 „

Большинство неуспешных стачек были сорваны штрейкбрехерами. В общем, процент поражений рабочих в 1913 году сравнительно невелик, несмотря на то, что хозяева уже к концу 1912 г. организовались вокруг «ремесленной управы», собрав предварительно для ведения борьбы против стачек до 40.000 рублей; они решили на одном из своих собраний применять черные списки к забастовщикам, поручив одновременно правлению разработать нормальный договор найма с нормами заработной платы, харчевого довольствия, рабочего дня и проч.

В январе 1914 года союз был закрыт градоначальником; на место закрытого союза был создан нелегальный союз; фундаментом для аппарата нелегального союза явились союзные общежития пекарей. Через несколько месяцев союз был легализован под названием «союз мучных изделий» и нелегальный аппарат целиком был перенесен в него. Таким образом, закрытие союза не отразилось на его организационном состоянии и под новым названием он продолжал ту же деятельность.

В 1914 году союз развил энергичную кампанию в связи с внесением в государственную думу социал-демократической фракцией законопроекта о 8-ми часовом рабочем дне. Союзом был проведен ряд собраний рабочих, на которых принималась резолюция с требованием введения 8-ми часового рабочего дня.

Такова в общем роль одного из хорошо организованных союзов того времени в области экономической и политической борьбы.

Профессиональный союз петербургских печатников попрежнему организованно руководил стачечной борьбой. Но владельцы типографий были лучше организованы, чем владельцы пекарен, и борьба с ними была труднее, требовала больше средств. В 1913 г. положение союза было сильно затруднено значительной безработицей, которая увеличивалась в известной мере и вследствие частичных локаутов.

Следует отметить забастовку латвийских печатников, возникшую осенью 1912 года. («Материалы по истории профессионального движения», вып. I, стр. 127 и следующие). Она возникла из-за пред'явления союзом владельцам типографий нового тарифа и охватила все типографии всех девяти городов бывшего Прибалтийского края. О начале забастовки хозяева знали за две недели, предупрежденные союзом, как полагалось при расторжении договора найма, в соответствии с законом. Поэтому еще до начала стачки в дело вмешался губернатор, грозя репрессиями руководителям союза; до начала стачки был арестован секретарь союза, но это обстоятельство только обострило положение. Между прочим, секретарь и председатель союза дали губернатору обещание, что они будут настаивать перед правлением союза на отмене стачки, но просили разрешить общее собрание членов союза. Губернатор разрешил с предупреждением, что всякий, кто выступит за стачку, будет арестован и выслан. Собрание состоялось, причем правление союза заранее разработало тактику собрания, о которой были поставлены в известность члены союза.

Тактика заключалась в том, что правление официально выступило на собрании против стачки, а собрание голосовало за стачку. Таким образом, правление, формально выполняя обещание секретаря и председателя союза, данное ими губернатору, надеялось спасти союз от разпрома. (Союз, конечно, был закрыт, когда началась стачка). На собрании никто не выступал за стачку, чтобы не подвергаться риску ареста, но голосование было единодушное: все за стачку. Этот факт, между прочим, характеризует высокую степень организованности печатников.

Стачка окончилась соглашением с обоюдными уступками.

С осени 1912 г. по осень 1913 г. союз печатников Прибалтийского края существовал подпольно под руководством большевистской фракции; это руководство сохранилось за большевиками и в легализованном в 1913 году союзе; за ними было большинство печатников.

Иначе обстояло дело в союзах портных.

До революции производство одежды базировалось по преимуществу на мелких мастерских и на квартирниках, которые чрезвычайно трудно поддавались об'единению. Так, например, в Петербурге в 1912 г. насчитывалось около 50.000 портных, а в союзе было об'единено всего 400 рабочих. (Г. Цыперович. «Чему учит опыт». ГИЗ. 1921 г., стр. 9). При этом надо принять во внимание сезонность работы и периодическую частичную или полную безработицу для внушительного количества рабочих и работниц этого производства.

Вследствие этих причин стачечная борьба портных, срывавшаяся неорганизованными рабочими, редко кончалась успехом.

Но удачно выбранный момент и правильный стратегический план забастовочной борьбы приводили к благоприятным для рабочих, результатам и в этом производстве. В этом отношении характерны стачки, проведенные харьковским союзом портных в 1912 году. («Материалы по истории профессионального движения», вып. I, стр. 63 и след.).

Союз избрал осенний сезон для ведения стачек, время, когда безработица совершенно отсутствовала, а мастерские были завалены заказами: союз избрал тактику перемежающихся стачек— заканчивается стачка, скажем, в одной мастерской, начинается в другой; для первой стачки союз избрал наиболее сильный в позиционном отношении пункт: мастерскую, в которой высококвалифицированные, трудно-заменимые, рабочие и работницы работали на по месячной плате, причем все они были об'единены в союзе. Стачка быстро окончилась победой союза, и это подняло настроение рабочих и работниц и в других мастерских.

Бастовали одна за другой мастерские. Результаты—или полная или частичная победа рабочих; поражений не было. Эта борьба, повысившая заработок харьковских портных, сопровождалась арестами стачечников и окончилась закрытием союза.

Мы здесь не останавливаемся на фактах стачечной борьбы таких союзов, как союз металлистов и текстильщиков, полагая, что суммированные сведения об экономической и политической борьбе рабочих, приведенные в предыдущей главе, могут служить достаточной характеристикой роли этих союзов. Конечно, оба эти союза полностью руководили не всеми стачками, некоторые стачки

проходили мимо союзов; но это не меняет общей картины при оценке роли названных двух союзов в стачечной борьбе.

Ниже мы несколько подробнее, чем это обычно делается, остановимся на движении торговых служащих 1912—1914 г.г. Мы сделаем это по двум причинам :1) движение торговых служащих этого периода—как и периода первой революции—имело большое значение в общерабочем движении и пользовалось по этой причине определенным вниманием как со стороны нашей партии, так и со стороны ликвидаторов и народников, кадетов и парламентских органов, 2) движение торговых служащих, все шире и шире вливаясь в общий поток рабочего движения, отличалось своеобразиями вследствие особого характера этой группы наемного труда и особых условий труда, отличных не только от условий фабрично-заводского, но и ремесленного производства.

Дальше мы увидим, что, несмотря на все свои особенности, торговые служащие в крупных промышленных центрах не только экономически пролетаризировались, но и идеологически все теснее и теснее сливались с обще-рабочим движением, и что колонны организованных торговых служащих, становившихся под знамя пролетарской партии, становились все значительнее и значительнее.

3.

Волна рабочего движения после Ленских событий влила энергию и дух протеста и в торговых служащих. С 1912 года движение служащих, почти совершенно заглохшее в годы упадка рабочего движения, снова начинает оживляться. Самым характерным явлением этого периода были экономические стачки торговых служащих и их стремление к организации. Всюду торговые служащие пытаются восстановить разрушенные или пришедшие в упадок организации. Наиболее определенно и типично движение происходило в Петербурге, где с 1912 года начали открываться профессиональные союзы торговых служащих по отдельным отраслям торговли.

В период 1912—1914 годов формально существовало 5 союзов (мануфактуристов, хозяйственников, с'естников, дрогистов и служащих трактирного промысла), на деле же они представляли единое целое с единым руководством и планом деятельности (это единство проводилось, разумеется, нелегально). К 1914 г. эти пять союзов об'единяли больше 3.000 членов, являвшихся наиболее

активными элементами торговых служащих. В это время существовал также союз конторщиков фабрично-заводских, страховых, транспортных и т. п. предприятий; но он не был связан с союзами торговых служащих.

С 1912 г., как только начали организовываться союзы торговых служащих, стал выходить журнал «Вестник Приказчика», под руководством группы большевиков торговых служащих. Журнал имел значение всероссийского печатного органа и распространялся от Петербурга до самых дальних уголков Сибири, Кавказа, Севера и т. п., что ставило петербургскую группу большевиков в центре движения торговых служащих России. К «Вестнику Приказчика» отовсюду тянулись связующие нити, помогавшие хоть до некоторой степен давать общее направление движению, которое медленно нарастало, накапливая силы, организуясь. Движение этого времени не было таким стихийным и стремительным, как в 1905—1906 г.г.; требовалось время, чтобы оно распространилось вширь и вглубь среди торговых служащих. Некоторое представление, недостаточно, правда, полное, о масштабе и характере движения торговых служащих могут дать сведения об их забастовках, подсчитанные мною по данным «Вестн. Приказчика». Всех забастовок приказчиков за время с 1912 г. по май 1914 г. зарегистрировано «Вестн. Приказчика»—29. В 16 забастовках участвовали 1.436 человек, из них 1.200 человек во второвской (в фирме Второва, в 15 городах Сибири) и 236 человек в 15 единичных стачках; в 13 забастовках—1.370-ю бастовавшими потеряно рабочих дней 37.727½.

В среднем каждый забастовщик (из 1.370 чел.) потерял 27½ раб. дней. Из всех стачек, только 8 были выиграны служащими, во всех остальных победа осталась на стороне хозяев, в том числе и проигранная стачка, привлекшая к себе общее внимание своей выдержанностью и упорством; и если она окончилась поражением, то только вследствие недостатка материальных средств. В Иркутске в этой стачке принимали участие и женщины. Самыми упорными и дружными стачками были стачки из-за нарушения договора и нормального отдыха, так сказать, оборонительного характера. Это доказывает, что служащие перестали молча сносить ухудшение условий труда. Все стачки этого рода, за исключением двух, в Оренбурге, были проиграны служащими. Второвская стачка вспыхнула из-за нарушения товариществом договора о рабочем дне, заключенного в 1906 году. Забастовавшими были выставлены и другие требования, как-то: учреждение тре-

тейского суда для разбора конфликтов, бесплатная медицинская помощь и прочее. Петербургская стачка в 6 магазинах механической обуви Максимова, в которой участвовало около 65 служащих, возникла из-за отказа хозяина оплачивать сверхурочные работы; были выставлены и другие требования; забастовка длилась около 2 недель и проиграна из-за штрейкбрехеров, причем пикетчики, уговаривавшие штрейкбрехеров не поступать на работу, арестовывались; только это последнее обстоятельство и помогло хозяину набрать достаточное количество новых служащих на места бастующих. Большое число стачек носило смешанный характер; пред'являлись требования и чисто экономического характера, и о договорных отношениях, и о нормальном отдыхе. На втором месте по количеству их стоят стачки из-за нарушения хозяевами договоров и нормального отдыха, установленного законом 15 ноября 1906 г. и обязательными постановлениями местных самоуправлений. Были случаи забастовок из-за солидарности к уволенным товарищам; в таких случаях выставлялось требование об обратном приеме последних. В Петербурге была забастовка, в которой бастовавшие выставили только одно требование: «вежливое обращение хозяина со служащими».

Почти все выигранные служащими стачки нужно отнести на счет боязни хозяев такого способа борьбы; перед дружной забастовкой служащих, хозяин обыкновенно терялся от неожиданности, став в первый раз лицом к лицу с забастовкой служащих, и старался как можно скорее уладить конфликт, не входя в оценку ни своих сил, ни сил забастовавших. Но такой оборот стачки принимали почти исключительно в мелких предприятиях, с числом служащих от 3 до 5 человек. В более же крупных предприятиях борьба велась упорно, при весьма неравных силах, и победа неизбежно оставалась на стороне хозяев, ибо организации служащих были еще слабы, чтобы выдерживать длительные стачки.

Выигранные служащими стачки продолжались обыкновенно от 1 до 3 дней.

Приведенные данные не охватывают всех забастовок торговых служащих, происходивших в 1912—1914 годах; в подсчет вошли лишь те из них, о которых было сообщено в «Вестнике Приказчика». Но и на основании этих данных можно сказать, что методы борьбы, применявшиеся рабочими, стали проникать и в среду торговых служащих и стали применяться последними, несмотря на менее благоприятные условия для такого рода борьбы,

чем у рабочих. Движение торговых служащих по своим формам и сущности приближалось к рабочему движению.

Причин для движения торговых служащих накопилось достаточно.

По данным Музея Содействия Труду при московском отделе русско-технического общества лишь в $^1/_3$ всех городов постановления о нормальном отдыхе соблюдались (в Царстве Польском временные правила 15 ноября вовсе не были опубликованы). Почти в половине городов (в 44,5%), ответивших на анкету музея, постановления соблюдались не полностью и не всеми торговцами.

По обследованию, произведенному в 1908 г. только для 7,1% петербургских торговых служащих, рабочий день продолжался 11—12 часов, для 59% он равнялся 13—14 часов, для 20%—15 часов, для всех остальных выше 15 часов.

По данным Верховского, после издания новеллы 1907 г. полный, праздничный отдых по воскресным дням в предприятиях, не торгующих с'естными припасами, соблюдался лишь в 39% всех городов (вместо 82% в 1907 г.), а в 37% городов существовал 5-ти часовой рабочий день в воскресные дни. В предприятиях же, торгующих с'естными припасами, в воскресные дни существовал 5-ти часовой рабочий день. В двунадесятые праздники пользовались полным отдыхом в 52—60% всех городов служащие, кроме занятых в торговле с'естными продуктами, которые работали в эти дни 5 часов и более.

В будние дни, летом, 12-ти часовой рабочий день служащих, кроме с'естников, был установлен в 91,7% всех городов, а зимой—78%. Наряду с 12 часовым рабочим днем встречается 14—15 часовой рабочий день.

Действительное положение, несомненно, было хуже.

III государственная дума обманула надежды торговых служащих. При обсуждении законопроекта о нормальном отдыхе, все поправки социал-демократов и др. левых были отвергнуты и законопроект вышел из думы даже в несколько ухудшенном виде по сравнению с «Временными правилами 15-го ноября 1906 г.» и новеллой к ним от 12 сентября 1907 г. Но комиссия государственного совета пошла еще дальше по пути ухудшений законопроекта. Она постановила удлинить рабочий день торговых служащих до 15 часов в сутки для всех отраслей торговли и отменить праздничный отдых.

Постановление комиссии государственного совета дало общий непосредственный толчок движению торговых служащих и об'единило их по всей России в едином протесте.

По всей России происходили собрания торговых служащих, выносивших протесты против поползновений сановных старцев вернуть служащих в отношении рабочего времени к дореволюционным временам.

Но как только выяснился характер протеста и адресаты, которым они направлялись, собрания во многих местностях перестали разрешаться; но это не остановило служащих, ибо удар был слишком силен, и они продолжали волноваться. Из 57 протестов, направленных в государственную думу, по подсчетам Л. Германова, 30 адресованы социал-демократам, 12—оппозиции вообще, 10—кадетам, 2—кадетам и трудовикам, 2—трудовикам.

К кадетам протесты направлялись как к отдельным местным депутатам, а не к партии, протесты же, направленные к социал-демократам, адресовались во фракцию. Это обстоятельство, а также и количество направленных протестов социал-демократам показывает, что большинство торговых служащих определенно смотрели на социал-демократическую партию, как на представительницу своих интересов. IV с'езд торгово-промышленных служащих вполне подтвердил эту мысль.

Пленум государственного совета нашел, что комиссия слишком церемонилась с законопроектом, а по выражению сановника. Дурново потакать «шайке приказчиков» не следовало, и законопроект подвергся дальнейшей стрижке. Но он не мог стать законом, так как полномочия III думы кончились, и законопроект, вместо согласительной комиссии, опять вернулся в государственную думу (в IV). Там о нем вспомнили в 1916 году, когда в мае месяце комиссия по рабочему вопросу приступила к его рассмотрению. Но дальше он не пошел, а революция 1917 г. отбросила много старого хлама, в том числе и законопроект о продолжительности рабочего времени торговых служащих.

В самом начале кампании протестов торговых служащих против постановления комиссии государственного совета у обществ взаимопомощи возникла мысль о созыве с'езда организаций торгово-промышленных служащих.

IV с'езд организаций торгово-промышленных служащих собрался в Москве в последних числах июня 1913 года.

Если у правительства были какие-нибудь надежды на то, что старые руководители обществ взаимопомощи сумеют придать с'езду благонамеренный тон, то оно ошиблось—торговые служащие смотрели на этих руководителей, как на представителей интересов хозяев, и на с'езде с первого же дня разгорелась жестокая борьба между старыми руководителями обществ взаимопомощи и сторонниками классовой борьбы торговых служащих против эксплоатации, бывшими на с'езде в большинстве. С'езд раскололся на две крупные части: на группу делегатов столичных обществ взаимопомощи и некоторых провинциальных (главным образом, из центарльной России), во главе с кадетом Щепкиным, и социал-демократическую фракцию, называвшую себя по цензурным условиям с'езда «группой классовой борьбы»; эта группа насчитывала в своих рядах около ста социал-демократов (большевиков, меньшевиков и бундовцев) и около 30—50 беспартийных делегатов, голосовавших с социал-демократами (смотря по вопросам—их количество колебалось; третью часть составляла группа лево-народников (таково было легальное название эсеров), насчитывающая 40—50 человек, но разница в тактике и принципиальных вопросах народников давала себя сильно чувствовать.

С первых же заседаний у с'езда начались столкновения с представителем полиции, знаменитым московским приставом, Строевым, и с'езд все время работал в нервно напряженной обстановке. Консервативные элементы с'езда поставили себе одну задачу — сохранить с'езд во что бы то ни стало,—группа классовой борьбы решила выявить и отчетливо формулировать нужды торговых служащих и задачи их движения, дать определенное организующее направление этому движению. Когда консервативные представители увидели, что верх по всем вопросам одерживают сторонники классовой борьбы, они решили пойти на срыв с'езда, и в пленуме, на котором принималась резолюция по договору найма (нормальный отдых и государственное страхование, как «опасные» вопросы были отодвинуты на конец с'езда), вели себя чрезвычайно шумно и разнузданно, прерывая выступавших от группы классовой борьбы. Строев, почувствовав такого ретивого союзника, вел себя по отношению к с'езду безобразнее, чем в предыдущие заседания, останавливал ораторов, запрещал при выступлении говорить, от какой группы выступают (эту мысль ему подали шумевшие пра-

вые), наконец, закрыл заседание под свист и негодующие крики делегатов.

На следующий день 4 июня делегаты нашли вход в помещение с'езда закрытым и охраняемым нарядом полиции во главе с приставом Строевым. Проезжавший накануне через Москву министр внутренних дел, по докладу московского градоначальника, распорядился закрыть с'езд за его «вредное направление». Практически с'езд ничего не успел сделать. Были приняты резолюции лишь по второстепенным вопросам—по жилищному (специально о хозяйских квартирах), о промысловом обложении торговых служащих и т. п.

4 июля делегатам с'езда было сообщено, что «за участие в с'езде никто не будет арестован». Но в этот же день были арестованы 4 бундовца, а на следующий день 4 большевика, двое из них члены бюро социал-демократической фракции с'езда, оставшиеся для выработки плана действий после закрытия с'езда. Как потом выяснилось, они были преданы провокатором Малиновским, активно работавшим по организации и руководству социал-демократической фракции с'езда.

Но все же, несмотря на закрытие, с'езд имел огромное значение в том смысле, что отчетливо и резко отразил антагонизм между пустившими корни профессиональными организациями и обществами взаимопомощи старого типа.

С'езд показал, что время старого типа движения ушло безвозвратно, и что новый тип движения, с ясно выраженным революционным характером, завоевывает влияние в широких массах торговых служащих.

После с'езда движение торговых служащих не затихло, оно накапливало силы. Усилилась агитация и организационная деятельность. Особенно лихорадочная работа шла в Петербурге, где, кроме разрешаемых в обычном порядке общих собраний, часто устраивались нелегальные собрания в окрестностях Петербурга, иногда, чтобы обмануть бдительность полиции, под видом экскурсий. На этих собраниях велась широкая агитация, связывавшаяся с непосредственными нуждами торговых служащих, среди которых усиливалось оживление и интерес к своим организациям, к своему печатному органу и к текущим политическим вопросам. «Организации торговых служащих в Петербурге прокладывают себе новые, почти неизведанные пути. Поэтому торговым служащим приходится упорно работать, чтобы идея профессиональной организации

проникала в широкую массу, над которой тяготеют еще «купеческие» нравы, которую держат в кабале помощью хозяйских квартир»,—писал А. Званов, в «Просвещении» за сентябрь 1913 года. Особенно усиливается деятельность петербургских организаций торговых служащих в 1914 г., когда наряду с проведением единичных стачек и конфликтов, союзы развили лихорадочную организационную работу и широкую кампанию. А нелегальный центр организаций петербургских торговых служащих усиленно подготовлял кампанию за 8-ми часовой рабочий день, в связи с выработанным фракцией большевиков государственной думы законопроектом о «максимальном 8-ми часовом рабочем дне». В это время нелегальный центр петербургских торговых служащих готовился принять участие в международном конгрессе профессиональных союзов. Полиция все чаще и чаще стала закрывать собрания торговых служащих в Петербурге, при шумных протестах последних против такого насилия. Часто неугодные полиции ораторы арестовывались при выходе с собрания, но их редко удавалось довести до участка: они отбивались от полиции торговыми служащими, если полиция благоразумно не вызывала усиленного наряда городовых. Одно собрание союза мануфактуристов, закрытое помощником пристава, окончилась уличной демонстрацией.

В связи сначавшейся войной, движение торговых служащих замерло.

Между тем, экономическое положение торговых служащих во время войны начало сильно ухудшаться с ростом дороговизны. Заработная плата или совсем не повышалась, или повышалась настолько незначительно, что повышение ни в какой степени не смягчало дороговизны. Усилился приток женского труда. Усилилась эксплоатация, а выхода не было видно.

Общества взаимопомощи (старого типа) остались верны своим традициям. Они пытались не отставать от общего патриотического настроения, охватившего мелко-буржуазную обывательщину, и по мере своих сил приносили жертвы на окровавленный «алтарь отечества», алтарь наживы капиталистов, за который посылалось умирать миллионы рабочих и крестьян. Одни из обществ устраивали лазареты, другие—сборы, третьи—организовывали помощь, а нижегородское общество устроило «день торговых служащих», посвященный помощи пленным.

4.

Выше упоминалось о закрытии союзов за руководство стачками: петербургского союза рабочих хлебо-пекарного производства, союза печатников бывшего Прибалтийского края, харьковского союза портных. В том же 1912 году был закрыт союз рабочих стекольной промышленности Донецкой губернии в связи с первомайской забастовкой рабочих, организованной союзом; еще ранее—в марте месяце—был закрыт петербургский союз металлистов.

В общем, за весь 1912 год закрыто и отказано в легализации больше, чем 100 профессиональным союзам и культурным обществам. Р. Якуб («Вестник Труда» за 1922 г., № 8—9, (23—24), стр. 190 и след.) сообщает о закрытии четырех московских союзов осенью 1911 года в связи с усилением стачечного движения. Эти союзы следующие: 1) союз столяров, плотников и токарей; 2) союз деятелей счетоводного труда; 3) союз рабочих-мануфактуристов и 4) союз портных, портних и скорняков.

Причинами закрытия всегда являлись или руководство стачечной борьбой или подготовка к ней или, наконец, просто оживление деятельности союза, заставлявшее охранку насторожиться. В официальных же об'яснениях закрытия приводились самые различные поводы формального характера: отсутствие денег в союзе (союз печатников Прибалтийского края; деньги хранились за границей во избежание конфискации, Харьковский союз портных). Петербургскому союзу рабочих хлебо-пекарного производства, закрытому в 1914 году, было пред'явлено обвинение по девяти пунктам, один другого страшнее, изложим их в «назидание» современным профессиональным работникам: выдача заимообразно денег культурным обществам и издание журнала «Жизнь Пекарей» (конечно, легального, разрешенного градоначальником); уничтожение документов и расписок после утверждения отчетов общим собранием; связь с варшавским союзом (по поводу выдачи дорожного пособия); выдача пособий репрессивным за дела союза (выдавались согласно устава); пособия выдавались не под росписки и не по письменным просьбам членов союза; союз не привлек к коронному суду укравшего часть союзных денег казначея; ревизия отчетов союза производилась двумя, а не тремя членами ревизионной комиссии, протоколы союза в 1912 году не подписывались членами правления, деньги союза хранились у частных

лиц (при ревизии градоначальством дел союза у казначея последнего на руках было всего 5 руб. вместо 1.200). (Б. Иванов. Профессиональное движение и т. д., стр. 120—121).

Как видно, дела союза обстоятельно обследованы и замечены все упущения. Но это только формальные поводы к закрытию союза, а некоторые из них даже и формального значения не имели. Действительная же причина—энергичная деятельность союза по организации и руководству стачечной борьбы, в том числе и политических стачек.

Московскому «Обществу деятелей счетоводного труда» вменялось в вину, «что член союза С. Ларионов состоит казначеем, а Рафаил Дрыбин секретарем общества счетоводов, между тем в списке, представленном особому присутствию, таковые лица отмечены как члены правления, что является нарушением» таких-то пунктов, статей, приложений к ст. томов частей свода законов. (Р. Якуб. Из жизни московских профессиональных союзов. «Вестник Труда» за 1922 г., № 8—9, стр. 192).

Действительные причины закрытия московских союзов изложены в секретном докладе охранного отделения градоначальнику, внимание которого обращается на то, что «социал-демократическая рабочая партия и профессиональные союзы связаны между собой самыми тесными узами, и связь этих двух сторон рабочего движения еще укрепляется тем обстоятельством, что большей частью как здесь, так и там работают одни и те же лица, то в качестве организаторов, то в качестве агитаторов. Вся деятельность профессиональных союзов направлена теперь к сплоченной организации, к устройству забастовок и самой широкой помощи безработным рабочим». (Там же, стр. 190). Вот действительные причины репрессий против союзов, выражавшиеся как в закрытии их, так и в простом отказе легализовать их.

В этом отношении характерна история петербургского союза металлистов. (Булкин (Семенов). Департамент полиции и союз металлистов, «Красная Летопись», № 9). В марте 1912 г. он был закрыт. Но руководители союза имели на руках зарегистрированный про всякий случай устав и разрешение на открытие союза, не использованное с 1908 г. Чтобы разрешение не было ликвидировано по мотивам «бездеятельности союза», фабричному инспектору посылались фиктивные отчеты. Теперь, по закрытии действовавшего союза, решено было использовать фиктивный союз и в него начали переводить весь аппарат и членов закрытого сою-

за. Вся эта работа тщательно конспирировалась, но охранка, прекрасно осведомленная о ней (через провокатора Абросимова), предложила департаменту полиции обревизовать дела союза. Явившемуся в союз чиновнику градоначальства для ревизии всего делопроизводства союза, правление последнего ответило, что по закону 4-го марта 1906 г. градоначальник не имеет права ревизовать делопроизводство и кассу союза, что для этого в союзе существует ревизионная комиссия. Эта беседа происходила 30 июня, а 21 августа 1912 г. особое присутствие по делам об обществах и союзах по предложению градоначальника постановило закрыть союз за: 1) выдачу союзом пособий безработным, 2) руководство забастовками, 3) недопущение представителей администрации к производству дел союза. Союз стал существовать нелегально, а пока что был подан новый устав на регистрацию. Но у градоначальника не было никакой охоты иметь и дальше дело с такой внушительной организацией рабочих, как союз металлистов, и присутствие отказало в регистрации нового союза под тем предлогом, что в уставе имелись пункты, не разрешенные законом; по мнению присутствия закон запрещает союзам (там же, стр. 132—133): 1) содействовать умственному и нравственному развитию членов общества, 2) устраивать общежития для безработных-приезжих, 3) открывать чайные, столовые и т. п. учреждения, способствующие улучшению материального положения членов союза, 4) устраивать вечера, экскурсии, собеседования, 5) открывать библиотеки, читальни, 6) учреждать бюро юридической помощи, 7) иметь заведующего делом юридической помощи, 8) организовать справочное бюро для безработных, 9) приглашать для заведывания какой-либо отраслью деятельности посторонних лиц (кроме сторожа), 10) открывать цеховые секции или институт уполномоченных, 11) иметь в составе членов безработных, 12) оказывать им помощь, 13) взимать членские взносы меньше, чем за целый год сразу, 14) исключать членов союза, признанных третейским судом виновными в неблаговидных поступках, 15) такие третейские суды учреждать, 16) устраивать публичные концерты и вечера в пользу общества, 17) устраивать концерты и вечера только для своих членов (не публичные), 18) иметь в отдельных предприятиях уполномоченных для сбора членских взносов, 19) передавать имущество общества, в случае, если его закроют, однородной организации, 20) иметь устав, в котором находятся такие слова, как, например, «и т. д.», «и т. п.».

В этом перечне «запрещенных» законом пунктов при всем желании нельзя усмотреть намека на то, что присутствие сделало попытку найти благовидные поводы для отказа в регистрации устава; оно просто не хотело регистрировать и бесцеремонно издевалось над рабочими, так как многие из перечисленных «запрещенных» пунктов фигурировали в официальном «нормальном уставе», и многие союзы имели уставы с подобными пунктами.

Деятелям союза металлистов пришлось подать на регистрацию новый устав, вылущив из него предварительно все содержание деятельности союза. Такой обезображенный устав был зарегистрирован.

Но деятельность профессиональных союзов того времени определялась не законом и уставом: они были только формой для внешнего мира, и никакой устав не гарантировал союз от закрытия, ареста и высылки его работников.

С арестами работников союза металлистов охранка не замедлила.

В связи с усиливавшимся развитием профессионального движения, перед союзами металлистов встала задача о создании всероссийского об'единения союзов металлистов. По инициативе рижских металлистов был поставлен вопрос о всероссийской конференции союзов металлистов. Сначала предполагалось созвать конференцию до международного с'езда металлистов, назначенного на август 1913 г., но, за недостатком времени, созыв ее был отложен на период после международного с'езда.

Работа по организации всероссийской конференции была возложена на правление петербургского союза металлистов (с апреля 1913 года правление состояло из 13 большевиков, 5 меньшевиков, 1 социалиста-революционера и 6 нефракционных), которое выработало программу конференции и завязало письменные и путем об'езда сношения с союзами металлистов в провинции. Вопреки конспирации, с которой проводилась эта работа, охранка знала все до мельчайших подробностей (чрез Абросимова и, возможно, Сесицкого, как полагает редакция «Красной Летописи») и приступила летом к арестам руководителей союза, расстроив тем самым всю работу по созыву конференции; ряд провинциальных организаций был разгромлен; конференция была сорвана.

Дальнейшей деятельности союза ставились препятствия на каждом шагу. Сразу закрыть союз до поры до времени не решались, но стремились низвести его деятельность до нуля. Снимались

докладчики, не разрешались собрания. Иногда полиция, разрешая собрание, делала давление на владельцев помещения, где назначалось собрание, и те отказывали предоставить помещение под собрание.

Все эти мытарства приходилось испытывать всем союзам, мало-мальски проявлявшим активность.

25 августа 1913 года на общем двухтысячном собрании петербургского союза металлистов произошел решительный бой между большевиками и меньшевиками. В результате, собрание избирает правление исключительно по списку, предложенному большевиками.

Такой победы большевиков департамент полиции не мог переварить, тем более, что охранка предрекала победу меньшевиков, как опытных профессиональных работников и считала большевиков, членов правления (избранного в апреле) неопытными в практической работе, и потому полагала, что рабочие больше не изберут большевиков. Оказалось, наоборот. И директор департамента полиции, Белецкий, 17 сентября 1913 года спешит обратиться к градоначальнику с просьбой, чтобы деятельность союза «была авторитетно раз'яснена присутствием по обществам и союзам». Приведем это характерное письмо полностью:

«Последнее собрание членов профессионального общества рабочих металлистов, состоявшееся 25 прошлого августа в помещении центрального общественного собрания (Кронверкский пр., д. 11), выборами нового правления указало, что большинство членов собрания названного общества находится под непосредственным влиянием Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, так как все 12 вновь избранных лиц принадлежат к Российской Соцал-Демократической Рабочей Партии.

«Результат этих выборов указывает на огромный успех названной партии, которая проводит в жизнь постановление IV с'езда представителей социал-демократических организаций в г. Стокгольме в 1906 году, подтвержденное следующим Лондонским с'ездом в 1907 году и последующими с'ездами.

«Этим постановлением с'ездов установлен тот принцип, что одной из основных целей деятельности социал-демократов в профессиональных союзах является признание профессиональными союзами идейного руководительства пролетарской партии и установление организованной связи между союзами и партией.

«Таким образом, судя по выборам 25-го августа, нельзя не притти к заключению, что цель Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в этом профессиональном союзе вполне достигнута.

«В виду изложенного и принимая во внимание, что профессиональный союз рабочих металлистов два раза уже закрывался и, вновь разрешенный к открытию в мае текущего года, повидимому, следует примеру предыдущей своей деятельности, я покорнейше просил бы ваше превосходительство не отказать в распоряжении о принятии самых действительных мер к тому, чтобы в ближайшем будущем деятельность этого союза была авторитетно раз'яснена присутствием по обществам и союзам». (Семенов (Ф. Булкин). («Департамент полиции и союз металлистов», «Красная Летопись», № 9, стр. 153—154).

Несмотря на большое желание департамента полиции и градоначальника закрыть союз металлистов, присутствие не могло подобрать сколько-нибудь основательных формальных поводов к закрытию союза. Да и предыдущие опыты в этом направлении, вероятно, убедили и присутствие, и градоначальника в бесполезности такой меры: им было ясно, что рабочие металлисты не останутся без союза; проявленная ими настойчивость убеждала в этом. Больше того, металлисты, — как и в 1908 году, — загодя, в сентябре, подали заявление на открытие нового союза, так сказать, «запасного», на случай закрытия действовавшего. Градоначальник в своем ответе директору департамента полиции указывает на это обстоятельство: «считаю долгом присовокупить, что в случае закрытия этого общества положение дела не изменится, так как уже в настоящее время (ответ датирован 19 сентября. *Д. А.)* поступило со стороны рабочих металлистов новое заявление, в удовлетворении коего пока было отказано лишь по формальным основаниям». (Там же, стр. 115).

Но все же вопрос о закрытии союза металлистов не снимался с порядка дня департамента полиции и градоначальника. К весне 1914 года, в связи с общим наступлением на рабочих, департамент полиции и градоначальник решили действия союза металлистов приостановить. Присутствие санкционировало закрытие союза, выставив следующие формальные мотивы: «1) не все протоколы заседаний подписаны председателем, 2) неправильное постановление правления о приеме членов старого аналогичного общества без вступительного взноса, 3) неутверждение смет прихода и расхода

общим собранием со дня утверждения союза, 4) субсидирование обществом журнала «Металлист». (Там же, стр. 161).

Правительство ожидало забастовки-протеста, но рабочие до июля сдержались: они повели решительное сражение с самодержавием, покрыв рабочие районы Петербурга баррикадами. В этой последней перед войной схватке правительство закрыло все легальные рабочие организации — профессиональные союзы, клубы, газеты, журналы.

Борьба с все усиливавшимся рабочим движением велась с двух сторон: с одной стороны, обрушивались полицейские власти, с другой — выступали предприниматели в лице своих организаций. Их излюбленным средством были локауты и черные списки. С их стороны борьба велась организованным порядком; при каждой стачке рабочих при союзе фабрикантов и заводчиков устраивались совещания тех групп членов общества, к которым относилось пораженное забастовкой предприятие; на этих совещаниях вырабатывался общий план отпора рабочим. Не ограничиваясь локаутами, промышленники пытались внести раскол в рабочее движение посредством воскрешения ушаковщины, пытались организовать, по примеру Германии, так называемые, «христианские союзы», которые выполняли бы роль желтых союзов. Как видим, идея зубатовщины и ушаковщины были живучи в недрах самодержавного строя, и выдвигались каждый раз, когда усиливалось революционное рабочее движение с целью раскола его. Но если подобные планы потерпели крах до 1905 года, то в 1912—1914 годах они не представляли сколько-нибудь серьезной опасности для революции. Рабочий класс слишком хорошо понимал маневры своих врагов, чтобы его можно было ввести в заблуждение овечьей шкурой на волчьих плечах.

5.

На предыдущих страницах мы уже видели, что профессиональное движение в 1912 — 1914 годах тесно было связано с политическим движением рабочих. Иначе и не могло быть.

Вопреки стремлениям ликвидаторов ограничить политическое движение рабочих рамками петиционных кампаний, парламентаризма, на основе борьбы за свободу коалиций, — это движение бурно выливалось в стачечную борьбу и демонстрации. Естественно, что ликвидаторы, стремившиеся сдержать революционный натиск рабочих масс и ограничить деятельность союзов областью

защиты повседневных экономических интересов, не выходя из рамок легальности, быстро теряли свое влияние в рабочих массах и в профессиональном движении.

Здесь мы ограничимся несколькими фактами, которые характеризуют борьбу большевиков и ликвидаторов в профессиональном движении и рост влияния в нем большевиков.

Уже самый факт, что союзы не отмежевывались от революционного движения, а, наоборот, принимали в нем активное участие, является показателем того, что они следовали тактике большевистской партии, а не ликвидаторов.

Мы уже знаем, как петербургский союз рабочих хлебопекарного производства активно организовал — наряду с экономическими — политические стачки. Больше того, — прежде, чем приступить к экономической стачечной борьбе, он устраивает весной 1912 года две политические демонстративные стачки.

Союз стекольной промышленности Донецкой губернии получает свое первое боевое крещение в первомайской стачке.

Это было в 1912 году, в первый год значительного оживления в рабочем движении и в профессиональном — в частности. В 1913 и 1914 годах профессиональные союзы совсем вплотную подходят к подчинению своей деятельности революционным задачам рабочего класса и тесно связываются с партией (если не формально, то по существу). Во главе профессиональных союзов, как правило, стояли социал-демократы — большевики и ликвидаторы; по мере развертывания революционной борьбы и усиления профессионального движения, большевики все больше и больше отвоевывали у ликвидаторов и меньшевиков руководящую роль в профессиональных союзах; недостаток интеллигентных сил у большевиков в этот период уже не мог играть решающей роли, так как рабочие все больше и больше выдвигали из своей среды работников на командные должности революционного и — в частности — профессионального движения. Во многих союзах руководящие органы целиком состояли из рабочих большевиков, в некоторых состав был смешанный с преобладанием либо в сторону большевиков, либо в сторону ликвидаторов-меньшевиков. Так, руководство петербургским союзом рабочих хлебопекарного производства, союзом портных, союзом металлистов (с 1913 г.), союзом деревообделочников, союзами торговых служащих (целых четыре) и рядом других находилось в руках большевиков или целиком, или с преобладанием их в руководящих органах (а это означало фактическое руководство).

После Ленских событий, в Петербурге восстанавливается Центральное Бюро профессиональных союзов и избранный секретариат, в который вошли рабочие Б. Иванов (булочник-большевик), Жолнирович (деревообделочник-большевик), Лапчинский и другие: первой своей задачей названное Бюро ставит развитие усиленной агитации перед первым мая. Оно связывается с партийными организациями и выпускает коллективное воззвание с призывом к стачке-демонстрации. Представителям от союзов было поручено также повести агитацию за первомайскую демонстрацию; целый ряд союзов выпустил прокламации с призывом к стачке. («Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. III, статья Б. Иванова, стр. 174).

Как видим, и в межсоюзном органе петербургского профессионального движения оживление работы началось с участия в организации политической стачки. Существуя нелегально, это Центральное Бюро и в следующие годы не изменило характера своей деятельности.

О влиянии большевиков на рабочее движение можно судить по истории газеты «Правда», начавшей выходить с апреля 1912 года и быстро завоевавшей симпатии читателей-рабочих, в весьма значительной степени превосходя тираж ликвидаторского «Луча».

На отношении профессиональных союзов к партийной легальной печати можно проследить влияние на союзы большевиков.

Когда в «Звезде» был поднят вопрос об издании ежедневной газеты, то ликвидаторы агитировали за беспартийную газету. Этот вопрос обсуждался и среди работников профессионального движения. Правление союза булочников, обсудив вопрос о газете, вынесло такое постановление: «... правление единогласно пришло к выводу, что беспартийная классовая газета не может отвечать интересам рабочих и все старания «инициативной группы» (ликвидаторов. *Д. А).* будут напрасны». Известно, что большевики организовали партийную «Правду», вокруг которой сплотились все активные рабочие и большинство профессиональных союзов (в Петербурге, по крайней мере), признавшие большевистскую газету своей газетой.

Доказывать связь профессиональных союзов — в той или иной форме — с партийными организациями особенно много не приходится. Да и неестественно было бы противное при активном участии профессиональных союзов в политическом движении и при возглавлении профессионального движения соцал-демократами.

Роль социал-демократии в профессиональном движении была ясна и для департамента полиции, и для охранных отделений. Выше, в другой связи, нами приведены некоторые данные, указывающие на это. Здесь мы их дополним.

Начальник московского охранного отделения в своем докладе градоначальнику еще в сентябре 1911 года писал в связи с ликвидацией четырех московских союзов: «Прикрываясь флагом легальности, указанные лица в широком масштабе ведут преступную пропаганду социал-демократических идей, популяризируя свою платформу и конечные идеалы, преследуемые партией; пользуясь своим опытом и сорганизованностью в прошлом, попадают на ответственные должности председателей и членов правления и определенно стремятся к подчинению беспартийных по своему существу союзов партийному руководству. Придавая особое значение вопросу о завоевании симпатии и доверия со стороны участников экономических рабочих организаций, означенные лица муссируют волнения среди рабочих фабричных и торгово-промышленных предприятий, берут на себя руководительство их экономическими забастовками и при первой возможности придают последним ярко-политическую окраску». (Р. Якуб—«Из жизни московских профессиональных союзов», «Вестник Труда», за 1922 г., № 8—9, стр. 192).

Недостаточно видеть в этом простое «стремление охранки во что бы то ни стало установить признаки преступного сообщества, поставившего себе целью» и т. д., как это делает Р. Якуб. Под этим стремлением должно быть какое-то основание. Оно указано в конце приведенного отрывка. Р. Якуб находит, что в стремлении союзов руководить экономическими забастовками и «зарыта собака»: это и заставило охранку пойти походом на союзы. Само собой ясно, что если бы социал-демократы сидели в союзах и благодушествовали, вели хорошие разговоры и только этим ограничивались бы, а союзы занимались бы приисканием мест безработным и выдачей пособий, то охранка не писала бы, подобных приведенному, докладов, а градоначальники и губернаторы не закрывали бы союзов. Были же такие союзы, которых не закрывали за все время их существования ни одного раза, даже во время войны, хотя там и сидели социал-демократы, правда... ликвидаторского и трэд-юнионистского толка. Эти социал-демократы не только не стремились организовывать политических стачек, но избегали и экономических: легальная библиотека, легально-прилизанная лекция, общее собрание по всем правилам закона 4 марта с отчетом, приска-

ние мест, грошевые пособия — вот круг деятельности таких союзов. Охранке тут нечего было делать. Правда, такие союзы насчитывались единицами; поэтому охранка и беспокоилась.

Заявлять же, как делает Р. Якуб, что «стремление союзов во что бы то ни стало придать забастовкам ярко-политическую окраску», есть не что иное, как плод досужей фантазии господ «охранителей», значит только во что бы то ни стало стремиться доказать аполитичность профессионального движения, хотя бы и в 1911 году. К аполитичности союзов стремились ликвидаторы, но профессиональное движение в целом в этом не было повинно даже в период реакции. В 1911 году некоторое оживление в рабочем движении уже наметилось, повеяло свежим ветерком, и охранка, чуткая к таким вещам, забеспокоилась, зная по опыту прошлых лет, чем это пахнет. И мы теперь знаем, что она правильно уловила тенденцию профессионального движения. Мы видели, что уже весной 1912 года, т.-е. через шесть—семь месяцев спустя после того, как был подписан доклад начальника московского охранного отделения, союзы не только придавали «при первой возможности» политическую окраску экономическим стачкам: они организовывали политические стачки и призывали к ним рабочих. Что же касается «окраски», то ее делали сами условия, в которых происходила экономическая борьба рабочих.

Если бы в профессиональном движении были исключительно ликвидаторы и тред-юнионисты, то обвинение союзов в стремлении придавать политическую окраску экономическим стачкам было бы действительно плодом досужей фантазии. Ликвидаторы как раз вели бешеную борьбу с большевистской революционной тактикой и взывали к рабочим не увлекаться стачечным азартом; при этом они были не только против политических стачек, но вообще против «стачечного азарта» (то ли дело петиции). Но охранка чуяла большевиков в профессиональном движении. Возможно, что иногда она смешивала всех социал-демократов в одну кучу и страхи ее иногда бывали неосновательны. Но в целом профессиональное движение за 1912—1914 годы показало, что политическая стачка—факт, в создании которого оно принимало участие, а не «плод досужей фантазии» охранки, ибо командные посты в профессиональном движении все больше и больше переходили от ликвидаторов и меньшевиков к большевикам. Никто, конечно, не отрицает того общеизвестного факта, что охранка и полиция иногда прибегали к вымышленным поводам закрытия союзов, не указывая действительных

причин. Бывали и случаи провокации с подброской прокламаций и оболочек бомб в помещения союзов. Это практиковалось главным образом в годы реакции в провинции. Но заключать из этого, что связь профессиональных союзов с социал-демократической партией не являлась для охранителей серьезным мотивом к закрытию союзов, было бы неосновательно. К тому же мы имеем дело с секретными документами, в которых ни охранке, ни градоначальникам, ни департаменту полиции не было нужды что-то выдумывать. Они могли ошибаться. Но по большинству документов видно, что осведомление было поставлено хорошо; факты же из прошлого профессионального движения показывают, что они в основном не ошибались.

Мы еще раз остановимся на интересных документах департамента полиции и петербургских охранки и градоначальства, рисующих как некоторые стороны деятельности петербургского союза металлистов, так и отношение к нему этих органов. (Пользуемся материалом, опубликованным в «Красной Летописи», в № 9, Ф. Булкиным (Семеновым), в его статье «Департамент полиции и союз металлистов»). Полагаем, что факты из деятельности союза металлистов покажут, что у «охранителей» меньше было фантазии относительно характера движения вообще и профессионального, в частности, чем у ликвидаторов было желания придать революционному движению пред-юниионистский характер.

В марте 1912 г. союз металлистов был закрыт. Восьмого апреля происходило ликвидационное собрание членов закрытого союза. Девятого апреля охранное отделение секретно доносит департаменту полиции об этом собрании, на котором присутствовало до 600 рабочих, членов закрытого союза. Собрание почтило вставанием память погибших рабочих на Ленских приисках. После выборов диквидационной комиссии ораторы выступают с резкой критикой градоначальника по поводу закрытия союза,—а затем с критикой закона 4 марта 1906г .; причем один из ораторов, П. Петров, между прочим, произнес: «фабрикантов и заводчиков боятся все, даже и полиция. Полиция, что, но даже и жандармы, и те» . . . На этих словах пристав прервал оратора и закрыл собрание. Рабочие разошлись спокойно, но «настроение рабочих на собрании было повышенное», говорится в отчете охранного отделения. И тов. Булкин правильно отмечает, что «в этом отчете уже ярко выступает связь под'ема профессионального движения с общим революционным сдвигом». (Указанная статья, стр. 126).

Дальше он устанавливает, что в то время, как градоначальник и охранка были озабочены тем, чтобы не было забастовок и собрания проходили гладко, департамент полиции больше всего останавливает свое внимание на вопросе о возможном просачивании «через профессиональные союзы революционной пропаганды и партийного влияния». (Там же, стр. 128). И не безосновательно, конечно. В сентябре 1912 г. департамент полиции составляет циркуляр губернаторам, в котором, очевидно, речь идет о работе социал-демократов в профессиональных союзах. Циркуляр был дан на просмотр чиновнику, знатоку социал-демократии, подробное заключение которого по поводу циркуляра убеждает, что в последнем речь шла именно о связи социал-демократии с профессиональным движением. «Знаток» прежде всего отмечает, что в циркуляре идет речь вообще о социал-демократии и не указываются новые течения. Охарактеризовав все существовавшие в то время течения социал-демократии, чиновник в своих выводах обращает особое внимание губернаторов на ликвидаторов, как на легалистов. Чиновник явно недооценил практику большевиков в отношении использования легальных возможностей, в том числе и их участие в профессиональном движении. Через год, он, вероятно, исправил свою ошибку. Приведем его мотивы: «Особый отдел (департамента полиции. Д. А.) полагал бы обратить особенное внимание г.г. губернаторов именно на то течение (ликвидаторов. Д. А.), проявляющееся исключительно в легальных формах профессионального движения, как-то: профессиональных союзах, клубах, обществах, кружках самообразования и органах печати, так как за организациями нелегальными, руководящими различными формами профессионального движения, осуществляется надзор розыскными органами, принимающими меры к пресечению развития этого вредного влияния путем ликвидаций означенных преступных организаций; надзор же за деятельностью и направлением легальных обществ лежит всецело на губернаторах, располагающих средствами для возможного парализования противоправительственной деятельности обществ подобной категории».

Среди охранников, очевидно, вообще было такое мнение, что в легальном движении большевики не так опасны, как в нелегальном, из-за своей неприспособленности к легальным формам движения. Так, еще в июне 1913 года начальник петербургского охранного отделения в своем донесении департаменту полиции о выборах временного правления союза металлистов, писал, что больше-

вики уже теперь доказали свою неспособность вести работу в союзе, как легальном профессиональном обществе», и что большевистское большинство во временное правление прошло случайно и при выборах постоянного правления «меньшевики рассчитывают провести... полностью свой список». (Там же, стр. 135—136).

Меньшевики, как мы видели выше, ошиблись. Вместе с ними ошибся и начальник охранного отделения. При следующих выборах прошел полностью список, предложенный большевиками, в котором значилось одиннадцать большевиков и один меньшевик (Абросимов). Согласно секретного отчета охранного отделения департаменту полиции об этих выборах, на собрании «выступил с речью и бывший член третьей государственной думы Кузнецов (меньшевик. Д. А.), который предложил поддержать список кандидатов в члены правления, выставленный районами и опубликованный в газете «Новая Рабочая Газета» (меньшевистский орган), и порицал политику в профессиональных союзах (т.-е. политическую деятельность союзов и партийную политику в них. Д. А.). За эту последнюю часть речи Кузнецов был дружно освистан рабочими». (Там же, стр. 151). Итак, надежды охранки и меньшевиков не сбылись. Меньшевики были освистаны рабочими, которые и провалили меньшевистских кандидатов в правление.

Свое отношение к политике и партиям профессиональные союзы выявили, в частности, тем, что живо реагировали на раскол социал-демократической фракции государственной думы. Это отмечает и охранное отделение в своем секретном докладе департаменту полиции. Сообщая, что у него нет точных сведений о собраниях на пороховых заводах, охранное отделение докладывает, что «вскоре после раскола думской фракции подобные собрания происходили почти во всех союзах и культурно-просветительных обществах. На этих собраниях выслушивались доклады представителей большевистских и меньшевистских организаций, составлялись резолюции, которые затем помещались в газетах «Правда» или «Северная Рабочая Газета». (Там же, стр. 157).

Итак, профессиональные союзы активно выступали в политической жизни и политических стачках. Профессиональные союзы не чуждались партийности и в этом отношении все определеннее и определеннее становились под знамя партии большевиков.

Какой же тактики в профессиональном движении держалась сама партия в период под'ема революционного движения? На этот вопрос мы имеем ответ в двух резолюциях: 1) всероссийской партийной конференции, происходившей в Праге в январе 1912 г. и 2) совещания Ц. К. партии с партийными работниками в июне 1913 г. (резолюция была утверждена Ц. К. партии).

В первой резолюции («О характере и организационных формах партийной работы») были установлены следующие положения:

1. Необходимо самое деятельное участие нелегальных партийных организаций в руководстве экономической борьбой (стачки, стачечные комитеты и т. д.) и установление сотрудничества в этой области нелегальных партийных ячеек с профессиональными союзами, в особенности с социал-демократическими ячейками в профессиональных союзах, а также с отдельными деятелями профессионального движения.

2. Ячейки соц.-дем. в профессиональных союзах, организованные по признаку профессинальному, желательно, сообразуясь при этом с местными условиями, сочетать с партийными ячейками, построенными по признаку территориальному.

3. Необходима возможно большая инициатива в деле постановки социал-демократической работы в легальных обществах: союзы, читальни, библиотеки, различного рода рабочие общества развлечений, распространение профессиональных органов и направление профессиональной прессы в духе марксизма, использование думских речей социал-демократов, подготовка легальных лекторов из рабочих, создание (в связи с выборами в IV думу) рабочих и иных избирательных комитетов по районам, по улицам и т. д., социал-демократическая агитация в связи с выборами в органы городского самоуправления и т. п.

4. Необходимы энергичные усилия в деле укрепления и увеличения числа нелегальных партийных ячеек, подыскания новых, возможно более гибких, организационных форм этих ячеек, создания и упрочения руководящих нелегальных партийных организаций в каждом городе и пропаганды таких форм массовой нелегальной организации, как «биржи», заводские партийные собрания и т. п.

5. Кружки пропаганды желательно привлекать к повседневной практической работе: распространение нелегальной

социал-демократической и легальной марксистской литературы и т. п.

6. Необходимо иметь в виду, что систематическая литературная социал-демократическая агитация и, особенно, регулярное распространение правильно и часто выходящей нелегальной партийной газеты могут иметь большое значение и в деле установления организационных связей как между нелегальными ячейками, так и между социал-демократическими ячейками в легальных рабочих обществах.

Резолюция «совещания» специально касается вопроса «о работе в легальных обществах» (резолюция так и названа). Приведем ее целиком:

1. В настоящий момент под'ема экономической и политической борьбы рабочего класса особенно необходимо усилить работу во всех легальных рабочих обществах (профессиональные союзы, клубы, больничные страховые кассы, кооперативы и пр.).

2. Вся работа в легальных рабочих обществах должна вестись не в духе нейтральности, а в духе Лондонского С'езда Р. С.-Д. Р. П. и Международного Конгресса в Штутгардте. Социал-демократы должны привлекать во все рабочие общества возможно более широкие круги рабочих, приглашая в состав членов всех рабочих без различия партийных взглядов. Но социал-демократы должны внутри этих обществ добиваться установления самых тесных отношений между ними и социал-демократической партией.

3. Опыт международного и нашего русского рабочего движений учит тому, что с самого зарождения таких рабочих организаций (профессиональные союзы, кооперативы, клубы и т. п.) необходимо добиваться того, чтобы каждое из этих учреждений было оплотом социал-демократической партии. Совещание приглашает всех партийцев иметь в виду эту важную задачу, которая является особенно жгучей в России, где ликвидаторы систематически пытаются использовать легальные общества п р о т и в партии.

4. Совещание находит, что при выборах уполномоченных в страховые кассы, во всей работе профессинальных союзов и т. д. следует, отстаивая полное единство движения и подчинение меньшинства большинству, проводить линию партии, добиваться избрания на все ответственные посты сторонников партии и т. д.

5. Для учета опыта практической работы в легальных рабочих обществах желательно устройство более частых совещаний

с активными участниками работы в легальных рабочих организациях на местах, а также привлечение, в возможно большем числе, на общепартийные конференции представителей от партийных групп, ведущих работу в легальных обществах.

Партия стремилась в рассматриваемый период овладеть профессиональным движением, вышибая оттуда ликвидаторов.

Завоевание партией профессиональных союзов и изгнание из них ликвидаторов предполагало активное участие партийцев в работе союзов. Обе резолюции указывают на это.

На практике революционная тактика большевизма одержала верх в профессиональном движении над тред-юнионистской тактикой ликвидаторов.

7.

Наступившая война между капиталистами за раздел рынков и за источники сырья оборвала движение; почти все организации были разгромлены; пролетариат лишь постепенно оправлялся и приходил в себя; со стороны буржуазии и правительства была сделана попытка приручить пролетариат через военно-промышленные комитеты, установить социальный мир двух непримиримых классов — пролетариата, с одной стороны, буржуазии и помещиков — с другой. Попытка потерпела крах; пролетариат и теперь избрал путь классовой борьбы. Начались отдельные выступления рабочих, все учащаясь и захватывая более широкие массы по мере приближения к роковому для помещиков и буржуазии 1917 году.

Об'явленный петербургскими промышленниками локаут, в связи с летними забастовками и июльскими событиями, был прекращен с об'явлением войны. Прекращение локаута вызывалось двумя соображениями: 1) необходимость для военной промышленности работать полным ходом, 2) опасение политических осложнений в самом начале войны. Локаутированные рабочие вернулись на фабрики и заводы. Но ряды пролетариата сильно поредели после мобилизации; от станков было взято до 40% рабочих. (А. Шляпников. Канун семнадцатого года, ч. I, стр. 20). Это было не в интересах промышленников, и они, в конце концов, настояли на возвращении из армии всех квалифицированных рабочих. Но возвращенные из армии числились за военным ведомством и во всякий момент могли быть взяты с заводов и фабрик. Предприни-

матели использовали такое положение в своих интересах: под угрозой рассчета и посылки на фронт они усиливали эксплоатацию и гнет. Таким образом, милитаризация предприятий, проведенная несколько позже, являлась в руках промышленников одним из средств усиления эксплоатации рабочих. На этой почве уже вскоре после начала войны, как сообщает тов. Шляпников, на петербургских заводах происходили конфликты, например, из-за снижения расценки и злоупотреблений сверхурочными часами на заводах Лесснера, Эриксон, «Вулкан» и ряде других металлообрабатывающих предприятий. К непокорным применялись репрессии — посылка на фронт.

Естественно, что рабочие выдержали недолго.

Полное затишье в рабочем движении в первые месяцы войны начало сменяться возбуждением рабочих, которое выливалось в стачки. Стачечная борьба вновь оживилась. Начали появляться политические стачки, неизбежные спутники рабочего движения России; причем, по мере приближения к революционной развязке, стачечная борьба нарастала, о чем свидетельствуют следующие цифры.

За последние пять месяцев 1914 года было 86 стачек, в которых приняли участие 34.752 рабочих. В 1915 году — 928 стачек и 539.528 участников. В 1916 году—1.410 стачек и 1.086.374 участников. За один январь 1917 года—267 стачек и 232.025 участников. Политические стачки по отношению к общему числу стачек в 1914 году составляли 10,3%, в 1915 году—23%, в 1916 году—около 18%, в января 1917 года почти все стачки были политическими. (Вознесенский. Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.г. в «Архиве Истории Труда», кн. 8, стр. 172—173).

Уже в 1914 г. правительство, боясь «брожения» среди рабочих, через участковых приставов отобрало у петербургских предпринимателей подписку, обязывающую их не уменьшать расценки. Но предприниматели не считались с данной подпиской. И в 1915 году подавляющее число экономических забастовок в Петербурге происходило за повышение заработной платы. (В. Васильевская. «Забастовочное движение в Петербурге за 1914—1916 г.г. по агентурным данным», в «Пролетарской Революции» за 1923 г., № 1, стр. 53 и 57). Правда, в 1915 году на число этого рода забастовок влияло не только снижение расценок, но и падение реальной заработной платы вследствие роста дороговизны и падения покупательной способности денег.

Согласно данных Прокоповича («Война и народное хозяйство», М. 1917 г., стр. 94) рубль в первое полугодие войны был обесценен в среднем на 18,5 золотых копеек, во второе полугодие — на 19,7 коп., в третье—на 33,8 коп., в четвертое—на 38,9 коп. и в пятое—на 38,7 коп.

В конечном счете война разрушительно действовала на народное хозяйство. Доход народного хозяйства в военное время из года в год понижался. Так, доход народного хозяйства равнялся (С. Прокопович. Война и народное хозяйство, стр. 129):

До войны . .	12,8	миллиардов руб.
В 1-й год войны	12,3	„ „
„ 2-й „ „	10,4	„ „
„ 3-й „ „	9—9,5	„ „

Крестьянство разорялось. Положение рабочих ухудшалось. Тяготы войны становились невыносимыми. Все это привело к решительному выступлению в феврале 1917 года против прогнившей монархии, которая на этот раз была свалена.

И правительство, и промышленники чувствовали нарастание революционных сил. Наряду с репрессиями против рабочего класса (наиболее дальновидные промышленники не одобряли вмешательства полиции и охранки в рабочее движение, так как последнее обострялось таким вмешательством и мешало нормальному ходу предприятий) они сделали попытку приручить рабочий класс, впречь его в колесницу милитаризма, как выразился тов. Шляпников. («Канун 17-го года», ч. I, стр. 85—122).

С этой целью было задумано привлечение рабочих к участию в «военно-промышленных комитетах».

Промышленники нашли живой отклик среди меньшевиков и всех других оборонцев. Большевики выступили против участия в военно-промышленных комитетах. На первом собрании уполномоченных петербургских рабочих большевики одержали верх, и выборы не состоялись. Петербургский пролетариат отказал в своей поддержке войне. Он заявил, что будет бороться с капитализмом в союзе с пролетариями всех стран. После такого исхода собрания в ноябре 1915 охранка приступила к ликвидации петербургской большевистской организации, а меньшевики вместе с Гучковым приступили к подготовке нового собрания. На этом втором собрании присутствовало 153 выборщика. После оглашения декларации большевиков и нескольких заявлений зал заседания покидают большевики и часть левых народников, в общем

уходят 89 выборщиков. Оставшиеся ликвидаторы, правые народники, беспартийные избрали 10 представителей в Центральный Военно-Промышленный Комитет (все ликвидаторы) и 6 в Областной Военно-Промышленный Комитет (из них 4 народника).

Приведем сжатую характеристику деятельности Рабочей Группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете, данную тов. Шляпниковым (стр. 121):

«Антиреволюционная и противопролетарская физиономия Рабочей Группы при Центральном Военно-Промышленном Комитете скоро выявилась на практике.

Свое положение «представителей рабочих» в Военно-Промышленном Комитете оборонцы старались использовать для борьбы с развившимся стачечным движением. Они вырабатывали проекты примирительных камер (О попытках организации примирительных камер см. статью А. Каца «К истории примирительных камер в России», в «Вестнике Труда» за 1923 г., № 10, стр. 185—197), всюду совались со своим посредничеством и стремились всячески уменьшить количество открытых конфликтов. Через своих сторонников давали советы, чтобы рабочие обращались к ним с петициями, организовывали необыкновенную суетливость, но их дипломатические старания успеха не имели... Классовая борьба развивалась по своим законам, конфликты шли своим чередом и разрешались по линии силы».

Вторая попытка разрешения рабочего вопроса относится к весне 1916 г. путем введения на фабриках и заводах института старост по закону 1903 года. Но правительство обсчиталось и здесь. На крупных предприятиях, особенно в Петербурге, рабочие организовали заводские комиссии, которые составлялись из представителей цехов или мастерских. Эти комиссии ведали вопросами внутреннего распорядка. Они же представительствовали от имени рабочих при всяких конфликтах с предпринимателями. Существовали эти комиссии полулегально.

Подмена рабочих органов на предприятиях старостами по закону 1903 г. не прошла, несмотря на агитацию оборонцев.

Вот как ответили, например, рабочие завода «Новый Лесснер» на предложение заводоуправления организовать институт старост (Шляпников. Канун 17-го года, ч. I, стр. 153—154):

«Автор этого полицейского закона намеревался создать постоянную ячейку в рабочей среде, через которую можно было бы выловить наиболее активных работников.

«Закон имел целью парализовать революционную активность масс и заменить ее легальным и полюбовным содружеством с врагами пролетариата — капиталом и его пособником — правительством.

«Рабочий класс своим здравым чутьем понял этот гнусный обман полицейских законников и решительным протестом отбросил от себя предложенную сделку.

«И вот теперь, через 13 лет, когда рабочий класс снова собирает свои силы для того, чтобы сосчитаться с разорившим его правительством, на сцену опять выполз этот самый закон.

«Рабочий класс не позволит одурачить себя и теперь.

«Решительно отвергая предложение заводоуправления, мы в то же время протестуем против тех мнимых друзей рабочих, которые стараются на страницах буржуазной прессы и с трибуны государственной думы оправдать этот поход на рабочий класс.

«Мы требуем профессиональных союзов и свободы других классовых организаций пролетариата, восстановления рабочей печати и признания заводских комиссий, избранных на широких демократических началах».

Все эти вопросы были разрешены революцией.

Накопление и перегруппировка сил.

(Период февральской революции).

1. Условия и характер строительства профессиональных союзов.

1.

Вековой гнет самодержавия сброшен. Рабочий класс быстро создает Советы Рабочих и Солдатских Депутатов — органы своей революционной борьбы,—пока еще слабые, добровольно уступающие власть комитету государственной думы и временному буржуазному правительству.

Одновременно с Советом Рабочих Депутатов, когда еще не успела затихнуть вооруженная уличная борьба, поспешно строятся профессиональные союзы в обеих столицах.

Союзы возникали во всех производствах и отраслях хозяйства и с первых же дней становились массовыми организациями. В московском союзе металлистов ко времени учредительного собрания союза, состоявшегося 29 марта, было уже 16.423 членов.

Одновременно с созданием отдельных профессиональных союзов возникают и их местные об'единения—Центральные Бюро. В половине марта Центральные Бюро уже функционируют в Петербурге и Москве.

Ко времени III конференции профессиональных союзов в июне 1917 г., московский союз металлистов насчитывал 50.000 членов, петербургский — 170.000. Печатники организуются почти поголовно. Быстрый рост союзов с первых же дней революции наблюдался во всех производствах и городах. За март — апрель союзы возникли в 74 производствах и профессиях, за май—июнь в 35, во второе полугодие 1917 г. только 12.

На III Всероссийской конференции было представлено 967 союзов с общим количеством членов в 1.475.429 и 51 Центральн. Бюро, об'единявшие 1.120.819 членов; металлистов было предста-

влено 387.110, текстильщиков—178.560, печатников—55.291, рабочих швейной промышленности—51.545, деревообделочников—28.601, торгово-промышленных служащих—45.981.

Предыдущий период профессионального движения — 1905—1914 г.г. — в значительной степени облегчал строительство союзов в 1917 г., так как был накоплен некоторый организационный опыт и имелись кадры дельных организаторов; то и другое было использовано. Старые профессиональные работники приступали к созданию союзов уже с определенным навыком, а это увеличивало интенсивность организационной работы.

На быстрый повсеместный рост союзов оказывали влияние—кроме причин политического характера: полная свобода коалиции рабочих и экономические причины, как основные причины развития рабочего движения, вообще, и профессионального, в частности.

За годы войны материальное положение, как и общие условия труда, сильно ухудшалось наряду с бешеным ростом прибылей капиталистов. В первые недели войны русская промышленность испытывала некоторую заминку, но казенные военные заказы быстро изменили картину: производство военных припасов и материалов требовало от промышленности напряжения, оплачивая его значительным увеличением барышей. В промышленности начался под'ем, особенно сильный в металлургическом производстве. За 1915 и 1916 г.г. количество занятых рабочих металлистов увеличилось на 49,6%. В 1913 г. (год наибольшего под'ема промышленности мирного времени) рабочих металлистов, занятых в производстве, было 868.771, в 1914 г.—847.756, в 1915 г.—961.309, в 1916 г.—уже 1.268.543. (См. А. Гуревич. Всероссийский союз рабочих металлистов). Вместе с тем война поглощала много жизненных средств. Ощутительный недостаток их вызывал значительный рост цен. В Москве, в среднем, повышение цен сравнительно с 1913 г. на главные продовольственные продукты в 1914 г. выразилось в 20,6%, в 1915 (за весь год)—86%. (Прокопович. Война и народное хозяйство, стр. 146). По всей России повышение цен на все продукты в 1915 г. равнялось не менее как 50%. («Война и дороговизна в России», заграничное изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков). А заработная плата повышалась медленно. Она сильно отставала от роста цен, и реальный заработок рабочих и служащих понижался, ухудшалось их материальное положение. В Московском фабричном округе средняя годовая зара-

ботная плата всех рабочих по сравнению с 1913 г. повысилась: в 1914 г. на 1%, в 1915 г.—на 15%; заработок взрослых мужчин повысился в 1914 на 2%, в 1915 г. на 19%. (Прокопович, стр. 143—144). При этом надо принять во внимание, что производительность труда рабочих, по свидетельству предпринимателей, поднялась—по ряду причин—на 20—25%; таким образом, повышение заработной платы не покрывало даже увеличившейся производительности труда.

Стачки, начавшиеся в 1915 г., не могли заметно изменить положения рабочих к лучшему; этим и об'ясняется усиление политического движения в 1916 г., вместе с другими причинами приведшее к низвержению царского режима.

После этого, естественно, энергично стало развиваться и экономическое движение. Всюду происходили забастовки с пред'явлением требований повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и т. д. Впервые в 1917 г. стачечная борьба почти поголовно захватила торговых служащих.

За редкими исключениями, не оформившиеся союзы не могли полностью взять на себя руководство экономической борьбой и разрешение многочисленных конфликтов. На помощь союзам приходили Советы Рабочих Депутатов, в лице отделов труда, выполняя многие союзные функции за отсутствием в той или иной профессии или производстве союза или вследствие его слабости. Отделы труда в значительной степени восполняли слабость и неорганизованность Центральных Бюро. В общем же, Советы Рабочих Депутатов создают примирительные камеры, конфликтные суды, биржи труда, облегчая тем деятельность еще слабого союзного аппарата, вернее—многочисленных и разнообразных аппаратов.

2.

Быстрый количественный рост союзов, спешная организация союзного аппарата—большей частью при полном отсутствии общего единого руководства, в условиях лихорадочной стихийной волны экономических забастовок и конфликтов и в атмосфере напряженной политической борьбы — не могли способствовать качественному укреплению профессиональных союзов, они в силу указанных причин не отличались единством организационных форм, стихийное строительство не поддавалось контролю, и наряду с союзами, с первого же момента принявшими принцип производственного строительства об'единений, возникали отдель-

ные союзы узких профессий—монтеров, кочегаров, водопроводчиков и т. д. Это обстоятельство усложняло руководство экономической борьбой. Правда, уклонения от принципа строительства по производственному принципу были менее значительны, чем в предыдущий период и там, где производственный принцип проводился, он проводился уже вполне сознательно, хотя и с большими затруднениями. На III конференции профессиональных союзов производственный принцип строительства был закреплен в резолюции по организационному вопросу (п.п. 3 и 4). По тем же (указанным выше) причинам аппараты союзов были слабы; они только что наспех построившись, не могли справиться сразу с колоссальным расширением союзов, происходившим в течение немногих недель и месяцев, они не могли так быстро установить профессиональную дисциплину, которая значительно пала, вследствие гибели на войне многих воспитавшихся в политической и экономической борьбе пролетариев, теперь замененных пришельцами из деревень, из городских мелкобуржуазных слоев, а также в большом количестве женщинами и подростками. В 1913 г. по всей России в промышленности было занято женщин 26,6% всех рабочих, а к началу 1917—43,2%. Подростков и малолетних в 1913 г. было 10,7%, а к началу 1917 г.—14%. (Струмилин, в сборнике «За два года диктатуры пролетариата», стр. 18). Всем этим элементам, не прошедшим производственной школы и практики классовой борьбы, была чужда отчеканенная классовая дисциплина.

Оформление профессионального движения происходило первое время так же стихийно, как и самый рост союзов. Во всяком случае, руководители профессиональных союзов стремились не отстать от жизни, улавливали оттенки ее движения, постепенно овладевая силами движения и оформляя их в послушную организацию.

Экономическая борьба вызвала к жизни почти во всех союзах стачечные комитеты, конфликтные комиссии, бюро труда, комиссии и отделы по разработке тарифов. Для облегчения задачи руководства союзами, наиболее крупные из них организуют районные отделы и фабрично-заводские комитеты; последние возникали и помимо профессиональных союзов и часто раньше их, ведя непосредственную борьбу с хозяевами и администрацией своих предприятий.

Слабость профессиональных союзов, неспособность их в первые месяцы революции стать организующими центрами всей пролетарской массы привели к значительному отрыву от них фабрично-заводских комитетов, оформившихся в параллельную с союзами организацию со своим самостоятельным центром, Центральным Советом фабрично-заводских комитетов—и с преобладающими функциями контроля над производством.

Наиболее организованным и сильным с самого начала был союз металлистов, выдвинувший много работников как для политических организаций, так и для профессионального движения.

3.

Центральные Бюро не получали постоянных взносов от функций в теперешнем значении; они скорее являлись по существу и формально содействующими органами, согласовывавшими деятельность союзов по преимуществу в их политических выступлениях, и только позже, с развитием и укреплением их аппаратов и с появлением большей планомерности в организации и деятельности союзов, местные об'единения постепенно приобретают руководящие функции.

Центральные Бюро не получали постоянных взносов от союзов, да и в большинстве последних они не были еще строго урегулированы. Не было установлено однообразной формы представительства союзов в Центральных Бюро.

Недостаточно развитый, а иногда и совсем отсутствовавший, аппарат не позволял им полностью и планомерно выполнять и функции содействия, как-то: выработка общих уставов, инструкций, исследования по вопросам труда, непосильные для отдельных союзов, содействие в руководстве экономической борьбой, своевременная и полная информация, организация профессиональной печати, содействие в организации новых союзов. И только после III конференции в деятельности Центральных Бюро (переименованных в Советы профессиональных союзов) начинает замечаться некоторая планомерность и расширение их функций, но руководящими они станут только после Октябрьской революции.

При отсутствии налаженных связей между союзами и Центральными Бюро различных городов, инициатива созыва III конференции профессиональных союзов исходила от Всероссийского Совещания Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (в апреле), которое, наряду с принятием нескольких резолюций по рабочему

вопросу, поручило Отделу Труда Петербургского Совета Рабочих Депутатов совместно с Петербургским и Московским Центральными Бюро созвать всероссийскую конференцию профессиональных союзов; была образована организационная комиссия.

20 июня собралась III конференция, положившая основание всероссийскому об'единению профессионального движения и наметившая первоначальные основы строительства профессиональных союзо по производственному принципу; были намечены и общие контуры централизации союзной деятельности и руководства экономической борьбой (п.п. 5—8); конференцией была также принята специальная резолюция о фабрично-заводских комитетах, о подчинении их профессиональным союзам, так как к этому времени уже вполне обозначился отрыв комитетов от союзов и параллелизм их функций, нарушавший и без того слабо развитое единство рабочих организаций. Конференция признала фабрично-заводские комитеты опорными пунктами профессиональных союзов.

Эта резолюция для многих союзов не имела никакого практического результата по той причине, что профессиональные союзы не были в силах охватить полностью все функции, выдвинутые перед ними революцией, в частности, они не могли овладеть контрольными функциями над производством. Кроме того, в таких союзах, как союз печатников, происходили резкие расхождения между органами союза и комитетами по вопросу о контроле; руководители союза, меньшевики, не были согласны с практикой— и с принципом—рабочего контроля; рабочие и фабрично-заводские комитеты вынуждались логикой вещей проводить именно рабочий контроль.

Конференция приняла также резолюцию о 8-ми часовом рабочем дне, о борьбе с безработицей, об охране женского труда, примирительных камерах и промысловых судах, об инспекции труда, рабочих секретариатах, профессиональной прессе, о муниципальной политике профессиональных союзов, о рабочей кооперации, культурно-просветительной деятельности профессиональных союзов.

Во всех резолюциях в той или иной степени отразилась происходившая на конференции борьба двух основных течений — большевиков, с одной стороны, и меньшевиков — с другой. Незначительное большинство было на стороне меньшевиков и эсеров, поэтому в резолюциях по основным вопросам были выявлены взгляды этих соглашательских партий под более-или менее прозрачным покровом революционных слов.

Конференцией был избран Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов. Принят устав I Всероссийского С'езда Профессиональных союзов, созыв которого был поручен ВЦСПС.

Во время III конференции было положено начало всероссийскому об'единению союзов металлистов; на состоявшемся совещании делегатов металлистов был избран Временный Комитет Всероссийского Союза Металлистов. Другие союзы также использовали конференцию для подготовки к всероссийским об'единениям. Союзы железнодорожников и почтово-телеграфных служащих еще с первых дней сложились как всероссийские организации и занимали в профессиональном движении того времени обособленное место по той политической роли, которую они играли. Большинство же об'единений оформилось во всероссийские организации лишь после конференции и некоторые—после Октябрьского переворота.

4.

Работа Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов отражала общее состояние профессионального движения. Совет не мог стать органом, руководящим всем движением; работа его тормозилась и вследствие различных партийных группировок в нем, и напряженной политической борьбой, и отсутствием средств и аппарата, и вследствие плохо налаженных связей с местами.

Всероссийскому Центральному Совету Профессиональных Союзов приходилось принимать участие в работах политических и экономических органов Республики, разрешать конфликты, возникавшие на местах между профессиональными союзами и исполкомами Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (конфликт союза рабочих суконной промышленности в Симбирске, союза горнорабочих в Донецком каменноугольном районе), а также внутри самих союзов (у железнодорожников, в связи с новым тарифом и забастовкой).

III конференция ограничилась декларативными резолюциями, не дав практических указаний, в частности и по проведению в жизнь производственного строительства и размежевания профессиональных союзов. ВЦСПС пришлось столкнуться на практике с крупными осложнениями на почве неправильного подхода к этому вопросу со стороны отдельных об'единений. Петербургские деревообделочники в октябре об'явили забастовку и втянули в

нее всех деревообделочников, работавших на металло-обрабатывающих заводах, текстильных фабриках и т. д., несмотря на то, что они входили в соответствующие союзы и оплачивались по тарифам этих союзов. Дело осложнялось тем, что из-за забастовки деревообделочников некоторым заводам грозила приостановка работ. Вопрос разрешен был Октябрьским восстанием, прекратившим забастовку (отчет ВЦСПС за 1917 г.).

Это лишь один из примеров. Цеховая и профессиональная тенденция в то время были еще сильны не только среди некоторых групп рабочих, но и у некоторых профессиональных работников— и ВЦСПС, как и местным Советам союзов, приходилось уделять много внимания этому вопросу.

Работа Центрального Совета тормозилась и недостатком опытных и авторитетных инструкторов, а на местах в них была огромная нужда, и профессиональное строительство от отсутствия их сильно страдало. Из-за слабости организаций движение часто шло мимо них. Из Донецкого района сообщалось, что союзы не руководят и не могут руководить экономической борьбой; слабость союзов давала повод Советам Рабочих Депутатов брать на себя инициативу экономической борьбы, и на этой почве происходили недоразумения и конфликты, обострявшиеся тем обстоятельством, что исполкомы Советов Рабочих Депутатов в большинстве случаев находились в руках меньшевиков и эсеров, ведших соглашательскую политику с буржуазным правительством. Рабочие в некоторых случаях отказывались подчиняться им (в Донецком бассейне, в Макеевке, отказались прекратить забастовку), профессиональные же союзы были настолько слабы, несмотря на большое количество членов, что допускали конфискацию своих прокламаций (в той же Макеевке.—Отчет ВЦСПС за 1917 г., стр. 49 и след.). В крупных городах, особенно в Петербурге и Москве, союзы были, конечно, сильнее, крепче, чем в провинции, и, несмотря на неналаженность их аппаратов, пользовались большим влиянием, так как находились в самом центре рабочего революционного движения, импонировавшего своей силой и решительностью— и буржуазии, руководившей государственной властью, и меньшевикам и эсерам, державшим курс на контакт Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с временным правительством.

К тому времени, когда начался вполне организованный саботаж промышленников в Донецком угольном бассейне в союзе с готовившими политическую контр-революцию силами, профес-

сиональное движение еще не успело сложиться в стройную, организованную силу, правильно построенную по единому плану и подчиняющуюся общему руководству; не было еще приобретено ни достаточного опыта в разрешении сложнейших задач, ни самодисциплины; полная перестройка по производственному принципу еще только намечалась вчерне. Поэтому, несмотря на огромное количество рабочих, влившихся в союзы, профессиональное движение не обладало организованной мощью, которая соответствовала бы количественному росту; количество еще не перешло в качество. Стихийная мобилизация, стягивание рабочих масс в профессиональные союзы в таком огромном масштабе и в такое короткое время, как это происходило в 1917 г., не давали возможности быстро сформировать эти массы в пунктуально действующую армию. Но недостатки организационного механизма в большой степени восполнялись революционным энтузиазмом и ненавистью к буржуазному строю, предохранявшими рабочие массы от яда соглашательской политики.

Борьба за производство.

1.

До Октябрьской революции профессиональное движение развивалось в атмосфере ожесточенной борьбы с буржуазной контрреволюцией, державшей власть в своих руках. Все экономические стычки проходили под знаком непримиримой классовой борьбы. Капитализм, организованный в крепкие предпринимательские союзы, проявлял сильное упорство. Этот факт толкал рабочий класс России, как и в прежнее время, — на путь неослабной политической борьбы, и не за призрачные «свободы» буржуазного государства, — в них рабочий класс быстро разочаровывался, — а за полное свержение господства капиталистов и помещиков. На этот путь рабочие становились под об'ективным воздействием логики классовой борьбы, имеющей конечную цель в установлении социалистического строя. Осуществление буржуазного государства русскому рабочему классу уже ничего не сулило. Профессиональные союзы, возникшие во время революции и наполненные революционными элементами, не могли замкнуться в узких рамках экономической борьбы, да и самая эта борьба неразрывно была связана с политическими успехами или неуспехами рабочего класса: профессиональные союзы втягивались в политическую борьбу против буржуазии, иногда независимо от желания их руководителей, а иногда—и против их желания.

Пролетариат массами вливался в профессиональные союзы, чувствуя необходимость противопоставить мощную организацию вооруженному с ног до головы капитализму.

Необходимость борьбы за власть рабочий класс должен был почувствовать, когда видел, что ни одно из экономических завоеваний не может быть прочно, а повышение заработной платы сводится на нет соответственным повышением цен, что буржуазии не трудно было проделывать, пользуясь своими экономическими организациями — синдикатами и трестами.

Буржуазия не считала возможным применять те формы борьбы против рабочего класса, которые применялись в 1905 — 1906 г.г.—локауты и черные списки; это было бы опасно. Тактика буржуазии определилась с первых дней революции — делать видимость уступок и постепенно раз'единять и ослаблять революционные силы пролетариата, довести их до разложения и покончить одним ударом. Но об'ективные условия диктовали рабочему классу тактику беспощадной, исключающей соглашательство, борьбы.

И уроки из практики движения не прошли бесследно.

После первой же попытки петербургского Общества фабрикантов и заводчиков ограничить действие соглашения с Советом Рабочих Депутатов о 8-мичасовом рабочем дне только петербургским районом, рабочие поставили своей задачей противодействовать такому обезвреживанию 8-ми часового рабочего дня, понимая, что завоевание должно быть закреплено в общегосударственном масштабе, — иначе оно не достигало бы своей цели и не могло бы быть прочным. За 8-ми часовой рабочий день загорелась ожесточенная борьба между рабочими и предпринимателями. К этому пункту прибавились и другие: прием и увольнение рабочих через фабрично-заводские комитеты, государственное страхование, повышение заработной платы, контроль фабрично-заводских комитетов над деятельностью заводоуправлений и администрации.

Особенно горячая борьба разыгралась вокруг требования о приеме и увольнении рабочих через фабрично-заводские комитеты и о рабочем контроле на фабриках и заводах.

Министр торговли и промышленности временного правительства запросил представителя правления Богословского горного округа (Урал), Цейдлера, согласно ли правление увольнять служащих и рабочих при посредстве примирительных камер (отнюдь не фабрично-заводских комитетов). Тот ответил: «Правление никаких комитетов и камер не признает и признавать не будет, оно является хозяином завода, а поэтому что хочет, то и делает. Что же касается государственно-общественного контроля, то промышленники никакого контроля не признают и признавать не будут». (А Лозовский. Профессиональное движение в России, стр. 18).

Союз бакинских нефтепромышленников заявил, что хозяева никогда не согласятся на наем и увольнение рабочих через фабрично-заводские комитеты. В том же духе высказались и союзы об'единенной промышленности центрального промышленного района и углепромышленники юга России.

В типографском производстве происходила такая же борьба. В крупной петербургской литографии Киббеля вспыхнула забастовка из-за тарифных ставок. Владелец пытался закрыть фабрику. Рабочие препятствуют, продолжая бастовать в течение 2-х месяцев, а затем, не победив упорства владельца, захватили фабрику и повели дело своими силами.

Единодушие рабочего класса, его внушительные массовые выступления продиктовали буржуазии обходный путь борьбы. Она поднимает бешеную травлю против рабочих, стремясь отколоть от них солдатскую массу. Рабочие и их организации обвиняются в чрезмерных требованиях, в падении производительности труда, что заставляет армию терпеть недостаток припасов и вооружения. Но эта попытка поссорить армию с рабочими потерпела полный крах.

Профессиональные союзы и Советы энергично выступили с разоблачениями клеветы. Делегации с фронта обследовали заводы и убедились во лжи буржуазной агитации: где было сырье и топливо, — заводы работали полным ходом.

Потерпела неудачу и попытка расколоть город и деревню, рабочих и крестьян на той же самой почве — падения производительности труда рабочих. Расколоть революционный фронт одной агитацией капиталистам не удалось; они обратились к другой тактике: довести промышленность до такого состояния, при котором падение производительности стало бы фактом «и при том достаточно резким, чтобы результаты сами бросались в глаза». (Цыперович. Задачи профессионального движения). Промышленники стали применять саботаж, невыполнение своих предпринимательских обязанностей и функций с целью нарушить правильный ход производства на фабриках, заводах, а косвенно — транспорта и других отраслей народного хозяйства.

При общем состоянии русской промышленности, характеризовавшемся сравнительной слабостью, усугублявшемся разрухой от действия войны, избранный капиталистами способ нарушения правильного хода производства быстро достигал верных результатов. Отдельные капиталисты, терпевшие при этом крупные убытки, надеялись на восстановление своих предприятий и покрытие убытков с помощью их различных организаций, а может и государства, при изменении к лучшему для них политической жизни. Началось массовое закрытие предприятий; по мотивам «чрезмерных требований рабочих», «разрушительной и захватной дея-

тельности профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов», банки прекращали кредитовать предприятия. Союз капиталистов банкиров и промышленников — действовал заодно и организованно. Достигнув определенной ступени разрухи и развала экономической жизни, капиталисты надеялись легко обвинить в этом рабочих и их об'единения, революционное движение, вооружить против них крестьян и солдат и задушить революцию,—как это не раз делалось в истории,—разбить рабочих, разгромить их организации. Организованные рабочие быстро поняли смысл и значение тактики капиталистов и увидели скрытые, направляющие действия отдельных капиталистов, основные пружины, — банки. Все чаще и решительнее раздается требование рабочих и профессиональных союзов — «контроль над производством и банками». Вопрос о контроле—и именно о рабочем контроле—становится основным стержнем, вокруг которого происходит мобилизация сил с обеих сторон для неизбежного и решительного столкновения.

2.

В мае 1917 г. собралась первая конференция петербургских фабрично-заводских комитетов, в которой приняло участие 600 представителей фабрично-заводских комитетов. Главным боевым вопросом на конференции являлся контроль над производством.

Меньшевики в своей резолюции предлагали: «вмешательство в экономическую жизнь и контроль над нею должен осуществляться государством. В органах, регулирующих экономическую жизнь, большинство должно быть обеспечено за представителями демократии». Конференция отвергла такую неопределенность. Признав заинтересованность пролетариата в сохранении производства, необходимость перехода через контроль и регулирование к организации производства, — конференция не доверила дело контроля капиталистическому государству и расплывчатой, всеоб'емлющей «демократии», а определенно заявила в принятой ею резолюции: «Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительного рабочего контроля».

III Всероссийская конференция профессиональных союзов в июне 1917 г. приняла резолюцию о контроле над производством и банками. В резолюции говорится о нормировании цен важнейших продуктов, о принудительном государственном трестировании и синдицировании, реорганизации государственных органов

регулирования, с тем, чтобы там получили преобладание представители «революционной демократии».

Резолюция эта страдает половинчатостью и бесплодностью; она говорила о государственном контроле, который не мог на деле быть действительным, поскольку в органах контроля не обеспечивалось преобладающее влияние рабочих организаций, а наоборот, обеспечивалось слишком сильное влияние именно капиталистических организаций; дальнейшее регулирование промышленности резолюция передавала Центральному Экономическому Комитету, в котором предприниматели фактически обделывали свои дела, в конечном итоге саботируя его работы.

Рабочий контроль, на котором настаивали большевики и интернационалисты, был отвергнут меньшевистско-эсеровским большинством; в резолюции указывается: «процесс... регулирования (экономической жизни) очень труден и сложен, чтобы пролетариат мог возложить только на себя одного или даже преимущественно на себя это регулирование, даже если бы другие классы населения предоставили ему выполнение этой задачи». А потому надо итти на соглашение с буржуазией; искание же соглашения с ней диктует осторожную постановку вопросов, затраливающих основы капиталистических отношений. Эта осторожность и отразилась в резолюции конференции о контроле, сделав резолюцию бесплодной, клочком бумаги, а не практической директивой революционного действия.

Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов принимал участие в работах Экономического Совета. Представителям ВЦСПС постоянно приходилось быть на чеку, так как представители буржуазии в Экономическом Совете пытались... «направить все внимание членов его на необходимость мероприятия в области ограничения заработной платы, удлинения рабочего дня в целях поднятия производительности труда». (Отчет ВЦСПС за 1917 г.). Иначе говоря, представители буржуазии стремились через Экономический Совет вести борьбу против рабочих завоеваний, саботируя работу Совета. Это вполне естественно. Контролировать и регулировать хозяйственную жизнь через подобные органы могли мечтать только люди, боявшиеся революции и ее последствий, склонявшиеся к «законности и порядку» и ради этих последних становившиеся фронтом вместе с буржуазией против рабочей революции со всеми ее последствиями в случае победы. Именно так вели себя соглашательские партии меньшевиков и

эсеров, фактически стоявшие на страже «священных» прав собственности, несмотря на заявление министра Скобелева (меньшевика), что рабочие получат «все 100%» причитающейся им доли.

Большевики и большинство рабочих ставили вопрос иначе: рабочий контроль, суровое подчинение предпринимателей органам регулирования, в которых большинство обеспечено рабочим организациям, а не расплывчатой «революционной демократии», и предоставление права контрольным комиссиям фабрично-заводских комитетов проверять и приостанавливать все решения и мероприятия фабрично-заводской администрации. Это означало не соглашение с капиталистами, а решительное нарушение их «священных» прав собственности, ибо контроль над производством, как он понимался и проводился рабочими организациями, приводил к фактическому захвату предприятий рабочими, к изгнанию предпринимателей-саботажников. У пролетариата не было другого способа спасти от развала промышленное производство, а с ним и все хозяйство. Кроме того, каждая попытка рабочих во всех без исключения отраслях производства (и в торговле) улучшить свое материальное положение и условия труда наталкивались на закрытие предприятия или на расстройство правильной деятельности его. Рабочие понимали, что в прогрессивной разрухе в значительной степени повинна суб'ективная организованная воля предпринимателей, и они видели единственный выход из этого в рабочем контроле, об'ективно приводившем к захвату предприятий рабочими. Но государственная власть находилась в руках буржуазии (для отвода глаз умные буржуа ввели в правительство нескольких меньшевиков и эсеров, надеясь, что им, авось, удастся околпачить рабочих и крестьян; это не удалось...), она не могла спокойно смотреть на нарушение рабочими «священных» прав собственности — она боролась с рабочими организациями, как боролась и с крестьянами, когда те вздумали захватывать помещичью землю. Фактически это была борьба за власть. Преследовались большевики, фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, отдельные рабочие, натравливались солдаты и крестьяне на рабочих, и все с одной целью — отрубить революции руки и голову, расправиться с ней и окончательно укрепить свою буржуазную власть без всяких помех. Рабочие организации знали это — они сознательно поставили вопрос о захвате власти пролетариатом и повели в этом направлении свою работу. Рабочие чутьем и старым опытом понимали, к чему ведет дело буржуазия

и приласканные ею меньшевики и эсеры—и с полной готовностью и энтузиазмом шли на завоевание власти.

3.

После июльского поражения петербургских рабочих капиталисты подняли голову, уверенные, что уже начался спад революционной волны. Такое заблуждение могло быть навеяно поведением меньшевиков и эсеров, усиленно занимавшихся ликвидацией революции. Во всяком случае, после июльских событий капиталисты переходят в решительное наступление против рабочих. В июле, августе, сентябре и октябре происходят массовые экономические конфликты; сотни тысяч рабочих (кожевники Московской губ., текстильщики Иваново-Вознесенского района, горнорабочие Донецкого бассейна и т. д.) выступают за свои социальные требования; коалиционное правительство пытается остановить поднимающуюся волну своим вмешательством с примирительной целью, пытается разыграть роль власти, стоящей вне классовых интересов и об'ективно, одинаково относящейся к борющимся классам; но это не приводило ни к чему, вызывая еще большее ожесточение с обеих сторон.

Еще с первых месяцев революции петербургские рабочие — и в первую очередь металлисты — начали делать попытки установить контроль, по преимуществу, наружный, пассивный (по выражению тов. Цыперовича) контроль. Рабочие замечали, что предприниматели вывозили сырье и продавали его, заявляя в то же время о закрытии предприятий из-за недостатка сырья; вывозили и продавали готовые изделия, а рабочим заявляли, что предприятие принуждено остановиться из-за отсутствия денежных средств.

Рабочие, подозревая неладное, устанавливали сторожевые наружные посты, чтобы воспрепятствовать тайному вывозу сырья, топлива и изделий с предприятий. От наружного сторожевого контроля рабочие переходят к внутреннему, с целью проверки, насколько верны заявления предпринимателей о недостатке материалов для продолжения производства, причем, если их действительно не хватало, то становился вопрос о причинах этого явления, а также и о том, можно ли достать необходимые материалы, чтобы продолжать производство, так как приостановка его означала прежде всего голод рабочих. Рабочие делают попытки самостоятельно разыскивать и подвозить для предприятий топливо и сырье и даже снабжают их денежными средствами; это уже активный

контроль. С проверкой рабочими технического оборудования промышленных предприятий, предпринимавшейся с целью доказать, что падение производительности труда во многих отношениях об'ясняется расшатанностью и изношенностью станков, активный внутренний контроль достиг законченной формы (между прочим, такая проверка обнаружила умышленное со стороны предпринимателей употребление изношенных технических орудий вместо новых и вполне сохранившихся). Активный контроль, конечно, применялся, например, в Петербурге, и с первых дней революции, когда некоторые заводы и фабрики покидались перетрусившими предпринимателями и администрацией (особенно это относится к администрации казенных заводов, состоявшей из военных, часто генералов). Рабочие не могли пассивно ожидать возвращения развенчанного «начальства» и самостоятельно, через фабрично-заводские комитеты, продолжали производство.

4.

Массовое применение внутреннего активного контроля совпало с началом организованного массового саботажа предпринимателей. Рабочими начал применяться захват предприятий, как средство против остановки производства. К этому времени стало вполне ясно для руководителей профессионального движения, что стачка, как универсальный метод борьбы за социальные требования рабочих, уже не достигает своей цели в капиталистическом обществе, и «что борьба из области распределения материальных благ должна быть перенесена в область производства». (А. Гуревич. Всероссийский союз металлистов). Эта позиция особенно определенно была занята Всероссийским союзом металлистов, который уже с августа начинает подготовительные работы к революционной борьбе за диктатуру рабочего класса. Московский союз металлистов в сентябре отказывается от стачечной борьбы за повышение тарифа, считая необходимым превращение отдельных частичных экономических выступлений в генеральное сражение с капитализмом и его политической властью. В день открытия государственного совещания 25 августа, московские профессиональные союзы провели внушительную стачку московского пролетариата, демонстрируя свои силы пред об'единявшейся контрреволюцией.

Если первые попытки саботажа буржуазии проводились иногда за личный страх, неорганизованно (в северном и особенно пе-

тербургском районе), то через несколько месяцев, начиная с июля, стал проводиться планомерный саботаж,—в московском текстильном районе, а затем на юге.

В августе состоялась конференция предпринимательских об'единений; в конференции приняли участие крупнейшие предпринимательские союзы ,об'единявшие до 2.000 предприятий с количеством рабочих свыше 1.500.000.

На конференции был создан всероссийский союз обществ фабрикантов и заводчиков, с целью «об'единения для защиты своих интересов». Председатель конференции заявил, что союз выработает «руководящие указания для устранения вмешательства фабрично-заводских комитетов в компетенцию заводоуправлений». Задержка и расстройство производства в московском текстильном районе проводились уже по обдуманному плану и были связаны с созывом государственного совещания, на котором ковалось оружие против революции, подготовлялось выступление Корнилова. Слова Рябушинского — «костлявой рукой голода задушим»... имели реальное значение, а не были только ораторским приемом.

Вот факты. Правление Ликинской мануфактуры фабрики Смирнова (ст. Ликино, Владимирской губ.) об'явило о закрытии фабрики с 1 августа из-за отсутствия топлива и предполагаемого ремонта. Рабочие заволновались. По обследовании представителями управления московского районного уполномоченного по топливу и московского заводского совещания выяснилось, что налицо преступное бездействие правления фабрики. «Район фабрики — торфяной и дровяной, так что при желании возможно было бы запастись местным топливом, учитывая в особенности то обстоятельство, что рабочие фабрики охотно предлагали свои силы для всякого содействия фабрике ради продолжения производства». «Что касается вопроса о ремонте фабрики, выдвигаемого правлением товарищества в качестве препятствия к продолжению работ фабрики после 1-го августа, то он сводится к обычному текущему ремонту и может быть проведен в большинстве случаев, не прерывая работ фабрики»... «Следует добавить, что, несмотря на критическое положение рабочих в июне с. г., находящихся все время под угрозой предполагаемой приостановки фабрик, производительность их за этот месяц, по сравнению с прошлым годом, не изменилась». Владелец фабрики Смирнов состоял в то время председателем Московского Военно-Промышленного Комитета и был членом организации бумагопрядильщиков, «что и дало основание

администрации фабрики заявить, что пустить фабрику зависит не от владельца, так как это собственно вопрос всего района», т. е. иными словами, союза фабрикантов и заводчиков. («Ткач», № 1, XI, 1917 г., у Цыперовича, стр. 19—21).

Искусственное расстройство фабрично-заводской жизни «своими средствами» (за свой риск) отдельными предпринимателями под нейтральными предлогами — первая стадия предпринимательского саботажа. Тенденция рабочего класса создать наиболее благоприятные условия для производства, с целью предотвратить хотя бы временное закрытие предприятий—первая стадия рабочего контроля. Саботаж захватывал предприятия, не понизившие своей производительности, несмотря на неблагополучные условия.

Наблюдалось перенесение искусственной задержки производства с отдельных предприятий на целый район под общим руководством центральных организаций предпринимателей.

После закрытия Ликинской фабрики вскоре началось общее выступление текстильных фабрикантов всего московского района, получившее законченные формы при обсуждении его союзом текстильных рабочих 24 сентября 1917 г. При определении прожиточного минимума фабриканты предлагали выставлять стоимость продуктов ниже твердых цен, установленных городской управой (минимум по твердым ценам выражался в 6 руб. 90 коп., фабриканты давали не более 6 руб.). Рабочие требовали расценки продуктов по рыночным ценам. Разногласия имели место и из-за рабочего времени: рабочие настаивали на 46 часах работы в неделю, фабриканты — на 47. Конфликт обсуждался на делегатском собрании союза рабочих одновременно с приказом временного правительства о закрытии промышленных предприятий. Было вынесено только одно решение — обратиться в Совет профессиональных союзов с требованием принять решительные меры к недопущению проведения этого приказа в жизнь.

К Октябрьским дням весь текстильный район был охвачен всеобщей забастовкой текстильных рабочих.

После провала московского государственного совещания, саботаж, не достигнув желательных результатов в петербургском металлообрабатывающем и московском текстильном районах, направился к источнику основы промышленности — углю. Расстройство добычи угля в корне должно было потрясти и промышленность и транспорт, и расстроить всю экономическую жизнь страны.

Саботаж переносится в Донецкий бассейн, туда же стягиваются и политические силы контр-революции во главе с Калединым и Богаевским. Профессиональное движение в Донецком районе в то время еще только налаживалось; оно не могло противопоставить никакой организованной силы группе фон-Дитмара, Свицына и др., действовавшей при поддержке финансистов, и в полном согласии с Калединым приступившей к массовому закрытию шахт и рудников. Сразу стал ощущаться недостаток топлива. Транспорт быстро сокращался. Началось массовое закрытие предприятий по всей стране. Подвоз продовольствия расстроился. В такой обстановке у рабочих организаций окрепла идея о вмешательстве их в самый ход производства в целях полного контроля. Рабочему классу оставалось или сдаться или победить.

Временное правительство, разумеется, было на стороне финансистов и промышленников, и только меньшевики, зараженные идеей внеклассовой государственной власти, могли надеяться на его помощь. Обострение саботажа в Донецком бассейне вызвало широкое забастовочное движение в угольных районах. Временное правительство, при поддержке Ц. И. К. Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 1-го созыва, выступило не против саботажников, разрушавших хозяйство страны, а против рабочих, протестовавших и стремившихся помешать закрытию и разрушению шахт. В Донецкий бассейн был послан в качестве угольного директора бывший товарищ министра торговли А. Орлов, получивший полномочие использовать военную силу казаков для приведения рабочих к повиновению.

Накануне и особенно после Октябрьских дней на разрушение промышленности была двинута последняя сила капитализма—финансовый капитал. Под действием этого факта контроль над финансовой отчетностью предприятий превратился в контроль над фактическим движением в нем денежных средств и в активное финансирование производства. Отсюда один шаг к национализации банков, национализации крупной промышленности.

III. Борьба внутри профессионального движения.

1.

Кроме организационных недочетов, мешавших профессиональным союзам развернуть полностью свои силы в борьбе за производство, этому мешало еще одно обстоятельство: наличие влияния в профессиональном движении в первые месяцы революции оппортунистических, соглашательских партий — меньшевиков, бундовцев и эсеров. С ними пришлось вести ожесточенную борьбу, и рабочий класс не сразу разгадал сущность политики этих партий и лишь на опыте борьбы, изо дня в день чувствуя тормозящую силу этих партий,—пролетариат освобождался из-под их влияния; в августе-сентябре революционные массы окончательно отвернулись от них, и эти партии продолжали сохранять влияние лишь в наиболее политически отсталых и консервативных группах рабочих и служащих — у печатников, фабрично-заводских служащих; значительная часть торговых служащих тоже шла за ними. У печатников господствовали меньшевики, у служащих — за исключением петербургского, иваново-вознесенского и некоторых уральских и сибирских союзов торговых служащих — тоже меньшевики. В некоторых других союзах меньшевики были, но не имели решающего значения в союзной политике.

На III конференции правые партии оказались в большинстве, хотя и незначительном, но давшем возможность им определить линию профессионального движения по своему, исходя из общего взгляда на революцию и на роль в ней пролетариата. Они не мыслили возможной и необходимой рабочую социалистическую революцию, захват рабочим классом власти. Наоборот, они находили нужным остановить революцию на стадии завоевания буржуазных свобод и в дальнейшем ограничиться созданием условий, благоприятных для развития русского капитализма и более или

менее подходящих условий для развития рабочего класса и удовлетворения его материальных нужд и культурных запросов в рамках капиталистического общества. Для этого они считали достаточным установление такого политического строя, который обеспечивал бы, по их мнению, наибольшую возможность развития демократии — представительное правление, всеобщее и т. д. избирательное право, свободу коалиций, слова, печати и т. д. и т. п., полагая, что русское хозяйство еще не развилось до той ступени, когда можно было бы говорить о его обобществлении (хотя их единомышленники в Западной Европе, несмотря на сильно развитую промышленность борются против социалистической революции). Нелюбовь наших меньшевиков к социалистической революции происходит, конечно, не по причине слабости нашей крупной промышленности, а вследствие их сильной любви и привычки к капиталистическому строю, что и доказывают их зап.-европейские сотоварищи и они сами, когда вместе с капиталистами и помещиками выступают против Советской России. Ссылка меньшевиков на неразвитую промышленность в России не имеет значения доказательства ненужности и невозможности захвата власти рабочим в тех исторических условиях, в которых очутилась Россия и весь мир в 1917 году. Кроме того, нет никаких резонов ждать того момента для социалистической революции, когда вся промышленность была бы сконцентрирована в крупных и крупнейших предприятиях: в полном виде такого условия достигнуть нет возможности, оно мыслимо только идеально, и в самых развитых капиталистических странах мы видим, наряду с мощными промышленными предприятиями и их об'единениями и союзами — синдикатами, трестами и картелями — и значительное количество мелких предприятий. Дальше, несмотря на то, что промышленность России начала развиваться поздно и развивалась сравнительно медленно, в ее развитии, в силу ряда причин, с первых же шагов наметились тенденции в сторону сильной концентрации производства. «Хотя фабрика в нашей хозяйственной жизни играет меньшую роль, чем, например, в Германии, но зато в пределах фабричной промышленности у нас наблюдается большая концентрированность производства». «В нашей капиталистической промышленности крупные предприятия играют большую роль, чем в Западной Европе». «В Германии в 1907 году лишь около 11% всего рабочего персонала крупных и средних предприятий было занято в гигантских фабриках (с количеством рабочих свыше

1.000), в России же в 1902 г. почти 40%, а с тех пор концентрация нашего фабрично-заводского производства сильно двинулась вперед». (Туган-Барановский. М. И. Курс политической экономии, изд. 1917 г., стр. 173—174). Допуская, что удельный вес русской промышленности в общем хозяйственном строе России невелик, — это верно, — оппортунисты упускают из виду мировую тесную связь хозяйств отдельных стран и мировое значение социалистической революции: в какой бы стране она ни началась, если эта страна играет крупную роль в мировом хозяйстве, а Россия является таковой, революция должна захватить все связанные между собою хозяйственно страны. Полную победу рабочего движения социалисты всегда мыслили, как победу международного рабочего движения. Социалистическая революция немыслима в национальных рамках, и русская рабочая революция есть только начало мировой социалистической революции, схватка на передовых позициях, и начаться она могла скорее всего в России, как наиболее слабом пункте капиталистического фронта — история в данном случае помогает революционной стратегии и тактике. Ждать же лучших времен для начала рабочий класс не мог под угрозой полного закабаления русскому и иностранному капитализму и, может быть, полного физического истощения и вырождения. Капитализм обанкротился, надо убрать его с дороги; и полная победа над ним будет одержана тогда, когда к нам подоспеют тыловые, хорошо вооруженные и обученные части пролетарской армии высоко развитых промышленных стран.

В сущности, для меньшевиков, как и для правых западноевропейских социалистов, никогда не мог наступать подходящий момент для социалистической революции по той простой причине, что они не хотели его наступления, так как наивно верили, что социалистический строй постепенно разовьется в недрах капитализма, вростет в него и вытеснит капитализм без всякого шума, без всяких социальных потрясений и насильственных переворотов. Следовательно, нет необходимости, по мнению оппортунистов, завоевания власти пролетариатом и в диктатуре пролетариата. Одни из них искренно верили в такое мирное развитие, другие сознательно одурачивали рабочих, сдерживая их от революционных выступлений и помогая тем самым капитализму.

Развитие капитализма в XX веке и результаты мира между классами, особенно за годы войны и после, доказывают, что капитализм ничем существенным в пользу рабочих не поступится,

основы же своего существования — право эксплоатации — будет защищать с неумолимой жестокостью и беспощадностью, отнюдь недопуская никакого врастания социализма, — последний может утвердиться только на развалинах капитализма, при одной мысли о которых оппортунисты приходят в священный ужас и пророчат гибель мира без его капиталистической няньки.

2.

Развитие теории и практики оппортунизма имеет свою историю и в России, и на Западе. Их практический вывод из их теории — мирное развитие без острых столкновений, без насильственных революций, посредством выгодных соглашений рабочего класса с буржуазией о постепенном насаждении благополучия рабочего класса, — диктовал им тактику классового мира в русской революции и, в частности, в профессиональном движении.

На III конференции профессиональных союзов большевики и интернационалисты предлагали «осудить всякие попытки сузить и подчинить профессиональное движение интересам войны и правящих классов», предлагали провозгласить, что союзы «останутся чуждыми всякой идее междуклассового перемирия, всякого признания возможности сотрудничества с буржуазией своей страны», и заявить от имени конференции, что союзы поддержат только те социалистические партии, которые будут «выступать за скорейшую ликвидацию войны путем массовой революционной борьбы против правящих классов своих стран». Но все эти предложения большинством меньшевиков, бундовцев и эсеров были отвергнуты. Они считали достаточным констатировать, что основная задача профессионального движения — руководство экономической борьбой пролетариата «как одной из главных форм его классовой борьбы, ставящей себе целью замену капиталистического общества социалистическим», а дальше—ограничиться указаниями на необходимость социального законодательства, отстаивания интересов трудящихся в местных самоуправлениях, о необходимости политических свобод и т. д. Посредством социального законодательства до социализма, конечно, не добрести никогда. Вся половинчатость и трусость меньшевиков перед революцией характеризуется одной фразой из резолюции о контроле над производством: «Пролетариат... кровно заинтересован в том, чтобы не брать на себя одного: ответственность за ход и исход борьбы с экономическим расстройством страны». Значит,

пролетариат должен был, по мнению меньшевиков, бороться с экономическим расстройством рука об руку, плечо в плечо с буржуазией. Но буржуазия как раз и занималась тем, что на деле проводила экономическое расстройство страны, чтобы при помощи полной разрухи одержать политическую победу над рабочим классом и сохранить свою экономическую и политическую власть даже без меньшевистских Советов...

3.

Практика революции подсказывала рабочим не ту тактику, которую предлагали и на деле проводили меньшевики и их союзники. Металлисты, текстильщики и главнейшие центры рабочего движения (Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск) на III конференции выступали за революционную борьбу против коалиции (союза с буржуазией). Во время государственного совещания 500.000 московских рабочих по призыву московского Совета профессиональных союзов устроили однодневную стачку-демонстрацию с лозунгом— «Вся власть Советам», когда меньшевики и эсеры сговаривались с тузами капиталистов и контр-революционными генералами— Алексеевым, Калединым, Корниловым, собиравшимися под носом у меньшевиков залить кровью рабочие кварталы. Уральская конференция профессиональных союзов, на которой было представлено 145.000 рабочих, вынесла резкий протест против «подмены представительства революционной России московским совещанием контр-революционных сил страны». Когда Корнилов выступил в поход против Петербурга, как центра революции, — крупнейшие профессиональные союзы требуют разрыва коалиции, рабочего контроля и всей власти Советам. В конце августа петербургский Совет союзов, констатируя, что временное правительство приносит интересы мира и народных масс в жертву союзным и русским империалистам, требует создания особого комитета обороны Петербурга от контр-революции. Московский союз металлистов заявляет, что «нет отдельных конфликтов металлистов, текстилей, кожевников — есть один огромный всероссийский конфликт труда и капитала», а всероссийская конференция текстилей в сентябре заявляет о «всемерной поддержке Советов в их борьбе за власть, ибо только такая власть может спасти страну от экономического и политического развала и улучшить положение рабочего класса». Рабочие покинули ряды оппортунистов и пошли за большевиками,

указавшими путь завоевания власти. А меньшевики, разоружавшие петербургских рабочих после июльского восстания, теперь думали только об одном—как бы сохранить власть временного правительства.

Но рабочие и профессиональные союзы каждый день доставляли им новые разочарования. На общедемократическом Совещании в Петербурге, в сентябре, девять десятых (73 против 8) делегатов от профессиональных союзов, представлявших 1.893.100 человек, высказались против коалиции с буржуазией. Председатель Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, меньшевик Гриневич, принужден был после этого сложить с себя обязанности председателя, мотивируя отказ тем, «что он, будучи сторонником коалиции, не может стоять во главе профессионального движения, представители которого в таком подавляющем большинстве высказываются против занимаемой им позиции». (Отчет ВЦСПС за 1917 г., стр. 27).

Московская областная конференция металлистов, на которой были представлены 138.000 рабочих, 5 октября требует энергичной борьбы за коренное изменение начал экономической политики, национализации крупнейших синдицированных нефтяных, каменноугольных, металлообрабатывающих, сахарных и др. предприятий, национализации транспорта и банков. Конференция рекомендует «проводить на местах и поощрять инициативу в смысле скорейшего осуществления требования рабочего контроля над производством». 9 октября 1.000 делегатов от 200.000 текстильщиков московского района обещают поддержку Советам, призывая их «к решительным действиям в борьбе с саботажем промышленников и предательской деятельностью временного правительства».

Дни буржуазной власти были сочтены. Советы завоевывались большевиками; меньшевиков и эс-эров рабочие не переизбирали. И 25 октября (7 ноября) петербургский пролетариат вместе с революционным гарнизоном, во главе с Советом Рабочих Депутатов, сбрасывают временное правительство и передают всю власть Советам. Начинается новая историческая эпоха. И профессиональное движение вступило в эту новую эпоху не в последних, а в первых рядах. Вслед за союзом металлистов, предоставившим в распоряжение Советской власти весь свой технический аппарат, спешат то же самое сделать и другие союзы; на нужды новой власти профессиональные союзы отчисляют денежные средства. Кроме того, профессиональные об'единения приняли энергичное участие

в налаживании государственного аппарата, покинутого чиновниками и меньшевиками, организуют продовольственное дело, Красную гвардию; союзы и Советы союзов участвуют через своих представителей в военно-революционных комитетах, формируют санитарные отряды и в то же время, вместе с фабрично-заводскими комитетами, усиленно проводят контроль над производством, поскольку оно оставалось в руках частных предпринимателей.

Профессиональные союзы в целом не отделяли себя от революции и принимали активное участие в свержении власти капиталистов, но были отдельные об'единения, оставшиеся на стороне временного правительства и буржуазных штабов контр-революции. Таковы — союз печатников, в некоторых городах союзы торговых служащих, все союзы всех других групп служащих (банковских, страховых, фабрично-заводских и т. д.), а также части союзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих (непролетарские элементы, «высшие» служащие). Служащие правительственных учреждений, банков и проч. бастовали против Советской власти и в течение долгих месяцев саботировали. Союз печатников активно выступил на защиту «свободы печати» для буржуазных и не менее контр-революционных изданий меньшевиков и эс-эров. Печатники постановляли: «не печатать никаких газет большевистского направления, впредь до прекращения преследований против печати», об'явить всеобщую стачку протеста в защиту свободы печати». Большая Суворинская типография в Петербурге бастовала несколько недель. Между рабочими и саботировавшими служащими завязалась острая борьба, отзвуки которой чувствуются и до сих пор. Внутри самих служащих «низшие» служащие боролись с «высшими», стремясь парализовать саботаж последних.

В целом же, профессиональные союзы приняли положение, что стачка при власти пролетариата есть саботаж и контр-революция, преступление перед русским и международным социализмом. Стачки рабочих против капиталистов, начатые до Октябрьской революции, прекращались по призыву органов профессионального движения, как только власть переходила к рабочим.

IV. Задачи профессиональных союзов накануне диктатуры пролетариата.

1.

Во время империалистической войны профессиональное движение в России было разгромлено. А западно-европейское профессиональное движение, под руководством социал-соглашателей, об'явило себя в состоянии социального мира, отказалось от борьбы с буржуазией, выбросило за борт классовые задачи пролетариата и в каждой стране бросило все свои силы на защиту отечества своей буржуазии.

Между тем, разрушительная империалистическая война со всеми ее потрясениями поставила перед пролетариатом и его организациями новые и сложные задачи, разрешение которых стало уже немыслимо старыми методами в рамках капиталистического строя. Но соглашатели-оборонцы поставили себе задачу крепко приковать рабочий класс к колеснице империализма, об'явив о необходимости согласования интересов пролетариата с интересами империализма. На практике это согласование означало не что иное, как отказ пролетариата не только от борьбы против буржуазного строя, но и от борьбы за повседневные свои экономические интересы.

Русские оборонцы-меньшевики, ликвидаторы, эс-эры — не отставали от своих западно-европейских собратьев, и стремились направить рабочий класс по тому же пути классового сотрудничества с буржуазией.

При возникновении профессиональных союзов после падения царизма, они приложили максимум усилий, чтобы удержать профессиональное движение в пределах, допустимых с точки зрения интересов буржуазного государства, а также стремились использовать профессиональное движение в интересах обороны отечества миллионеров Рябушинских и Коноваловых.

Меньшевики избегали даже постановки вопроса о подготовке борьбы за диктатуру пролетариата.

Резолюция третьей конференции профессиональных союзов по докладу меньшевика Шварца «об учредительном собрании и рабочей политике» не шла дальше намечения программы социальных реформ, осуществимых в капиталистическом строе, как-то: свобода коалиций, инспекция труда, биржи труда, реформа больничных касс, примирительные камеры и третейские суды, промысловые суды. Дальше задач дореволюционного периода меньшевики не шли. Существа дела не изменяла и резолюция «о задачах профессиональных союзов», принятая по докладу Гриневича, где, между прочим, сказано о постановке и немедленном разрешении «вопроса о государственном вмешательстве в организацию производства и контроле над ним, а также о государственном распределении продуктов». Этот «вопрос» прекрасно был разрешен в Германии; такого разрешения хотели и меньшевики, закрывая глаза на то, что оно в интересах обороны и продолжения войны является задачей буржуазного государства, которое отнюдь не имело намерения чем бы то ни было поступиться в интересах рабочего класса.

Рабочий класс не остановился на указанной меньшевиками линии. Он накапливал силы и приводил их в боевой порядок для битвы за власть, за захват производства, так как инстинктивно чувствовал, что никакие государственные «контроли» не выведут страну из состояния полного развала и не предохранят трудящихся от все более и более тяжкого гнета.

2.

Профессиональное движение — как известно — не пошло по намеченному меньшевиками пути. Оно избрало другой путь, который был указан партией большевиков, формулировавшей задачи профессионального движения в эпоху империалистической войны на своем шестом с'езде (происходил в июле — августе 1917 года, после разгрома партии правительством Керенского).

В резолюции «о задачах профессионального движения» с'езд устанавливает, что развитие классовой борьбы в эпоху империалистических войн, «не устраняя основной задачи, стоящей перед профессиональным движением — руководства экономической борьбой пролетариата, как одной из форм его классовой борьбы — выдвигает перед ним новые и сложные проблемы, радикальное разрешение которых возможно только при замене капиталистического строя социалистическим». Указав дальше, что экономиче-

ская катастрофа при наличии контр-революционной диктатуры грозит «тяжкими последствиями для рабочих масс России» и «самому существованию профессиональных союзов и революции», с'езд предлагает вести энергичную борьбу за широкое всестороннее рабочее законодательство, отмечая при этом, что профессиональные союзы «должны во всех своих выступлениях руководствоваться принципами последовательной классовой борьбы, энергично и планомерно отстаивать общие интересы рабочего класса, отвергая всякие попытки сузить профессиональное движение и подчинить его интересам войны и господствующих классов». Далее с'езд указывает на необходимость борьбы с контр-революцией и предупреждает, что государственное вмешательство в организацию производства и распределения продуктов может быть проведено в интересах широких народных масс только при диктатуре пролетариата, «опирающегося на широкие слои крестьянства». В заключение, с'езд признал, что все стоящие перед профессиональными союзами задачи будут выполнены ими лишь при том условии, если они останутся «боевыми классовыми организациями» и будут «вести свою борьбу в тесном органическом сотрудничестве с политической классовой партией пролетариата» и если они будут добиваться скорейшего окончания войны и создания Интернационала, войдя в сношения со всеми профессиональными союзами, «которые ведут в различных странах войну против войны, и вместе с ними выработают общий план их борьбы против буржуазной бойни и за социализм».

3.

Вторая резолюция с'езда посвящена вопросу о нейтральности профессиональных союзов. Она указывает, что еще до войны международное социалистическое рабочее движение пришло к выводу, что нейтральность профессиональных союзов в политической борьбе невозможна и вредна для дела социализма. А кризис рабочего движения во время империалистической войны особенно наглядно показал невозможность нейтральности, когда союзы, ставшие на почву «перемирия классов», «оказались бессильными защищать даже самые элементарные интересы рабочих». В ответ на утверждение, что нейтральность союзов позволяет организовать большие массы рабочих, резолюция указывает, «что массовый характер организаций ни в коем случае нельзя покупать ценой от-

каза от принципов революционного пролетарского социализма». В предстоящих социальных битвах профессиональное движение должно стоять впереди пролетариата, и оно не может быть нейтральным в вопросах, от которых зависят судьбы мирового рабочего движения. При наличии усиливавшейся в то время контр-революции в России, русское профессиональное движение должно было решительно стать на сторону революционного интернационализма и вести непримиримую борьбу с «попытками подчинить профессиональные союзы гегемонии оборончества и должно было выступать против политики «пражданского мира».

Поэтому, с'езд рекомендовал всем членам партии, работавшим в профессиональных союзах:

«1. Всемерно содействовать мобилизации и сплочению рабочего класса в профессиональные союзы.

2. Отстаивать принцип взаимного представительства профессиональных союзов и партий; проводить это представительство в союзах, уже стоящих на революционно-интернационалистической точке зрения, и подготовлять его в остальных союзах организованною работою партийных фракций, действующих в тесной связи с партийными организациями.

3. Воздействовать на союзы, чтобы они взяли на себя инициативу по воссозданию международной организации профессиональных союзов — с участием только таких союзов, которые отвергли и отвергают поддержку империалистической войны и не сошли с почвы классовой борьбы.

4. С'езд настоятельно рекомендует всем членам партии вступать в профессиональные союзы, приглашая также всех сознательных работников профессионального движения вступать в партию пролетариата и работать в партийных организациях».

Так определила партия задачи профессиональных союзов в период февральской революции и наметила свою тактику в профессиональном движении.

Эта тактика оправдана дальнейшим ходом событий, и профессиональные союзы выполнили стоящие перед ними задачи — беспощадной борьбы с буржуазно-помещичьей контр-революцией и установления диктатуры пролетариата.

Развернутым фронтом.

(Эпоха диктатуры пролетариата).

I. Оформление по производственному принципу.

1.

С переходом власти в руки Советов, начинается новая эпоха и в развитии профессионального движения.

Основное средство борьбы, применявшееся профессиональными союзами в капиталистическом обществе, а именно — стачка, теряет свой смысл, когда политическая власть со всеми средствами классового принуждения находится в руках рабочего класса. Борьба с капитализмом ведется не за отдельные социально-экономические требования, а за сохранение власти в руках рабочего класса; борьба с капитализмом преследует теперь задачу полного подавления класса капиталистов в политической и экономической областях.

При наличии Советской власти, в условиях решительной борьбы посредством диктатуры рабочих за окончательное уничтожение классового господства, ведущей к социалистическому строю, развитие профессионального движения приобретает более быстрый темп, чем в условиях капиталистического государства, и оно захватывает в свои ряды более широкие массы, чем раньше, так как рабочие всем механизмом советского строя, — по выражению тов. Рязанова, — втягиваются в профессиональные союзы, и во многих отраслях хозяйства стирается грань между добровольным и обязательным членством, к которому легко, без особых конфликтов и трений, переходят все профессиональные союзы Советской России. Количество членов профессиональных об'единений росло, несмотря на значительное распыление промышленного пролетариата, особенно квалифицированных рабочих, уходившего в армию, деревню, на государственную работу и т. д.

В профессиональные союзы вовлекались неорганизованные ранее элементы; в профессиональное движение вступали районы, мало развитые в промышленном отношении; сильно увеличилось количество организованных служащих, раньше об'единенных в незначительном числе.

На рост профессионального движения в провинции оказывало некоторое влияние и перемещение части промышленности из прежних центров в производящие хлеб и сырье губернии. Общему колоссальному росту профессионального движения способствуют благоприятные для его развития условия, установившиеся в Советской России.

По данным с'ездов профессиональных союзов, количество их членов в Советской России росло так:

На	I с'езде, в январе	1918 г.,	было представлено	2.638.812
„	II „ „ „	1919 „	„ „	3.422.000
„	III „ в апреле	1920 „	„ „	4.328 000
„	V конфер. в ноябре	1920 „	„ „	6.840.000
„	IV с'езде в мае	1921 „	„ „	8.485 800

(На II с'езде не были представлены Украина, Сибирь и Урал. IV с'езд — самый полный по представительству. По данным Орготдела ВЦСПС в 1921 г. (вторая половина) число об'единяемых союзами членов несколько ниже семи миллионов (уменьшение, в виду исключения кустарей и др.); абсолютно точных цифр, конечно, получить не было возможности. Но основные соотношения безусловно верны).

Несмотря на сокращение производства, количество членов профессиональных союзов из года в год росло.

Это доказывает, что все глубже в массы проникает сознание необходимости организации; полное отсутствие каких бы то ни было препятствий к об'единению в этом отношении также играет свою роль. В Советской России вся жизнь основывается на массовой организации и ее укреплении.

Втягивание широких масс в профессиональное движение есть только элементарная, первоначальная организационная задача, стоящая перед каждым рабочим об'единением; чтобы сделать организацию дееспособной, могущей выполнять поставленные пред ней историей задачи, надо найти организационные формы, в наибольшей степени соответствующие данным историческим условиям и характеру деятельности организации.

Организационные формы профессиональных союзов изменялись, приспособлялись к жизненным потребностям. Организацион-

ные формы профессионального движения в его новой стадии развития претерпевали изменения в сторону достижения организационного единства, согласованности отдельных частей профессионального движения, централизации, руководства и укрепления союзной дисциплины. Уже в капиталистической России наметился переход от старого типа узко-профессиональных организаций к производственным об'единениям, когда каждый союз охватывает всех работающих в данной отрасли промышленности.

И тогда уже ощущался недостаток единства в руководстве и слабость союзной дисциплины.

Только намечавшиеся раньше тенденции к производственному принципу строительства, к единству руководства, к установлению твердой дисциплины получили практическое применение и благоприятные для развития условия в Советской России; когда профессиональные союзы были призваны к практическому участию в хозяйственном строительстве, стало проводиться в государственном масштабе нормирование заработной платы и условий труда, тогда принцип «одно предприятие — один союз» стал окончательно ясен для всех работников профессионального движения. В отдельных пунктах профессионального движения до самого последнего времени еще продолжали жить цеховые тенденции, но они не имели общего значения и были обречены на исчезновение. Вместо цехового, профессионального союза жизнь заставила строить «производственный союз, единый в данной отрасли промышленности, охватывающий всех, занятых в ней, рабочих и служащих, независимо от специальности, характера работы и основной профессии». (М. Томский — «Принципы организационного строительства», стр. 15).

2.

Первый с'езд профессиональных союзов не дал еще исчерпывающей формулировки производственного принципа, но практика сама подсказывала необходимые формы строения союзов и устраняла мешавшие ей препятствия. Размежевание союзов и слияние мелких цеховых союзов в одном производственном об'единении вначале наталкивалось на сильные препятствия, каковыми являлись: 1) цеховые предрассудки, довольно значительные в первое время, 2) антагонизм между рабочими и служащими (последние уклонялись от слияния в одних союзах с рабочими) и между низшими служащими и высшими; этот антагонизм долго задерживал

слияние занятых в производстве служащих с рабочими союзами; он смягчился только тогда, когда прекратился непримиримый массовый саботаж; с переходом в производственные рабочие союзы служащих органов, регулирующих производство, такое слияние можно считать законченным.

Главной причиной сравнительной легкости слияния отдельных союзов и об'единения их во всероссийском масштабе с централизацией руководящих органов — являлось сосредоточение регулирования заработной платы и условий труда в межсоюзных об'единениях и всероссийских об'единениях отдельных союзов; участие в хозяйственном строительстве, начиная с его первичной, зародышевой формы — контроля, не могло осуществляться толково и планомерно при существовании нескольких союзов в производстве — сама жизнь толкала их на об'единение в одном союзе.

I С'езд Профессиональных Союзов еще не дал обоснования необходимости строительства союзов по производствам, не дал этого и II с'езд применительно к условиям Советской России. Но I с'езд дал директиву местных профессиональным советам слить смешанные профессиональные организации в производственные союзы, а так как эта директива отвечала практической необходимости, то она была проведена в массовом масштабе.

В начале 1918 года в Петербурге насчитывалось 66 союзов, а после проделанной работы по слиянию в августе 1919 года зарегистрирован 31 союз. В Москве в 1918 году насчитывалось 119 отдельных союзов.

Всероссийские об'единения, организовавшиеся до I с'езда, не представляли собой централизованных организаций; они большей частью определяли свои задачи, как содействующие органы. I с'езд наметил определенные взаимоотношения, основанные на подчиненности отделений союза местному губернскому союзу (отделу), а этого последнего — всероссийскому об'единению. В качестве переходной ступени рекомендовались областные об'единения с выборами на областных с'ездах; областные об'единения не во всех союзах получили законченное развитие. Всероссийские же об'единения после I с'езда сформировались по всей линии, и на II Всероссийском С'езде Профессиональных Союзов было постановлено упразднить областные об'единения, заменив их на некоторых окраинах Бюро и уполномоченными, назначаемыми ВЦСПС и ЦК союзов.

I Всероссийский с'езд вынес решение о слиянии фабрично-заводских комитетов с профессиональными союзами (таково же решение всероссийского с'езда фабрично-заводских комитетов), после чего они стали функционировать, как первичные ячейки профессиональных союзов. Резолюция так мотивирует необходимость слияния: «фабрично-заводские комитеты брали на себя задачи, обычно выполняемые профессиональными союзами. Но с развитием и укреплением производственных профессиональных союзов эти фабрично-заводские комитеты должны стать органами соответствующих профессиональных союзов на местах. Принимая во внимание, что целый ряд сложных организационно-хозяйственных задач, связанных с вопросами демобилизации, контроля и регулирования промышленности, требует от пролетариата напряжения и об'единения всех его сил, что параллельное существование двух форм экономической организации рабочего класса с перекрещивающимися функциями способно лишь затруднить процесс сосредоточения всех сил пролетариата, — с'езд считает, что все перечисленные организационно-хозяйственные задачи рабочий класс может лучше всего выполнить под руководством своих классовых экономических организаций, построенных по производственному принципу». После этих решений ликвидировался Центральный Совет фабрично-заводских комитетов и началось слияние последних с профессиональными союзами.

С 1917 по конец 1920 г. 25 производственных союзов провели 72 всероссийских с'езда и конференций. Ко времени I с'езда было 28 всероссийских об'единений; в 1919 г. их было 33. К концу 1920 г. числилось 24 всероссийских производственных союза, а после III с'езда — 23. Перестройка по производственному принципу и об'единение союзов во всероссийском масштабе ко времени III с'езда было закончено. Основная схема, в законченном виде, отдельного союза в 1920 году была такова: первичная, основная ячейка союза — фабрично-заводский комитет или местный комитет (у служащих). Все комитеты данной местности (уезда) составляют отделение союза. Все отделения в пределах губернии или района составляют губернский (районный) отдел. Отделы об'единяются во всероссийские об'единения, и, таким образом, фабрично-заводские комитеты, отделения и отделы являются органами всероссийского союза, управляемого ЦК, избираемыми всероссийским с'ездом.

Вполне оформленного понятия производственного принципа строительства союзов нет, и он проводится на практике в соот-

ветствии с жизненными потребностями, данные же с'ездами формулировки помогают ориентироваться, дают общую единую схему, наиболее полно выраженную II с'ездом в следующих положениях: «производственный союз, это — единый союз, имеющий следующие основные признаки: а) об'единение союзом всех рабочих и служащих данной отрасли промышленности, независимо от выполняемых ими функций, б) централизация кассы, в) управление делами союза на основе демократического централизма, г) выработка единым центром тарифов и условий труда для всех категорий труда, д) единообразный принцип строительства снизу до верху, е) роль секций, как технических и подсобных органов, ж) представительство интересов профессионально-организованных рабочих и служащих данной отрасли промышленности пред внешним миром единым центром».

Изменения в этих положениях, вносимые на основании практики, имели характер поправок, отдельных исправлений и дополнений. И в дальнейшем изменения организационных форм будут происходить в соответствии с изменениями в задачах профессиональных союзов и в условиях их деятельности.

3.

Вместе с развитием организационных форм отдельных союзов развивались организационные формы и межсоюзных об'единений— местных и всероссийского.

После I с'езда местные советы профессиональных союзов сделали значительный шаг вперед, как в установлении на практике более определенно своих функций, так и в смысле об'единения вокруг себя отделений и отделов союзов.

На I с'езде профессиональных союзов было представлено 48 совпрофов с 1.878.000 членов из 2.638.812 общего количества членов.

На II с'езде — 82 губпрофсовета с 2.037.700 членов из 3.422.000 общего количества членов.

На III с'езде губпрофсоветы представляли 3.980.435 из 4.328.000 общего количества членов.

По отчету ВЦСПС на IV с'езде, он об'единял 78 губпрофсоветов, об'единяющих, в свою очередь, 8.296 организаций, из коих было 1.307 губотделов, 557 упрофбюро, 6.005 уездных отделений, 427 местечковых и поселковых секретариатов. Уже не было ни одной профессиональной организации вне межсоюзных об'единений.

Параллельно с об'единением всех местных союзов вокруг губпрофсоветов, усиливалось и значение последних; их функции расширялись и постепенно приобретали руководящий характер по всем вопросам местного профессионального движения; одновременно укреплялся их технический и организационный аппарат; они становились центрами для всей губернии или района, об'единяя вокруг себя уездные бюро и губернские (или районные) отделы союзов, направляя и согласовывая их работу. Усилению и укреплению авторитета губпрофсоветов способствовало то обстоятельство, что они были признаны Советской властью органами представительства организованного в местные профессиональные союзы пролетариата и привлечены к разрешению всех вопросов, связанных с регулированием условий труда.

I с'езд еще не дал схемы построения губпрофсоветов. Это сделал II с'езд, который уже мог учесть некоторый опыт профессионального движения в условиях диктатуры пролетариата и формулировать его в резолюции: «местные советы профессиональных союзов, являясь руководящими органами профессионального движения и полномочными представителями всего экономически-организованного пролетариата данной местности, в то же время руководствуются в своей деятельности всеми постановлениями всероссийских с'ездов и ВЦСПС, а по отношению к отделам производственных союзов и постановлениями их руководящих центров». Обязанности губпрофсоветов резолюция определяет так: местные советы союзов «должны следить, как за правильностью строения союзов, так равно и за выполнением директив руководящих центров». Таким образом, II с'езд определил роль и функции губпрофсоветов и подчинил им уездные бюро профессиональных союзов на правах филиальных отделений с ограниченной автономией, признав губпрофсоветы руководящими органами (подр. см. в резолюции по организационному вопросу II с'езда).

Ко времени II с'езда ВЦСПС фактически превратился из органа содействующего в орган руководящий. I с'езд определил построение ВЦСПС, введя постоянное представительство от ЦК всероссийских об'единений, что превратило его в процессе работы в авторитетный для всего профессионального движения орган. Укреплению авторитета также способствовало сосредоточение в ВЦСПС работы по регулированию заработной платы и условий труда, проводившейся в государственном масштабе чрез Наркомтруд, с которым ВЦСПС был связан представительством и планом

работ, основанными на совместной деятельности. Конечно, работа по регулированию заработной платы имела большее значение в укреплении авторитета ВЦСПС, чем форма представительства.

II с'езд закрепил руководящий характер ВЦСПС в его уставе: «Высшим руководящим органом Всероссийского профессионального об'единения является ВЦСПС, действующий на основании постановлений с'ездов и конференций и ответственный за свою деятельность пред Всероссийским с'ездом профессиональных союзов» (п. 2). «Все постановления Всероссийских с'ездов, конференций, а равно и ВЦСПС обязательны, как для всех союзов, входящих в общероссийское профессиональное об'единение, так равно и для каждого члена союза. Нарушение постановлений и неподчинение таковым влечет за собою исключение из семьи пролетарских союзов» (п. 3).

Российское профессиональное движение от узко-профессиональных цеховых об'единений пришло к производственным союзам, построенным по отраслям промышленности, производства и отдельным отраслям народного хозяйства, вплоть до слияния в общий союз родственных отраслей производства; от разрозненных местных союзов — к общероссийским союзам; от полной автономии и самостоятельности через федерацию к централизованному общероссийскому союзу с единой кассой и руководящим центром. Созданием же руководящих органов в лице местных советов профессиональных союзов и ВЦСПС завершилась централизация профессионального движения, которое представляет в данный момент единое целое, с единым центром и единым руководством.

Дальнейшее развитие организационных форм профессионального движения в условиях военного коммунизма вело к постепенному формированию единого союза с единым аппаратом и руководящим центром с ВЦСПС во главе, с секциями вокруг него, вместо отдельных всероссийских об'единений, и с губпрофсоветами на местах. Этот путь развития уже обозначился в практике профессионального движения с особой силой в 1921 г., и эта тенденция была зафиксирована IV С'ездом Профессиональных Союзов.

Но введение и развитие новой экономической политики остановило этот процесс, и профессиональное движение, в соответствии со всей экономической жизнью страны, пошло по другому пути, намеченному в принципе тезисами ЦК РКП (январь, 1922 г.) и постановлениями II Пленума ВЦСПС, в феврале 1922 г.

II. Функции профессиональных союзов в период военного коммунизма.

1.

До Октябрьской революции и в первые дни Октября контроль над производством проводился фабрично-заводскими комитетами стихийно, непланомерно. Переход к активному внутреннему контролю неизбежно ставил перед ними вопрос о реорганизации и регулировании всей производственной жизни, но для фабрично-заводских комитетов это являлось непосильной задачей вследствие их неподготовленности.

В некоторых случаях рабочие, проводя контроль, изгоняли предпринимателей и захватывали предприятия в свои руки, — появлялся коллективный хозяин вместо прежнего единичного предпринимателя.

После Октябрьского переворота профессиональные союзы повели решительную борьбу с непланомерным контролем и его результатами, так как распыленный контроль мог вызвать только отрицательные последствия с точки зрения общих интересов хозяйства страны, а переход предприятия в руки отдельных групп рабочих распылял и самое хозяйство, тогда как оно должно быть достоянием всего рабочего класса, — в целом.

Профессиональные союзы мыслили рабочий контроль, как часть регулирования промышленности в общегосударственном масштабе, и при этом контрольные комиссии должны были являться проводниками общехозяйственного плана и единой экономической политики. «Рабочий контроль, неразрывно связанный с общей системой регулирования и являющийся на местах проводником обще-хозяйственного плана, выработанного регулирующими органами, — есть одно из великих завоеваний пролетариата в его борьбе за окончательное освобождение» (резолюция с'езда профессиональных союзов о рабочем контроле, п. 4).

Декрет Совета Народных Комиссаров, разработанный совместно с профессиональными союзами и изданный 27 ноября 1917 г., указывал, что распыленный контроль должен быть об'единен через местные советы рабочего контроля и их с'ездов. Но и об'единение контроля под руководством Всероссийского Совета рабочего контроля и Центрального Совета фабрично-заводских комитетов не разрешало задачи.

По декрету, органы рабочего контроля имели право контролировать всю переписку предприятия, все книги и отчеты. Далее, по п. 6 декрета, органы рабочего контроля имели «право наблюдения за производством, устанавливать минимум выработки предприятия и принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов». Это не было отменой частной собственности на орудия производства, а лишь значительным ограничением прав собственников орудий производства и обмена». (А. Лозовский — «Профессиональные союзы в Советской России»). Фактическим организатором производства, но сильно стесненным, в своей деятельности, оставался предприниматель, который не мог и не хотел терпеть, во все тайны проникающего, контроля. Представители всероссийских торгово-промышленных организаций и петербургского общества фабрикантов и заводчиков 23 ноября 1917 г. вынесли резолюцию о контроле: «Обсудив изданное СНК положение о рабочем контроле, собрание признало необходимым, в случае пред'явления в предприятиях требований о введении рабочего контроля, такие предприятия закрывать». Союз об'единенной промышленности центрального района и московский торгово-промышленный комитет заявили: «такой контроль, оставляя на стороне капитала весь риск, а на стороне администрации всю ответственность за ведение дела, делает ее, вместе с тем, подчиненной перед рабочими предприятий, ставит ее в условия, невозможные для работы». Делегатское собрание Всероссийского союза инженеров постановило не принимать участия в комиссиях по контролю. Мастера, заведующие мастерскими и техники фабрично-заводских предприятий заняли полуотрицательную позицию по отношению к контролю: они шли в контрольные организации, протестуя против полномочий местных контрольных органов. (См. Цыперович — «Задачи профессиональных союзов»).

Рабочие были предоставлены самим себе. Без достаточных технических знаний и без административного опыта, даже передовые слои рабочего класса могли справиться только с пассивным

контролем, но не с регулированием производства, перед которым должны были отступить и центральные контрольные органы, так как они столкнулись с дезорганизованностью производственной связи между различными предприятиями, явившейся отчасти результатом неправильно поставленного местного контроля. Пред ним стали вопросы снабжения предприятий топливом и сырьем, вопросы транспорта, финансирования предприятий, распределения готовых изделий и организаций товарообмена, снабжения рабочих продовольствием, одеждой и обувью, нормирования условий труда и заработной платы,—«вся хозяйственная жизнь гигантской волной хлынула в контрольные ячейки» (Цыперович. Задачи профессиональных союзов), с которой им было не под силу справиться.

Частичные национализации происходили нерационально, хаотически.

Чтобы положить всему этому конец, было приступлено к из'ятию производственно-регулирующих функций от контрольных рабочих органов и передаче их в ВСНХ и в местные СНХ, за этим последовала ликвидация Центрального Совета фабрично-заводских комитетов, а последние были подчинены профессиональным союзам, слившись с ними, став их основными ячейками.

2.

Фабрично-заводские комитеты, как контролирующие органы, сыграли свою историческую роль в борьбе за производство, за овладение производством снизу, подготовив почву для перехода к регулированию хозяйственной жизни в обще-государственном масштабе и к национализации крупной промышленности; в этом их огромная заслуга перед революцией.

С учреждением СНХ и с декретированием национализации крупной и средней промышленности, перед профессиональными союзами встала новая задача—создать новые хозяйственные органы для национализированной промышленности. В процессе ликвидации капиталистических организаций, управлявших промышленностью, проводятся меры к организации хозяйства на новых началах, создаются рабочие органы. Ставится вопрос о поднятии производительных сил страны в условиях гражданской войны, продолжавшегося саботажа высших служащих и технического персонала; в условиях косности и отсталости, характерных для России, вместо разрушенных капиталистических органов управле-

ния экономической жизнью, создавались новые органы на основе непосредственного участия рабочих масс в управлении.

С самого начала советские органы по управлению экономической жизнью снизу до верху имели своей основой рабочие профессиональные союзы. Коллегии отделов ВСНХ утверждались по соглашению с соответствующими профессиональными союзами. Такой же порядок был установлен и в отношении заводоуправлений и правлений. В 1919 г. в составе заводоуправлений было 40% рабочих и около 60% специалистов. Таким же образом строились и другие хозяйственные органы—комиссариаты земледелия, продовольствия, труда.

В металлообрабатывающей и текстильной промышленности, а также и в других отраслях, кандидаты в заводоуправления, главные районные и кустовые правления и в губ. отд. металла (соответственно губ. отд. текстильной промышленности) выставлялись союзами и утверждались совместно с хозяйственными органами.

За 1919 г. Ц. К. союза металлистов утвердил 184 заводоуправления, в состав которых вошло 64% рабочих, 27,5% инженеров и 8,5% служащих. При организации трестов в металлургической промышленности, союзом созывались конференции заводских комитетов и заводоуправлений об'единяемых в трест заводов, и на них обсуждались вопросы трестирования, производственных программ и т. д., выбиралось—главное правление треста. В каждом тресте один раз в год происходила, при ближайшем участии союза, конференция представителей заводских комитетов и заводоуправлений для заслушивания и обсуждения отчета правления треста. Кроме того, органы союза совместно с соответствующими хозяйственными органами обсуждают все крупные принципиальные вопросы хозяйственного строительства; этим достигается постоянная связь работников, делегированных в хозяйственные органы, с союзом и контроль последнего над первыми. В общих чертах деятельность союза металлистов в области хозяйственного строительства типична для всех союзов, об'единяющих индустриальный пролетариат, транспортных рабочих и работников народной связи.

Взаимоотношения союза рабочих текстилей с хозяйственным органом текстильной промышленности установились в такой форме: Центральное правление текстильной промышленности намечалось Ц. К. профессионального союза текстильщиков и утверждалось ВСНХ. Правления групп текстильных фабрик избирались на конференциях фабрично-заводских комитетов

и утверждались Центральным правлением текстильной промышленности и были подотчетны ему. Управление (заводоуправление) отдельных фабрик намечалось фабрично-заводским комитетом совместно с отделом союза. К началу 1920 г. было организовано таким способом 460 управлений фабрик с 1.124 членами, из коих на рабочих приходилось 726 человек, на технический персонал—398 (Лебедев. Die Textilarbeiter in Sowjet-Russland).

В результате такой совместной деятельности хозяйственных органов и профессиональных союзов в конце 1919 года в промышленности было организовано 90 трестов и 4.000 заводоуправлений и ряд заготовительных аппаратов по заготовке сырья.

3.

Одной из главнейших задач профессиональных союзов Советской России, принимающих участие в хозяйственном строительстве, является организация труда.

Общее состояние промышленности, падение производительности труда, распыление фабрично-заводского пролетариата, особенно квалифицированных рабочих, поставило эту задачу перед союзами в острой форме. Общее падение производительности фабрично-заводского труда за 1919—1920 г.г. сравнительно с довоенным временем достигло 55%. Оно зависело от разных причин: техническая изношенность предприятий, недостаток сырья и топлива, вызывавший остановку, простой предприятий, отвлечение рабочих в армию и замена их более слабым женским трудом, недостаточное питание рабочих, вызывавшее как потерю значительной части трудоспособности, так и бегство многих рабочих в деревню.

Распыление рабочей силы и ее дезорганизация в металлической промышленности характеризуется следующими цифрами: с 1 января по 1 октября 1919 г. число квалифицированных рабочих на Брянском заводе уменьшилось с 5.646 до 5.015—на 631 человек. На Сормовском заводе за период январь—август 1919 г. число рабочих уменьшилось с 12.020 до 10.471,—на 1.549 человек, при чем большинство из них квалифицированные. Текучесть рабочего состава характеризуется так: на Брянском заводе за 9 месяцев 1919 г. поступило на завод 5.421 человек, уволилось 6.126 человек, поступления за 9 месяцев составили к общему числу рабочих на заводе 60%, а увольнение — 67%. В Пермской губернии за период господства Колчака распылилось 37% наличного рабо-

чего состава (приблизительно в таком же количестве и в других местах Урала). (Отчет Ц. К. союза металлистов). С 1 сентября 1919 г. по 1-е августа 1920 г. в 40 заводах военной промышленности было привлечено 38.574 рабочих, а убыло за этот же период 34.939 рабочих. Сводка по 271 подотделу учета и распределения рабочей силы за январь—сентябрь 1919 г. показывает, что спрос на труд за это время равнялся 1.202.196, а предложение труда—1.080.997, при этом на 100 свободных мест посылалось 72 человека (см. статью Аникст, в сборнике «За два года диктатуры пролетариата»). Несомненно, что спрос на квалифицированный фабрично-заводский труд удовлетворялся в еще меньшей степени.

По данным промышленной переписи 1918 г., в обрабатывающей промышленности Советской России (по 32 губерниям) было учтено 1.323.000 раб. По вычислениям Струмилина, относящимся к 1919 г., в Советской России до 600 тысяч фабрично-заводских рабочих оторваны революцией от станков—на партийную, советскую и профессиональную работу и в ряды Красной армии (сборник «За два года диктатуры пролетариата»).

Невыход на работу достигал на Сормовском заводе 31%, на Мытищенском—42%, на Коломенском—до 50% (до 1916 г. невыход на работу на тех же заводах равнялся, в среднем, 8%). (Отчет Ц. К. металлистов).

В 1919—1920 г.г. из-за простоя предприятий, вследствие отсутствия топлива и сырья, на каждого рабочего, в среднем, приходилось за год 53 потерянных рабочих дня. Невыход по болезни в 1920 г. увеличился по сравнению с довоенным временем в 2½ раза, невыход по другим причинам увеличился немного более, чем в два раза.

4.

В период 1908—1916 г.г. средняя фактическая суточная норма питания взрослого городского рабочего составляла в России 3.820 калорий, из которых для работы оставалось 1.820 калорий (2.000 калорий необходимо только для одного поддержания жизни). В 1919—1920 г.г., в среднем, питание рабочего составляло 2.830 калорий, из которых для работы оставалось 830 калорий, т.-е. около 45% того, что оставалось в дореволюционное время. «Как раз столько составляет и средняя годовая выработка каждым фабрично-заводским рабочим различных предметов. Раз он теперь работает фактически только 70% прежнего мирного числа

часов в год и в каждый час производит только $^2/_3$ прежней часовой выработки, то ясно, что за год произведет как раз около 45% всей прежней выработки. Значит, все ухудшение, которое сверх ухудшения от недостатка питания, должно было бы произойти от изнашивания многих не возобновлявшихся машин и т. п., — все это покрыто нынешней успешностью труда, которая, следовательно, относительно (в сравнении с более благоприятными условиями мирного времени) превосходит мирную». (Ларин. Производственная пропаганда и советское хозяйство на рубеже 4-го года, стр. 7). Это прежде всего доказывает, что рабочий при советском строе, работая на себя, а не на капиталистов «при неравных внешних условиях—выносит больше и при равных условиях старается больше, чем делает это при капиталистах» (там же, стр. 8). Этим последним обстоятельством облегчалось и в дальнейшем облегчается работа профессиональных союзов и хозяйственных органов по поднятию производительности труда, поскольку это касается живой рабочей силы.

Работа профессиональных союзов по организации труда направлена на основную ее цель—поднять производительность труда живой рабочей силы, а вместе с тем облегчить и общее поднятие производительных сил страны, от чего зависит увеличение материальных благ, а вместе с этим и лучшее и более полное удовлетворение потребностей всех работающих в Советской России, и в первую голову — рабочего класса.

5.

Вместе с основным методом организации труда, — методов экономического принуждения, стихийно применявшимся в капиталистическом обществе (и на всех ступенях развития), профессиональные союзы выдвинули и некоторые другие, известные под общим именем методов «вне-экономического» принуждения.

Первый метод в новых условиях диктатуры пролетариата получил новую окраску: рабочий класс стал работать не для увеличения прибылей капиталистов, а для увеличения фонда материальных ценностей *своего* государства, управляемого выбираемой им властью и имеющего целью полное освобождение от экономической зависимости рабочего класса от класса капиталистов. Основные мотивы (добывание жизненных средств), побуждающие трудиться, не изменяются, но изменяется психология труда. Суб'-ективно не каждый рабочий ясно учитывает и сознает происшед-

шие перемены. Власть прошлого—привычек, навыков мышления, предрассудков, приобретенных в капиталистическом обществе, еще цепко держат мысль рабочего, не давая ему возможности сразу и вполне освободиться от предпочтения личных интересов перед классовыми, частных, групповых и местных — перед общими, временных, преходящих — перед длительными интересами будущего. Только наиболее развитые и сознательные слои пролетариата легко и во многих случаях вполне могли освободиться, сбросить с себя ярмо прошлого и проникнуться новыми настроениями. Это обстоятельство поставило перед профессиональными союзами—как и перед партийными и советскими органами—своеобразную и совершенно новую задачу: воспитать в рабочем класса сознание «хозяина» Советской России, освободить его от понятий «мое» и «их», воспитать психологию свободного труда, заинтересованного в производительности труда. Задача такого воспитания может быть достигнута, главным образом, предметным, материальным воздействием на психику и сознание рабочего, агитация и пропаганда при этом могут служить дополняющим, сопутствующим средством. Профессиональные союзы именно так и отнеслись к этому вопросу. Наряду с постоянной агитацией и пропагандой, проводимой совместно с партийными и советскими организациями, они вплотную подошли к нормированию и регулированию условий труда и заработной платы, придав всей тарифной работе новое значение, отличное от того, какое придавалось ей в условиях капиталистического государства. Они приняли также участие в работе по учету и распределению рабочей силы, занялись организацией трудовой дисциплины, повели работу в области проф-технического образования. Вся эта работа была направлена на разрешение одной задачи—поднять производительность труда и улучшить производство, так как в противном случае Советская Россия не может выбиться из нищеты и голода.

Уже II с'езд профессиональных союзов подошел к этому вопросу и вынес свое решение: «основным принципом регулирования заработной платы, в связи с борьбой за восстановление хозяйственных сил страны, должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда перед своим союзом, а последнего перед общеклассовыми об'единениями пролетариата. Для этого в основу тарифных положений должна быть положена система вознаграждения рабочей силы, возбуждающая соревнование трудящихся в их стремлении повысить производительность

труда в национализированных предприятиях, т.-е. сдельная и премиальная оплата труда, построенная на твердой норме выработки, с точно установленной повышенной оплатой или с соответствующим уменьшением рабочего времени за выработку сверх нормы. В тех отраслях промышленности, где невозможно провести нормировку работ, должна применяться повременная заработная плата с точно регламентированным рабочим временем и с твердо установленными правилами внутреннего распорядка» (резолюция о нормировании заработной платы и труда, п. 1).

Главное внимание в тарифной работе за два года перед III с'ездом было обращено: 1) на устранение неравенства в оплате труда отдельных групп трудящихся, 2) на организационное значение и влияние тарифной работы на всю массу трудящихся, 3) на однородность условий труда, 4) на признание необходимости нормы выработки и 5) на целесообразную оплату труда за повышенную производительность (см. Шмидт. Тарифная политика).

В первый период тарифной работы органам профессионального движения пришлось вести работу со стихийным стремлением низко оплачиваемых групп рабочих к уравнению заработной платы с наиболее высоко оплачиваемыми группами, так как подобная уравнительность на практике приводила к утечке квалифицированных рабочих в кустарную мелкую промышленность, где заработная плата не поддавалась регулированию. Профессиональным союзам пришлось одновременно решать две задачи: «устранить ранее существовавшее неравенство в оплате труда, в особенности наиболее эксплоатируемой части рабочего класса в отсталой промышленности, и поставить пределы уравнительной тенденции». (Шмидт. Тарифная политика, стр. 13—14).

Разрозненная вначале тарифная работа постепенно концентрировалась в Ц. К. всероссийских об'единений, в ВЦСПС и НКТ, что дало возможность более правильно регулировать условия труда и заработную плату по схеме тарифных поясов и на основе общего нормального положения о тарифе. Задачи, поставленные тарифной работе профессиональных об'единений, полностью не были и не могли быть выполнены ни к III с'езду профессиональных союзов, ни к IV. Задачи эти в процессе их проведения в жизнь осложнялись и видоизменялись в отдельных частях. Но был «заложен фундамент для решения и осуществления основной задачи— поднятия производительности труда и трудовой дисциплины, а следовательно и улучшения материального положения трудящихся».

(Шмидт. Тарифная политика, стр. 18). Было положено начало основной работе по нормированию труда устанавлением: 1) единого руководства и контроля над проведением тарифа в данном производстве, т.-е. единой производственной дисциплины, 2) единой скалы ставок для всех производственных союзов, применяемой в зависимости от сложности, тяжести и вредности работы, 3) единых условий труда и правовых норм для всех трудящихся без исключения (там же, стр. 19). Тарифными органами профессиональных союзов изучены и классифицированы все категории труда всех отраслей народного хозяйства и государственного управления, изучены каждым союзом особенности своей отрасли труда, созданы в центре и на местах тарифные аппараты, установлена квалификация труда.

С первых же шагов тарифной работы профессиональных союзов Советской России им пришлось столкнуться с вопросом о натурализации заработной платы. Но общие хозяйственные условия, недостаток материальных рессурсов вынуждали подходить к этому вопросу медленно и осторожно. Намек на натурализацию дан в резолюции III с'езда профессиональных союзов, который, учитывая двухлетний опыт в области нормирования труда и заработной платы, признал: 1) «что при данном экономическом и финансовом положении страны дальнейшее повышение денежной оплаты труда ни в коей мере не может служить выходом из тяжелого экономического положения трудящихся масс, и 2) положить в основу дальнейшей тарифной работы: а) неуклонную и непримиримую борьбу с ломкой тарифов, б) установление обязательной нормы выработки и количества выходных дней, в) введение поощрительной системы оплаты труда (премий) лишь в строгой зависимости от его результатов, г) установление системы снабжения трудящихся продовольствием и предметами первой необходимости, в зависимости от производительности и хозяйственной важности их труда для государства (целевое снабжение)». Здесь еще нет признания натурализации заработной платы, но исходный пункт намечен, и в практике тарифной работы он развивался в форме натурпремирования и материального снабжения.

IV с'езд уже более определенно заявляет: «1. Тарифная политика, в связи с изменением экономической политики Советской власти (продналог, декрет СНК об обменном фонде), в основе должна быть направлена, прежде всего, к сохранению крупной промышленности и занятого в ней индустриального пролетариата.

2. В условиях гигантского падения покупной способности бумажных денег—это означает, прежде всего, переход к натурализации заработной платы, вернее, к замене денежной формы снабжения рабочего класса материально-вещественным государственным снабжением, покрывающим его потребности, и приведением в соответствие с задачей развития производительных сил. Последнее возможно при концентрации производства, коллективной форме снабжения фабрик и заводов (уничтожение карточной системы) и приведения в соответствие величины снабжения с производительными результатами». Дальше резолюция указывает, что такая форма не может быть осуществлена немедленно, в силу крайнего истощения страны, ограниченных продовольственных рессурсов и т. д., и поэтому п. 4 резолюции говорит о необходимости сохранения смешанной формы оплаты труда — натурпремии и денежной. Дальнейшее развитие и детализацию эти пункты получили на II Всероссийской тарифной конференции.

6.

Деятельность профессиональных союзов в области учета и распределения рабочей силы не ограничивалась техническим участием в соответствующих органах НКТ. Они занимались и установлением принципиальных положений. II с'езд союза металлистов в 1919 г. выдвинул идею проведения всеобщей трудовой повинности, прикрепления рабочих к заводам и принудительной переброски рабочей силы с одного предприятия на другое. III с'езд профессиональных союзов вынес постановление о мобилизации квалифицированных рабочих и массовых мобилизациях по трудовой повинности. Эти меры, проводившиеся органами Советской власти совместно с профессиональными союзами, а также товарищеские дисциплинарные суды при органах профессионального движения, относятся к мерам «внеэкономического» принуждения. В условиях жестокой гражданской войны при хозяйственном развале, в моменты смертельной угрозы существованию Советской Республики и при отсутствии пока еще в трудовых массах самодисциплины,— установление этих мер являлось необходимым, а полезность их доказана практикой. С течением времени, с налажением хозяйственной жизни и с усвоением трудовой самодисциплины эти меры сами собой отпадают.

Ту же цель поднятия производительности труда преследовала деятельность профессиональных союзов по профессионально-техническому образованию. Вообще малое количество квалифицированной рабочей силы в России, убыль и распыление ее за годы войны и революции и продолжающееся дальнейшее прогрессивное уменьшение ее выдвинули пред органами Советской власти и професиональными союзами необходимость подготовки квалифицированных работников как посредством специальных технических школ, так и краткосрочных курсов. III с'езд профессиональных союзов вынес по этому вопросу специальную резолюцию. Насколько был силен недостаток квалифицированных рабочих, показывает такой факт: в 1920 г. 21 завод ударной металлургической группы, числом рабочих и служащих в 72.000 человек, для выполнения намеченной ударной программы, нуждались еще в 18.000 человек, главным образом, квалифицированных рабочих. («Экономическая Жизнь», № 167, 1920 г., у Козелева—«Проф-техническое образование», стр. 9).

По отчету Президиума ВЦСПС IV с'езду к началу 1921 г. функционировало 735 курсов повышенного типа, 224 вечерних курсов и 87 школ для подростков. Эти цифры далеко не полны. В Москве и Московской губ. на 1-ое января 1921 г. числилось 274 проф-технических учебных заведения с 19.596 учащимися. Все эти курсы и школы организованы преимущественно усилиями профессиональных союзов при денежной и материальной помощи Главпрофобра.

III. Задачи и тактика в эпоху диктатуры пролетариата и „единство и независимость" профессионального движения.

До революции 1917 г. большевики говорили, что задачей профессиональных союзов является руководство экономической борьбой рабочих и постоянное, совместно с политической партией пролетариата, участие в освободительной борьбе рабочего класса за уничтожение наемного рабства и установление равноправия во всех сферах жизни. (Г. Зиновьев). «Революционные социалисты,— говорится в резолюции I Всероссийского с'езда профессиональных союзов, — никогда не смотрели на профессиональные союзы только как на органы экономической борьбы пролетариата за улучшение положения рабочего класса в рамках капиталистического строя. Революционные социалисты всегда смотрели на профессиональные союзы, как на организации, призванные рука об руку с другими боевыми организациями рабочего класса бороться за диктатуру пролетариата и осуществление социализма» (резолюция о задачах профессионального движения, п. 3). И наше профессиональное движение в целом — за исключением незначительных его частей — стояло на этой позиции и на деле вело борьбу вместе с политической партией пролетариата за полное освобождение рабочего класса, а в Октябрьскую Революцию вместе с Коммунистической Партией и под ее руководством боролась за власть пролетариата, так как «тем большая роль в борьбе за проведение в жизнь социализма выпадает на долю профессиональных союзов теперь, когда классовая борьба вплотную привела российский пролетариат к началу социалистической революции, к практическому осуществлению целого ряда важнейших социалистических мероприятий» (там же). В п. 4 резолюции говорится о сущности нейтральности профессионального движения: «Идея «нейтральности»

профессиональных союзов была и остается буржуазной идеей. Нет и не может быть нейтральности в великой исторической тяжбе между революционным социализмом и его противниками. За словесной нейтральностью почти всегда скрывалась фактическая поддержка буржуазной политики и измена интересам рабочего класса».

Формально профессиональные союзы в Советской России являются непартийными организациями, в них принимаются в качестве членов все рабочие и служащие, независимо от религиозных и политических убеждений. Но вместе с тем профессиональные союзы России решительно отвергают «нейтрализм» и стоят на почве международной классовой борьбы—революционной классовой борьбы за осуществление социализма путем диктатуры пролетариата (резолюция II с'езда по организационному вопросу, п. 14). III с'езд более выпукло выражает эту мысль: «профессиональные союзы в целом, стоя на платформе осуществления коммунизма чрез диктатуру пролетариата, в своей практической деятельности на протяжении всей революции неуклонно следовали за верховным вождем пролетарской революции—Российской Коммунистической Партией» (п. 2 резолюции о задачах профессиональных союзов).

Другую позицию в отношении нейтральности профессионального движения занимали меньшевики (эс-эры никогда не представляли в профессиональном движении значительного явления, чтобы о них надо было говорить отдельно).

До Октябрьской Революции меньшевики проводили тактику политического нейтрализма профессионального движения в отношении партийных группировок, они всегда высказывались за «беспартийность» профессионального движения поскольку дело касалось различных группировок социал-демократической партии, а позже трех партий—большевиков, интернационалистов и меньшевиков.

«Роскошь раскола», по заявлению петроградского правления союза печатников, они предоставляли партиям, в профессиональном же движении считали необходимым проводить «единство», находя, что в отношении экономической борьбы не может быть различий у меньшевиков и большевиков. Они были против втягивания профессиональных союзов в политическую борьбу. Но так говорилось, делалось же все возможное, чтобы не допустить усиления большевиков в профессиональных союзах, а руководить ими

безраздельно, проводя свою меньшевистскую тактику и втягивая профессиональное движение именно в политику, но только в меньшевистскую, соглашательскую. Октябрьская Революция заставила меньшевиков заговорить более откровенно и вполне выявить свою «нейтральность»; они сбросили маску «нейтрализма» и сразу забыли, что профессиональные союзы есть организации для защиты интересов рабочих и борьбы за улучшение условий труда, что они организации экономической борьбы по преимуществу. Как только рабочие под руководством Коммунистической Партии захватили политическую власть ,так меньшевики, открыто выступив против этой власти, призвали к тому же и профессиональные союзы. Правда, им удалось втянуть в эту борьбу только союз печатников да несколько союзов служащих, но сущность их «нейтрализма» не меняется от этого, она не изменилась бы и в том случае, если бы им не удалось втянуть в эту борьбу и ни одного союза. Все равно остается нейтрализм на словах и защита капитализма на деле.

До Октябрьской Революции меньшевики проповедывали «единство» профессионального движения, после они выставили лозунг—«единство и независимость». Целью «независимости» профессиональных союзов от Коммунистической Партии и от рабочей власти практически является откол профессионального движения от рабочей революции, которая начата и ведется рабочими революционными организациями совместно с профессиональными союзами; «независимость» профессионального движения, провозглашенная меньшевиками, означает восстановление организованного в профессиональные об'единения пролетариата против его рабочей власти, против диктатуры пролетариата: меньшевики призывали рабочих в первые дни Октябрьской Революции — и до сих пор призывают при случае — к активной борьбе против Советской власти посредством забастовок и восстаний. Меньшевики против того, чтобы профессиональным движением руководила Коммунистическая Партия, потому что они хотят, чтобы им руководила партия меньшевиков—в этом весь смысл их лозунга—«единство и независимость».

Меньшевики против социалистической революции, потому что они не хотели, не хотят и не могут вылезть из рамок капиталистического общества, всякое посягательство на основы этого общества для них нетерпимо, и они борются с Советской властью, разрушающей капиталистический строй, и приглашают рабочих вместе с ними вести борьбу за сохранение старого буржуазного

общества, облекая его в истрепанные одежды демократизма со всякими свободами и учредилкой. Для них нет социалистической рабочей революции, они не понимают того, что происходит, и твердили — и твердят — что «нынешняя революция по своему об'ективному смыслу является не социалистической, а буржуазной, и возможные в ней социальные достижения рабочих масс не в состоянии изменить основ капиталистического строя» — говорится во внесенной меньшевиками на II с'езде профессиональных союзов резолюции, отклоненной с'ездом. Пока в Советах в 1917 г. было подавляющее большинство меньшевиков и эсеров, а правительство было буржуазное, а потом коалиционное, т.-е. с прибавкой меньшевиков и эс-эров, меньшевики охотно говорили о поддержке Советов (см. резолюцию 3-й конференции профессиональных союзов). Но вот — власть в руках Советов, в них большинство за большевиками. Советы энергично борются с буржуазной контрреволюцией, и меньшевики заявляют, что они «самым решительным образом отвергают попытку СНК превратить профессиональные союзы в подсобные органы так-называемого рабоче-крестьянского правительства, и открыто провозглашают, что профессиональные союзы должны и впредь оставаться свободными и независимыми об'единениями классовой борьбы пролетариата» (та же резолюция); по этой резолюции между профессиональными союзами и Советской властью должны быть такие же отношения, какие существуют между рабочими организациями и буржуазными государствами: независимость, свобода классовой борьбы, а для этого — право стачек и стачечные фонды. (Правда, в европейских капиталистических странах тамошние правые социал-демократы — вроде наших меньшевиков—на практике проводят полную зависимость находящихся в их руках организаций от политики буржуазных правительств, а что касается «свободы классовой борьбы», то ей они всеми мерами препятствуют, не желая раздражать капиталистов).

На II с'езде меньшевики по существу не пошли дальше; в своей резолюции они хотя и говорят, что они далеки от восстановления капитализма, но только... в его прежнем виде с полной свободой конкуренции: очевидно, капитализм без полной свободы конкуренции, по мнению меньшевиков, слаще для рабочих. Вот что говорится в их резолюции: «Профессиональные союзы через своих представителей (в органах регулирования и управления про-

изводством) должны экономической программе призрачного социализма, проводимой Советской властью, противопоставлять программу восстановления экономической жизни, одинаково далекую как от восстановления капитализма в его прежнем виде с полной свободой конкуренции, так и от немедленного осуществления социализма». И для скорейшего восстановления капитализма не в прежнем его виде, не с полной свободой конкуренции, меньшевики сочли уместным помогать Колчаку. Там они чувствовали себя в родственной среде и вели энергичную борьбу в союзе с царскими генералами против Советского государства.

В резолюции, предложенной меньшевиками III с'езду профессиональных союзов, уже есть признание, что Россия переживает эпоху переходную от капитализма к социализму. После всех уроков, вдолбленных им генеральскими каблуками Колчака и Деникина, вот что они говорят: «экономическая разруха, переживаемая страной, ставит перед пролетариатом и профессиональными союзами основную задачу восстановления производительных сил и промышленности и организации производства на новых началах, соответствующих переходному от капитализма к социализму характеру эпохи». Из-за этого, в сущности, можно было и не вносить своей разолюции, ибо об этом миллионы раз было сказано коммунистами. И не в этом соль их резолюции. Меньшевистская сущность продолжала тянуть их назад, и они, признав переживаемую эпоху переходной к социализму, отнюдь не отказались от борьбы с Советской властью. И самое участие профессиональных союзов в различных советских органах рассматривается ими под углом борьбы с Советской властью. Резолюция, внесенная на II с'езде, весьма характерна для независимских взглядов: «профессиональные союзы не могут и самую Советскую власть рассматривать, как представительницу интересов рабочего класса, как осуществление его диктатуры»... «это непризнание Советской власти диктует профессиональным союзам сохранение их прямой задачи—защиты интересов рабочих как против частного капитала, так и против современного (Советского) государства, поскольку оно сосредоточивает в своих руках управление производством». Советское государство, управляемое выбираемым рабочими правительством, отождествляется с капиталистическим предпринимателем. Борьбу советов, профессиональных союзов и Коммунистической Партии за восстановление промышлен-

ности, за налаживание хозяйственной жизни, стремление создать основу для перехода к социалистическому строю меньшевики об'являют «призрачным социализмом» и предостерегают «от немедленного осуществления социализма». Но большевики не давали повода думать, что они считают возможным «немедленное осуществление социализма».

В принятой II с'ездом профессиональных союзов резолюции о задачах союзов говорится определенно: «дело обобществления всех орудий производства и организации общества на новых социалистических началах требует упорной, длительной работы над перестройкой всего государственного аппарата, создания новых органов учета, контроля и регулирования всего производства и потребления, покоющихся на организационной самодеятельности самих заинтересованных трудящихся масс». Выпад меньшевиков против, будто бы, превращения профессиональных союзов в органы государственной власти бил мимо цели: профессиональные союзы не превратились в органы государственной власти, и I с'ездом профессиональных союзов лишь намечена общая тенденция превращения профессиональных об'единений в органы социалистической власти: «В развитом виде профессиональные союзы в процессе происходящей социалистической революции должны стать органами социалистической власти, работающими, как таковые, в соподчинении с другими организациями по проведению в жизнь новых начал организации хозяйственной жизни» (п. 7 резолюции о задачах союзов). А II с'езд поясняет, что упорность и длительность работы над перестройкой всего государственного аппарата «диктует профессиональным союзам более деятельное и энергичное участие в работе Советской власти (путем непосредственной работы во всех государственных органах, организации массового пролетарского контроля над их действиями и выполнения через свои организации отдельных задач, стоящих перед Советской властью), содействие в перестройке различных государственных учреждений и постепенной замене их своими организациями путем слияния органов союзов с органами государственной власти», и с'езд предупреждает при этом от ошибки немедленного превращения союзов в органы государственной власти.

III Всероссийский с'езд профессиональных союзов отметил, что «профессиональные об'единения Советской России практически стали неразрывной частью Советского строя, необходимей-

шим дополнением и опорой органов пролетарской диктатуры—Советов», и призывает «повести еще более усиленную работу по вовлечению рабочих масс в коммунистическое строительство через профессиональные союзы под руководством Коммунистической Партии—единственной выразительницы истинных интересов рабочего класса и всех трудящихся Советской России». IV с'езд в резолюции—«Профессиональные союзы и хозяйственное строительство», охарактеризовав основные черты экономического положения Советской России, отмечает сложную и трудную обстановку для экономической политики Советской России и заявляет, что из этого«вытекает необходимость самого срочного подведения под хозяйственное строительство широких, крепко организованных масс, как единственно революционной силы, воспитанной на производстве и непосредственно связанной с ним; это означает, что вся наша экономическая обстановка требует от профессиональных союзов самого непосредственного активного участия в налаживании и участия в производстве всем своим аппаратом в целом, а не только путем простого делегирования своих членов в различные хозяйственные органы».

Намечая задачи профессиональных союзов в условиях новой экономической политики, IV с'езд предупреждает при этом, что «пролетариат и его профессиональные союзы заинтересованы не в возрождении свободной торговли, как таковой, а в развитии производительных сил сельского хозяйства, как источника сырья и продовольствия. Излишек сельско-хозяйственных продуктов, достигаемый путем поощрения инициативы крестьянина, должен перейти в руку государства, так как иначе немыслимо добиться ни увеличения реальной заработной платы, ни улучшения бытовых условий рабочих и служащих, ни развития самого производства» (п. 3 резолюции о задачах профессиональных союзов). «Это требует... поощрения... производственных усилий пролетариата в целях увеличения количества изделий, необходимых для деревенского обихода». Далее, резолюция, устанавливая «экономическую необходимость развития мелкой промышленности и даже предоставления более крупных предприятий на арендных условиях частно владельческому капиталу, рассматривая каждый успех в этом отношении, как факт положительный, раз'ясняя широким массам целесообразность и экономическую необходимость в данный момент развития мелкой и кустарной промышленности»,—с'езд го-

ворит, что «союзы обязаны ни на одну минуту не забывать интересы наемных рабочих, занятых в частновладельческих предприятиях» (п. 7). При этом с'езд решительно заявляет, что «переживаемый Советской Россией своеобразный хозяйственный период еще раз доказывает и подтверждает ошибочность идей, как «независимости», так равно и немедленного огосударствления профессиональных союзов. Имея в своих руках аппарат государственного регулирования заработной платы, условий труда и снабжения рабочих, профессиональные союзы являются мощным базисом диктатуры пролетариата и органами экономической самодеятельности широких пролетарских масс в общегосударственном масштабе. В то же время они могут легко выполнить роль боевых организаций для защиты экономических интересов наемных рабочих в частновладельческих предприятиях» (п. 8).

Меньшевики в своих выступлениях на III и IV с'ездах профессиональных союзов, особенно на IV, не могли четко выявить своего мнения на задачи профессиональных союзов и на их роль в переживаемых условиях, и по существу трудно говорить о столкновении двух теоретических подходов к этим вопросам, так как у меньшевиков фактически не было твердой определенной позиции; совершенно оторвавшись от революции, бродя по закоулкам буржуазных теорий, они потеряли всякий базис для своей теоретической мысли.

Что касается практического, действенного влияния меньшевиков на наше профессиональное движение, то оно, начав ослабевать задолго до Октябрьской Революции, быстро шло на убыль после Октябрьской Революции. Уже в первые месяцы февральско-мартовской революции чувствовалось несоответствие количества меньшевиков и эс-эров в Советах Рабочих Депутатов (большевики в них составляли $^1/_5$ часть) и их непосредственным влиянием на массовые рабочие организации—фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы. На конференции петроградских фабрично-заводских комитетов в мае 1917 г. проходят резолюции большевиков. На 3-й конференции профессиональных союзов меньшевики, бундовцы и эс-эры еще имеют некоторое большинство; но после конференции—после июльских событий в Петрограде и корниловщины—они быстро и неуклонно вытесняются с позиций профессионального движения, а начиная со II с'езда они составляют уже ничтожное меньшинство, что видно из таблицы:

	Мес./год	Общ. количество делегатов	Больш. и сочув.	В %%%	Меньш. эсэры и сочув.	В %%%
3-я конф. профсоюзов.	(VI/1917)	220	80	36,4%	120	55,5%
Дем. совещание. .	(IX/1917)	117	69	58%	45	38,4%
I с'езд профсоюз.	(I/1918)	416	273	65,6%	90	21,4%
II „ „	(I/1919)	748	449	60%	70	9,4%
III „ „	(IV/1920)	1226	940	78,1%	78	6.3%
IV „ „	(V/1921)	2357	1953	82,9%	14	менее 1%

Социалистическая революция по самому своему существу является мировой революцией, и победить она может только как международная рабочая революция, ибо задачи ее далеко выходят за пределы отдельного национального государства, как бы оно ни было развито в промышленном отношении. Профессиональные союзы России уяснили себе это, и III их с'езд постановил вступить в III Коммунистический Интернационал, мотивировав это так: «Борьба международного пролетариата ведется не за реформирование капитализма, а за его уничтожение. В этой революционной борьбе все сознательные революционные элементы собираются с каждым днем все больше и решительнее в ряды III Коммунистического Интернационала, как организации, которая является воплощением мировой пролетарской революции. Профессиональные союзы России, которые принимали участие рука об руку с Коммунистической Партией в борьбе за низвержение капитализма в России, не могут оставаться вне III Интернационала».

Усилиями российских профессиональных союзов создан Международный Совет Профессиональных Союзов (ныне Профинтерн) в противовес соглашательскому Амстердамскому международному об'единению. И затем уже в рядах Профинтерна русские профессиональные союзы продолжают свою героическую борьбу за историческую задачу рабочего класса — осуществление коммунизма.

IV. Кризис в профессиональном движении.

1.

Под влиянием двух причин назревал кризис пролетарской революции, вполне определенно выявившийся в конце 1920 и начале 1921 года.

С одной стороны, не оправдались надежды на подкрепления со стороны западно-европейского пролетариата. Революция в Германии была разбита; Советские республики в Венгрии и Баварии были разгромлены. Мировой капитализм оправлялся от ран, полученных в империалистической войне и начал переходить от обороны к нападению: начинается полоса наступления капитала на пролетариат, который не мог дать достаточно решительный отпор и перейти к борьбе за захват власти.

С другой стороны, обострение затянувшейся гражданской войны, с полной хозяйственной изоляцией Советской России, разрушительно действовало на хозяйство Советского государства. И промышленность, и сельское хозяйство, основательно разрушенные еще во время империалистической войны и при керенщине, теперь быстрым темпом шли к катастрофе. Производительность труда падала с невероятной быстротой: живая рабочая сила и инвентарь изнашивались до последней степени, источник сырья и топлива сократились до невероятно малых размеров. Транспорт разрушался и приходил в негодность. Города замерзали и пустели, голод свирепствовал, сопутствуемый болезнями и эпидемиями. Все хозяйство Советской России, взятое в целом, не покрывало потребностей государства и населения.

Проедались старые запасы, уничтожался основной капитал. А гражданская война, окружившая железным кольцом молодую пролетарскую республику, требовала все новых и новых средств и жертв со стороны рабочего класса и крестьянства. Только муже-

ственный героизм рабочего класса, глубокая убежденность в необходимости покончить с врагом и стойкая вера в свои силы и окончательную победу давали ему энергию переносить невероятные тяжести и преодолевать необычайные трудности. Крестьянство, с своей стороны, еще хорошо помнило помещика, урядника и станового, и в общем хотя и с натугой и недовольством, не отказывалось от взваленной на него диктатурой пролетариата ноши, пока чувствовало прямую угрозу со стороны контр-революции.

Приведем несколько цифр для характеристики нашего хозяйственного положения накануне замены системы военного коммунизма новой экономической политикой.

Посевная площадь в 1921 г. сократилась на 35% по сравнению с 1916 годом. Сокращение живого инвентаря достигло таких размеров: число лошадей сократилось на 22%, крупный рогатый скот приблизительно на 21%, число свиней на 28%, число овец на 44%, число коз на 55%. («Положение сельского хозяйства в Советской России», в «Ежегоднике Коминтерна» на 1923 г., стр. 325—331).

Продукция промышленности (готовые изделия и минеральное топливо) в 1920 году составляла около 14% довоенной продукции, т.-е. уменьшилась больше чем в семь раз. Так, в ценах 1912 года производительность промышленности исчислялась:

В 1912 году	в 3.721	миллион	зол. руб.
„ 1920 „	„ 517,6	„	„

(Л. Кафенгауз. Заработная плата в связи с положением промышленности, в сборн. «Вопросы заработной платы», М. 1923 год, стр. 5).

Необходимо отметить, что темп разрушения промышленности к концу 1920 года начал уже уменьшаться под влиянием улучшавшейся организации советского административного и хозяйственного аппарата и самой промышленности. Но совершенно приостановить разрушение и двинуть вперед хозяйство мыслимо было только по окончании гражданской войны.

Как уменьшилась средняя производительность одного промышленного рабочего, видно из следующих цифр. По довоенным ценам годовая продукция одного промышленного рабочего равнялась (С. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности, стр. 84—87 и диаграмма № 3, стр. 56):

	Продукция в рублях на одного рабочего	% отношение к продукции 1913 г.
В 1913 г. . . .	2372	100
„ 1914 „ . . .	2408	101
„ 1915 „ . . .	2985	122
„ 1916 „ . . .	3023	127
„ 1917 „ . . .	2023	85
„ 1918 „ . . .	1044	44
„ 1919 „ . . .	515	21,6
„ 1920 „ . . .	616	26

Падение продукции зависело не только от того, что уменьшилась производительность живой рабочей силы, но и от ряда других причин: изношенность оборудования, простой предприятий из-за недостатка сырья и топлива и проч.

В соответствии со столь сильным падением производительности промышленности и ухудшением общего экономического положения Советской Республики сильно понизилась и средняя месячная заработная плата, что видно из таблицы (там же, стр. 33):

	Весь заработок в товарных рублях	В %%% к заработку 1913 г.
В 1913 г. . . .	22	100
„ 1914 „ . . .	21,30	96,9
„ 1915 „ . . .	20,60	93,6
„ 1916 „ . . .	20,20	91,8
„ 1917 „ . . .	17,79	80,9
„ 1918 „ . . .	10,49	47,7
„ 1919 „ . . .	8,47	38,5
„ 1920 „ . . .	8,30	37,8

Таким образом, в 1920 г. рабочий получал немного больше одной трети по сравнению с довоенным временем.

Все это не могло продолжаться до бесконечности. Силы могли

иссякнуть. Советское государство все это учитывало и напрягало всю свою энергию, чтоб нанести решительный удар контр-революции, сбросить блокаду и приступить к мирному строительству.

2.

Система военного коммунизма сама по себе предполагает централизованную структуру государства и хозяйства.

Неблагоприятные политические и хозяйственные условия действовали в направлении развития отрицательных сторон централизации, бюрократизма и проч. Это не значит, что принцип централизации был неправилен и неприемлем: она была нужна и диктовалась железной необходимостью. Без нее немыслимо было бы вести успешную борьбу с контр-революцией.

Вполне понятно,что система военного коммунизма со всеми ее положительными и отрицательными сторонами определяла собой формы и характер развития профессионального движения.

В организационном отношении оно развивалось в направлении все большей и большей централизации и уменьшения роли производственных об'единений при одновременном усилении роли межсоюзных об'единений; полное развитие в этом направлении вело профессиональное движение, с одной стороны, к единому союзу с производственными секциями при ВЦСПС и ГСПС,—с другой,—к огосударствлению профессионального движения.

Развитие в направлении огосударствления профессионального движения имело свою предпосылку в характере деятельности органов профессионального движения.

Главное место в деятельности профессиональных союзов в период военного коммунизма занимали функции государственного характера, причем и те из них, которые присущи профессиональному движению на всех ступенях—как, например, регулирование заработной платы—выполнялись тоже в государственном порядке.

Профессиональные союзы выполняли работы по мобилизации, особенно в первые два года гражданской войны—в 1918 и 1919 годах. Большое внимание уделяли они продовольственной работе. ВЦСПС было организовано Военно-Продовольственное Бюро, сыгравшее большую роль в снабжении рабочих, а также и Красной Армии, хлебом, заготовлявшимся в хлебных районах специальными продотрядами; эти продотряды формировались профессиональными союзами при деятельном участии фабрично-заводских коми-

тетов. Кроме того, союзы организовывали снабжение своих членов жизненными продуктами.

Выше уже было отмечено на примерах союзов металлистов и текстильщиков, какой характер носила хозяйственная работа профессиональных союзов: последние не ограничивали себя функциями содействия и контроля, а вмешивались в непосредственное управление; причем это вмешательство не кончалось тем, что тот или иной союз формировал хозяйственные органы: органы союза, как таковые, непосредственно вмешивались в хозяйственную жизнь; на многих заводах и фабриках фабрично-заводские комитеты по существу превратились в Заводоуправления, а правления союзов—в соответствующие отделы ГСНХ. Построение управления хозяйством по принципу Главков способствовало «сращиванию» профессиональных союзов с Главками и нередко терялась грань между профессиональным союзом и соответствующим Главком.

В области тарифной работы профессиональные союзы по существу выполняли тоже государственные функции нормирования и регулирования зарплаты.

В области культурно-просветительной работы профессиональные союзы выполняли часть наркомпросовских функций: организация различных школ, прием в них детей, управление школами и т. д. И в таких областях культработы, как клубная и библиотечная, союзы выполняли подсобную роль в работе Наркомпроса, так как и клубы и библиотеки,—независимо, где они находились и кем были организованы,—входили в общую наркомпросовскую систему; финансовые средства на культработу получались из Наркомпроса.

Соответственно характеру деятельности выработались и особые методы последней.

Обязательное членство, с вычетом взносов через бухгалтерию предприятия или учреждения, с течением времени превратили членство в пустую фикцию; член союза даже формально не связывался с союзом: каждый работающий механически зачислялся в союз и частенько не знал толком на что и куда идет вычет из его заработной платы.

Дальше, в виду незначительности заработной платы и все большего и большего отмирания денежной системы, членские взносы не могли составить необходимых для союзов средств. Аппараты же союзов разрастались с головокружительной быстротой и до невероятных размеров, строясь по типу советских органов с

множеством отделов, подотделов, частей; причем в каждом из них обязательно была в полном составе особая канцелярия, помимо общей, даже со своими машинистками. В виду этого, профессиональные союзы все больше и больше переходили на государственное снабжение.

Рост союзного аппарата, конечно, не был простой случайностью: отчасти этот рост вызывался многообразием государственных функций, выполнявшихся союзами; отчасти, последние бессознательно следовали примеру государственных органов в расширении своих аппаратов и под действием тех же причин: хаос, слабая производительность труда, вследствие холода и голода, и неприспособленность к порученной работе со стороны значительного числа служащих, до революции не работавших по найму, а теперь принужденных к этому мобилизациями, трудовой повинностью и захватом всех других источников к жизни Советским государством; лозунг: «не работающий да не ест» — всех гнал на работу, так как в противном случае — общественные работы в порядке трудовой повинности и концентрационные лагери и отсутствие гражданских прав в Советском государстве. К сожалению, в наших условиях декрет о трудовой повинности — совершенно необходимый в то время — вызвал одно отрицательное явление, усугублявшееся скрытым саботажем старого чиновничества: сильное разбухание аппаратов советских органов, такое разбухание, при котором оно понижало работоспособность этих органов, увеличивая бюрократизм и усложняя волокиту.

Этих отрицательных сторон не избежал и аппарат профессионального движения. Но помимо бюрократической постановки аппарата, все методы работы профессиональных союзов все более и более пропитывались элементами администрирования, что было неизбежно при выполнении союзами по преимуществу государственных функций.

Такие методы работы вызвали почти полный отрыв органов профессиональных союзов от рабочих масс. Вся работа профессиональных союзов носила характер предписаний, а в некоторых случаях и приказов. Живая связь работников союзов с членской массой все более и более заменялась письменной связью чрез канцелярии союзов.

В основном, если отбросить ряд преувеличений и бюрократических извращений, выработавшиеся методы работы профессиональных союзов в период военного коммунизма безусловно были пра-

вильны для того времени и вполне естественны в развитии профессионального движения к совершенно законченной централизации и огосударствлению.

Но противоречия между нашей хозяйственной и общекультурной отсталостью, с одной стороны, и системой военного коммунизма, с другой, с течением времени обострялись все сильнее и сильнее, и обострение указанных противоречий все заметнее начинало сказываться в профессиональном движении.

Окончание гражданской войны и переход на мирное строительство ставили пролетарскую революцию лицом к лицу с назревшими противоречиями, которые в начале 1921 года прорвались наружу в форме крестьянских восстаний, рабочих стачек и, наконец, восстания Кронштадтской крепости. Все это говорило о том, что крестьянское население не может дальше итти по пути жертв, что оно отказывается дальше принимать векселя пролетарской власти и если не требует немедленной уплаты по выданным векселям, то и не хочет в дальнейшем кредитовать город, а требует материального возмещения за продукты своего труда.

С окончанием гражданской войны повысились и требования рабочей массы, положение которой сложилось чрезвычайно тяжело под влиянием разрушительной интервенции и гражданской войны.

Эти противоречия все определеннее отражались и в профессиональном движении, создав в нем к концу 1920 года кризис перелома: начался пересмотр задач профессионального движения, искание новых форм деятельности.

3.

Накануне переломного кризиса в профессиональном движении собралась пятая конференция профессиональных союзов, через семь месяцев после III с'езда, в начале ноября 1920 года.

В основном, обстановка, в которой работала пятая конференция, была сходна с той, в которой работал III с'езд. В апреле 1920 г., когда собрался III с'езд, строились перспективы работы в мирных условиях. В соответствии с этим, с'езд, намечая работу профессиональных союзов, признал необходимым укрепление профессиональных союзов, а чрез них и хозяйственных органов, и переход к планомерному социалистическому строительству. Но выступление Польши и усиление фронта Врангеля заставили отложить мирную работу и еще раз бросить все лучшие силы на военные фронты. Это не дало возможности профессиональным союзам вы-

полнить намеченные III с'ездом задачи, так как новое напряжение сил для войны сильно ослабило работу профессиональных союзов.

Пятая конференция собралась, когда война с Польшей была закончена и ликвидировались остатки врангелевского фронта. Перед профессиональным движением снова стояли мирные перспективы и в основном снова намечались задачи усиления деятельности профессиональных союзов, активное участие в хозяйственном строительстве и укреплении хозяйственных органов. Необходимость усиления работы союзов была отмечена в выступлении т. Томского, заявившего, «что война с неизбежным напряжением, недостатком сил, с заменой широкой работы узкой, построенной больше на дисциплине, кроме положительных качеств, принесла много отрицательного». «Перед нами стоит старый основной метод—метод работы в широких массах, заключающийся не только в вынесении постановлений», но и в умении доказывать рабочим массам целесообразность этих постановлений. (Протоколы V Всероссийской конференции, стр. 1—2). В соответствии с этим, резолюция по организационному вопросу указывает на необходимость перенесения «центра деятельности союзных организаций» на места в широкую массу завода и фабрики».

Все вопросы, стоявшие перед конференцией, разрешались в плоскости улучшения хозяйственного положения страны, укрепления хозяйственных органов. В организационной работе союзам также ставились задачи «всестороннего использования союзных организаций в деле вовлечения широких масс в процесс усиленного развития производственных сил Советской Республики» и сосредоточения «непосредственного интереса среди членов союзов к тем производственным вопросам, от правильного решения которых зависит улучшение экономического состояния Советской России». Организационная деятельность союзов должна «служить улучшению экономического положения рабочих и поднятию их культурного уровня», так как только при этом условии члены союза будут понимать значение пред'являемых союзами к своим членам требований о выполнении трудовой дисциплины и повышения производительности труда. Самый принцип принуждения в производственной жизни должен быть превращен союзами в способ производственного перевоспитания масс, в средство широкой производственной пропаганды.

При установлении производственных задач союзов конференция еще принуждена была считаться с необходимостью ударного способа хозяйственной работы, сосредоточения главного внимания и всех сил в определенный момент на определенном участке хозяйственной деятельности — на транспорте, топливе, продовольствии и т. д. Беспорядочное проведение «ударности» заставило конференцию предложить союзам стать «на защиту проведения действительной ударности в соответствии с важностью производства и наличия материальных рессурсов страны». При этом конференция обращала особенное внимание на образцовую группу предприятий, призывая создать из них действительно образцовые предприятия «посредством создания компетентного управления, дисциплины труда и работы союзной организации».

Практические задачи союзов в области производственной работы конференция наметила в следующем виде: «а) самое активное участие в решении вопросов производства и управления; б) непосредственное участие совместно с соответствующими хозяйственными органами в организации компетентных органов управления; в) тщательный учет и влияние на производство различных типов управления; 2) обязательное участие в выработке и в установлении хозяйственных планов и производственных программ; д) организация труда в соответствии с ударностью хозяйственных задач; е) развитие широкой организации производственной агитации и пропаганды».

В области организации труда, наряду с расширением организационной деятельности союзов, с перенесением ее непосредственно в массы и постановкой широкой производственной агитации и пропаганды, конференция делала определенное ударение и на способы внеэкономического принуждения, которое надо было применять при проведении трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях; при этом, она предложила союзам «твердо взять в свои руки все дело борьбы с отдельными видами трудового дезертирства» (прогулами, опозданиями и т. д.). В качестве орудия борьбы против нарушения пролетарской трудовой дисциплины конференция обращала большое внимание на дисциплинарные суды, которые организовывались при союзных органах.

Таким образом, в деле организации труда, вместе с проведением тарифных мероприятий, как экономического способа «принуждения», и постановкой производственной пропаганды, конференция подчеркнула необходимость применения и в дальнейшем спосо-

бов внеэкономического принуждения в деле установления трудовой дисциплины, при отсутствии которой немыслимо было повысить производительность предприятий.

Назревшие противоречия в организме Советской Республики еще не прорвались, необходимость поворота с прямого пути к коммунизму на боковые, обходные пути была еще не ясна, она только инстинктивно чувствовалась, но ее нельзя было прощупать в ее конкретном значении.

Поэтому мы и видим, что пятая конференция профессиональных союзов, подведя итоги деятельности союзов, наметила их задачи строительства в мирных условиях, но еще не учитывала — не могла учитывать — необходимости изменения методов работы и о т к а з а от некоторых применявшихся методов и радикальной передвижки своего внимания от одних задач к другим.

Это будет сделано только через год, когда изменения в хозяйственном строе наметятся уже вполне конкретно, когда выявятся основные результаты практики новой экономической политики. До тех же пор профессиональное движение будет итти ощупью, отыскивая наиболее верный путь и наилучшие способы своей деятельности в изменяющейся хозяйственной обстановке, в обстановке отступления с позиций военного коммунизма на позиции государственного капитализма.

Естественно, что в обстановке, когда еще не все ясно, когда еще не виден тот путь, на который надо свернуть, — искания этого пути направляются в разные стороны и каждый ищущий полагает, что он напал на верный путь, а все остальные тянут на ложный.

Такой характер исканий лучших путей профессионального движения полностью отразился в дискуссии о роли и задачах профессионального движения, происходившей в своих основных и наиболее ярких моментах в промежуток времени между пятой конференцией профессиональных союзов и десятым с'ездом партии.

4.

Исходя из того, что деятельность союзов в области организации производства свелась, в конце концов, к участию в формировании органов управления производством (коллегий Главков, Центров и заводоуправлений) и из того, что государственный аппарат по управлению производством превратился в несоразмерно большую по сравнению с самим производством бюрократическую машину, пятая конференция указала на неизбежную необходимость непо-

средственного участия профессиональных союзов в организации производства не только посылкой своих представителей в хозяйственные органы, но как организаций в целом. При этом союзам предлагалось подходить к этому делу с точки зрения организации труда.

Проведение последней на основах тарифных мероприятий (натуральное премирование и частичная натурализация заработной платы в зависимости от выполнения производственного плана), развития производственной пропаганды и установления дисциплинарных судов обусловливало постановку вопросов о восстановлении тесной связи рабочих масс с органами хозяйственного управления. Наряду с этим, конференция выдвинула вопрос о ликвидации параллельных органов при профессиональных союзах (Политотдел при Цектране). Последний вопрос был подробнее развит в резолюции фракции РКП пятой конференции, принятой по докладу тов. Зиновьева. В пятом пункте указанной резолюции говорится: «фракция РКП V конференции профессиональных союзов считает, что и для Цектрана время специфических методов управления (во имя которых был создан Главполитпуть), вызванных особыми условиями, начинает проходить, и потому рекомендует Цектрану усилить и развить нормальные методы пролетарской демократии внутри союза, что уже поставлено на очередь самим Цектраном. Вместе с тем, фракция РКП V конференции профессиональных союзов считает необходимым, чтобы Цектран принял деятельное участие в общей работе ВЦСПС, входя в его состав на одинаковых с другими союзными об'единениями правах».

По существу вопрос о политотделах и послужил поводом к началу дискуссии о профессиональных союзах и созданию при Ц. К. РКП комиссии для разработки вопроса о профессиональных союзах.

Товарищ Троцкий выдвинул вопрос о «перетряхивании» профессиональных союзов, против чего резко выступил тов Томский. На пленуме Ц. К. РКП 9-го ноября тезисы товарища Троцкого: «Профессиональные союзы и их дальнейшая роль» были отклонены и принята та же резолюция, что и на фракции конференции. В прениях тов. Томский, «усиленно поддержанный Лениным, считает центром тяжести споров именно «перетряхиванье» в связи с неправильностями и преувеличениями бюрократизма у Цектрана». (Н. Ленин. Кризис партии, ГИЗ., 1921 г., стр. 4).

В связи с конфликтом между фракцией совещания Цектрана

и коммунистами водниками, Пленум Ц. К. РКП на заседании 7-го декабря снова обсуждает вопрос о профессиональных союзах и большинством принимает резолюцию, предложенную тов. Бухариным, в которой подчеркивается нецелесообразность метода перестройки профессиональных организаций сверху.

Опубликованием 25-го декабря тезисов тов. Троцкого (Л. Троцкий. Роль и задачи профессиональных союзов) к X-му с'езду партии (ГИЗ., 1920 г.) дискуссия выносится за пределы Ц. К., и 30-го декабря она развертывается на многолюдном совместном заседании фракции РКП 8-го с'езда советов, ВЦСПС и МГСПС, происходившем в Большом театре. Здесь были развернуты все основные позиции о роли профессиональных союзов, но главный спор шел между Зиновьевым и Лениным, с одной стороны, и Троцким и Бухариным, с другой; причем тов. Бухарин своим выступлением был намерен создать «буфер» между спорящими. Он стремился к этому и на пленуме Ц. К. партии 7-го декабря, когда в предложенной им резолюции, наряду с указанием нецелесообразности перетрахивания профессиональных союзов сверху, одобрял «производственную рабочую демократию» (Ленин и Зиновьев были против этой резолюции, считая «буфер» бумажным, не имеющим никакого практического значения).

Основные позиции в спорах о роли профессиональных союзов можно свести к следующим исходным пунктам:

1) Платформа «десяти» (подписанная Лениным, Зиновьевым, Томским, Рудзутаком, Калининым, Каменевым, Лозовским, Петровским, Артемом (Сергеевым), Сталиным) на первый план в задачах профессиональных союзов выдвинула: а) профессиональные союзы должны быть политической основой диктатуры пролетариата, б) профессиональные союзы должны быть школой коммунизма, обслуживая «все стороны повседневной жизни трудящихся масс» и «постепенно вовлекая самые широкие слои трудящихся в дело государственного строительства».

2) Тов. Троцкий в своих тезисах на первый план выдвинул хозяйственно-производственные задачи профессиональных союзов, предлагая усилить их роль в организации и управлении хозяйством.

3) «Рабочая оппозиция» во главе с тов. Шляпниковым отстаивала необходимость передачи всего дела организации и управления промышленностью в руки профессиональных союзов.

Платформа десяти начинает с указания, что «общие задачи и роль профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролетариата вполне правильно определены целым рядом решений предыдущих с'ездов и конференций—как партийных, так и профессиональных» (1, 2 и 3 с'езды профессиональных союзов, 8 и 9 с'езды партии).

Профессиональные союзы, как массовые организации, являются основой диктатуры пролетариата; их задача — активно поддерживать эту диктатуру, стоять на страже революции и быть проводником политики Советской власти в пролетарские массы.

Дальше, профессиональные союзы должны выполнять воспитательную роль — быть школой коммунизма; организуя в свои ряды большинство или даже всех трудящихся (к чему союзы должны стремиться), они обязаны сделать их сознательными и активными участниками организации; элементы, которые до революции были чужды пролетарской семье, необходимо сблизить с передовыми слоями пролетариата и приспособить их к делу строительства коммунистического общества; вовлекать самые широкие слои трудящихся в дело государственного строительства, «поднимая их от беспартийности к коммунизму». Включая в понятие «школа коммунизма» и момент хозяйственного воспитания, платформа десяти указывает, что «свою роль школы коммунизма в данный период профессиональные союзы на деле выполнят постольку, поскольку они явятся руководителями пролетарских масс в деле коммунистической практики, т.-е. практической реорганизации и построения хозяйства на коммунистических началах. Лишь тот союз в Советской России является подлинной школой коммунизма, который умеет постепенно втягивать самые отсталые слои трудящихся в работу сознательного улучшения советского народного хозяйства». Задачей каждого члена партии является перетянуть на сторону партии миллионы трудящихся, организованных в союзы; это они смогут выполнить своей «терпеливой и настойчивой воспитательной работой, личным примером, организаторскими способностями, хозяйственной умелостью, заботой о материальных и духовных интересах трудящихся масс».

В ответ на лозунг сращивания союзов с государственными хозяйственными органами, платформа десяти предостерегает от быстрого огосударствления профессиональных союзов, так как «искусственное ускорение темпа огосударствления» не может нисколько улучшить хозяйственного положения Советской России

и приведет к тому, что будет затруднено выполнение профессиональными союзами своей роли как школы коммунизма.

Не отвергая методов принуждения в деятельности союзов, платформа считает главным для профессиональных союзов метод убеждения, предлагая вместе с тем строить профессиональные организации по принципу демократического централизма, осуществляя методы рабочей демократии, широкую выборность всех органов. Одновременно необходимо бороться против вырождения «централизма и милитаризированных форм работы в бюрократизм и казенщину».

Отметив, что поставленные перед профессиональными союзами организационно-хозяйственные задачи не проникли в достаточной мере в их повседневную практику, платформа указывает, что с хозяйственной разрухой можно будет справиться только «если профессиональные союзы гораздо ближе подойдут к хозяйственным задачам, чем это было,.. и примут ближайшее участие в деле организации и управления промышленностью». Дальше в платформе подробно намечены практические задачи и методы хозяйственной работы профессиональных союзов.

В общем и целом в основу платформы десяти были положены тезисы тов. Рудзутака, принятые V конференцией, и постановления предыдущих с'ездов — профессиональных и партийных. Как по задачам, выдвинутым платформой, так и по тем методам, которые она предложила практиковать профессиональным союзам, эта платформа вполне соответствовала условиям времени и состоянию профессиональных союзов.

Особенность платформы тов. Троцкого заключалась в том, что в ней на первое место была выдвинута роль профессиональных союзов в организации и управлении народного хозяйства. При этом роль союзов как политической основы диктатуры пролетариата и школы коммунизма стушевывалась. Задача же союзов в области защиты экономических интересов трудящихся тезисами отвергалась, как отжившая и не имеющая никакого смысла в Советском строе: «То, что составляло существо профессионального союза в буржуазном обществе отпало — говорил т. Троцкий:— в рабочем государстве профессиональный союз не может вести классовой экономической борьбы». Ленин отвечал на это, что союзы утратили старую основу существования как классовую экономическую борьбу, но они еще долго не могут утратить такую основу как «неклассовую, «экономическую борьбу»

в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата».

Тов. Троцкий считал, что кризис профессионального движения порожден, помимо общих причин — (пражданская война, отрыв работников на фронты и др. работы, урезка демократических методов строительства и т. д.)—специальной причиной—отстранением профессиональных союзов от активного и ответственного хозяйственного строительства. Это способствовало развитию консерватизма в структуре, методах работы и подборе работников професиональных союзов. Поэтому они оказались неспособными выполнить поставленную партийной программой задачу — о р г а н и з о в а т ь п р о и з в о д с т в о.

В ответ на это указывалось, что партийная программа не дает оснований утверждать, будто союзы должны были организовать производство, «Программа не дает такой формулировки и не дает союзам такой задачи, как «организовать производство». (Ленин. Еще раз о профессиональных союзах, текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина. ГИЗ, 1921 г., стр. 27). Программа (п. 5) говорит о том, что «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым целым». Здесь намечается перспектива, расчитанная на долгие годы, а не задача сегодняшнего дня — организовать производство. Кроме того, пятый пункт программы начинается указанием, что не исключительно на профессиональные союзы, а только в п е р в у ю г о л о в у должен опираться на них организационный аппарат обобществленной промышленности. В отношении же управления народным хозяйством в программе сказано об участии профессиональных союзов, а это еще далеко не означает непосредственное и исключительное управление хозяйством профессиональными союзами; здесь — определенное ограничение роли профессиональных союзов, указание на то, что профессиональные союзы — не единственные органы в области организации и управления народным хозяйством, что они могут и должны выявить в этом отношении большую роль со своей стороны; но эта роль не является только ролью профессиональных союзов, что видно при внимательном чтении всего пункта программы: «Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные

союзы. Они должны все больше освобождаться от цеховой узости и превращаться в крупные производственные об'единения, охватывающие большинство, а постепенно и всех поголовно трудящихся данной отрасли производства».

«Будучи уже, согласно законов Советской Республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Обеспечивая таким образом неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства. Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечении ими к этому широких масс является вместе с тем и главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства».

Постановление IX с'езда партии также не дает оснований говорить, что профессиональные союзы должны «организовать производство» и срастись с производственными органами. «Задачи профессиональных союзов лежат, главным образом, — говорит постановление, — в области организационно-хозяйственной и воспитательной. Эти задачи профессиональные союзы должны выполнять не в качестве самодовлеющей организационно-изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов Советского государства, р у к о в о д и м о г о к о м м у н и с т и ч е с к о й п а р т и е й». И дальше: «Так как Советская власть является наиболее широкой организацией, концентрирующей всю социальную мощь пролетариата, ясно, что профессиональные союзы, по мере развития коммунистического сознания и творческой роли масс, должны постепенно превращаться в в с п о м о г а т е л ь н ы е органы пролетарского государства, а не наоборот». Отсюда совсем не следует, что, пока не будет достигнуто сращивание союзных органов с производственными органами, «кризис будет углубляться», как утверждал тов. Троцкий. Он упрекая дальше, что профессионалисты, выступая против перспективы сращивания, «отбиваясь от новых задач и методов»... развивают в своей среде дух корпоративной замкнутости, неприязни к новым работникам, привлекае-

мым в данную область хозяйства и, таким образом, фактически поддерживают пережитки цеховщины среди профессионально-организованных рабочих», и тем самым сбиваются на советский тред-юнионизм, формулированный тов. Рязановым в том смысле, что профессиональные союзы об'единяют рабочих для отстаивания их материальных и духовных интересов. Мы уже видели, что платформа десяти не отказывалась от этой задачи; и все-таки на «советский тред-юнионизм тов. Рязанова» она отнюдь не сбивалась. «Корпоративная замкнутость» и «неприязнь к новым работникам», несомненно, навеяны практикой Цектрана и были направлены против тех, кто выступал с критикой «перетряхивания». Проведение принципов демократического централизма и выборности союзных органов, проведение принципа рабочей демократии, что было выставлено в платформе десяти, полностью предохраняет профессиональные союзы от неприязни к новым работникам и корпоративной замкнутости.

Тов. Троцкий и Бухарин выставили тезис о «производственной демократии», что по своему содержанию покрывается понятиями производственной пропаганды и рабочей демократии. (См. у Ленина).

Третью позицию в дискуссии о роли и задачах профессиональных союзов можно охарактеризовать как синдикалистскую позицию. Она защищалась «рабочей оппозицией». Н. Бухарин выступил в начале в качестве «буфера» между платформой десяти, с одной стороны, и платформой Троцкого — с другой. Но в процессе дискуссии «буфер» врезался в платформу Троцкого и Шляпникова и застрял там. В конце концов тов. Бухарин защищал обязательность для государственных хозяйственных органов кандидатур, выставляемых професиональными союзами. При проведении такой обязательности партия по существу была бы устранена от составления, формирования органов управления народным хозяйством. Отсюда уже один шаг к передаче организации и управления народным хозяйством всецело в ведение профессиональных союзов, что предлагала «рабочая оппозиция» во главе с тов. Шляпниковым.

«Рабочая оппозиция» предлагала сосредоточить проведение хозяйственной политики через профессиональные и производственные союзы и предоставление последним «решающего влияния в государственных хозяйственных органах, добывающих и распределяющих все виды материальных средств страны». Руководство

промышленностью должно быть об'единено в союзах. (Тезисы 7 и 8). Намечая практические мероприятия, тезисы еще определеннее выявляют синдикалистскую сущность платформы «рабочей оппозиции». Так, например, в тезисах говорится: «Ни одно лицо не должно быть назначено на административно-хозяйственный пост помимо союза». «Все выдвигаемые кандидаты не могут быть отводимы и должны считаться обязательными для ВСНХ и его органов». «Все поставленные или выдвинутые союзами работники являются ответственными перед ними (союзами) и могут быть отозваны ими во всякое время». По смыслу всех трех пунктов, никто другой, кроме союза, не может ни отозвать, ни снять с работы тех работников, которые посланы союзом. А так как ни одно лицо не может быть назначено на административно-хозяйственный пост помимо союза, то значит — ни один работник не может быть отозван из хозяйственных органов помимо союза.

Партия и Советская власть, как видим, по мысли «рабочей оппозиции», должны остаться не при чем при организации управления народным хозяйством. Ясно, что сколько бы «рабочая оппозиция» ни клялась партийной программой и постановлениями партийных и профессиональных с'ездов, ее платформа была в полном противоречии и с программой партии и с постановлениями с'ездов. Ссылки и приведение отдельных пунктов программы и постановлений в самом начале тезисов «рабочей оппозиции» никого не могли ввести в заблуждение относительно явного синдикалистского уклона. Последний предстанет перед нами вполне законченным, когда мы прочтем пункт «в» в тезисе 9-ом: «Союзы, признанные ВЦСПС достаточно сильными для организации непосредственного управления целыми отраслями промышленности, осуществляют это право, не дожидаясь готовности для этого других». Соединив все приведенные пункты мы увидим, что «рабочая оппозиция» предлагала: каждый производственный союз ведет, организует и управляет соответствующей отраслью промышленности без вмешательства в это дело партии и Советской власти. Иначе говоря, «рабочая оппозиция» вплотную подошла к лозунгам синдикалистов: «железные дороги — железнодорожникам», «рудники и шахты — горнякам», «металлургические предприятия — металлистам».

Для того, чтоб платформа «рабочей оппозиции» с ее синдикалистской сущностью была совершенно ясна, приведем полностью 13-й тезись платформы, в котором намечена схема управления народным хозяйством:

«13) Организация управления всем народным хозяйством принадлежит всероссийскому с'езду производителей, об'единенных в профессиональные производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики.

а) Всероссийские с'езды производственных союзов отдельных отраслей хозяйства избирают органы, управляющие производственными хозяйственными отделами и отраслями.

б) Областные, губернские, уездные, районные и т. п. органы управления учреждаются соответствующими местными с'ездами профессиональных и производственных союзов. Этим путем достигается сочетание производственного централизма с местной инициативой и самодеятельностью. Отделы: — областных, губернских, уездных, районных и т. п. органов управления хозяйством составляются соответствующим в каждом случае союзом».

В противоположность перспективе огосударствления профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролетариата, «рабочая оппозиция» предлагала, и при том немедленно, — «осоюзить» государство, по выражению т. Троцкого [1]). Несостоятельность этой платформы настолько била в глаза, что число сторонников ее было весьма незначительно. То же приходится сказать о платформах Бухарина, Игнатова и группы «демократического централизма» (Сапронов, Осинский и др.).

Итоги дисскусии о роли и задачах профессиональных союзов были подведены на X партийном с'езде, который принял платформу десяти, ставшую официальным партийным документом.

5.

Дискуссия о роли и задачах профессиональных союзов имела значение в трех направлениях:

1) Она очистила атмосферу как в самом профессиональном движении, так и в партии, дав выход накопившимся разногласиям и возможность точно и определенно формулировать разные мнения и тем самым сделав их более доступными для активной массы партийцев и профессионалистов; это облегчало для них определение своего отношения к разным мнениям.

2) Дискуссия, в которой подвергались подробнейшему исследованию все стороны профессионального движения, обнажила в

---

[1]) См. тезис 16, посвященный критике платформы т. Шляпникова.

общем виде те причины, которые вызывали кризис профессионального движения, а также дала возможность уяснить и характер самого кризиса, который оказался кризисом роста (по определению т. Ленина), а не кризисом упадка (по определению т. Троцкого). Выяснилось, что намеченные предыдущими партийными и профессиональными с'ездами общие задачи профессионального движения в эпоху диктатуры пролетариата правильны и не подлежат изменению. Речь может идти только о передвижке значения в данный момент между отдельными задачами и об изменении методов (способов) проведения этих задач в жизнь. О пересмотре намеченных задач и о выискивании новых не могло быть речи.

3) То и другое помогло в дальнейшем ходе событий спокойнее, деловитее и с полным пониманием дела наметить новый курс профессионального движения в связи с новым характером экономической политики, когда ее первые практические результаты и общее направление стали выявляться перед партией и профессиональными союзами.

Правда, в первый момент после об'явления новой экономической политики, вследствие неясности общего положения, профессиональное движение не могло быстро нащупать новых путей и новых методов своей деятельности. Но и сама новая экономическая политика, декретированная в форме замены продразверстки продналогом и разрешения крестьянам производить обмен и торговлю излишком продуктов своего труда на местных рынках (в местном масштабе), не представлялась еще в более или менее ярких выпуклых очертаниях. Декрет о продналоге был только первым камнем, исходным пунктом всей системы новой экономической политики, и трудно было предвидеть характер нового пути и те изменения, которые произойдут в жизни после проведения нэп'а.

Этой общей неопределенностью, неясностью могущих быть изменений в хозяйственной жизни под действием нэп'а, об'ясняется неясность перспектив, дальнейшего пути профессионального движения. Профессиональное движение стояло как бы на распутьи, нащупывало наиболее верный путь, наиболее правильные методы своей деятельности. Все это особенно ярко отразилось на работах IV с'езда профессиональных союзов (17—25 мая 1921 г.). С одной стороны, с'езд учитывает неизбежное изменение условий деятельности союзов, с другой — ему неясен еще ни характер изменений, ни характер условий, которые наступят под действием изменений. Поэтому постановления с'езда имеют несколько неопре-

деленный, недостаточно конкретный характер. С одной стороны, в резолюции о задачах союзов говорится о необходимости приближения органов союзов к об'единяемым массам, с другой — предлагается это приближение проводить чрез межсоюзные органы. Резолюция по организационному вопросу расшифровывает это положение, делая определенное ударение на межсоюзные органы. Эта резолюция, исходя из организационной слабости профессиональных союзов и отрыва от масс, настаивает на необходимости приближения всей союзной работы к массам, рекомендуя более частые собрания — общие, делегатские и широкие конференции. Затем, сославшись на происходящую децентрализацию Главков, ведущую к тому, что местные хозяйственные органы получают больше самостоятельности в своей работе, резолюция намечает два основных пункта: «организационные взаимоотношения между союзными органами должны быть построены: 1) в сторону все большей концентрации и централизации от органов производственных союзов к межсоюзным об'единениям (от Ц. К.—к ВЦСПС, от губотделов—к губпрофсоветам и т. д.) и 2) в сторону децентрализации некоторых отраслей союзной работы (от ВЦСПС—к губпрофсоветам, уездбюро и т. д.).

Если в дальнейшей практике второй пункт оказался верен, то первый, как известно, оказался совершенно неприемлемым в условиях развивающегося нэп'а и его пришлось совершенно изменить. Но четвертый с'езд еще не мог учесть этой неприемлемости и по инерции закрепил то стремление к централизации при межсоюзных органах, которое выявилось в предыдущей практике профессионального движения.

В резолюции по тарифному вопросу с'езд, основываясь на замене продразверстки продналогом и на декрете СНК об обменном фонде (предприятия могли составлять особый фонд своих изделий для обмена на продукты сельского хозяйства, потребные рабочим), считает неизбежным — «в условиях гигантского падения покупной способности бумажных денег» — «переход к натурализации заработной платы», к замене денежной формы оплаты материально-вещественным государственным снабжением рабочего класса; необходимость приведения норм снабжения в соответствие с задачей развития производительных сил диктовала с'езду установить коллективную форму снабжения.

Не прошло и года, как все это оказалось в полном противоречии с условиями, порожденными развитием нэп'а. Но если с'езд

происходил в то время, когда сам нэп был еще чем-то неопределенным; если решения IV с'езда оказались сравнительно скоро в противоречии с новыми условиями, то это только значит, что нэп развивался очень быстро, переходный период от военного коммунизма к государственному капитализму был краток. А с'езд работал именно в такой переходный период, отсюда, с одной стороны, некоторая неопределенность его решений, с другой — их несоответствие новым, скоро наступившим, условиям, с третьей—заметное влияние на них прошлой практики профессиональных союзов в условиях военного коммунизма; эти элементы старой политики, несомненно, находились в противоречии с тем новым, что удалось нащупать и наметить IV с'езду.

6.

Естественно, что недостаточно определенные и противоречивые решения четвертого с'езда при проведении их в жизнь не способствовали изживанию кризиса в профессиональном движении, а затягивали его на более долгий срок. Это—во-первых. Во-вторых, практика профессионального движения до второго Пленума ВЦСПС в феврале 1922 года определялась изменявшимися условиями и формами хозяйственного строительства и приспособлялась к ним. Поэтому, на практике те решения четвертого с'езда, которые противоречили складывавшимся новым условиям, новым формам хозяйственного строительства или видоизменялись, приспособляясь к последним, или проводились частично и медленно. Проведение их в жизнь, несомненно, затягивало кризисное состояние профессионального движения и если не усиливало кризиса, то и не ослабляло его. Это особенно отчетливо сказалось в области организационной работы, где старые формы, старые пути развития, отчетливо намеченные четвертым с'ездом, находились в особенно вопиющем противоречии с обстановкой, изменявшейся под действием новой экономической политики.

Но именно этот период жизни профессиональных союзов показал, что профессиональное движение переживало кризис р о с т а, а не кризис упадка; не тот кризис, который мог повести к распаду, к разложению, к дезорганизации, а кризис, определявшийся исканиями выхода на новые пути широкого и углубленного развития и укрепления.

Этими изысканиями, в большей степени, чем решениями четвертого с'езда, определялась практика профессионального движения от четвертого с'езда до второго пленума.

Органы профессионального движения учитывали в своей практической деятельности, что курс на единый союз не осуществим в тех условиях, которые складывались после четвертого с'езда.

Но были отдельные губпрофсоветы, которые торопливо проводили курс на единый союз, ликвидируя губотделы союзов и централизуя кассы в единую кассу при губпрофсовете. Централизация кассы проводилась и ВЦСПС. Правда, при попытках ликвидации функциональных отделов союзов, а иногда и перевода самих губотделов на положение секций при губпрофсоветах, ВЦСПС выступал против, давая соответствующий отпор торопливым губпрофсоветам. В общем же, в этом отношении профессиональное движение в целом находилось в выжидательном положении, чувствуя нежизненность курса на единый союз. Но первый Пленум ВЦСПС, происходивший 20 октября, имея в своем составе значительное большинство межсоюзных работников, не учел противоречия курса на единый союз с изменившимися об'ективными условиями. Он в своих решениях по организационному вопросу исходил из резолюций четвертого с'езда, продолжая усиливать значение межсоюзных об'единений особенно в области финансовой политики. Тут сказалось преобладание суб'ективных настроений над необходимостью учесть об'ективную обстановку и в соответствии с ней изменить формы организационного строительства союзов.

Четвертый с'езд об'ективно не мог учесть необходимости коренного изменения курса в организационном строительстве союзов в силу неясности новой обстановки и невозможности предопределить пути новой экономической политики и те изменения, которые она вызовет в хозяйственном положении. Первый же Пленум суб'ективно не учел такой необходимости, испытывая тяжелое материальное положение и находясь под влиянием острых взаимоотношений между производственными об'единениями, с одной стороны, и межсоюзными органами — с другой. Стремление ликвидировать такие взаимоотношения выливалось в форму умаления или полного уничтожения значения производственных об'единений. Во многих случаях это способствовало усилению кризиса, вызывая при этом вредные последствия для профессионального движения.

Производственные об'единения в своем большинстве занимали отрицательную позицию в отношении курса на единый союз. Оппозиция этому курсу была выявлена представителями ЦК союзов еще на четвертом с'езде. Происходившие затем с'езды производствен-

ных об'единений почти все высказывались против линии, ведшей к единому союзу.

Но несмотря на протесты ЦК союзов и политику ВЦСПС, заключавшуюся в том, чтобы не ускорять перехода на единый союз, на местах губпрофсоветы почти всюду в различных размерах и формах проводили как упразднение губотделов и уотделений, так и вливание в свой аппарат функциональных отделов (особенно культотделов), оставляя в качестве производственных об'единений только фабрично-заводские комитеты.

Политика об'единения работы вокруг межсоюзных органов, ликвидации губотделов и уотделений и централизации кассы при межсоюзных об'единениях очень вредно отражалась и на культработе союзов, которая переживала в этот период острейший кризис.

По неполным данным «Отчета ВЦСПС за 1921 — 1922 г.» (стр. 22 и следующие), в шести губерниях из 96 губотделов ликвидированы 53 губотдела и из 323 уотделений ликвидированы 226; ликвидированные губотделы и уотделения об'единяли около 280.000 рабочих. Необходимо отметить, что ликвидации подвергались больше индустриальные союзы, чем не индустриальные. Это можно об'яснить тем, что в наиболее крупных промышленных районах к ликвидации губотделов не было приступлено.

В организационной работе союзов рассматриваемого периода значительное место занимали вопросы о регулировании состава союзов.

Уже четвертый с'езд рекомендовал осмотрительное отношение к членству кустарей. В августе ВЦСПС, констатируя, что союзы не распространяли в достаточной степени своего влияния на кустарей, входящих в союзы, предлагает, в связи с вовлечением кустарей в товарное производство, воздержаться от приема их в союзы и произвести перерегистрацию уже принятых. Первый Пленум ВЦСПС (в октябре) выносит определенное решение о кустарях: «Кустари в настоящих условиях превращаются в собственников и, естественно, не могут состоять членами производственных союзов. К вступившим уже в союзы должна быть применена перерегистрация. Оставлены могут быть только работающие у кустарей на правах наемных рабочих». Фактическая перерегистрация — чистка и исключение из союзов элементов, не являющихся наемными рабочими, происходила в 1922 году.

В результате, постановления четвертого с'езда о допустимости организации при союзах производственных секций на практике не имели большого значения. Во всяком случае, накануне второго Пленума секций не имели 15 Всероссийских об'единений (из 21); имели секции только пять об'единений, и одно об'единение имело секции на местах в виде исключения.

Тарифную работу союзов от четвертого с'езда до второго пленума можно характеризовать двумя моментами: 1) применение системы фондов заработной платы, когда проводилось коллективное снабжение и бюджетно-сдельная система и были узаконены процентные отчисления от изделий собственного производства на заработную плату; 2) изменение политики заработной платы в связи с плановым государственным снабжением (с осени 1921 г.).

По существу — переход от уравнительности заработной платы к такой системе, при которой учитывались интенсивность и квалификация работника. Еще второй с'езд союзов признал необходимость введения сдельной оплаты. Третий с'езд уже рекомендовал премиальные и поощрительные системы оплаты труда. Эти системы, касающиеся денежной части заработной платы, на практике не могли иметь сколько-нибудь заметного значения, когда, вследствие обесценения денег, центр тяжести в заработной плате был перенесен на натуральные выдачи. В связи с этим, стало практиковаться премирование натурой.

Пятая конференция профессиональных союзов высказалась за то, чтобы заработная плата находилась в теснейшей связи с производительностью работника. Этим уже намечался переход от уравнительного пайкового снабжения и от ударности к регулированию заработной платы в соответствии с производительностью труда.

Вскоре был выдвинут вопрос о коллективном снабжении.

А в апреле, до четвертого с'езда, был принят декрет о процентных отчислениях изделий от производства и создании обменного фонда. Наряду с этим были отменены предельные размеры сдельных работ.

Установление коллективного снабжения вызывалось двумя причинами: 1) решающее значение на производительность промышленности не может оказать производительность труда отдельного работника. Требуется общая заинтересованность и ответственность всех работников предприятия за производительность данного предприятия; 2) в период военного коммунизма, вследствие голода, мо-

билизации и проч., квалифицированные и опытные работники сильно уменьшились в предприятиях. Качество заменилось количеством. Штаты на предприятиях и в учреждениях непомерно разростались.

Коллективное снабжение должно было, с одной стороны, вызвать общую заинтересованность и ответственность всех работников в повышении производительности, с другой — заинтересованность предприятий и учреждений и работающих в них в уменьшении количества работников за счет сокращения неумелых, неприспособленных и ленивых работников.

Поскольку эта система была совершенно новой, в корне ломающей установившиеся системы оплаты, — четвертый с'езд союзов подошел к ней с некоторой осторожностью и рекомендовал установить ее сначала в виде опыта в наиболее важных и наиболее обеспечиваемых государственным снабжением предприятиях.

В соответствии в этим, в июне Совет Труда и Обороны опубликовал разработанный ВЦСПС декрет, которым вводилось коллективное снабжение в 39-ти крупнейших предприятиях, начиная с 15 июля или 1 августа 1921 года. Проведение декрета осуществлялось Центральной Комиссией по снабжению рабочих и Отделом Нормирования Труда ВЦСПС. Последним была разработана инструкция о порядке распределения фонда коллективного снабжения внутри предприятий. Согласно инструкции, вводилась 17-разрядная сетка (в отличие от 35-разрядной для денежных тарифов). Вторым декретом 12 июля коллективное снабжение было распространено и на советских служащих; здесь преследовалась определенная задача — сокращение разбухших штатов. Но фактическое расширение круга предприятий и учреждений, переводимых на коллективное снабжение, начали проводить только с осени, когда выяснились результаты урожая и продовольственные рессурсы Советской Республики.

Сначала фонды коллективного снабжения исчислялись по количеству рабочих на определенное время (в предприятиях — на 1 марта, в учреждениях — на 1 июня). Но уже в августе был поднят вопрос об изменении этого способа, так как в нем обнаружились недостатки.

Первый недостаток: одни предприятия с сильно разбухшими штатами, с сильно преувеличенными штатами могли провести большие сокращения и тем самым сильно повысить заработок оставшихся рабочих. В предприятиях же, где штаты немного превышали

необходимые нормы, больших сокращений провести нельзя было, а значит и действие коллективного снабжения на поднятие производительности не могло быть значительным.

Второй недостаток: после проведения сокращения штатов до определенных размеров, коллективное снабжение переставало побуждать к повышению производительности труда, так как, независимо от нее, заработная плата не изменялась.

Это заставило ввести другой способ исчисления фонда, свободный от указанных недостатков. Этот способ — бюджетно-сдельная система. Она заключалась в том, что фонд снабжения исчислялся по принципу коллективной сдельщины, независимо от количества работников; оплата по этому принципу должна была производиться не по количеству работников, а по количеству выработки продукта; исчисление производилось не по рабочим, а по единицам продукта труда.

Декрет о бюджетно-сдельной системе оплаты появился в ноябре, но сама система начала проводиться еще раньше на некоторых крупных заводах.

Осторожное и медленное, в то же время централизованное проведение системы коллективного снабжения дало возможность избежать ошибок и срыва самой системы, и она вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды.

Перевод на коллективное снабжение по центральному списку, который составлялся и утверждался в Москве, происходил в следующих размерах (отчет ВЦСПС за 1921 — 1922 год, стр. 154—155 и сл.):

С 1-го июля	переведено	7	предприятий с	4.060	рабочих.
„ 15-го „	„	2	„ „	2.650	„
„ 1-го августа	„	17	„ „	96.310	„
„ 1-го сентября	„	16	„ „	37.250	„
„ 15-го „	„	18	„ „	23.114	„
„ 1-го октября	„	30	„ „	232.517	„

Всего: 90 предприятий с 395.901 рабочих.

Из этого числа 21 предприятие находилось на бюджетно-сдельной системе с количеством человеко-месяцев простейшего труда, необходимого для выполнения заданий этих предприятий, в 105.773. Общий месячный фонд муки для них составлял 910.139 пудов.

До марта 1922 года центральный список переведенных на коллективное снабжение изменялся в следующем виде:

В ноябре	1921	г.	находилось	на	коллект.	снабж.	92	пред.	с 397.012	рабоч.
„ декабре	„	„	„	„	„	„	94	„	„ 384.656	„
„ январе	1922	„	„	„	„	„	92	„	„ 432.748	„
„ феврале	„	„	„	„	„	„	97	„	„ 489.914	„

Помимо того, по бюджетно-сдельной системе снабжался также Донбасс.

Незначительное изменение в количестве предприятий за пять месяцев об'ясняется тем, что список постоянно пересматривался и менее важные предприятия исключались из него, заменяясь более важными и с большим количеством рабочих.

На местах, независимо от центрального списка, предприятия тоже переводились на коллективное снабжение и снабжались за счет местных рессурсов.

Снабжение продовольствием по коллективному снабжению выполнялось почти на все сто процентов.

В результате коллективного снабжения (при сдельно-бюджетной системе в промышленности), улучшившего положение рабочих и служащих, наблюдалось повышение производительности и значительное сокращение штатов, а вместе с тем и общее оздоровление народного хозяйства.

Наряду с коллективным снабжением проводилась и система составления фонда из процентных отчислений от изделий собственного производства. В предприятиях, переведенных на самоокупаемость, эта ситема, по существу, имела то же значение, что и коллективное снабжение. Ею пользовались частично и те предприятия, которые были переведены на коллективное снабжение с целью увеличения фонда заработной платы.

Плановое руководство тарифной практикой начинается с осени на основе государственного плана снабжения продовольствием. Этот план был разработан, совместно с ВЦСПС, Госпланом и утвержден 30 сентября 1921 года Советом Труда и Обороны. Сущность плана государственного снабжения заключалась в сокращении количества едоков, снабжаемых государством, с 35 миллионов человек до 7 миллионов. Это сокращение диктовалось, с одной стороны, неблагоприятным урожаем, и с другой — необходимостью как следует обеспечить работников наиболее важных и ударных в то время отраслей хозяйства — крупной промышленности и транспорта; без надлежащего снабжения им грозил дальнейший развал; их надо было сохранить, увеличив нормы снабжения их продовольствием за счет сокращения едоков в других отраслях. Норма снабжения была увеличена с 28 фунтов до 90 фунтов в месяц.

Тарифная политика на основе плана снабжения сразу получает новое направление.

Линия ВЦСПС в тарифной политике сводилась к следующим ложениям (А. Андреев — «Профессиональные союзы в России в 1921 — 1922 г.г.», в отчете ВЦСПС, стр. XXVII): 1) перенесение тарифной работы на места, 2) регулирование заработной платы посредством установления ее минимума местными профессиональными органами, 3) образование местных фондов заработной платы, 4) проведение бюджетно-сдельной системы, 5) свободное распоряжение фондами, отпущенными предприятию органами управления, 6) упразднение расценочных комиссий на государственных предприятиях и передача всего дела нормирования труда на предприятии заводоуправлению, 7) установление прямой сдельщины, как самой простой системы заработной платы, принимая во внимание неустойчивость норм выработок, 8) регулирование заработной платы в частных предприятиях посредством коллективных договоров и организация на этих предприятиях паритетно-расценочных комиссий.

Вторая тарифная конференция в октябре, а затем в том же месяце первый Пленум ВЦСПС, наметили переход на гарантированную заработную плату, образование фондовых комиссий, упрощение тарифных систем; постановлено также сохранение тарифной сетки только как примерной, но не обязательной.

На основах постановлений Пленума ВЦСПС, разработан Тарифный Наказ, который получил силу закона по утверждении его Совнаркомом. Этот Наказ окончательно порывал с уравнительной системой оплаты; продовольственное и материальное снабжение стало рассматриваться, как составная часть заработной платы. Заработную плату составляли: продуктовый паек, прозодежда, предметы широкого потребления, коммунальные услуги и денежные знаки. При этом, полная ставка выдается только за полную норму выработки.

По Наказу, средний размер заработной платы для данной местности устанавливается местным межсоюзным об'единением и утверждается вышестоящим союзным органом. Фонд заработной платы распределялся на пять групп по важности отраслей промышленности (первая группа — топливная и каменно-угольная промышленность; вторая — машиностроительная и электрическая промышленность и т. п.; третья—текстильная, табачная, мукомольная и т. п.; четвертая — вся остальная промышленность и

некоторые важнейшие комиссариаты; пятая — все остальные). Установлена в качестве типовой 17-разрядная сетка с соотношением один к пяти между первым и семнадцатым разрядами. С переводом всех предприятий на фондовое снабжение с жестким сокращением штатов, фонд заработной платы передается в распоряжение предприятия и распределяется технико-нормировочным бюро. В предприятиях, не переведенных на государственное снабжение, заработная плата не могла быть, по Наказу, выше той, которая устанавливалась в предприятиях, снабжаемых в государственном порядке.

В результате всех мероприятий тарифно-экономического характера к концу 1921 года все предприятия делились на три группы: 1) государственные предприятия на государственном снабжении, 2) государственные предприятия на хозяйственном расчете и 3) частные предприятия.

Правильность тарифной политики и практики союзов подтверждалась тем обстоятельством, что к концу 1921 года заработная плата рабочих и служащих повысилась. В первые месяцы 1922 года она снова понижалась, но по причинам другого характера, не зависевшим от тарифной политики. Понижение было вызвано сокращением продовольственных рессурсов государства и общим сужением хлебного рынка, особенно с расширением территории голода, а также затруднениями в области транспорта; вторым фактором понижения заработной платы, вытекавшим из первого, являлось резкое увеличение денежной доли заработной платы за счет продовольствия; обесценивающиеся денежные знаки понижали реальное значение заработной платы.

Рассматривая отдельные области практики профессионального движения со времени введения новой экономической политики до второго Пленума ВЦСПС, мы убеждаемся, что наше профессиональное движение за указанный период проявило наибольшую способность к приспособлению к изменившимся условиям, к перестройке форм и методов своей работы в соответствии с новыми условиями именно в области тарифной работы. Это можно об'яснить тем, что тарифная работа быстрее подвергалась влиянию новых условий, она находилась (и всегда находится) в более близкой и непосредственной зависимости от общих экономических условий и состояния промышленности, в частности, всякие изменения в области хозяйства быстро и резко дают о себе знать в

тарифной работе, ощущаются здесь непосредственно в полной своей конкретности, требуя быстрых и решительных мероприятий.

В организационной же работе союзов влияние изменений в хозяйственной обстановке не так быстро, не так резко, менее конкретно, чем в тарифной. Поэтому-то организационные формы по инерции развивались в направлении, данном в период военного коммунизма, вплоть до 1922 года.

Новый курс профессионального движения.

I. Задачи и роль профессиональных союзов при новой экономической политике.

1.

Система военного коммунизма строилась при наличии разрушавшегося под действием гражданской войны и блокады хозяйства, в обстановке, исключающей возможность приостановить разрушительный процесс, который начался еще во время империалистической войны и уже далеко зашел накануне февральской революции; гражданская война и блокада расширяли и углубляли этот процесс.

Такова внешняя обстановка, в которой строился военный коммунизм.

Внутренняя обстановка, характеризующаяся классовым строением и соотношением удельного веса классов в государстве, а также состоянием народного хозяйства и соотношением в нем различных частей и форм хозяйствования, тоже была неблагоприятна для коммунистического строительства.

Сравнительно слабый удельный вес промышленности в общей системе нашего народного хозяйства при господствующем положении сельского хозяйства с мелким некультурным собственником; значительное место в промышленности занимают еще мелкие предприятия и кустари. Война и революция влияли в направлении еще большего уменьшения роли крупной промышленности

Неблагоприятные влияния указанных условий могли быть парализованы только: 1) окончанием гражданской войны, 2) победой пролетарской революции на Западе.

До конца 1920 г. первого условия мы не имели. Второго условия не имеем до настоящего момента. Иначе говоря, по окончании гражданской войны мы получили необходимое условие мир-

ного строительства; но это условие само по себе еще недостаточно было для того, чтобы можно было приступить прямо к непосредственному строительству коммунизма.

Больше того, оно оказалось недостаточным для продолжения строительства коммунизма, общие контуры которого, содержание и направление сложились в условиях гражданской войны.

Для этого, при преобладании в СССР мелкого крестьянства, нам не хватает второго условия. И поэтому, до тех пор, пока его нет,—Советское государство принуждено было по окончании гражданской войны отступить с позиций военного коммунизма на позиции государственного капитализма, дающие возможность сделать передышку, организоваться и подготовить силы для дальнейшего наступления, выждать до пролетарской революции на Западе, а до того момента позволяющие сохранить диктатуру пролетариата и организовывать обходные движения капиталистического фронта.

В этом суть новой экономичесокй политики.

Практическое применение принципов новой экономической политики неизбежно и естественно вызывало дальнейшее развитие и углубление этих принципов: жизнь ставила новые вопросы и требовала ответа на них, каждое новое мероприятие обусловливало появление других, как неизбежного дополнения первых. Она не могла не отразиться и на положении пролетариата, а затем и профессиональных союзов.

К началу 1922 г. новые условия хозяйственного строительства уже более или менее отчетливо выяснились, и явилась необходимость изменить характер и методы деятельности профессиональных союзов. В виду этого, Ц. К. РКП принял известное постановление о профессиональных союзах, опубликованное в «Правде» 17 января 1922 г.

Профессиональные союзы, как массовые организации пролетариата, не могли избегнуть влияния на их деятельность новой экономической политики.

По мере того, как, в результате новой экономической политики, изменялись производственные отношения, появлялись частные предприятия в промышленности и торговле, в основе которых лежит принцип капиталистической эксплоатации, обусловленной стремлением к наивозможно большей прибыли, по мере этого и задачи профессиональных союзов видоизменялись, получали новое направление, новый характер: в одних частях эти задачи су-

живались, в других расширялись. При этом надо отметить, что основная задача профессиональных союзов — служить базой пролетарской диктатуры, быть школой коммунизма — осталась неизменной, ибо она обусловливается самым существованием Советской власти.

Новые задачи и новые функции профессиональных союзов не покрывают и не противоречат основной их задаче, они являются лишь приспособлением к новым экономическим условиям, они должны являться орудием для осуществления ее в жизни, орудием, способствующим сохранению и укреплению диктатуры пролетариата, которая только одна может обеспечить окончательную победу над классом капиталистов, только при ее посредстве пролетариат имеет возможность организовать производственные отношения на началах отсутствия классов и эксплоатации одного класса другим.

Постановление Ц. К. РКП о профессиональных союзах и говорит о том, что новая экономическая политика не вносит изменений в существо рабочего советского государства, а только изменяет методы и формы социалистического строительства. Она вызывает у капитализма стремление к возрождению на почве удовлетворения крестьянского рынка. Между государственной промышленностью, с одной стороны, и частно-капиталистической с другой, возникает соревнование. Чтоб выдержать натиск капиталистической промышленности, государственная промышленность необходимо должна перестроиться на основах доходности, перейти на «коммерческие» начала.

Это обстоятельство существенно изменяет взаимоотношения между рабочими государственных предприятий и их администрацией, давая повод противопоставлять администрацию отдельных предприятий занятым в них рабочим. Психологически, в своем сознании, рабочие могут видеть в администрации предприятий сторону, с которой они договариваются, а при известных условиях — сторону, — «прижимающую» их. В действительности, конечно, возможны случаи, и они неизбежны, когда администрация того или иного государственного предприятия в погоне за повышенной доходностью может нарушать интересы рабочих в известной части. Тут возможны нарушения Кодекса законов о труде в части рабочего дня, охраны труда и т. д. Это обстоятельство, наряду с возрождением капиталистических предприятий, кооперативных,

кустарных, выдвигает перед союзами на первый план в их практической работе вопрос о защите интересов пролетариата.

Разумеется, эта задача легче выполнима в отношении работников государственной промышленности, так как в ней союзы имеют дело не с капиталистами и их директорами, неизбежно и сознательно стремящимися к эксплоатации рабочей силы, к выжиманию возможно большей прибавочной стоимости, а имеют дело с администрацией, директорами, управляющими, хотя бы и из среды спецов, но назначаемых государственными хозяйственными органами, управляющими и регулирующими промышленную жизнь страны. Тут не может быть речи о сознательной тенденции к эксплоатаци и нарушению интересов пролетариата, ибо они являются органами пролетарского государства. Здесь возможны лишь частные уклонения, отступления, ошибки, вызывающие нарушение интересов той или иной части пролетариата, и дело профессиональных союзов—неуклонно исправлять замеченные уклоны и ошибки, налаживать товарищеские отношения между рабочими данного предприятия и его администрацией и там, где имеется хозяйственная, экономическая возможность, профессиональные союзы должны способствовать улучшению материального положения работников, их условий труда и быта.

Управление какого-либо государственного предприятия не является стороной, интересы которой в основном и цѣлом противоположны интересам рабочих, занятых в этом предприятии,—интересы у них одни и те же: наладить предприятие, поднять производительность труда, побить капиталиста, тем самым способствуя под'ему и развитию социалистического хозяйства, уничтожению хозяйственного развала, голода, холода, болезней, всех страданий, связанных с разрушенным хозяйством и с капитализмом вообще. Раз это так, то и профессиональные союзы выступают перед органами и администрацией социализированной промышленности не как противоположная сторона, вступающая в борьбу, а как орган, стоящий вне производства и стремящийся исправить бюрократические извращения хозяйственного апарата, извращения, преувеличения и ошибки, которые могут вредно отразиться на интересах пролетариата, работающего в социализированных государственных предприятиях.

Другое дело частно-капиталистические предприятия. Тут пролетариат имеет перед собой классового врага с противоположными классовыми интересами, и с ним возможна только беспо-

щадная классовая борьба. В соответствии с этим и профессиональные союзы, об'единяющие широкие пролетарские массы, должны построиться перед возрождающимся капитализмом в боевой фронт. Помимо общей классовой борьбы на общем фронте пролетарской революции, профессиональным союзам остается область повседневной защиты экономических и правовых интересов работающих. На этой почве профессиональным союзам приходится прибегать к принудительному аппарату пролетарского государства, но, однако, не исключается возможность таких конфликтов и стычек с капиталистами, когда союзы должны быть и сами соответствующим образом вооружены всеми средствами, необходимыми в такого рода борьбе, как-то: конфликтные комиссии, стачечные фонды, фонды взаимопомощи и т. д., и т. п. Необходимо при этом указать, что профессиональные союзы отнюдь не должны во что бы то ни стало заострять отдельные конфликты, вызывать бурные столкновения при защите классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом. Здесь тактика должна быть такой, чтобы всемерно и всесторонне отстаивая классовые интересы пролетариата, в то же время добиваться победы и уступок со стороны капиталистов в пользу рабочего класса без таких действий, которые могли бы повести к значительному ослаблению производительных сил страны, к значительному понижению продукции промышленности. Поэтому такое средство борьбы, как стачка, не должно применяться всюду и во что бы то ни стало. И поскольку профессиональные союзы могут прибегать к воздействию на капиталистов чрез государственные органы, постольку является возможным и необходимым избегать стачек и пользоваться ими лишь в случаях безусловной необходимости и в таких предприятиях, остановка которых не может отразиться на хозяйственном строительстве Советской Республики.

Что касается возможных в некоторых случая стачек на государственных предприятиях, то надо вполне определенно и решительно сказать, что таковые вредны для советского строительства и недопустимы и могут быть об'яснены и оправданы «исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс, с другой» (см. постановление). Если мы принуждены избегать, по возможности, применения стачек на частных предприятиях, то в отношении госу-

дарственных предприятий профессиональные союзы должны «в области трений и конфликтов отдельных групп рабочего класса с отдельными учреждениями и органами рабочего государства... содействовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса». Тут на первый план должны быть выдвинуты конфликтные комиссии, примирительные камеры, и т. п., но отнюдь не стачка, и если таковая по каким-либо причинам все-таки возникает, обязанность профессиональных союзов наивозможно быстро ликвидировать ее своими средствами, принимая меры «к устранению действительных неправильностей и непорядков и к удовлетворению законных и осуществимых требований масс, политическое воздействие на массы и пр.».

Все это вновь подтверждает необходимость тесной связи профессиональных союзов с широкими массами полетариата. Профессиональным союзам надлежить пересмотреть в некоторых частях свой аппарат, изгнать из него то, что привнесено от бюрократизма, приблизить его к массам. Наблюдавшаяся за последние годы гражданской войны оторванность работников профессионального движения от масс — явление ненормальное и нетерпимое в профессиональном движении. И только имея постоянную живую связь с массами, можно точно учитывать настроения пролетариата, его запросы и нужды. Только эта связь даст возможность своевременно, без проволочек, удевлетворять в пределах возможности нужды работающих. Этим будет поднят авторитет профессиональных союзов в глазах пролетариата, и это будет служить основным мотивом для вступления рабочих и служащих в профессиональные союзы; это сделает профессиональные союзы действительно массовыми организациями, а не только по показаниям их статистики.

Живая связь с массами облегчит и нашу борьбу с мелкобуржуазными влияниями на пролетариат со стороны меньшевиков и эсеров, которые несомненно будут стремиться использовать создавшуюся обстановку в целях своей борьбы против диктатуры пролетариата, борьбы, об'ективно ведущей к полному восстановлению капитализма и полному подавлению пролетарской революции.

В противовес этим влияниям, необходимо наше постоянное влияние на широкие пролетарские массы, и только при этом условии революция может справиться с контр-революционными силами и вывести пролетариат на широкое поле социалистического строительства.

«И коммунистическая партия, и советские учреждения, ведущие культурно-просветительную работу, и все коммунисты среди профессиональных союзов должны... обратить гораздо большее внимание на идейную борьбу с мелко-буржуазными влияниями, течениями и уклонами среди профессиональных союзов, — тем более, что новая экономическая политика не может не вести к известному усилению капитализма. Противовес этому, в целях усиленной борьбы с мелко-буржуазными влияниями на рабочий класс, настоятельно необходим»—заключает постановление.

2.

До постановления Ц. К. РКП о роли и задачах профессиональных союзов в условиях новой экономической политики профессиональное движение нащупывало новые пути, искало новые методы, которые соответствовали бы изменившейся экономической политике Советской власти и изменившимся хозяйственным условиям под действием этой политики.

Четвертый с'езд союзов, как мы видели, сделал первую попытку наметить новые методы и организационные формы. Но за плечами четвертого с'езда стояла практика периода военного коммунизма; предвидеть же характер дальнейшей практики он не мог, так как нельзя еще было предвидеть более или менее ясно и отчетливо—во что выльется на практике новая экономическая политика. В силу этого, в постановлениях четвертого с'езда, вместе с общими указаниями о необходимости изменения методов и форм деятельности профессиональных союзов, значительное, можно сказать, — главное место занимали элементы, продиктованные старым опытом профессионального движения, опытом периода военного коммунизма.

Только с середины 1921 года профессиональное движение в своей практике начинает нащупывать выход на новые пути. В июле 1921 г. появилось первое постановление ВЦСПС о нормировании условий труда в некоторых государственных предприятиях посредством коллективных договоров. В ноябре месяце ВЦСПС разослал для предварительного обсуждения производственным сою-

зам циркулярное письмо о необходимости выдвинуть задачу об охране интересов трудящихся в связи с развитием капиталистических форм хозяйства.

Но все это было только нащупыванием выхода на новые пути. Переход на них был намечен в общей форме постановлением Ц. К. РКП и подробно и конкретно был разработан Вторым Пленумом ВЦСПС (16—19 февраля 1922 г.), наметившим основные предпосылки новых задач и методов деятельности профессиональных союзов и практическую линию во всех областях деятельности.

В общих чертах постановление Второго Пленума ВЦСПС можно свести к следующим положениям:

1) Привлечение частного капитала к восстановлению разрушенных производительных сил страны, путем сдачи в аренду государственных предприятий и концессий и сосредоточения в руках государства лишь важнейших отраслей народного хозяйства и важнейших предприятий крупной промышленности, ставит перед союзами задачу борьбы с частным капиталом за интересы рабочих и служащих.

2) Переход на хозяйственный расчет остающихся в руках государства как целых отраслей народного хозяйства (транспорт, связь и т. д.), так и важнейших предприятий крупной промышленности неизбежно будет вызывать со стороны хозяйственников, в погоне за прибыльностью предприятий, нарушение в той или иной степени интересов рабочих и служащих. Это ставит перед союзами задачу защиты интересов об'единяемых ими рабочих и служащих и по мере возможности способствовать повышению их материального положения.

3) Переход государственных предприятий на хозяйственный расчет и выступление их на рынке для закупок необходимого сырья, оборудования и проч. и реализация своей выработки возлагает на назначаемых государством хозяйственников большую ответственность и требует от них гибкости в управлении предприятиями, инициативы и единства воли. Все это мыслимо при наличии ответственности каждого за порученную ему работу, вызывает необходимость организации управления по принципу единоначалия и делает невозможным непосредственное в м е ш а т е л ь с т в о профессиональных союзов в управление и руководство производством, так как в противном случае они должны были бы наравне с хозяйственниками нести ответственность за безубыточ-

ность и прибыльность предприятий ;такую ответственность может и должен нести только тот, кому поручено управление и руководство данным или данными предприятиями — директора заводов и фабрик, правления трестов и пр. Вмешательство профессиональных союзов в управление производством при таких условиях может мешать правильной организации и руководству производством и за возможные ошибки профессиональных союзов ответственность пришлось бы нести тем же хозяйственникам, так как двойная ответственность ведет к дезорганизации управления. Поэтому за союзами в области производства могли остаться только контрольные функции и возможность выдвижения и рекомендации отдельных работников на хозяйственные должности, а также пропаганда и раз'яснение рабочим и служащим о необходимости в их же непосредственных интересах лучшей организации производства и поднятия производительности труда (производственная пропаганда). Одновременно с этим союзы должны принимать самое активное участие во всех плановых органах, ведя в них систематическую работу.

4) Перенесение центра тяжести управления производством на места и на самые предприятия, иначе говоря—децентрализация управления, вызывали необходимость изменения организационных форм профессионального движения. Это изменение заключалось в отказе от централизации союзных органов по пути к единому союзу и сосредоточения работы в межсоюзных органах. Теперь, наоборот, перед профессиональным движением встала необходимость децентрализации, предоставления большей самостоятельности местным органам профессионального движения, с одной стороны, и больших прав производственным союзам, — с другой.

Значение перехода профессионального движения на новый курс, на новые пути заключалось не только в выдвигании на первый план задачи по защите материальных интересов рабочих и служащих, но и в том, что в соответствии с изменившимися условиями надо было найти новые формы и способы для выполнения этой задачи. Способы государственного нормирования условий труда и заработной платы, проводившиеся до 1922 года, надо было заменить другими способами, другими методами. Установление их являлось одной из основных задач Пленума. Разрешая ее, он установил, что в области тарифной политики от государственного нормирования союзы должны перейти к системе ре-

гулирования заработной платы и всех других условий труда посредством коллективных договоров между предпринимателем и заводоуправлением, с одной стороны, и союзом—с другой. Не государство нормирует через профессиональные союзы, которые имели в этой области все права государственных органов, а профессиональные союзы регулируют совместно с государством; причем задача последнего заключается в том, что оно устанавливает минимум заработной платы, ниже которого никто не может платить. Вся же практическая работа по выработке и проведению тарифов и систем оплаты труда целиком находится в ведении профессиональных союзов. При этом союзы сохраняют за собой руководство и направление политики заработной платы. В своей политике заработной платы и при заключении коллективных договоров союзы должны учитывать общую экономическую обстановку и государственные рессурсы, а также состояние данной отрасли промышленности, данного предприятия и т. д. (их финансовое положение, производительность и все прочие условия, определяющие положение данного предприятия или группы предприятий и учреждений). И в зависимости от всех условий, союзы при установлении норм заработной платы и других условий труда должны стремиться повысить материальное положение трудящихся, не нанося ущерба народному хозяйству или данному предприятию, не подрывая производительных сил, возможности дальнейшего их развития, так как это грозило бы и непосредственным интересам трудящихся, положение которых коренным образом может быть изменено и улучшено только при условии все большего и большего развития производительных сил.

Практическая работа по разработке, заключению и проведению коллективных договоров возлагается на органы производственных союзов. В качестве первичной ячейки по проведению договоров и тарифов в предприятиях и учреждениях должны быть расценочно-конфликтные комиссии: «в круг ведения этих комиссий входят вопросы и разногласия, возникающие на почве толкования и применения коллективных договоров» (п. 17 резолюции по тарифным вопросам).

За межсоюзными органами профессионального движения остаются общее руководство тарифной политикой, «участие в плановых государственных органах, определяющих общий фонд заработной платы, определение фонда заработной платы для отдельных отраслей промышленности, определение минимума заработной

платы, ниже которой не может оплачиваться никакой наемный труд в Республике, выработка примерных коллективных договоров, главным образом, в их правовой части, инструктирование союзов в отдельных частных тарифных вопросах, и, главным образом, в вопросах нормировки, публикование квалификации с установлением примерного отношения одной категории к другой».

По вопросу о разрешении возникающих на предприятиях конфликтов Пленум постановил, что задачей профессиональных союзов в области конфликтов является содействие наиболее быстрому и безболезненному улаживанию конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса».

Стачка, как способ разрешения экономических конфликтов в условиях Советской России, признана не только опасным, но и вредным оружием; она должна применяться только в крайних случаях, когда все другие способы разрешения конфликта исчерпаны и не приводят к его разрешению. Применяя стачку в качестве способа борьбы, профессиональные союзы должны строго различать характер стачки на частном (или арендованном) предприятии и ее характер на государственном предприятии.

«В первом случае, борьба идет против классовых врагов пролетариата, вырывающихся из-под контроля его (пролетариата) государства, против попыток их путем экономического давления восстановить старые отношения между трудом и капиталом, попыток по существу явно контр-революционных.

«Во втором случае, борьба может принять характер стачки лишь против администрации государственного предприятия, т.-е. приказчиков пролетариата, не усвоивших его политику, извращающих ее и тем самым дискредитирующих диктатуру пролетариата, т.-е. вольно или невольно творящих контр-революционную политику. Попытки же превратить конфликты и стачки на государственных предприятиях в борьбу против самого пролетарского государства следует рассматривать, как выступление против своего класса в целом, т.-е. равным образом, как действие контр-революционное». (Резолюция о задачах союзов).

Касаясь роли государства в разрешении конфликтов, Пленум признал, что последнее, оказывая союзам поддержку, не должно

вмешиваться в конфликты в качестве стороны, разрешающей их; государственный обязательный арбитраж, как способ разрешения конфликтов, Пленумом был отклонен.

Все функции государственного характера, выполнявшиеся союзами в области установления норм и охраны труда, постановлено передать Наркомтруду. За союзами остается обязанность «внимательно наблюдать за осуществлением норм охраны труда, проводимых государственными органами через союзные инстанции, поддержанием постоянной связи с инспекцией труда, подбором для инспекции лучших кандидатов, наиболее связанных с широкими пролетарскими массами, проведением, в порядке коллективных договоров, дополнительных гарантий по охране труда, выработкой новых законов и правил в этом направлении и проведением их через соответственные государственные органы, и т. п.» (резолюция по охране труда).

В связи с переходом от социального обеспечения к социальному страхованию, Пленум постановил, что «ВЦСПС и об'единениями союзов на местах должно фактически осуществляться общее руководство всей политикой социального страхования и медицинской помощью рабочим. Организационное руководство страхованием и техника его осуществления должны быть возложены на органы собеза, как на основной государственный аппарат, ведающий социальным обеспечением, при чем соответствующие части работы должны выполняться и другими соответствующими органами Советской власти (на здравоохранение—организация лечебной помощи, на труд—борьба с безработицей»). (Резолюция о социальном страховании).

В организационной области, наряду с децентрализацией союзной работы и предоставлением большей самостоятельности производственным об'единениям, Пленум вынес решения о порядке членства, о социальном составе союзов, финансовой политике и т. д.

Признано необходимым заменить обязательное коллективное членство добровольным — индивидуальным и коллективным, оставив на ближайший период коллективное взимание членских взносов.

В условиях новой экономической политики перед союзами встал вопрос об очистке союзов от непролетарских элементов—ку-

старей и проч., так как в новых условиях, когда перед союзами в качестве основной выдвинута задача защиты интересов наемных рабочих и служащих, профессиональные союзы должны по своему составу быть чистыми в классовом отношении, так как они «смогут выполнять стоящую перед ними важнейшую задачу организации своего класса на почве экономических интересов, лишь оставаясь организациями наемных рабочих. Под этим углом зрения соответственно должен быть пересмотрен и устав союзов».

В финансовой области был установлен переход союзов от существования по преимуществу за счет государства к существованию исключительно на членские взносы. В связи с новыми задачами союзов, намечено создание при них фондов — стачечного, взаимопомощи и культурного.

Культурно-просветительная работа профессиональных союзов была признана одной из важнейших. «Профессиональные союзы должны обратить сугубое внимание на свою культурно-просветительную работу, привлекая к ней наиболее живых энергичных рабочих и работниц. Чуждые чопорного, интеллигентского ригоризма, профессиональные союзы, ведя неуклонную борьбу против попыток привить пролетариату уродливости буржуазно-мещанского искусства, должны живо откликаться на потребности рабочих масс в здоровых развлечениях, содействуя организации спортивных, музыкальных и проч. кружков и принимая живейшее участие в работе клубов».

Пленум, в соответствии с постановлениями всех предыдущих с'ездов, еще раз заявил о необходимости ставить интересы класса выше цеховых интересов отдельных групп рабочих и вести энергичную и решительную борьбу со всякими попытками привить рабочему классу мелко-буржуазные настроения.

Для выполнения этой задачи профессиональные союзы должны вести решительную борьбу с идеями политической нейтральности в профессиональном движении, ведя свою работу согласованно с авангардом рабочего класса—Коммунистической Партией. Такая же борьба должна вестись со сторонниками «независимости». «В обстановке.... диктатуры пролетариата и советского государства профессиональные союзы, независимо от изменения их тактики, определяемой в каждый данный момент общей совокуп-

ностью экономических условий, должны целиком и полностью, всем своим влиянием и аппаратом, поддерживать диктатуру пролетариата и ее органы, работая над их укреплением и идя с ними рука-об-руку в деле строительства народного хозяйства и всего рабоче-крестьянского государства в целом».

II. Первые шаги на новых путях.

1.

Замена продразверстки продналогом являлась исходным пунктом для развития новой экономической политики, первым шагом к переходу от военного коммунизма к государственному капитализму. Естественным последствием изменения отношений между городом и деревней вытекало изменение форм промышленного и финансового хозяйства Советского государства.

Это изменение заключалось в том, что государство, осуществляющее диктатуру пролетариата, оставило в своих руках лишь наиболее важные отрасли хозяйства и наиболее важные предприятия, обладание которыми сохраняет за Советской властью господство в хозяйственной жизни, сохраняет за ним командные высоты в хозяйстве. Все же остальное—менее важное или то, с чем в данный момент своими силами государство не может справиться — передается частному капиталу на основах аренды или концессий.

Государственные предприятия ставились в конкурентное положение с частным капиталом. Они были сняты с государственного снабжения и переведены на хозяйственный расчет, они должны жить и развиваться на коммерческих началах и давать доход государству; перед ними поставлена задача удержать хозяйственные позиции Советской власти и двинуть вперед промышленное развитие, накапливая силы для социалистического строительства.

В связи с этим и формы управления хозяйством подверглись коренной перестройке. Вместо централизованного до последнего винтика главкизма появляются тресты, синдикаты с широкими правами управления и распоряжения входящими в них предприятиями; отдельные предприятия также получают большую самостоятельность в своей внутренней жизни.

Дальше, государственное распределение по карточной системе заменяется распределением в форме купли и продажи, торговли — государственной, кооперативной и частной.

Перестройка форм взаимоотношений между городом и деревней на основах продналога и государственного капитализма вызывает сответствующую перестройку и финансового хозяйства Советского государства. Становится необходимым заменить источник государственных доходов из эмиссии другими источниками: налоги, доходы от государственных предприятий и т. д. Падавшее значение денег в период военного коммунизма снова поднялось по мере развития новых форм хозяйствования; место натурального снабжения заняло товарно-денежное обращение.

Развитие товарно-денежного обращения вызвало к жизни кредитные учреждения — банки со всеми их финансовыми функциями (в период военного коммунизма банки все более и более развивались по пути превращения их в центральную кассу и центральную бухгалтерию Советского хозяйства).

На практике новые формы хозяйства более или менее определенно выявились к 1922 году и особенно в первой половине этого года, когда определились более или менее отчетливо изменения и в промышленности. Как мы видели, к этому времени относится и переход профессионального движения на новый курс, который был намечен постановлением Ц. К. РКП (в январе) и XI с'езда РКП (март—апрель) и практически разработан Вторым Пленумом ВЦСПС в феврале 1922 года.

От этой последней даты начинается перестройка профессионального движения и оно делает первые шаги в своей практической работе по пути к развитию новых форм своей деятельности в новых условиях.

Первые итоги нового курса профессионального движения были подведены на Всероссийской партийной конференции в августе 1922 года.

В условиях новой экономической политики русское профессиональное движение должно было выдержать испытание на зрелость, показать свою организационную гибкость, умение перестраиваться соответственно условиям и требованиям времени. Пять месяцев работы в этом отношении явились весьма показательными. В основном и целом можно было говорить об итогах, достигнутых профессиональным движением в работе по перестройке своего аппарата и методов работы. Такие итоги закреплены в резолюции

Всероссийской конференции РКП, гласящей, что «вся практика осуществления намеченных XI с'ездом задач профессиональных союзов целиком подтвердила правильность линии, намеченной XI с'ездом РКП».

Кампания по проведению нового курса в профессиональном движении началась с перехода от обязательного членства к добровольному. Этот вопрос имел актуальное значение и не только практическое :сколько членов остается в организациях и как хорошо приспособлены организации к выпавшей на их долю работе, но и политическое. Эта кампания должна была выявить отношение рабочего класса к Коммунистической Партии, руководившей в течение пяти лет профессиональным движением, а также и зрелость рабочего класса в смысле понимания им важности профессиональных организаций и готовности принимать в них участие не только при обязательном членстве, но и при добровольном. Партии, враждебные коммунистам, всегда заявляли, что у нас в России нет профессионального движения, что цифры членов союзов дутые, так как, мол, в союзы записываются по принуждению .Это во-первых. Во-вторых, они постоянно твердили, что рабочие коммунистам не доверяют и за коммунистами не идут и будь добровольное членство в союзах, рабочие не остались бы в организациях, возглавляемых коммунистами.

Для выяснения этих вопросов проведение добровольного членства было чрезвычайно важным. Эта кампания лишний раз подтвердила неосновательность утверждений политических противников коммунистической партии. Вот цифры, приводившиеся тов. Томским на партийной конференции, показывающие процент членов, вошедших в союзы в результате кампании за добровольное членство: Ленинград — 98%, Баку—98%, Тула—97%, Запорожье—96%, Нижний—100%, Саратов—100%, Тюмень—97%, Киев—100%, Орел—96%, Псков—92, Тверь—94%, и 6 губерний юго-востока—98% и т. д. По отдельным союзам результаты таковы же.

Отказы от вхождения в союз наблюдались только со стороны кооперативных служащих (Олонецкой и Вологодской губ.), стремившихся создать цеховой союз кооператоров. Против коллективного членства высказались также кой-где финработники, госбанковцы и статработники. Это стремление диктовалось, главным образом, партийными интересами меньшевиков, которые стремились создать хоть какой-нибудь клочек земли со своим меньшевистским союзом. Но эта демонстрация меньшевиков и сочувствую-

щих им даже в масштабе одного союза совработников имела ничтожное значение, а в пределах общего профессионального движения она прошла совершенно незамеченной.

Таковы политические результаты добровольного членства. Ими же определялось и практическое большое приспособление наших организаций к новым условиям и методы работы. Добровольное членство заставило руководителей ближе подойти к массам, теснее связало массы со своей профессиональной организацией, и этот процесс продолжался, закрепляя наше влияние в рядах рабочих и служащих.

Если прежде мы могли наблюдать организационный отрыв верхушек профессионального движения от массы членов, то теперь такой отрыв не может пройти безнаказанно. Организация, оторвавшаяся от низов, быстро чувствует этот отрыв на своей работе и, в частности, на своих финансах, составляющихся только из членских взносов, и это заставляет ее своевременно обратить внимание на дефекты в своей работе.

Наибольшие трудности в практике профессионального движения за указанный период встретились при проведении коллективных договоров и, вообще, в работе по улучшению материального положения рабочих и служащих. Но это такие вопросы, которые не могли быть удовлетворительно разрешены в такой короткий срок. Хозяйственная разруха далеко еще не была изжита. К тому же требовалось больше времени для того, чтобы накопить надлежащий опыт и умение в выработке и заключении коллективных договоров.

На конференции был отмечен один крупный недостаток: союз часто вырабатывал и подписывал договоры без участия заинтересованных рабочих и служащих.

При перестройке профессионального движения в отдельных местах наблюдались вредные уклоны и некоторые практические дефекты, «вытекающие—как говорится в резолюции партконференции—как из неправильного толкования резолюции партс'езда, так равно и из сложности обстановки».

Одним из серьезных и наиболее опасных уклонов являлись попытки дробления рабочего движения на ряд отдельных самостоятельных отрядов в виде кооперативного, страхового, культурного движения, которые, будто-бы, должны жить и развиваться на-ряду с профессиональным движением и независимо от рабочего класса, как целого, и независимо от рабоче-крестьянского

государства. Такая дифференциация рабочего движения, разбивая его по отдельным самостоятельным руслам, могла привести его к общему ослаблению и разнобою,—и была чревата опасными последствиями для организационного и идейного развития рабочего класса. Важно, чтобы рабочее движение в различных своих формах сохраняло связанность, не дробясь на отдельные независимые друг от друга группы.

То же самое можно сказать и относительно наблюдавшихся попыток дробления внутри самих профессиональных организаций —дробления на автономные цеховые секции, отдельные союзики и отрыва от центральных организаций. Со всеми этими уклонами профессиональное движение в дальнейшем своем развитии справилось.

Таковы в общих чертах итоги проведения нового курса в профессиональном движении. Дальнейшая задача профессионального движения заключалась в расширении и углублении работы профессиональных союзов в новых экономических условиях и усилении связи с массами путем вдумчивой практической работы.

2.

До пятого с'езда, вместе с перестройкой союзных органов и аппарата и проведением добровольного членства, происходила очистка профессиональных союзов от классово-чуждых элементов—кустарей и проч. Чистка союзов и сокращение рабочих и служащих на предприятиях и в учреждениях повлияли на количественный состав членов союзов. Так, в июле 1921 г. общее число членов профессиональных союзов равнялось 8.453.362, на январь 1922 г.—6.931.757, а к пятому с'езду (в сентябре 1922 г.) число членов было 5.100.000, т.-е. сократилось на 40% по сравнению с июлем 1921 г. Помимо отмеченных двух причин, тут имело определенное значение и то обстоятельство, что улучшился, стал более точным, учет числа членов по союзам.

Во всяком случае, сокращение количества членов союзов не означало ослабления профессиональных организаций в результате перехода на добровольное членство. Наоборот, союзы окрепли, приблизились к массам и становились в глазах последних более авторитетными, чем до перехода на новый курс. На это указывает и то обстоятельство, что пятый с'езд, подведя итоги деятельности профессиональных союзов, в частности, кампании по добровольному членству, наметил переход к индивидуальному

членству, что являлось более сложным и требовало большей активности и большей сознательности со стороны рабочих и служащих по отношению к членству в союзах. После пятого с'езда индивидуальное добровольное членство постепенно было проведено и с неменьшим успехом, чем коллективное добровольное членство.

В перестройке аппарата союзов и их финансовой системы к пятому с'езду также были достигнуты вполне определенные успехи. Все производственные союзы перешли на существование за счет членских взносов. В качестве исключения только один союз Всеработземлес получал субсидии; причина этого—в особом характере этого союза: сильная распыленность сельско-хозяйственных рабочих и, кроме того, значительная доля их заработка заключается в натуре.

Сокращение и упрощение союзного аппарата имело двоякое значение: 1) сократить расходы на аппарат, что давало возможность укрепить финансовое положение союзов и 2) аппарат стал более гибким и лучше приспособленным к обслуживанию членской массы.

По мере того, как промышленные предприятия и хозяйственные учреждения снимались с государственного снабжения, профессиональные союзы развивали практику коллективных договоров.

По данным отчета ВЦСПС за 1922 год (стр. 59), по Московской губ. на 1-ое июля было охвачено договорами 57.348 рабочих предприятий, находившихся на государственном снабжении, что составляло 45% всех рабочих этих предприятий; в предприятиях, которые были трестированы и переведены на хозяйственный расчет, договора охватывали к тому же времени 272.333 рабочих или 86% общего числа рабочих в этих предприятиях; в частной и кооперативной промышленности договорами было охвачено 18.261 человек или 67% всех рабочих частных и кооперативных предприятий. В других губерниях процент охваченных договорами колебался от 60 до 70. Цифры по Московской губ. показывают, что труднее было переходить на договорные отношения с предприятиями, находившимися на централизованном государственном снабжении. Об этой трудности получались сведения из большинства и других губерний. На первых шагах переход на договорные отношения встречал препятствия и со стороны хозрасчетных предприятий из-за неопределенности их материальных рессурсов. Ча-

стные предприниматели тоже неохотно заключали договора,—отчасти, вероятно, по той же причине, что и хозрасчетные предприятия, а отчасти, может быть, надеясь на слабость профессиональных союзов и возможность свободной эксплоатации наемного труда.

Встретившиеся препятствия вызвали реакцию в среде профессиональных союзов, поднявших вопрос об узаконении обязательности заключения коллективных договоров; в ряде мест заключение договоров в обязательном порядке было установлено постановлениями Губисполкомов (в Москве, Петрограде, Самаре, Царицыне и др.).

Обязательный порядок заключения договоров противоречил тактике профессиональных союзов в новых условиях, и поэтому пятый с'езд наряду с пожеланием, чтобы договорами были охвачены все 100% рабочих и служащих, решительно высказался против узаконения обязательного порядка заключения коллективных договоров.

С одной стороны, оздоровление промышленности, с другой—новые методы и формы тарифной работы союзов быстро сказались на размере заработной платы в смысле ее повышения.

Согласно отчета Президиума ВЦСПС на пятом с'езде (стенографический отчет, стр. 48), размер заработной платы изменялся так: в первые месяцы 1922 года она падала, вследствие переучета ресурсов промышленности и сокращения общегосударственного фонда заработной платы; начиная с апреля, она стала повышаться: в январе месячная средняя заработная плата в товарных рублях равнялась 3 р. 97 к., в феврале—3 р. 54 к., в марте—3р. 16 к., в апреле—4 р. 04 к., в мае—5 р. 91 к., в июне—6 р. 93 к., в июле—7 р. 38 к., в августе—7 р. 50 к., в сентябре—7 р. 68 к.

По вычислениям Струмилина («Заработная плата» и т. д., стр. 33) средне-русский месячный заработок рабочего в товарных рублях (весь заработок—легальный и нелегальный, деньгами и натурой) равнялся в:

		Составляя к заработку в 1913 году:
1920	8 р. 30 к.	37,8%
1921	8 р. 65 к.	39,3%
1922—1 полов.	9 р. 12 к.	41,8%
1922—2 полов.	11 р. 32 к.	51,6%

Из таблицы мы видим, что по сравнению с 1921 годом за вторую половину 1922 г. повышение было в 4,5 раза больше, чем за первую половину.

При этом надо отметить сильное изменение состава заработной платы: увеличилась денежная часть и уменьшилась натуральная часть оплаты. Вместе с тем сильно понизилась нелегальная часть. Все это видно из следующей таблицы: рабочий получал:

	Деньгами:	Натурой:	Нелегальн. заработок
В 1920 г.	— р. 49 к.	6 р. 11 к.	1 р. 70 к.
„ 1921 „	— р. 96 к.	5 р. 99 к.	1 р. 70 к.
„ 1922—1 полов. . .	2 р. 63 к.	5 р. 59 к.	1 р. — к.
„ 1922—2 полов. . .	6 р. 62 к.	4 р. 10 к.	— р. 60 к.

Таким образом, повышение заработка шло за счет возрастания денежной его части при одновременном уменьшении натуральной и отмирании нелегальной формы. Оздоровление хозяйственной жизни, несмотря на голодный год, определенным образом сказывалось как на составных частях заработной платы, так и на ее размере.

Пятый с'езд, исходя из этого, наметил перевод заработной платы на денежную форму. О дальнейшем повышении заработной платы он дал осторожную директиву, считаясь с медленным процессом восстановления разрушенной промышленности. Он указал, что, «ставя своей непосредственной задачей защиту материальных интересов рабочих, профессиональные союзы должны неуклонно стремиться к поднятию общего уровня заработной платы, учитывая, однако, что темп роста ее будет определяться состоянием бюджета государства, размерами хлебного фонда, общей экономической кон'юнктурой страны и темпом развития производительных сил. Поэтому с'езд предостерегает профессиональные организации от иллюзий возможности доведения в ближайший период размеров заработной платы до уровня довоенного прожиточного минимума».

Наряду с общим повышением заработной платы в 1922 г. наблюдалась резкая пестрота ее по отдельным отраслям позяйства и промышленности, в силу неравномерности рессурсов. Как правило, в легкой промышленности, быстро освоившейся с новыми условиями и начавшей работать на рынок, заработная плата была значительно выше, чем в крупной тяжелой промышленности и на транспорте. Особенно сильное отставание наблюдалось в горной промышленности и на железнодорожном транспорте. Это вызывало необходимость мероприятий по выравниванию заработной платы. V с'езд указал,—в каком направлении надо вести работу по выравниванию заработной платы: «профессиональным союзам следует проводить это не путем снижения ставок рабочих, находящихся в благоприятной обстановке отраслей промышленности, а путем правильного участия в регулирующих государственных

органах и влиянием на правильное распределение рессурсов производства, отстаивая наиболее благоприятные условия для отраслей промышленности и хозяйства, в которых наблюдаются наиболее неблагоприятные условия и оплата труда».

С заработной платой тесно связана производительность труда. Вместе с ростом заработной платы повысилась и производительность труда рабочих. Валовая выработка одного рабочего в течение года по довоенным ценам в рублях равнялась (Струмилин. «Заработная плата» и т. д., стр. 56):

		В отношении к 1913 году она составляла:	Расход зараб. платы на 100 р. выработки:
В 1920 г. . . .	616 руб.	26%	16,2 р.
„ 1921 „ . . .	702 „	29,7%	14,8 р.
„ 1922 „ . . .	1212 „	51%	10,2 р.

Эта таблица показывает не только рост производительности труда, но и то, что производительность труда обгоняет рост заработной платы. А вместе с этим относительно понижается расход на заработную плату.

Но поднятие производительности труда до половины довоенного времени (1913 год), конечно, еще недостаточно, чтобы можно было успокоиться на этом. Необходимо дальнейшее повышение производительности труда и в соответствии с этим—повышение заработной платы. «Отстаивая в коллективных договорах—сказано в резолюции пятого с'езда—возможно лучшие в данный момент условия труда и заработной платы, профессиональные союзы не могут отказываться от установления гарантированной производительности труда, стремясь к неуклонному повышению таковой, как гарантии от дальнейшего сокращения производства и необходимой предпосылки его развития. Поднятие производительности труда в государственной промышленности и хозяйстве и при новых методах работы профессиональных союзов должно остаться по-прежнему предметом систематических забот и энергичнейших усилий профессиональных союзов». В качестве средства, которое могло бы непосредственно заинтересовать рабочих в повышении производительности труда, с'езд рекомендовал широкое применение простой сдельной оплаты труда, высказавшись одновременно за крайнее ограничение сверхурочных работ, особенно считаясь с наличием безработицы.

Повышение производительности труда, улучшение положения промышленности в условиях Советской России неизбежно ведет за собою общее улучшение условий труда и повышение заработной платы.

Но иногда у рабочих и служащих не хватает терпенья ждать, когда имеется определенная возможность улучшить их материальное положение и этого не делается в силу недооценки интересов рабочих и служащих. На этой почве в 1922 г. по Петроградской и Московской губерн. произошло 4.156 конфликтов. Помимо этих конфликтов, разрешавшихся непосредственно союзами и в примирительных органах, в 1922 году было 145 забастовок с количеством участников в 53.917 человек, из них 39 забастовок в Петроградской и Московской губерниях. Небольшое количество забастовок по сравнению с общим числом конфликтов говорит, во-первых, за то, что они возникали в исключительных случаях, когда у рабочих не оставалось других способов повлиять на администрацию предприятий; во-вторых, это об'ясняется тем, что профессиональные союзы активно вмешивались в конфликты и доводили их до окончательного разрешения или— в большинстве случаев—сами, сговариваясь с хозяйственниками, или чрез примирительные органы.

За первое полугодие 1922 г. было разрешено конфликтов в Москве:

В союзных конфликтных комиссиях	76,6
„ конфликтных комис. при Отд. Труда	23,4
В Петрограде:	
В союзных конфликтных комиссиях	83,1
„ конфликтных комис. при Отделе Труда	16,9

Результаты вмешательства союзов в конфликты в подавляющем большинстве были положительны для рабочих, на что указывают следующие цифры.

Закончилось в пользу рабочих полностью . .	76,1%	всех конфликтов с		76,3%	всех участников.	
В пользу рабочих частично	15,4%	„	„	„	19.1%	„ „
Всего в пользу рабочих .	91,5%	„	„	„	95.4%	„ „
Против рабочих	8,5%	„	„	„	4,6%	„ „

В отношении меньше чем двадцатой части конфликтовавших рабочих конфликты разрешены не в их пользу. Если взять отдельно конфликты на государственных и частных предприятиях, то будем иметь:

	На государственных предприятиях: Конфликтов:	На частных предприятиях: Конфликтов:
Закончились в пользу рабочих полностью .	71%	82%
В пользу рабочих частично	15%	9%

Результаты же забастовок были менее удовлетворительны для рабочих, так как в большинстве случаев возникали без санкции союзов. Из всех забастовок окончились:

В пользу рабочих полностью	для 40,6%	участников.
„ „ „ частично	„ 39,7%	„
Против рабочих	„ 19,7%	„

Таким образом, число конфликтов, разрешенных против рабочих, касаются менее одной двадцатой участников, а число забастовок, окончившихся против рабочих, касаются почти одной пятой участников. (Данные о забастовках и конфликтах взяты из брошюры «За полтора года», изд. ВЦСПС 1922 г., стр. 20—22 и из стенографического отчета V с'езда, стр. 51).

Конфликты и забастовки вызывались по преимуществу задержкой в выплате заработной платы. Из 100 забастовок, с 39.315 участниками возникли:

Вследствие задержки выплаты зар платы	61 забастовка.
„ недовольства размерами зар. платы .	22 „
„ по обоим причинам вместе	6 „
Распределение продовольствия	4 „
Прочие на почве зар. платы	1 „
Прочие	6 „

Все эти данные подтверждают в общем правильность тактики союзов в области разрешения конфликтов, чем и можно об'яснить незначительное количество стачек.

Но как бы ни было мало количество забастовок, V с'езд профессиональных союзов не мог пройти мимо этого факта. В дополнение и развитие постановления II Пленума, он вынес следующее решение:

«С'езд еще раз подтверждает непригодность в данных условиях стачки, как метода разрешения конфликтов, возникающих на почве защиты союзами экономических интересов своих членов. Союзы должны использовать законодательство Советского государства, а равно существующие примирительные арбитражные учреждения, в целях наиболее выгодного и быстрого для своих членов разрешения конфликтов нормальным путем. Всякий, предусмотренный постановлениями Второго Пленума ВЦСПС, возможный случай стачки должен быть скоро индивидуализирован, сообразно значению данной отрасли хозяйства и зависимости от нее всей хозяйственной жизни. Поэтому вопросы о применении стачки должны быть взвешены не только с точки зрения местных интересов, но и с точки зрения всех рабочих в целом. Отсюда вытекает необходимость предоставить Ц. К. союзов преимущественное право

разрешения этих вопросов. В целях неуклонно проведения означенной тактики необходима строгая регламентация стачки. Предоставляя преимущественные права санкционирования и ликвидации стачек Ц. К. производственных союзов, С'езд считает необходимым согласование в каждом отдельном случае вопросов о стачке с соответствующими межсоюзными об'единениями. С'езд подчеркивает, что стачка может явиться лишь следствием бюрократического извращения государственных органов экономического управления и в результате должна вести не только к удовлетворению признанных высшими органами или конфликтными инстанциями требований рабочих, но и к обязательному исправлению недочетов в работе соответствующего государственного органа. В случае, если стачка возникает стихийно или против воли союзных органов, союз должен принять на себя задачу скорейшей ликвидации стачки как в интересах рабочих, так и в интересах народного хозяйства».

Задача профессиональных союзов в Советском государстве заключается в том, чтобы внимательным обслуживанием интересов пролетариата, повышением материального уровня его быта совершенно изжить стачки, как метод разрешения экономических конфликтов.

Пятый с'езд осудил тактику одностороннего разрешения конфликтов самими союзами, как противоречащую договорным отношениям; он указал, что первоначальное разрешение их должно происходить в расценочно-конфликтных комиссиях; не разрешенные в них конфликты должны направляться чрез союз в примирительные органы при Отделах Труда; при себе союзы не должны создавать конфликтных органов. Но союзы имеют одностороннее право требовать обязательного арбитража (третейского суда).

По мере восстановления народного хозяйства и улучшения промышленности и налажения работы союзов, стачки будут все более и более редким явлением—и исчезнут. Ибо в Советском государстве всякий шаг вперед по пути развития народного хозяйства означает шаг вперед и в улучшении жизни трудящихся, ибо хозяевами являются они сами в лице своего авангарда, проводящего диктатуру пролетариата.

С перенесением центра тяжести в работе союзов на вопросы защиты интересов рабочих и служащих и сужением хозяйственной работы, встала опасность отрыва профессиональных союзов

от хозяйственных органов, забвения стоявших перед союзами задач в области восстановления промышленности, повышения производительных сил Советского хозяйства. При невнимательном отношении и недостаточном учете обще-классовых интересов пролетариата, такая опасность могла бы быть совершенно реальной. Но российское профессиональное движение, прошедшее школу революции под руководством РКП и в достаточной степени обеспеченное руководством центральных союзных органов, избежало опасности отрыва от хозяйственных задач; в рассматриваемый период профессиональные союзы, сужая свою хозяйственную работу, ограничивая ее самыми основными и наиболее важными пунктами, намеченными Вторым пленумом, не забывали задачи по поднятию хозяйства: и свою работу в тарифной области они вели в соответствии не только с интересами рабочих в данный момент, но с интересами всего народного хозяйства, учитывая, что в интересах класса в целом иногда выгоднее временно поступиться интересами той или иной группы пролетариата, чтобы скорее и легче можно было добиться определенных результатов для всего класса.

Работа союзов в области хозяйственного строительства сводилась к тому, чтобы спасти основные отрасли хозяйства, основную индустрию от нэповской волны. В этом направлении органами профессионального движения и велась работа в центральных хозяйственных органах. С этой же целью профессиональные союзы принимали участие в обсуждении и разрешении концессий и смешанных обществ (смешанными обществами являются такие, при организации которых на определенных условиях вкладывается, с одной стороны, государственный капитал, с другой—частный).

Укрепление диктатуры пролетариата и создание необходимой базы для социалистического строительства—при наличии всех других благоприятных условий—мыслимо только на основе восстановления и развития государственной промышленности, транспорта и финансового хозяйства. Профессиональные союзы, об'единяя массы пролетариата, учитывали это при переходе на новый курс и в своей практике ни на минуту не забывали, что они являются одним из основных двигателей на пути развития народного хозяйства, независимо от того, как изменялись формы и методы их деятельности.

Пятый с'езд, учтя практику хозяйственной работы профессиональных союзов на основе постановлений Второго пленума, счел необходимым указать, что хозяйственная работа не должна ослабляться; во главу ее угла с'езд рекомендовал поставить: а) тщатель-

ное изучение рессурсов, возможностей и условий работы, как всего народного хозяйства в целом, так и каждой отрасли производства в отдельности, с тем, чтобы наметить, в первую очередь, правильную практическую линию своей деятельности в вопросах защиты интересов труда; б) усиление своей работы в органах государственного контроля, который приобретает особо важное значение в связи с предоставленной хозорганам свободой управления и хозяйствования». Главное внимание в хозяйственной работе — крупной индустрии, без восстановления которой нельзя говорить ни о каком социалистическом строительстве. А поскольку восстановление крупной индустриии в значительной степени зависит от производительности труда занятых в ней рабочих, — надо уделить в работе союзов особое внимание по улучшению экономического положения рабочих крупной индустрии, так как без соответствующего улучшения их материального положения они при всей своей готовности не смогут повысить производительности своего труда, не пойдя в этом отношении дальше известного предела.

Культурно-просветительная работа тоже переводилась на новые рельсы. В новых условиях союзы принуждены были строить ее на те средства, которые у них имелись, не получая субсидий от Наркомпроса. Государственные функции в области просвещения, выполнявшиеся союзами, должны были целиком отойти к органам Наркомпроса. Перед союзами стояла основная задача: наладить клубную работу, сосредоточив вокруг нее все виды политико-просветительной работы и, в особенности, профессиональную пропаганду. При этом союзы не могли ограничиваться рамками только агитации и пропаганды: перед ними стояла задача обслужить все культурные запросы пролетарских масс. «Сближение с массами, обслуживание рабочих в их всесторонних духовных потребностях является основной задачей культработы, — сказал пятый с'езд, — и лишь под углом зрения той или другой степени выполнения этой задачи может оцениваться культурно-просветительная деятельность профессиональных организаций». В этом отношении почти вся работа лежала впереди, так как союзы до пятого с'езда больших достижений в культработе не сделали.

Средства на культработу союзами черпались при переходе на новый курс не только из членских взносов, но и от хозяйственных органов в порядке отчислений того или иного процента с общей суммы заработной платы предприятия или учреждения.

Подводя итоги деятельности профессиональных союзов в новых условиях, пятый с'езд подтвердил правильность «общей практической деятельности, данной последним пленумом ВЦСПС». С'езд отметил, что основной задачей дальнейшей работы профессиональных союзов должно являться «конкретизация и практическое осуществление тех положений, которые даны февральским пленумом ВЦСПС и пятым с'ездом.

«Центр тяжести работы профессиональных союзов должен быть перенесен в область практического осуществления связи с массами на почве неустанной работы над удовлетворением экономических, духовных и бытовых нужд рабочих.

«Все стороны жизни рабочего должны быть одинаково близки и важны для его союза. Союз должен заботиться не только об охране и улучшении условий труда своих членов, но в равной степени об улучшении-его повседневного быта, просвещении его, поднятии его классового самосознания и предоставлении ему здорового разумного отдыха и удовольствия.

«На фабрике и вне ее рабочий должен чувствовать влияние и заботу своего союза.

«В своей повседневной работе, профессиональные организации и отдельные профессиональные работники должны суметь связать каждый вопрос союзной деятельности, как бы сух и конкретен он ни был, с общими задачами профессионального движения и конечными идеалами рабочего класса. Лишь исходя из общих задач пролетариата, как класса в целом, лишь освещая все вопросы союзной деятельности под углом зрения конечных целей рабочего класса, профессиональные союзы смогли выполнить одну из своих основных задач,—школы коммунизма,—и быть гарантированы как от уклонов от правильного классового пути, так равно и от дробления союзной работы на специальные, оторванные друг от друга, части». (Резолюция об итогах и перспективах профессионального движения).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Резолюция XI С'езда РКП (большевиков)
(март—апрель 1922 г.)

Роль и задачи профессиональных союзов в условиях новой экономической политики.

1. Новая экономическая политика и профессиональные союзы.

Новая экономическая политика вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата, а, следовательно, и профессиональных союзов. Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли, это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом, на почве удовлетворения хозяйственных интересов через рынок многомиллионного крестьянства.

Изменения форм социалистического строительства вызываются тем обстоятельством, что во всей политике перехода от капитализма к социализму, Коммунистическая Партия и Советская власть осуществляют теперь особые приемы этого перехода, действуют в целом ряде отношений иными способами, чем прежде, завоевывают ряд позиций, так сказать, «новым обходом», совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм. В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а, с другой стороны, социализированные государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, т.-е. на коммерческие начала, что при общей культур-

ной отсталости и истощении страны неизбежно будет, в большей или меньшей степени, приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим.

2. Государственный капитализм в пролетарском государстве и профессиональные союзы.

Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частно-хозяйственного капитализма. Успех такого регулирования зависит не только от государственной власти, но еще больше от степени зрелости пролетариата и трудящихся масс вообще, затем от уровня культуры и т. д. Но даже при полном успехе такого регулирования противоположность классовых интересов труда и капитала остается безусловно. Поэтому, одной из самых главных задач профессионального союза является всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата и борьба его с капитализмом.

3. Государственные предприятия, переводимые на так называемый хозяйственный расчет, и профессиональные союзы.

Перевод государственных предприятий на так называемый хозяйственный расчет неизбежно и неразрывно связан с новой экономической политикой, и в ближайшем будущем неминуемо этот тип станет преобладающим, если не исключительным. Фактически это означает, в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли, перевод государственных предприятий в значительной степени на коммерческие основания. Это обстоятельство, в связи с настоятельнейшею необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого предприятия, в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии между рабочей массой и директорами, управляющими государственных предприятий или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому, по отношению к социализированным предприятиям, на профессиональные союзы, безусловно, ложится обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта, постоянно поправляя

ошибки и преувеличения хозяйственных органов, поскольку они вытекают из бюрократического извращения государственного аппарата.

4. Существенное различие между классовой борьбой пролетариата в государстве с признанием частной собственности на землю, фабрики и т. д. и с политической властью в руках класса капиталистов, и экономической борьбой пролетариата в государстве, не признающем частной собственности на землю, с большинством крупных предприятий у государства и с политической властью в руках пролетариата.

Пока существуют классы, неизбежна классовая борьба. В переходное время от капитализма к социализму неизбежно существование классов, и программа РКП говорит с полнейшей определенностью, что мы делаем лишь первые шаги в переходе от капитализма к социализму. Поэтому, и Коммунистическая Партия, и Советская власть, как и профессиональные союзы, должны открыто признавать существование экономической борьбы и ее неизбежность до тех пор, пока не закончена, хотя бы в основе, электрификация промышленности и земледелия, пока не подрезаны этим все корни мелкого хозяйства и господства рынка.

С другой стороны, очевидно, что конечной целью стачечной борьбы при капитализме является разрушение государственного аппарата, свержение данной классовой государственной власти. А при пролетарском государстве переходного типа, каково наше, конечной целью всякого выступления рабочего класса может быть лишь укрепление пролетарского государства и пролетарской классовой государственной власти, путем борьбы с бюрократическими извращениями этого государства, с его ошибками и слабостями, с вырывающимися из-под его контроля классовыми аппетитами капиталистов и т. п. Поэтому, ни Коммунистическая Партия, ни Советская власть, ни профессиональные союзы никоим образом не могут забывать и не должны скрывать от рабочих и трудящихся масс того, что применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской государственной властью может быть об'яснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс,—с другой.

Поэтому в области трений и конфликтов отдельных групп рабочего класса с отдельными учреждениями и органами рабочего государства, задачей профессиональных союзов является содей-

ствовать наиболее быстрому и безболезненному улажению конфликтов с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства, в целом, ибо только это развитие может создать основу для материального и духовного благополучия рабочего класса. Единственно правильным, здоровым и целесообразным методом улажения конфликтов и трений между отдельными частями рабочего класса и органами рабочего государства является посредническое участие профессиональных союзов, которые, в лице своих соответственных органов либо вступают в переговоры с соответственными заинтересованными хозяйственными органами на основе точно формулированных требований и предложений обеих сторон, либо апеллируют к высшим государственным инстанциям.

В случае, когда неправильные действия хозяйственных органов, отсталость известных рабочих групп, провокационная работа контр-революционных элементов или, наконец, непредусмотрительность самих профессионально-союзных организаций приводят к открытым конфликтам, в виде стачек на государственных предприятиях и пр., задачей профессиональных союзов является содействовать скорейшей ликвидации конфликтов путем принятия мер, вытекающих из характера профессионально-союзной работы; принятие мер к устранению действительных неправильностей и непорядков и к удовлетворению законных и осуществимых требований масс, политическое воздействие на массы и пр.

Одним из важнейших и безошибочных мерил правильности и успешности работы профессионального союза является учет работы того, в какой мере он успешно предупреждает массовые конфликты на государственных предприятиях, путем предусмотрительной политики, направленной к действительному и всестороннему ограждению интересов рабочей массы и своевременному устранению поводов к конфликтам.

5. О членстве в союзах.

Формальное отношение профессиональных союзов к зачислению в члены профессиональных союзов поголовно всех лиц наемного труда внесло известную степень бюрократического извращения в профессиональные союзы и оторванность последних от широких масс своих членов; поэтому необходимо со всей решительностью осуществить добровольное членство, как в отношении ин-

дивидуального, так и коллективного вступления в союзы. Организуя наемных рабочих на основе общности их экономических интересов, независимо от пола, национальности, религии и политических убеждений, профессиональные союзы ни в коем случае не могут требовать от своих отдельных членов, а равно ставить условием вступления в союз, признания ими определенных политических или религиозных убеждений. От членов профессиональных союзов в пролетарском государстве следует требовать лишь понимания товарищеской дисциплины и необходимости единения рабочих сил для отстаивания интересов трудящихся и помощи по отношению к власти трудящихся, т.-е. Советской власти. Пролетарское государство должно поощрять профессиональное об'единение рабочих в отношении как правовом, так и материальном.

6. Профессиональные союзы и управление предприятиями.

Главнейшим и самым коренным интересом пролетариата после завоевания им государственной власти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества. Эта задача, ясно выдвинутая в программе РКП, особенно обострена у нас теперь послевоенным разорением, голодом и разрухой. Поэтому, быстрейший и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности есть условие, без которого немыслим успех всего дела освобождения труда от ига капитала, немыслима победа социализма, а такой успех, в свою очередь, требует безусловного, в современной российской обстановке, сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправления. Эти управления, составленные, по общему правилу, на началах единоличия, должны самостоятельно ведать и установлением размеров заработной платы, и распределением денежных знаков, пайков, прозодежды и всяческого другого снабжения, на основе и в пределах заключенных с профессиональными союзами коллективных договоров, при максимальной свободе маневрирования, при строжайшей проверке фактических успехов в повышении производства и безубыточности и прибыльности его, при серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов.

Всякое непосредственное вмешательство профессиональных союзов в управление предприятиями при этих условиях должно быть признано безусловно вредным и недопустимым.

Но было бы совершенно неправильным толковать эту бесспорную истину в смысле отрицания участия профессиональных союзов в социалистической организации промышленности и в управлении госпромышленности.

7. Роль и участие профессиональных союзов в хозяйственных и государственных органах пролетарского государства.

Пролетариат является классовой основой государства, совершающего переход от капитализма к социализму. Пролетариат может выполнить успешно эту задачу в стране с громадным преобладанием мелкого крестьянства лишь при условии чрезвычайно умелого, осторожного и постепенного осуществления союза с подавляющим большинством крестьянства. Профессиональные союзы должны быть ближайшим и непременным сотрудником государственной власти, которой руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса — Коммунистическая Партия. Будучи школой коммунизма, вообще, профессиональные союзы должны быть, в частности, школой управления социалистической промышленностью (а затем постепенно земледелием) для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся.

Исходя из этих принципиальных положений, следует установить на ближайший период следующие основные формы участия профессиональных союзов в хозяйственных и государственных органах пролетарского государства:

1) Профессиональные союзы участвуют в составлении всех хозяйственных и государственных органов, связанных с экономикой, выдвигая своих кандидатов, с указанием их стажа, опыта и пр. Решение вопроса принадлежит исключительно хозяйственным органам, которые и несут всю ответственность за работу этих органов. При этом хозяйственные органы принимают во внимание оценку всех кандидатов, даваемую соответствующим профессиональным союзом.

2) Одной из важнейших задач профессионального союза является выдвигание и подготовка администраторов из рабочих и трудящихся масс вообще. Если у нас имеются теперь десятки таких администраторов промышленности, вполне удовлетворительных, и сотня более или менее удовлетворительных, то в ближайшее время нам нужны сотни первых и тысячи вторых. Систематический учет всех способных на такую работу рабочих и крестьян и обстоятельная, всесторонняя, деловая проверка успеха их обучения управлению должны быть во много раз тщательнее и настойчивее осуществляемы профессиональными союзами, чем теперь.

Необходимо усилить участие профессиональных союзов во всех плановых органах пролетарского государства, поскольку ведение планового хозяйства и необходимость согласования всех сто-

рон хозяйственной жизни являются особенностью пролетарского государства. Необходимо, чтобы профессиональные союзы самым тесным образом были вовлечены в эту основную работу государственного строительства. Поэтому представители профессиональных союзов должны привлекаться ко всем работам планового характера, в частности, к рассмотрению всех производственных программ, к разработке планов рационального трестирования, к отбору тех предприятий, которые должны входить в об'единение и которые должны сдаваться в аренду, к участию во всех комиссиях, работающих над составлением планов восстановления промышленности, а также связи с завязывающимися отношениями с заграницей, к установлению тех отраслей промышленности и предприятий, на которых допустимо создание смешанных обществ, к выяснению условий, на которых капитал может быть вовлечен в нашу промышленность. Необходимо также участие союзов в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых государственными органами в области культурного просвещения, социального обеспечения, здравоохранения и т. д.

Профессиональные союзы, не беря на себя непосредственно никаких функций контроля над производством на частных и арендованных предприятиях, осуществляют свое участие по урегулированию частно-капиталистического производства исключительно посредством участия в соответствующих государственных органах. Наряду с участием профессиональных союзов во всей культурно-просветительной работе и в производственной пропаганде, такая деятельность профессиональных союзов должна все шире и глубже втягивать рабочий класс и трудящиеся массы во все строительство государственного хозяйства, знакомя их со всем кругом хозяйственной жизни, со всем кругом промышленной работы, начиная от заготовки сырья и кончая реализацией продукта, и давая все более конкретное представление, как о едином государственном плане социалистического хозяйства, так и о практической заинтересованности рабочего и крестьянина в осуществлении этого плана.

Эти функции профессиональных союзов в деле строительства социалистического хозяйства должны быть, разумеется, подробно детализированы соответственными органами профессиональных союзов и Советской власти. Самым существенным для поднятия народного хозяйства и укрепления Советской власти является то, чтобы, учтя опыт огромной проделанной союзом работы по организации хозяйства и его управления, а также и ошибки, причинив-

шие не мало вреда, сознательно и решительно перейти к упорной, деловой, расчитанной на долгий ряд лет, работе практического обучения рабочих и всех трудящихся управлять народным хозяйством целой страны, неуклонно повышая дисциплину труда и культурные формы борьбы за нее из-за повышения производительности.

8. Профессиональные союзы и спецы.

Переход промышленности на хозяйственный расчет требует наиболее полного использования не только всех элементов производства и производительности рабочего, но также и руководящих производством техников, инженеров и других спецов. В этом отношении задачи профессиональных союзов заключаются в том, чтобы поставить работу специалистов необходимых предприятий в наиболее благоприятные условия, оплачивая должным образом их труд и знания и создавая такие условия, при которых им не приходилось бы тратить все время на непродуктивную работу по поддержанию своего существования.

Профессиональные союзы должны помнить, что одним из завоеваний революции является та тесная связь и взаимное доверие, которое установилось в производстве между рабочей массой и теми специалистами, которые, несмотря на все тяготы, работали бок-о-бок с рабочими для сохранения промышленности и ее восстановления.

Эта тесная духовная связь никоим образом не должна быть нарушена, и поэтому всякое улучшение условий оплаты труда и существования специалистов должно проводиться планомерно, избегая возникновения на этой почве каких бы то ни было конфликтов, для чего следует в соответствующих случаях давать все необходимые раз'яснения рабочей массе о действительной ценности для предприятия данного техника или инженера, доказывая, что в ненормальных условиях знание и опыт этих лиц не могут быть использованы.

Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой специальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось лучше при социализме, чем при капитализме, в отношении и материальном, и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отно-

шении идейном, т.-е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы, при независимости от корыстных интересов класса капиталистов.

Только такое ведомство можно признать поставленным сколько-нибудь сносно, в котором ведется планомерно поставленная и дающая практические результаты работа по всестороннему обеспечению спецов, поощрению лучших из них, защите и охране их интересов и т. д.

Профессиональные союзы должны вести всю работу всех этих видов (или систематически участвовать в соответственной работе всех ведомств) не с точки зрения интересов данного ведомства, а с точки зрения интересов труда и народного хозяйства в целом.

На профессиональные союзы ложится в отношении спецов самая тяжелая и трудная работа повседневного воздействия на наиболее широкие массы трудящихся, чтобы создать правильное взаимоотношение их со спецами, а равно и отбор и поощрение наиболее способных и трудоспособных из них, и только такая работа способна дать действительно серьезные практические результаты.

9. Противоречия в самом положении профессиональных союзов при диктатуре пролетариата.

Из всего вышеизложенного вытекает ряд противоречий между различными задачами профессиональных союзов. С одной стороны, их главный метод действия — убеждение, воспитание, с другой— они не могут отказаться, как участники государственной власти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача— защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова, с другой—они не могут отказаться от нажима, как участники государственной власти и строители всего народного хозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенн я, самая упорная, самая отчаянная война классов, с другой—именно к профессиональным союзам всего менее применимы специфически военные методы работы. С одной стороны, они должны уметь приспособляться к массе, к ее данному уровню, с другой—они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий, и т. д. и т. д. Эти противоречия не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий. Ибо пока есть остаток капитализма и мелкого производства, неизбежны противоречия во всем общественном строе между этими остатками и ростками социализма.

Для успешной работы профессиональных союзов недостаточно правильное понимание их задач, недостатчно правильное строение их, необходим еще особый такт, уменье подойти к массе особым образом в каждом отдельном конкретном случае, достигая с минимумом трений под'ема этой массы на ступеньку выше в отношении культурном, хозяйственном, политическом.

Указанные противоречия неизбежно будут порождать конфликты, несогласованность, трения и т. д. Необходима высшая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешить их немедленно. Такой инстанцией является Коммунистическая Партия и международное об'единение коммунистических партий всех стран— Коминтерн.

10. Связь с массой, как основное условие всякой работы профессионального союза.

Связь с массой, т.-е. с громадным большинством рабочих (а затем и всех трудящихся), является самым важным, самым основным условием успеха какой бы то ни было деятельности профессионального союза.

Снизу до самого верха организации профессиональных союзов и их аппарат должны быть созданы и проверены практически на опыте долгого ряда лет. Необходима система подбора ответственных товарищей из числа коммунистов, которые должны жить рабочей жизнью, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу в любой момент настроение массы, ее дествительное стремление, потребности мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или других предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд. Одной из самых больших и грозных опасностей для численно скромной Коммунистической Партии, которая в качестве авангарда рабочего класса руководит громадной страной, совершающей (пока еще без прямой поддержки более передовых стран) переход к социализму, является опасность отрыва от масс, опасность того, что авангард забежит слишком вперед, «не выровняв фронта», не сохраняя прочной связи со всей армией труда, т.-е. с огромным большинством рабочей и крестьянской массы. Как самая лучшая фабрика с превосходным двигателем и первоклассными машинами окажется бездействующей, если попорчен передаточный механизм от двигателя к машинам, так неизбежна катастрофа нашего со-

циалистического строительства, если неправильно построен или неправильно работает передаточный механизм — от Коммунистической Партии к массам—профессиональные союзы. Эту истину недостаточно раз'яснять, напоминать, подтверждать, она должна быть организационно закреплена во всем строении профессиональных союзов и в их повседневной работе.

11. Профессиональные союзы и мелко-буржуазные влияния на рабочий класс.

Профессиональные союзы лишь тогда реальны, когда они об,единяют очень широкие слои рабочих. Отсюда вытекает неизбежно, особенно в стране с громадным преобладанием крестьянства, сравнительная устойчивость именно среди профессиональных союзов всех политических влияний, которые являются надстройкой над остатками капитализма и над мелким производством; эти влияния — мелко-буржуазные, т.-е., с одной стороны, эс-эро-меньшевистские (российская разновидность партий второго и двухсполовинного Интернационала), с другой, — анархическое; только среди этих течéний осталось сколько-нибудь заметное число лиц, которые защищают капитализм не из корыстно-классовых мотивов, а идейно, продолжая веровать в неклассовое значение проповедываемых ими «демократии», «равенства», «свободы» вообще.

Именно указанной специально экономической причиной, а не ролью отдельных групп, тем менее отдельных лиц, следует об'яснить наблюдаемые у нас пережитки (изредка и возрождение) подобных мелко-буржуазных идей среди профессиональных союзов. И Коммунистическая Партия, и советские учреждения, ведущие культурно-просветительную работу, и все коммунисты среди профессиональных союзов должны поэтому обратить гораздо большее внимание на идейную борьбу с мелко-буржуазными выражениями, течениями уклонами среди профессиональных союзов, тем более, что новая экономическая политика не может не вести к известному усилению капитализма. Противовес этому, в целях борьбы с мелко-буржуазным влиянием на рабочий класс, настоятельно необходим.

Число профессиональных союзов по сведениям местных властей [1])

(По данным „Записки о профессиональном движении в империи", составленной чиновником особых поручений при министерстве внутр. дел Блажчуком. Опубликована Р. Кантором в „Архиве Истории Труда", кн. 2, стр. 109—123. Ниже помещаемая таблица составлена на основ. указанной записки).

Название губерн. или области	Зарегистрировано	Не приступили к деятельности	Закрыто администрацией	Действовали		НА:
				Легально	Нелегально (не зарегистр.)	
1. Архангельская .	16	3	2	11	—	На 3 ноября 1907 г.
2. Астраханская .	8	—	2	6	1	„ 22 декабря „
3. Бессарабская .	16	—	—	16	1	„ 21 сентяб. „
4. Виленская . .	21	5	4	12	8	„ 24 декабря „
5. Витебская . .	45	1	14	30	1	„ 18 „ „
6. Владимирская .	12		3	9	—	„ 7 февр. 1908 г.
7. Вологодская . .	7	—	1	6	—	„ 9 ноября 1907 г.
8. Волынская . .	2	—	2	—	13	„ 16 октяб. „
9. Воронежская. .	9	6	1	2	—	„ 1 февр. 1908 г.
10. Вятская . . .	5	—	—	5	—	„ 9 нояб. 1907 г.
11. Гродненская . .	7	3	1	3	5	„ 24 октября „
12. Донская область (Область Войска Донского) . . .	10	—	1	9	—	„ 15 „ „
13. Екатеринослав.	64	2	3	59	2	„ 3 ноября „
14. Казанская . .	7	—	3	4	7	„ 13 декабря „
15. Керчь-Еникальское градонач. .	13	—	—	13	2	„ 22 сентяб. „
16. Киевская . . .	32	3	1	28	4 [2])	„ 29 дэкаб. „

[1]) Из подсчета мною исключены: Астраханское „Церковн. пев. об-во" (с почетн. членами и соревнователями); Вологодское „О-во пчеловодов на паях"; Екатеринославское „О-во по покупке и продаже лесных материалов"; Нижегородская „Домостроительная артель рабочих"; Псковская „Артель трубочистов"; Тульское „О-во приказчиков (взаимопомощи); Батумское „О-во безработных"; Бийское „О-во взаимопомощи (с чл. соревнов)"; Якутское „О-во взаимоп. приказчиков"; Амурское „Речное о-во„ (с почетными членами и соревнователями). Кроме того, из подчета исключены межсоюзные об'единения. Отделения союзов при подсчете не принимались во внимание, так как в рассматриваемый период основное значение имело количество союзов, а не союзных органов.

[2]) В Бердичеве, бундовские союзы.

Название губерн. или области	Зарегистрировано	Не приступили к деятельности	Закрыто администрацией	Действовали		На:
				Легально	Не легально (не зарегистр.)	
17. Ковенская . . .	8	—	—	8	—	На 26 нояб. 1907 г.
18. Костромская . .	11	—	2	9	—	„ 18 сентяб. „
19. Курляндская . .	2	—	—	2	—	„ 18 „ „
20. Курская	3	—	—	3	5	„ 7 января 1908 г.
21. Лифляндская . .	27	—	1	26	—	„ 27 октяб. 1907 г.
22. Минская	16	—	1	15	—	„ 13 нояб. „
23. Могилевская . .	—	—	—	—	4	„ 17 сентяб. „
24. Московская. . .	89	—	27	62	10	„ 8 января 1908 г.
25. Нижегородская .	20	1	6	13	2	„ 24 сентяб. 1907 г.
26. Новгородская . .	3	1	—	2	1	„ 20 „ „
27. Одесское градоначальн.	89	17	17	55	—	„ 31 декаб. „
28. Оренбургская . .	7	—	—	7	—	„ 20 октяб. „
29. Орловская . . .	4	1	—	3	—	„ 25 сентяб. „
30. Пензенская. . .	5	—	1	4	—	„ 14 „ „
31. Пермская. . . .	8	2	—	6	—	„ 14 августа „
32. Петербургская. .	117	1	28	88	—	„ 8 октяб. „
33. Подольская. . .	3	—	—	3	—	„ 24 августа „
34. Полтавская. . .	4	—	1	3	1	„ 29 декабря „
35. Ростовское на Дону градоначальство.	6	—	—	6	—	„ 12 сентяб. „
36. Самарская . . .	10	—	2	8	—	„ 13 октяб. „
37. Саратовская . .	21	11	3	7	3	„ 2 декаб. „
38. Севастопольское градонач. . . .	—	—	—	—	1	„ 4 февр. 1908 г.
39. Симбирская. . .	13	—	3	10	—	„ 18 сентяб. 1907 г.
40. Смоленская. . .	10	2	3	5	—	„ 12 ноября „
41. Ставропольская .	7	—	7	—	—	„ 3 октября „
42. Таврическая . .	60	10	4	46	—	„ 21 января 1908 г.
43. Тамбовская. . .	4	—	4	—	—	„ 17 августа 1907 г.

Название губерн. или области	Зарегистрировано	Не приступили к деятельности	Закрыто администрацией	Действовали		На
				Легально	Не легально (не зарегистр.)	
44. Тверская. . . .	8	—	—	8	1	На 27 августа 1907 г.
45. Тульская. . . .	1	—	—	1	—	„ 21 сентяб. „
46. Уральская обл. .	5	—	—	5	—	„ 18 августа „
47. Уфимская	1	—	—	1	—	„ 15 сентября „
48. Харьковская . .	16	—	—	16	—	
49. Херсонская. . . .	9	2	1	6	4	„ 10 октября „
50. Эстляндская . .	13	—	—	13	—	„ 11 февр. 1908 г.
Кавказ.						
51. Тифлисская. . . .	18	11	3	4	2	„ 15 декаб. 1907 г.
52. Черноморская .	1	—	—	1	—	„ 24 сентяб. „
53. Бакинская . . .	12	—	—	12	—	„ 14 октяб. „
54. Батумская . . .	—	—	—	—	3	„ 22 янв. 1908 г.
Сибирь.						
55. Тобольская . .	3	—	—	3	—	„ 4 октяб. 1907 г.
56. Енисейская. .	7	—	—	7	—	„ 9 янв. 1908 г.
57. Забайкальская область	1	—	—	1	—	„ 19 декаб. 1907 г.
58. Амурская обл. .	—	—	—	—	1	„ 27 нояб. „
59. Приморская область	2	—	—	2	2	„ 1 декаб. „
60. Акмолинская область	8	—	1	7	—	„ 3 октяб. „
61. Семипалатинская область.	2	—	1	1	—	„ 21 сентяб. „
62. Сыр-Дарьинская область	6	—	1	5	—	„ 28 августа „
63. Самаркандская область	1	—	—	1	—	„ 14 „ „
64. Закаспийская область	—	—	—	—	1	„ 18 „ „

Название губерн. или области	Зарегистрировано	Приступили к деятельности	Закрыто администрацией	Действовали		На:
				Легально	Не легально (не зарегистр.)	
Привислинский край						
65. Варшавск. губ.	48	—	1	47	9	На 5 февр. 1908 г.
66. Калишская „	2	—	—	2	—	„ 15 сентяб. 1907 г.
67. Ломжинск. „	—	—	—	—	5 [1]	„ 18 „ „
68. Люблинск. „	4	—	—	4	—	„ 9 „ „
69. Петроков. „	39	—	1	38	—	„ 19 ноября „
70. Радомская „	3	—	1	2	—	„ 30 „ „
Всего . . .	1031	82	158	791	99	

Всего легально и нелегально действовали 890 союзов.

---

[1]) По записке Блажчука—один „профессиональный союз“, состоящий из пяти групп: „строителей“, „шило“, „портняжной“, „кожевен.“, „торгово-промышленников“.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

Список 1-й, в котором указаны лишь самые необходимые книги и брошюры:

Для ознакомления с хозяйственным развитием России.

М. Покровский.—Очерки русской культуры, ч. I. (Несколько изданий).

Н. Рожков.—Город и деревня в русской истории. Изд. 6-е. Госиздат. 1920 г. (Есть позднейшее).

Г. Цыперович.—Синдикаты и тресты в России. Изд. 2-е. ВЦСПС. М. 1919 г.

О рабочем движении.

М. Балабанов.—Очерки из истории рабочего класса в России. Части I и II. Изд. Соработкооп. Киев. 1924 г.

Г. Плеханов.—Русский рабочий в революционном движении. (Есть несколько изданий).

В. Невский.—Южно-русский рабочий союз в Николаеве. ГИЗ. 1922 г.

Д. Рязанов.—Обуховское дело. (Последнее издание Ленинградского Совета. 1919 г.).

Айнзафт.—Зубатовщина и гапоновщина. Изд. ВЦСПС. 1922 г. (Есть 3-е издание).

Г. Зиновьев.—История Российской Коммунистической Партии (большевиков). (Несколько изданий).

Н. Батурин.—История с.-д. в России. (Несколько изданий).

Лядов.—25 лет Российской Коммунистической Партии. Госиздат. 1922 г.

И. Меницкий.—Русское рабочее движение и Р. С.-Д. Р. П. накануне войны. Изд. «Красная Новь». 1923 г.

О профессиональном движении.

Н. Ауэрбах.—К. Маркс и профессиональные союзы. (Часть первая, теоретическая). Изд. ВЦСПС. 1923 г.

А. Лозовский.—Профессиональные союзы в Советской России. (Несколько изданий).

М. Томский.—Очерки профессионального движения в России. (Несколько изданий).

Г. Цыперович.—Задачи профессионального движения. Изд. Ленинградского Совпрофа. 1918 г.

Я. Фин.—Фабрично-заводские комитеты в России. Изд. ВЦСПС. 1922 г.

Ф. Сенюшкин.—Фабрично-заводские комитеты в России и их работа в современных условиях. Изд. ВЦСПС. 1923 г. (2-е изд. 1924 г.).

Ф. Ревзин.—Эволюция форм заработной платы в Советской России. Изд. ВЦСПС. 1923 г.

«Тактика большевизма в профессиональном движении». Сборн. резолюций по вопросам проф. движения, с'ездов и конференций РКП. (1903—1923). Со вступительной статьей **А. Семеновой.** Изд. Укрбюро. ВЦСПС. 1923 г.

Д. Рязанов.—Задачи профессиональных союзов до и в эпоху диктатуры пролетариата. 2-е изд. 1922 г. «Моск. Рабочий».

Г. Зиновьев.—Партия и профессиональные союзы в Советской России. Госиздат. П. 1920 г.

Андреев.—Профессиональные союзы в 1921 — 1922 г.г. Изд. ВЦСПС. П. 1922 г.

М. Томский.—Профессиональные союзы в новых условиях. Изд. ВЦСПС. 1922 г. (Есть 2-е издание).

«Новые пути профессионального движения». Сборник статей. Изд. ВЦСПС. 1922 г.

М. Томский.—Современное положение российских профессиональных союзов. Изд. ВЦСПС. 1923 г.

А. Лозовский.—Мировое профессиональное движение до и после войны. Изд. НКТ. «Вопросы Труда». М. 1924 г.

Список 2-й. С целью более подробного и углубленного изучения истории профессионального движения в России, занятия следует разбить на отдельные темы. Приводим здесь примерный список тем.

Темы:

1. От профессионального и цехового союза — к производственному. (Организационные формы в их историческом развитии).

Литература и материалы:

М. Томский.—Очерки профессионального движения в России. (Стр. 8—35). Изд. 1920 г. (Есть новейшие издания).

М.Томский.—Принципы организационного строительства профессиональных союзов. (Несколько изданий).

П. Колокольников (Дмитриев).—Профессиональное движение в России. I. Организация союзов. Гл. II—VIII (включ.) и приложения.

В. Гриневич.—Профессиональное движение рабочих в России. Изд. 1923 г. Гл. V (до функций союзов) и гл. VIII.

Прокопович.—К рабочему вопросу в России. Глава I.

Г. Цыперович.—Задачи профессионального движения. Глава II.

А. Андреев.—Профессиональные союзы России в 1921—22 г.г. Глава II и соответств. таблицы.

«За полтора года». Изд. ВЦСПС. 1922 г. Глава II.

Профессиональная карта. (Справочник по размежеванию). Изд. ВЦСПС.

Резолюции Всероссийских конференций и с'ездов профессиональных союзов и доклады по организационному вопросу. (По стенографическим отчетам с'ездов).

(Резолюции по орг. вопросам II Конференции 1906 г., III—1907 г., 1-го Всероссийского с'езда 1918 г., 2-го Всероссийского с'езда 1919 г., а также резолюции об организации и деятельности ВЦСПС напечатаны в сборнике «Резолюции Всероссийских конференций и с'ездов профессиональных союзов» на стр. 9—14 и 30—47. Стенографические отчеты изданы всех с'ездов, начиная с 1-го, а также IV и V конференций).

«Очередные задачи профессиональных союзов». 1-е циркулярное письмо ВЦСПС. 1918 г. (Оргвопрос).

Резолюции по орг. вопросу Пленума ВЦСПС. 20 октября 1921 г. Изд. ВЦСПС. 1921 г.

Резолюция по орг. вопросу II Пленума ВЦСПС 1922 г. Изд. ВЦСПС. 1922 г.

2. Фабзавкомы, их роль и значение в профессиональном движении.

Литература и материалы:

М. Томский.—Очерки профессионального движения в России. Стр. 42—60. (Изд. 1920 г.).

Я. Фин.—Фабзавкомы в России. Изд. ВЦСПС.

А. Панкратова.—Фабзавкомы в России. Изд. «Красн. Новь». 1923 г.

Д. Рязанов.—Профессиональные союзы и диктатура пролетариата. М. 1922 г. Статья 8 — «Профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты».

Г. Цыперович.—Задачи профессионального движения. Изд. 1918 г. Глава II.

Ф. Сенюшкин.—Фабзавкомы в России и их работа в современных условиях. Изд. ВЦСПС.

Резолюции Всеросс. конференций и с'ездов професс. союзов. XXII. Профессиональные союзы и фабр.-заводские комитеты. II. 1919 г.

В резолюциях и докладах по орг. вопросу (в стенографич. отчетах).

3. Роль местных и центральных межсоюзных об'единений в истории русского профессионального движения.

Литература и материалы:

М. Томский.—Очерки профессионального движения в России. Стр. 35—38. (Изд. 1920 г.).

М. Томский.—Принципы организационного строительства профессиональных союзов.

П. Колокольников (К. Дмитриев).—Профессиональное движение в России. I. Организация союзов. Глава VII.

В. Гриневич.—Профессиональное движение рабочих в России. Изд. 1923 г. Гл. III и VIII. Там же, стр. 212—213, Устав Ц. Б. петерб. профес. союзов.

Резолюции и доклады по орг. вопросу конференций и с'ездов проф. союзов (Всерос. межсоюзных). Относящиеся к этому вопросу резолюции

и уставы, принятые конференциями и с'ездами до II-Всероссийского с'езда включительно, напечатаны в сборн. «Резолюции Всероссийских конференций и с'ездов професс. союзов». П. 1919 г. Дальнейшие с'езды по стенографическим отчетам. (Изданы, начиная с I с'езда).

Резолюции II Пленума ВЦСПС (резол. по орг. вопросу).

Отчеты ВЦСПС (1-й печатный отчет за 1917 г.; 2-й—за 1919 г.; 3-й—март 1920—апрель 1921 г.г.; 4-й—1921—1922 г.г.; 5-й—май 1922—август 1922 г., и отчет Президиума ВЦСПС с 1 июня по 1 октября 1921 г.).

4. Экономическая борьба профессиональных союзов до Октябрьской революции.

Литература:

С. Вознесенский.—Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.г. («Архив Истории Труда», кн. 8).

В. Гриневич.—Профессиональное движение рабочих в России. Изд. 1923 г. Глава VI.

Прокопович.—К рабочему вопросу в России. Глава II.

Пажитнов.—Положение рабочего класса в России. Часть III.

Ельницкий.—История рабочего класса в России (соответствующие главы). I и II том.

5. Тарифная политика и методы регулирования труда и заработной платы.

Литература и материалы:

Ревзин.—Эволюция форм заработной платы в Советской России. Изд. ВЦСПС.

«Очередные задачи проф. союзов». 1-е циркулярное письмо ВЦСПС. 1918 года.

В. Шмидт.—Тарифная политика и ее очередные задачи. НКТ. 1920 г.

«Влияние натурпремии на интенсивность труда». Госиздат. 1921 г.

Гольцман.—Коллективное снабжение. Госиздат. 1921 г.

Соответствующая резолюция Пленума ВЦСПС 20 октября 1921 г. Изд. ВЦСПС.

Материалы по регулированию труда в частных предприятиях. Изд. ВЦСПС. 1921 г.

«Законодательство о новых формах заработной платы». Изд. ВЦСПС. 1921 г.

«За полтора года». Гл. I и III. Изд. ВЦСПС. 1922 г.

«Политика и практика тарифной работы союзов в новых условиях». Изд. ВЦСПС. 1922 г.

Трахтенберг.—Коллективный договор. 2-е изд. ВЦСПС. 1922 г.

Резолюция по тарифному вопросу II Пленума ВЦСПС в феврале 1922 г. (Резолюция II Пленума. Изд. 1922 г.).

Андреев.—Профессиональные союзы России в 1921—1922 г. Гл. IV.

«За 1922 год. Итоги новой политики заработной платы». Изд. ВЦСПС.

Резолюции по тарифному вопросу Всеросс. с'ездов проф. союзов и отчеты ВЦСПС.

6. Общие и производственные задачи профессионального движения после февральской революции и осуществление этих задач на практике.

Литература и материалы:

М. Томский.—Очерки профессионального движения в России. Стр. 60—80. (Изд. 1920 г.).

Г. Цыперович.—Задачи профессионального движения.

Резолюции конференций и с'ездов проф. союзов и соответствующие доклады. (По стенографическ. отчетам).

Д. Рязанов.—Основная задача проф. союзов в эпоху диктатуры пролетариата. (В брошюре «Проф. союзы и диктатура пролетариата»).

Андреев.—Профессиональные союзы России в 1921 — 1922 г.г. Гл. I и III.

Цыперович.—Чему учит опыт. Союз швейной промышленности. Гл. III и XI.

Отчеты ВЦСПС (печатные) и отчеты Президиума ВЦСПС на Всероссийских с'ездах. (По стенографическ. отчетам).

7. Дискуссии о роли и задачах профессиональных союзов в 1920—1921 г.г. и переход к новому курсу профессионального движения (переход к новому курсу можно выделить в самостоятельную тему).

Литература и материалы:

«Партия и союзы». Сборник статей и материалов под ред. Зиновьева. Госиздат. 1921 г.

«О роли профессиональных союзов в производстве». Доклады и прения на соединенном заседании делегатов 8-го с'езда Советов ,ВЦСПС и МГСПС — членов РКП 30 декабря 1920 г. М. 1921 г.

Н. Ленин.—Собрание сочинений. Т. 18, ч. I, стр. 7—72.

Л. Троцкий.—Роль и задачи проф. союзов. Госиздат. 1921 г.

Стенографический отчет X с'езда РКП. Доклад и прения о профессиональных союзах.

Стенографический отчет 4-го с'езда профессиональных союзов. Доклад о задачах профессиональных союзов и резолюция.

Тезисы ЦК РКП о новом курсе профессионального движения. (В январе 1921 г., или постановление XI с'езда партии о роли и задачах проф. союзов при новой экономической политике).

Резолюция о задачах профессионального движения II Пленума ВЦСПС в феврале 1922 г. (и доклад по бюллетеням Пленума).

8. Профессиональные союзы и партии. Сущность борьбы между большевиками и меньшевиками в профессиональном движении.

Литература и материалы:

М. Томский.—Профессиональное движение в России. Стр. 38—43 и 60—75. (Изд. 1920 г.).

Резолюции с'ездов РКП и доклады.

Г. Зиновьев.—Партия и профессиональные союзы в России. Изд. 1923 г.

В. Гриневич.—Профессиональное рабочее движение в России. Изд. 1923 г. Гл. VII (особенно стр. 173—183).

Д. Рязанов.—Профессиональные союзы и диктатура пролетариата. Изд. 1922 г. Статьи: 1) Об'единительн. с'езд Р. С.-Д. Р. П. о профес. союзах; 2) С.-д. и профес. союзы в России; 3) Партия, Советы и профес. союзы.

Политические резолюции конференций и с'ездов профес. союзов.

Прения на с'ездах профессиональных союзов по общим задачам профессионального движения. (В стенографических отчетах 1-го, 2-го, 3-го и 4-го с'ездов и IV конференции).

Андреев.—Профессиональные союзы России в 1921—1922 г.г. Гл. I.

9. Законодательство о труде и профессиональных союзах.

Литература и материалы:

Балицкий.—Фабричное законодательство в России.

Гриневич.—Профессиональное движение в России. Изд. 1923 г. Гл. IV.

Прокопович.—К рабочему вопросу в России. Гл. III. Фабричное законодательство.

Закон 4-го марта 1906 года.

З. Теттерборн.—Советское законодательство о труде. Изд. 1920 г.

Кодекс Законов о труде.

При изучении отдельных тем центр тяжести можно переносить или на изучение литературы, или на изучение материалов, в зависимости от подготовки и времени. В кружках каждую тему можно разбирать на части с целью облегчения составления докладов, с одной стороны, и более углубленной проработки тем,—с другой.

Список 3-й.—Литература и материалы, использованные при составлении книги «Профессиональное движение в России».

М. Покровский.—Очерки русской культуры. Ч. I. 4-е изд. 1921 г. Госизд.

Н. Рожков.—Город и деревня в русской истории. Изд. 6-е. 1920 г. Госиздат.

Туган-Барановский.—Русская фабрика в прошлом и настоящем. 3-е изд. 1907 г.

Н. Ленин.—Развитие капитализма в России. (Т. III полного собрания сочинений).

М. Балабанов.—Промышленность в России в начале XX века. (В сборн. «Обществ. движен. в России», т. I).

Финн-Енотаевский.—Современное хозяйство в России. Изд. 1911 г.

М. Балабанов.—Промышленность в 1904—1907 г.г. (Сборн. «Обществ. движение в России», т. IV).

Г. Цыперович.—Синдикаты и тресты в России. Изд. 2-е.

Ерманский.—Крупная буржуазия до 1905 года. (В т. I «Обществ. движ. в России).

С. Загорский.—Война после мира. Изд. «Жизнь и Знание». П. 1917 г.

В. И. Фролов.—Добыча и потребление топлива в России. Изд. ВСНХ. (Год не указан).

П. Маслов.—Капитализм. Ч. I. П. 1914 г.

Крицман.—Русская промышленность перед революцией. (В «Ежегоднике Коминтерна на 1923 г.»).

«Положение сельского хозяйства в Советской России». (В «Ежегоднике Коминтерна на 1923 г.»).

И. Кулишер.—Очерк истории русской промышленности. Изд. Петрогубпрофсовета. 1922 г.

Прокопович.—Война и народное хозяйство. М. 1917 г. «Дело».

«Война и дороговизна в России». 1915 г. (Заграничное издание ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б.).

Ларин.—Производственная пропаганда и советское хозяйство на рубеже 4-го года. Госиздат. 1920 г.

Рыков.—Положение русской промышленности и меры к ее восстановлению. Госиздат. 1921 г.

М. Балабанов.—Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. I. Изд. 2-е. Сорабкооп. 1924 г.

Его же.—То же. Ч. II. Изд. 1924 г.

Пажитнов.—Положение рабочего класса в России. Изд. 2-е 1908 г. «Обществ. Польза».

Прокопович.—К рабочему вопросу в России. Изд. Е. Д. Кусковой. П. 1905 г.

«Война и рабочий класс». 1915 г. (Заграничное издание ЦК Р. С.-Д. Р. П. (б.).

Солодовников.—Рабочий в свете статистики. («Архив Истории Труда», кн. 9).

«Архив Истории Труда», кн. 5.

Кольцов.—Рабочие в 1890—1904 г.г. (В т. I «Обществ. движ. в России»).

Его же.—Рабочие в 1905—1907 г.г. (Во II т. «Обществ. движ. в России»).

С. Струмилин.—Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1923 г.г. М. 1923 г.

Л. Кафенгауз.—Заработная плата в связи с положением промышленности. (В сборн. «Вопросы заработной платы». М. 1923 г.).

С. Фарфоровский.—Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре. (В «Архиве Истории Труда», кн. 2).

Г. Балицкий.—Фабричное законодательство в России. К-во «Труд и Воля». М. 1906 г.

Ельницкий.—Рабочее движение в России. 2 части.

Пажитнов.—Рабочее движение в России. Изд. 1906 г.

Г. Плеханов.—Русский рабочий в революционном движении. Изд. «Пролетарий». 1906 г.

В. Невский.—Южно-русский рабочий союз. Госиздат. 1922 г.

Тахтарев.—Очерк петербургского рабочего движения. Изд. 3-е. «Жизнь и Знание». П. 1918 г.

Лядов.—История российской с.-д. партии в России. Ч. I. Петр. 1907 г.

В. Е. Варзар.—Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 г.г. П. 1905 г.

«Библиографический указатель к сообщениям о стачках в газетах». (В журн. «Вольно-Эконом. О-ва» за 1903 г., кн. 6).

Ю. Гессен.—К истории стачек среди фабричных рабочих. (3 кн. «Архив Истории Труда»).

Р. Кантор.—Жандармерия и первые рабочие стачки. (Там же).

С. Вознесенский.—Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.г. («Архив Истории Труда», кн. 8).

Р. Кантор.—Морозовская стачка в 1885 году. («Архив Истории Труда», кн. 8).

«Морозовская стачка», под ред. Рязанова. М. 1923 г.

Моисеенок.—Воспоминания о стачке 1885 года. (В «Путь к Октябрю», Вып. II).

В. Колпенский.—К истории рабочего движения в Петербурге в 1896 г. (В «Красн. Летописи», № 4).

Бендер.—Златоустовская забастовка в 1903 году. (В «Архиве Истории Труда», кн. 4).

Его же.—Из стачечного движения на Кавказе в 1903 году. («Архив Истории Труда», кн. 5).

Его же.—К стачечному движению на юге России в 1903 году. («Архив Истории Труда», кн. 6—7).

Юр. Новин.—К демонстрации в Ростове-на-Дону. («Красн. Летопись», № 5).

«Материалы к истории еврейского рабочего движения». Вып. I. 1906 г. Изд. «Трибуна».

Батурин.—История с.-д. в России. Изд. 1922 г.

Лядов.—25 лет Российской Коммунистической Партии.

Л. Мартов.—История Российской социал-демократии. П. «Книга». 1918 г.

Н. А. Бухбиндер.—Еврейское рабочее движение в Гомеле 1890—1905 г.г. («Красн. Летопись», № 2—3).

Его же.—Разгром еврейского рабочего движения в 1898 г. («Красн. Летопись», № 4).

Его же.—Еврейское рабочее движение в Минске в 1893—1905 г.г. («Красн. Летопись», № 5).

В. Невский.—Январские дни в Петербурге в 1905 г. («Красн. Летопись», № 1).

Его же.—То же в провинции. («Красн. Летопись», № 4).

Его же.—То же в Москве. («Красн. Летопись», № 2—3).

Его же.—Выборы в комиссию Шидловского. («Архив Истории Труда», кн. 3).

Святловский.—Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. (В «Архиве Истории Труда», кн. 4).

Гриневич.—Профессиональное движение в России. Изд. 1907 г. и 3-е изд. 1923 г.

Святловский.—Профессиональные союзы в России. Изд. 1907 г.

Дмитриев.—Профессиональное движение в России. Организация союзов. Изд. 2-е. П. 1917 г. Изд. «Раб. Библ.» ЦК Р. С.-Д. Р. П. (об'единен.).

Айзафт.—Первый этап российского профессионального движения. (В «Вестн. Труда» за 1923 г., № 2—3).

Записка **Блажчука** (опубликов. Р. Кантором в «Архиве Истории Труда», кн. 2).

Меницкий.—Рабочее движение и Р. С.-Д. Р. П. накануне войны. Изд. «Моск. Рабоч.». 1924 г.

Из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. I и II.

Каменев.—«Между двумя революциями». Сборник. (Есть 1-е и 2-е изд. «Нов. М.»).

Гудван.—Профессиональное движение служащих. (По рукописи).

Н. Чумичкин.—Воспоминания о союзе стек. пром. Донецк. г. (В «Вестн. Труда» за 1922 г., № 5).

Н. Рысс.—О бахмутском союзе служащих. (В «Вестн. Профдвиж. Украины» за 1923 г., № 15).

«Материалы по истории профессионального движения в России». Вып. I. Изд. ВЦСПС.

Р. Якуб.—Из жизни московских союзов. («Вестн. Труда», за 1922 г., № 8—9).

Булкин (Семенов).—Департамент полиции и союз металлистов. («Кр. Летопись», № 9).

В. Васильевская.—Забастовочное движение в Петрограде в 1914—1916 г.г. по агентурным данным. (В «Пролетарск. Революции» за 1923 г. № 1).

Шляпников.—Канун семнадцатого года. Ч. I.

М. Томский.—Очерки профессионального движения в России. Изд. ВЦСПС. 1920 г.

Лозовский.—Профессиональные союзы в Советской России. Изд. 2-е. ВЦСПС. М. 1920 г.

Г. Цыперович.—Задачи профессионального движения. Изд. Петр. Сов. Проф. Союзов. 1918 г.

Лозовский.—Контроль над производством. II. 1918 г.

М. Томский.—Принципы организационного строительства профессиональных союзов. Изд. ВЦСПС. М. 1919 г.

Шмидт.—Тарифная политика и ее очередные задачи. Изд. НКТ. 1920 г.

Гольцман.—Коллективное снабжение. Госнзд. 1921 г.

«Два года диктатуры пролетариата» 1917—1919 г.г. (Сборник). Изд. ВСНХ.

Г. Цыперович.—Чему учит опыт. Союз швейной промышленности. Госиздат. II. 1921 г.

Б. Козелев.—Проф-техническое образование пролет. и союзы. Госизд. 1920 г.

Андреев.—Профессиональные союзы за 1921—1922 г.г. Изд. ВЦСПС.

Гуревич.—Союз металлистов 1917—1920 г.г. Изд. ЦК ВСРМ. М. 1920 г.

Тихонов.—Союз полиграфического производства. Изд. Времен. Межд. Сов. Профсоюз. М. 1921 г.

Богданов.—Организация строительных рабочих. Изд. ВЦИК. 1919 г.

Богданов.—Из деятельности Ц. Совета союза строительных рабочих. Изд. ВЦИК. 1919 г.

Б. Иванов.—Профессиональное движение рабочих хлебо-пекарно-кондитерского производства. Госиздат. 1920 г.

Н. Лебедев.—«Die Textilarbeiter in Sowjetrussland». Берлин. 1920 г.

Ходеев.—Союз рабочих и служащих связи. М. 1921 г. Изд. В. С. Р. и С. Связи.

Алуф (ред.).—Профессиональное движение работников лечебно-санитарного дела. Изд. ЦК Всемедикосантруд. 1921 г.

Д. Антошкин.—Движение служащих в России. М. 1921 г. Изд. ЦК Совработников.

«I-й Всероссийский с'езд жел.-дорожных проф. союзов» (в 1919 г.). Устав и резолюц. С предисл. Лозовского. Изд. Цекпрофсож. М. 1919 г.

Резолюции и постановления I-го с'езда В. Союза горнорабочих Средне-Волжского района (в дек. 1920 г.). Изд. Симб. Губпрофсовета.

Резолюции и постановления I-го Всеросс. Учредит. С'езда Горнорабочих (апрель, 1920 г.). Изд. ЦК В. С. Горнорабочих.

Отчет ЦК III с'езду В. Союза рабочих металлистов (февраль 1919 г.—март 1920 г.). М. 1920 г. ВСРМ.

Краткий отчет Всерос. конференц. рабочих и служащих связи (декабрь 1920 г.). Изд. ЦК В. С. Связи. М. 1921 г.

Резолюции Всероссийских конференций и с'ездов профессиональных союзов. Под редакцией и с введением Г. Цыперовича. П. 1919 г.

Резолюции III Всероссийской конференции профессиональных союзов в 1917 г. Изд. ВЦСПС. М. 1918 г.

Первый Всероссийский с'езд профессиональных союзов (в январе 1918 г.). Стенгр. отчет. Изд. ВЦСПС. М. 1918 г.

Второй Всероссийский с'езд профессиональных союзов (в январе 1919 г.). Стенографический отчет. Ч. I. (Пленумы). Госиздат. 1921 г.

Резолюции 2-го с'езда. Изд. ВЦСПС.

Третий Всероссийский с'езд профессиональных союзов (в апреле 1920 г.). Стеногр. отчет. Ч. I. (Пленумы). Госиздат. 1921 г.

Резолюции и постановления 3-го с'езда. Изд. ВЦСПС. М. 1920 г.

«Бюллетень IV Всероссийского с'езда профессиональных союзов». (Полн. стеногр. отчет), №№ 1—6, 18—26 мая 1921 г.).

Резолюции IV Всероссийского с'езда проф. союзов. (18—25 мая 1921 г.). Госиздат. М. 1921 г.).

Протоколы V Всероссийской конференции проф. союзов. (3—7 ноября 1920 г.). Стеногр. отчет. Изд. ВЦСПС. 1921 г.

Стенографический отчет пятого Всероссийского с'езда профессиональных союзов (с 17 по 22 сентября 1922 г.). Пленумы и секции с приложением резолюций. Изд. ВЦСПС. 1922 г.

Резолюции I-го Пленума ВЦСПС (в октябре 1921 г.). Изд. ВЦСПС. 1921 г.

Резолюции II-го Пленума ВЦСПС (в феврале 1922 г.). Изд. ВЦСПС. 1922 г.

Бюллетень II-го Пленума ВЦСПС (в феврале 1922 г.). №№ 1—5.

Отчет ВЦСПС (за июль—декабрь 1917 года). П. 1918 г. Изд. ВЦСПС.

Очередные задачи проф. союзов. 1-е циркулярное письмо ВЦСПС. М. 1918 г. Изд. ВЦСПС.

Отчет ВЦСПС за 1919 год. Изд. ВЦСПС. М. 1920 г.

Отчет ВЦСПС за 1921—1922 г.г. Изд. ВЦСПС. П. 1922 г.

«Проф-техническое образование в Москве и губернии» (к III губернскому с'езду проф. союзов Моск. губ.). Изд. МГСПС. 1921 г.

«Обзор деятельности Московского Губпрофсовета с сентября 1920 г. по май 1921 г.». Изд. МГСПС. 1921 г.

Резолюции III с'езда проф. союзов Москвы и Моск. губ. 1921 г. **Изд.** МГСПС.

Н. Ленин.—«За 12 лет». Сборник статей. Изд. Ленингр. Совета. 1919 г.

Л. М—ов.—Социал-демократия в 1905—1907 г.г. (В III т. **«Общественн.** Движения в России»).

Гриневич.—Партии и профессиональные союзы. (В сборн. **«Отголоски»**, апрель 1907 г.).

В. Ногин.—Статья в «Вестн. Труда» за 1923 г., № 3.

В. Ногин.—О нейтральности и партийности профессиональных союзов. (В сборн. «V с'езд партии». Изд. «М. Р.». 1923 г.).

Рязанов.—Задачи проф. союзов до и в эпоху диктатуры **пролетариата.** 1921 г. Госиздат.

Зиновьев.—Партия и професс. союзы в Советской России. **Госиздат.** II. 1920 г.

Н. Ленин.—Кризис партии. Госиздат. 1921 г.

Его же.—Еще раз о професс. союзах, о текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина. Госиздат. 1921 г.

Л. Троцкий.—Роль и задачи професс. союзов. Госиздат. 1920 г.

Тезисы рабочей оппозиции «о професс. союзах». (Опубл. в **«Правде»**).

«О роли профессиональных союзов в производстве». Доклады и прения 30 декабря.

«Тактика большевизма в професс. движении». Изд. Укрбюро ВЦСПС. Харьков. 1923 г.

«Революция и РКП в материалах и документах». Т V. ГИЗ. 1924 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Введение. 3

Роль профессионального движения в классовой борьбе пролетариата. Условия образования и развития профессионального движения. Для чего надо изучать историю профессионального движения России.

Хозяйственное развитие России.

Глава I. — Промышленность в крепостной России. 6

1. Зарождение и развитие промышленности. 2. Крепостной и наемный труд.

Глава II. — Развитие капитализма после падения крепостного права. 13

1. Рост крупной промышленности. 2. Развитие капиталистических форм промышленности. 3. Механизация и концентрация производства.

До 1905 г.

Глава I. — Стачечное движение. 20

1. Оформление рабочего класса. 2. Положение рабочих. 3. Стачечное движение и фабричное законодательство. 4. На путь революционной борьбы.

Глава II. — Организация рабочих до революции. 40

1. Экономические организации. 2. Организации торговых служащих. 3. Предшественники профессионального движения.

Профессиональное движение в период первой революции.

Глава I. — Начало организации массовых профессиональных союзов. 70

1. Причины революции. 9-е января и его значение для развития революции. Общий ход революции. Комиссия Шидловского. 2. Почему первыми организовались в союзы ремесленные рабочие и служащие. 3. Поря-

док и способ возникновения союза. 4. Организационное строение и под влиянием каких причин оно складывалось. 5. Профессиональные и производственные об'единения. 6. Первые Центральные Бюро.

Глава II. — Профессиональные союзы в экономической борьбе. 109

1. Общий обзор стачечного движения. 2. Роль профессиональных союзов в стачечной борьбе. 3. Бойкот, экономический террор и примирительные органы. 4. Формы борьбы предпринимателей со стачечным движением рабочих. Локауты.

Глава III. — Подсобные функции профессиональных союзов. 133

Взаимопомощь. Юридическая и медицинская помощь. Культурно-просветительная деятельность.

Глава IV. — Профессиональные союзы в политической борьбе. 137

1. Политическая борьба и «нейтрализм». 2. Большевики и меньшевики в профессиональном движении. Сущность их взглядов на роль и задачи профессионального движения.

Глава V. — Закон 4-го марта 1906 года. 146

1. Причины, вызывающие буржуазное законодательство о труде. Характер буржуазного законодательства. Причины и цели издания закона 4-го марта. 2. Сущность закона 4-го марта и его значение. 3. Отношение к закону. Его влияние на оформление профессионального движения.

Между двумя революциями.

Глава I. — Период упадка революционного движения. 156

1. Причины упадка профессионального движения. Падение стачечной борьбы. 2. Итоги легализации. Степень организованности рабочих и служащих. Состав профессиональных союзов. 3. Репрессии против союзов. 4. Характер профессионального движения в период упадка. 5. Отношение большевиков и меньшевиков к профессиональному движению в этот период.

Глава II. — Промышленный под'ем и предвестники революции. 176

1. Оживление в рабочем движении и его причины. 2. Характер промышленного развития после революции. 3. Положение рабочих накануне оживления револю-

ционного движения. 4. Общий характер рабочего движения. Характер стачечной борьбы. Итоги стачечной борьбы.

Глава III. — Профессиональное движение в условиях нарастания революции. 189

1. Оживление в профессиональном движении. Общий характер его. 2. Роль профессиональных союзов в стачечной борьбе. 3. Движение среди торговых служащих. 4-й с'езд организаций торгово-промышленных служащих. 4. Борьба правительства и предпринимателей против рабочего движения и профессиональных союзов. 5. Профессиональные союзы и политическая борьба. Рост влияния большевиков в профессиональном движении. 6. Тактика большевиков в профессиональном движении. 7. Рабочее движение во время империалистической войны. Гибель профессиональных союзов. Нарастание стачечной борьбы.

Накопление и перегруппировка сил. (Период февральской революции).

Глава I. — Условия и характер строительства профессиональных союзов. 228

1. Стихийный рост союзов. Причины такого роста. Роль Советов Рабочих Депутатов в организации союзов. 2. Организационная структура союзов. Причины организационной слабости. 3. Межсоюзные об'единения (Центральное Бюро) и их роль. Третья Всероссийская конференция и ее значение. Начало Всероссийских профессиональных и производственных об'единений. 4. Работа Временного ВЦСПС. Причины его слабости.

Глава II. — Борьба за производство. 237

1. Борьба предпринимателей против рабочих организаций. Саботаж промышленников. Причины, вызвавшие необходимость рабочего контроля. 2. Почему был неприемлем государственный контроль. Резолюция конференции петроградских фабзавкомов о контроле. Резолюция Третьей конференции проф. союзов о контроле. Позиция большевиков в вопросе о контроле. 3. Фактическое проведение контроля фабзавкомами. 4. Организация экономической и политической контрреволюции. Организованный саботаж крупных промышленников и банкиров. Роль временного правительства.

Глава III. — Борьба внутри профессионального движения. 248

1. Борьба между большевиками и соглашателями на Третьей конференции проф. союзов. Различные оцен-

ки характера революции. Враждебность соглашателей к социалистической революции. Возможен ли мир между классами — пролетариатом и буржуазией. 2. Позиция большевиков и меньшевиков на Третьей конференции. 3. Подготовка сил к штурму капитализма. Роль профессионального движения в Октябрьском перевороте.

Глава IV. — Задачи профессиональных союзов накануне диктатуры пролетариата. 255

1. Задачи союзов в определении меньшевиков. 2. Задачи союзов в определении большевиков (резолюция Шестого парт. с'езда). 3. Банкротство нейтрализма и тактика большевиков в профессиональном движении революционного периода (резолюция Шестого парт. с'езда).

Развернутым фронтом. (Эпоха диктатуры пролетариата).

Глава I. — Оформление по производственному принципу. 259

1. Влияние новых условий на развитие профессионального движения. Расширение профессионального движения. Перестройка профессиональных союзов по принципу—одно предприятие—один союз. 2. Оформление союзов. 3. Оформление межсоюзных об'единений. Развитие по пути к единому союзу.

Глава II. — Функции профессиональных союзов в период военного коммунизма. 267

1. Изменение характера контроля над производством. Об'единение контроля. Отношение предпринимательских организаций к контролю. Стихийная национализация предприятий. Создание ВСНХ с местными СНХ и передача им производственно-регулирующих функций от контрольных рабочих органов. Ликвидация Центрального Совета фабрично-заводских комитетов. Слияние фабрично-заводских комитетов с проф. союзами. 2. Профессиональные союзы и органы по организации и управлению хозяйством. Роль проф. союзов в управлении промышленностью. 3. Состояние рабочей силы в промышленности и задачи проф. союзов по организации труда. 4. Питание рабочих и производительность труда. Влияние новых форм хозяйства на производительность труда. 5. Методы организации труда, применявшиеся проф. союзами. Методы вне-экономического принуждения. Агитация и пропаганда. Нормирование и регулирование условий труда и заработной платы. Государственное

нормирование. Принципы регулирования заработной платы. Практика тарифной работы. Натурализация заработной платы. Уравнительность и ударность. 6. Милитаризация труда. Трудовая повинность. Дисциплинарные суды. 7. Недостаток квалифицированной рабочей силы и профессионально-техническое образование.

Глава III. — Задачи и тактика в эпоху диктатуры пролетариата и «единство и независимость» профессионального движения. 279

Сущность «единства и независимости». Практика «нейтрализма» и «независимости». Позиция меньшевиков на с'ездах проф. союзов. Советская власть и проф. союзы. Огосударствление профессиональных союзов. Задачи союзов по резолюциям их с'ездов. Вытеснение меньшевиков из профессионального движения. Роль ВЦСПС в создании Профинтерна.

Глава IV. — Кризис в профессиональном движении. 288

1. Причины кризиса. Разрушение промышленности и сельского хозяйства. Причины разрухи. Падение производительности. Причины и следствия падения производительности. 2. Развитие проф. союзов в направлении централизации и огосударствления. Государственные функции проф. союзов. Недостатки профессионального движения, развившиеся в условиях гражданской войны. Формальное членство. Бюрократизм союзных органов. Разрыв работы союзных органов с работой в массах. Противоречия между хозяйственной отсталостью и социалистическим строительством. Противоречия между городом и деревней. Обострение противоречий по окончании гражданской войны. Повышение требований рабочей массы и крестьянства. 3. Пятая конференция проф. союзов. Подход к пересмотру задач профессионального движения. Поворот на работу в массах. Углубление и конкретизация производственных задач. План работы под углом производственных задач поднятия производительности труда. Тарифные мероприятия. Производственная пропаганда. Дисциплинарные суды. 4. Начало дискуссии на Пятой конференции. Вопрос о Цектране. Тезисы тов. Троцкого и начало широкой дискуссии 30 декабря. Основные позиции. Платформа десяти. Платформа тов. Троцкого. Платформа тов. Шляпникова. Платформа-«буфер». 5. Значение дискуссии о роли и задачах проф. союзов. Решения Четвертого с'езда проф. союзов. Причины неопределен-

кости и противоречивости этих решений. 6. Продолжение кризиса. Искание выхода на новые пути. Противоречия постановлений Четвертого с'езда с изменившимися хозяйственными условиями. Практическая работа союзов до февраля 1922 г. Тарифная практика. Приспособление ее к новым условиям хозяйственного строительства. Новое в тарифной политике и практике. Влияние тарифной практики на производительность труда. Различная степень приспособляемости в тарифной и организационной работе.

Новый курс профессионального движения.

Глава I. — Задачи и роль профессиональных союзов при новой экономической политике. 319

1. Причины перехода от военного коммунизма к новой экономической политике. Ее сущность и задачи. Влияние новой экономической политики на профессиональное движение. Тезисы ЦК РКП о задачах и роли проф. союзов при новой экономич. политике. Основные задачи — опора диктатуры пролетариата, школа коммунизма — не изменились. Выдвигание на первый план задачи в области защиты интересов наемного труда. Новые методы и формы деятельности проф. союзов. Классовая борьба против частного капитала и борьба с бюрократическими извращениями администрации государственной промышленности. 2. Второй Пленум ВЦСПС. Сущность его постановлений. Отказ от государственных функций не означает «независимости».

Глава II. — Первые шаги на новых путях. 338

1. Первые общие итоги нового курса профессионального движения. 2. Практика профессионального движения в условиях новой экономической политики. Результаты перехода на добровольное членство. Переход к индивидуальному членству. Перестройка аппарата и финансовой системы. Практика коллективных договоров. Повышение заработной платы. Изменение состава заработной платы. Переход на денежную форму оплаты. Пестрота заработной платы. Повышение производительности труда. Конфликты и стачки. Роль союзов в разрешении конфликтов. Роль союзов в производственной работе. Новые условия культработы. Общие итоги нового курса до Пятого с'езда и перспективы профессионального движения.

Приложения. 349

Указатель литературы. 367

№ 384

МОНИРОВАНИЕ